

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ
И КУЛЬТУРНЫЕ
СВЯЗИ НАРОДОВ
СССР и БАЛКАН

XVIII-XX вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Вып. 10

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
И КУЛЬТУРНЫЕ
СВЯЗИ НАРОДОВ
СССР И БАЛКАН
XVIII—XX вв.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. Л. АРИШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1987

В выпуске публикуются исследования, посвященные общественным и культурным связям народов СССР и балканских стран в XVIII—XX вв., рассматриваются достижения советской историографии в разработке проблем русско-югославянских общественных связей. Приводятся новые архивные данные о деятельности интернационалистов из балканских стран в Одессе в 1919 г.; о культурном взаимообмене между Россией, Сербией, Румынией, Болгарией с конца XVIII до рубежа XIX и XX вв., сотрудничестве СССР с рядом балканских стран в области науки и культуры в 50—80-х годах нашего века.

Для международников, историков, студентов.

Редколлегия:

Г. Л. АРИШ, В. Н. ВИНОГРАДОВ,
Е. П. ЛЬВОВА, Е. П. НАУМОВ,
О. В. СОКОЛОВСКАЯ, И. В. ЧУРКИНА

Рецензенты:

В. Я. ГРОСУЛ, Ю. А. ПИСАРЕВ

Предисловие

Десятый выпуск «Балканских исследований» посвящен общественным и культурным связям народов СССР и Балканских стран в XVIII—XX вв. Нет необходимости подробно говорить о важности и актуальности изучения этой проблемы. Заметим только, что именно в этих связях проявилась прочность исторических уз, с глубокой древности соединяющих народы СССР с народами Балкан. Проблематика эта занимает ведущее место в научном творчестве советских балкановедов, она нашла определенное отражение и в предыдущих выпусках «Балканских исследований». Широта и разнообразие русско-балканских и советско-балканских связей в общественно-культурной сфере, большое количество материалов в архивах и библиотеках СССР делают эту проблематику поистине неисчерпаемой. Летопись общественных и культурных связей между народами СССР и балканского региона постоянно обогащается новыми страницами в результате кропотливой исследовательской работы советских историков. Некоторые ее результаты нашли отражение в настоящем выпуске.

Сборник состоит из двух основных разделов, охватывающих соответственно периоды до и после Великой Октябрьской социалистической революции. Первый раздел посвящен разнообразным общественным и культурным связям народов России и Болгарии, Греции и Сербии. Одно из публикуемых сообщений отражает глубокий интерес к русской истории, к таким видным ее деятелям, как Петр I, А. В. Суворов, в сербском обществе начала XVIII—XIX вв. Тематически примыкает к нему другое сообщение, в котором рассматриваются русские связи выдающегося сербского просветителя Досифея Обрадовича. О малоизвестной странице русско-греческих культурных связей начала XIX в. говорится в статье о Греческом коммерческом училище Одессы. С середины XIX в. усиливается славянофильское течение в общественной жизни России. В выпуске публикуется новый материал о славянофильском кружке А. Д. Блудовой. В статье о русско-болгарских культурных связях конца XIX—начала XX в., основанной на новых исследованиях советских и болгарских архивов, показано, что, несмотря на сложный характер политических взаимоотношений, связи между общественностью обеих стран в этот период продолжали расширяться.

Искусствознание представлено в томе статьей, где делается попытка провести типологические параллели между творчеством видных деятелей культуры Балканских стран и России.

В советской литературе уже неоднократно отмечалась большая ценность русской периодической печати как самостоятельного источника для изучения политической и культурной истории Балкан, русско-балканских связей. Статьи данного выпуска подтверждают это. Изучение русских газет и журналов последней четверти XIX в. позволило ввести в научный оборот новые факты о видном болгарском общественном деятеле и писателе Любене Каравелове, показать роль русской прессы в восстановлении в 1896 г. дипломатических отношений между Россией и Болгарией. В сборник вошло также сообщение о позиции русской прессы по вопросу о вступлении Греции в 1917 г. в первую мировую войну.

Второй раздел сборника открывается статьей, где на базе новых материалов рассматривается участие интернационалистов из Балканских стран в борьбе за Советскую власть в Одессе. В этом разделе группа сообщений посвящена связям и сотрудничеству СССР с некоторыми Балканскими странами в области науки и культуры. Особенной широтой и разносторонностью отличаются научные и культурные связи СССР с балканскими социалистическими странами. Одно из сообщений посвящено научному сотрудничеству между советскими и румынскими литератороведами в изучении важных сторон литературного процесса. Специальное исследование о советско-албанских культурных связях в 1945—1961 гг. свидетельствует о равноправности и взаимовыгодности широкого научного и культурного сотрудничества, осуществлявшегося в эти годы между СССР и Народной Социалистической Республикой Албанией. Раздел заключает статья, в которой подводятся некоторые итоги изучения русско-югославянских общественных связей в советской историографии. В выпуске продолжена публикация библиографии вышедшей в СССР литературы по истории и культуре балканских народов.

* * *

Серия «Балканские исследования» начала издаваться Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в 1974 г. Настоящий, десятый выпуск в определенном смысле является юбилейным. Это серийное издание стало научной трибуной для советских исследователей истории и культуры балканских народов. Опубликованные здесь статьи, сообщения, новые документы, историографические обзоры встретили положительную оценку научной общественности СССР и других социалистических стран, что отразилось в более чем двадцати рецензиях на вышедшие тома «Балканских исследований». Редколлегия благодарит рецензентов за объективную и доброжелательную оценку вышедших выпусков и учтет высказанные ими замечания и пожелания в своей дальнейшей работе. Ближайшие выпуски «Балканских исследований» предполагается посвятить историческим связям народов СССР и Греции, демократическим и социалистическим движениям на Балканах.

РУССКО-БАЛКАНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Из истории русско-сербских культурных связей конца XVIII—первой трети XIX в.

Е. П. НАУМОВ

Закономерно, что широкий круг проблем, связанный с историей русско-сербских культурных взаимоотношений XVIII—XIX вв. и уже освещавшийся в работах русских и сербских авторов начала нашего века¹, продолжает вызывать пристальное внимание советских и югославских исследователей². В данном случае речь идет не только о том, что в настоящее время и в будущем возможны конкретные открытия и любопытные находки³, но и о том, что по многим частным вопросам этого важного направления поиска ученых необходимы тщательные уточнения и исправления уже высказанных предположений и мнений⁴, давно фигурирующих в литературе, несмотря на всю их спорность, и препятствующих правильному представлению о той эпохе.

Так, по мнению историка сербской литературы Й. Скерлича, в двух последних десятилетиях XVIII в. деятельность Д. Обрадовича связывала литературу и духовную жизнь формировавшейся сербской нации с Западной Европой, «освобождая» ее от «исключительного русского влияния»⁵. Напротив, в современном обзоре взаимоотношений народов СССР и Югославии справедливо указывается на то, что «новый этап в югославянско-русских отношениях начинается на рубеже XVIII и XIX вв...», когда они расширяются и углубляются, охватывают «почти все области их (народов.— Е. П.) общественной и культурной жизни»⁶. Необходимость более подробного изучения данного круга проблем обусловливается как противоречивостью и недостаточной обоснованностью столь категоричных негативных суждений, которые иногда осознавались даже самими авторами⁷, так и выявлением новых фактов⁸.

Вместе с тем следует обратить внимание и на неравномерность освещения русско-сербских культурных взаимосвязей того периода в литературе. В наличной историографии обычно рассматриваются политические отношения, а также литературные контакты (например, сербские мотивы в русской литературе XIX в. либо русские мотивы и сюжеты в сербской печати, в твор-

честве отдельных писателей, их творческие связи, в особенности применительно к Караджичу, и т. п.); гораздо реже освещаются другие проблемы культурных и научных взаимосвязей⁹.

В данной статье мы ставим своей задачей изучение малоисследованных и полузабытых материалов сербской публицистики, историографии, биографической и автобиографической прозы последнего десятилетия XVIII и первой трети XIX в. На этой основе мы хотим сделать попытку воссоздания (пусть и не всегда полного ввиду отсутствия некоторых сведений и малого объема работы) тех представлений о России и русском обществе, русском народе, истории России и ее политике, географии и культуре, которые существовали в сербском обществе той эпохи.

Конец XVIII в. ознаменовался значительным подъемом освободительного движения сербского народа и немаловажными явлениями в его культурном развитии. Во время войны Австрии и России против Османской империи (1787—1791 гг.) почти вся Сербия была освобождена от войск и администрации Порты в результате действий сербских добровольцев; в то же время победы русских полководцев над османскими войсками вызывали рост симпатий к России, поддержку которой различные сербские политические и церковные деятели считали чрезвычайно важной для освобождения Сербии и восстановления самостоятельной сербской государственности¹⁰.

Эти симпатии и надежды особенно усилились после того, как война Австрии с Портой принесла сербскому народу лишь амнистию, сохранив полностью власть Османской империи над всей Сербией. Разочарование и недовольство австрийской политикой в сербском обществе сочеталось и с сознанием полного крушения надежд на просвещенный абсолютизм Иосифа II, реформы которого уже к этому времени потерпели полный крах¹¹.

Все это закономерно приводило не к ослаблению, а, напротив, к упрочению и расширению культурных связей Сербии и России, чему, в свою очередь, значительно способствовало оживление в среде деятелей русской культуры интереса к южным славянам и другим балканским народам¹². Такое возрастание роли русской культуры в сербском обществе конца XVIII в. находило выражение в самых разнообразных формах, прежде всего в продолжении той своеобразной разновидности культурных контактов, которую можно условно назвать течением русско-сербской литературы.

К этому течению, получившему в предшествующий период самое яркое проявление в широко известной и весьма популярной тогда книге З. Орфелина «Житие и славные дела... Петра Великого» (1772), мы можем отнести произведения, написанные сербскими авторами специально для русских читателей или даже изданные в России. Весьма показательно, что в последнем десятилетии XVIII в. в рамках данного течения получила особое развитие политическая поэзия, отражавшая восхищение сербов победами русских войск (под командованием А. В. Суворова

и Г. А. Потемкина) над силами Порты и надежды на близкое освобождение Сербии и крушение Османской империи.

Если прежде, в начале австро-турецкой войны 1787—1791 гг., такие видные сербские поэты и просветители, как Д. Обрадович и И. Раич, высокопарно славили австрийского императора Иосифа II как «доброго спасителя милой Сербии» и «милого государя» своей родины, освобожденной от османского ига¹³, то уже к концу военных действий, накануне безрезульятного Систовского мира Австрии с Портой и после успешного взятия суворовскими «чудо-богатырями» крепости Измаил, появляются две оды, ставшие непосредственным откликом широких кругов сербского общества на столь значительное поражение османских войск. Вероятно, первой из них была «Ода на взятие Измаила 11 декабря 1790 года» Ивана Янковича, напечатанная в Петербурге в том же году (на наш взгляд, возможно, она была издана и в начале 1791 г.)¹⁴; вторая ода, обнаруженная и напечатанная лишь в XX в. югославским буржуазным историком В. Чоровичем, также, быть может, предназначалась к изданию в России в 1791 г.¹⁵

Вторая ода представляет для нас особый интерес, хотя ее значение и было недооценено Чоровичем¹⁶. Однако, по нашему мнению, все ее характерные особенности, уже отмеченные издателем (поэтика эпической песни, использование популярных сербских песен и оборотов, например: Потемкин в соответствии с эпическими сербскими атрибутами назван здесь «Змай», т. е. Змей, и т. п.), дают основания для противоположной оценки. Это произведение, которое в противоположность своему заглавию (Песна светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину Таврическому, спевана отъ Сербскогъ народа на Измаиль), большей частью описывает не Потемкина, а Суворова и его «орлов», штурмом взявших эту неприступную крепость, в действительности было одним из первых опытов политической поэзии в духе сербских эпических песен (в данном случае — на русском материале), предвещая тем самым позднейшие поэтические описания Первого сербского восстания¹⁷. Иными словами, новая песня на современный сюжет, «на злобу дня», написанная народным (не славяно-сербским) языком и проникнутая целиком эпическими образами и эпитетами, становилась примечательным примером и новой тенденции в развитии сербской литературы и культуры той поры, резко отличаясь от творений таких сторонников классицизма, как Д. Обрадович, Раич, Трлаич и др.

Вместе с тем нельзя согласиться никоим образом и с тезисом В. Чоровича, отказывавшим этой песне в «народности» лишь на том основании, что в то время у сербов «обыкновенный народный певец» не мог знать о победах русских войск и взятии Очакова, Бендер, Измаила¹⁸. На против, непривычность для автора стиля и лексикона торжественных од, которые писали тогда Обрадович, Раич и другие сербские классицисты (а в России — Державин, Ломоносов, даже юный Пушкин) свидетельствуют о широком

распространении в сербской народной среде той поры восхищения успехами России, победами Суворова и, наконец, определенных надежд на содействие России делу освобождения Сербии (об этом можно судить хотя бы по заглавию песни, по обращению ее автора к Потемкину от имени «сербского народа»). Необычайная популярность Суворова в сербском обществе конца XVIII—начала XIX в. не подтверждает утверждений В. Чоровича, поскольку именно в те годы в сербской литературе и периодической печати появляется целый ряд статей и специальных сочинений о Суворове. В их числе мы можем назвать, например, «Описание жития генерала графа от Соварова» в первой сербской газете «Сербский Повседневный Новин», издававшейся в 1791—1792 гг. в Вене греческим журналистом М. Пуллио (Пулью), опубликованный в 1799 г. Н. Лазаревичем перевод немецкой биографии Суворова и специальный очерк в книге Н. Шимича¹⁹. Следовательно, нельзя отрицать возможности, что в тот период даже «обыкновенный народный певец» мог узнать немало о русских победах не только из устной молвы своих соотечественников (в том числе сербов, служивших в русской армии), не только из иностранных и австрийских газет, но и из первых сербских статей и очерков о Суворове.

Вовсе не случайно поэтому, что русская тема занимает в те годы большое место на страницах первых сербских газет — «Сербских Повседневных Новин» и «Славяно-сербских Ведомостей» (1792—1794 гг.), издававшихся Ст. Новаковичем также в столице Австрийской империи. Как отмечалось в литературе, главную роль среди статей о России в газете М. Пуллио играли сообщения о внешнеполитических событиях, в первую очередь о военных действиях против Порты, здесь говорилось о Суворове, Потемкине, политике Екатерины II, высказывалось восхищение «силой Российанов», даже высказывались неопределенные надежды на изгнание русской армии османов из Европы²⁰.

В данной связи необходимо отметить неправомерность утверждения П. А. Заболотского, будто газета «Славяно-сербские ведомости» «далеко уступают „Сербским Новинам“ в смысле внимания к России, и русский элемент в газете Ст. Новаковича выражается лишь в мелких сообщениях о русских событиях да в традиционном влиянии русского языка, главным образом в области словарной»²¹. Эти слова можно расценить как свидетельство поверхностного ознакомления с газетой Новаковича, комплект которой был фототипически воспроизведен Матицей Сербской²².

По нашему мнению, подробное знакомство с номерами газеты позволяет отметить большую роль русской рубрики, которая уступала по своему месту и значимости лишь материалам о самой Австрии, а также сообщениям об австро-французской войне и событиях в революционной Франции, освещавшихся, естественно, со строго консервативных позиций. Примечательно, что в рубрике «Россия» на протяжении двух лет (с декабря 1792 по декабрь

1794 г.) появилось 36 корреспонденций, крупных и небольших, посвященных преимущественно внешней политике России (отношениям с Османской империей, Польшей, Англией); некоторые из этих сообщений были необычайно обширны и занимали по несколько страниц (таковы, в частности, корреспонденции о торжествах в Петербурге по случаю мира с Портой)²³.

Однако и в других рубриках (особенно посвященных Польше, Англии, Дании, Турции, даже Австрии) было напечатано немало самых разнообразных материалов о России — военного, дипломатического, даже культурного характера (сообщение о редком портрете Петра I, о смерти русского посла в Вене Д. М. Голицына, который содействовал изданию «Истории» Раича, и др.)²⁴. Тщательный анализ номеров газеты С. Новаковича дает нам возможность лучше представить источники его информации, тем самым исправить распространенную в литературе точку зрения, что сербское общество эпохи национального Возрождения довольствовалось прежде всего сведениями, почерпнутыми из немецкой и в первую очередь австрийской литературы и периодической печати²⁵.

Тесные связи издателя «Славяно-сербских ведомостей» С. Новаковича с русским послом Д. М. Голицыным²⁶ позволяли получать из официальных русских источников сообщения о политике России, даже полный текст некоторых манифестов и речей (например, манифеста Екатерины по случаю окончания русско-турецкой войны, речи ее в ответ на приветственный адрес, произнесенный ген. Самойловым), наконец, некоторые русские газеты, которые также использовались в рубрике «Россия»²⁷. Интересно примечание издателя к номеру от 26 июля 1793 г., что «Из Россие пишется нам вероятно, да великолепна сербска господа тамо находящася, и о типографии овой [типографии Новаковича], и о новинами нашими, а найдаче о изданию ове сербске историе [„Истории“ Раича] велико увеселение и радость имаю»²⁸. Все это, на наш взгляд, указывает и на то, что сербы, жившие в России, имели возможность давать издателю определенную информацию и даже способствовать формированию самой русской рубрики.

Уже в первом номере газеты рубрика «Россия» была целиком посвящена информации о новом назначении Суворова, «сего славного коменданта», причем читателям было сообщено, что «сей под победоносным оружием велике императрице славный генерал» отметил пятидесятилетие своей воинской службы, что никто из русских генералов (кроме Румянцева) не имеет такого стажа, а сам Суворов «тако здрав и весео, дасе види быти у наиболших лет человеческого живота»²⁹. О Суворове говорится неоднократно и на страницах последующих номеров газеты, так же, как и о его верном сподвижнике М. И. Кутузове; информация издателя (в том числе «известия из Петербурга») позволила ему уведомить своих читателей, что уже решено «за распространение терговини на Черному морю» в Хаджибее «нов град и пристанище

водрузити» (т. е. соврем. Одессу) и что эту задачу поручено решить Суворову и Рибасу³⁰. На наш взгляд, влияние русского языка на текст статей этой газеты выражалось не только применительно к словарю, т. е. во включении русских слов и оборотов, но и в издании полностью некоторых материалов по-русски (например, приветственной речи ген. Самойлова)³¹.

Но в то же время, говоря о дальнейшем развитии и интенсивности русско-сербских культурных связей той поры, было бы неправомерно сводить их значение лишь к роли текущей политической информации в первых сербских газетах и торжественных од «на злобу дня», по случаю наиболее важных военных успехов России в конце XVIII в. Разумеется, интерес сербского общества не исчерпывался только такими сведениями о современном положении русского народа; живое внимание привлекали также проблемы происхождения и древней истории русской нации, проблемы этнической и языковой близости русских и сербов.

Такую задачу поставил перед собой и Йован Раич, видный сербский просветитель, который был в конце XVIII в. одним из наиболее значительных поборников развития русско-сербской культурной взаимности. Достаточно напомнить хотя бы о том, что Раичем была напечатана трагедия русского педагога Э. Козачинского о смерти последнего царя сербов Уроша V³², что «История» Раича была издана при материальном содействии русских дипломатов (а первая ее часть была переиздана в России)³³.

Раич, уделяя в своем труде главное внимание истории южных славян, включил в первую его часть также два достаточно обширных раздела о происхождении русского народа и русской истории. Так, в главе XX «О роксоланахъ, или россианехъ» он, опираясь на обширный (для своей поры) и солидный круг источников и литературы (в том числе на труды М. В. Ломоносова, Ф. Прокоповича, «Синопсис» Гизеля и др.), рассматривает этиологию этнонима «rossiiani» (т. е. русские) и довольно подробно излагает историю России с древнейших времен и вплоть до конца XVIII в.³⁴

Вслед за З. Орфелином и другими сербскими просветителями Раич подчеркивает значение реформ Петра I для усиления Русского государства и преобразования его в империю: «... Петр воистину Великий, всю почти облетев Европу, различная художества и науки ввел в Россию, и различны преодолев неприятели, а наиначе Шведского краля Карла двадцатаго сильнаго соседа...»³⁵ По словам автора, этот курс Петра I на укрепление и просвещение России был продолжен при его преемниках. Екатерина II и ее наследник (в кн. «Павел Петрович, правнук Петров») «наиначе старается просветити Россию учеными и в добрий порядок привести всю Северную страну»³⁶. Но Раич не ограничился этими сведениями, он рассказывает о христианизации Руси, о князе Владимире, упоминая легенду о роли апостола Андрея³⁷. Нельзя не признать важным и примечание Раича, завершающее главу XX его труда: «Довлеют сия сербскому че-

ловеку для ведомости отчасти, ширшую же опись обрящет и в российских книгах, подобненже и в иностранных писателех, наиначе описавших дела Петра Великого»³⁸. В свою очередь, нужно отметить и то обстоятельство, что этот краткий очерк по истории России стал одним из главных источников такой информации для широких кругов сербского общества в силу того, что «Истории» Раича принадлежала вплоть до середины XIX в. роль основного сербского историографического труда³⁹. Вполне понятно, что эти сведения в известной мере дополнялись и проникавшими в сербскую среду русскими изданиями, сообщениями некоторых путешественников (в особенности С. Текелии, Г. Зелича), сербских писателей, живших в России (Г. Трлаича, Аф. Стойковича)⁴⁰; все это, без сомнения, содействовало не только расширению русско-сербских общественных и культурных связей той поры, но и распространению разнообразных сведений о России в сербской среде.

Бесспорно, что дальнейший рост интереса к России в среде сербского общества происходит в начале XIX в., ознаменованном небывалым ранее подъемом освободительного движения и освобождением Сербии от османского ига во время Первого антитурецкого восстания (1804—1813 гг.). Эти события находят отражение в политической поэзии первого десятилетия нового века.

Так, из классической поэзии тех лет можно выделить особо высокопарные оды, связанные с пребыванием в Венгрии сестры русского царя Александры Павловны, с деятельностью А. А. Самборского и надеждами близких к нему деятелей сербского общества Воеводины на дальнейшее содействие России планам освобождения Сербии⁴¹. Точно так же ярко выраженные политические цели обусловливали и создание великим сербским просветителем, первым «попечителем» просвещения в освобожденной Сербии Д. Обрадовичем хвалебных стихотворений в честь царя и русского дипломатического агента К. К. Родофиникина⁴². Ясное представление о значимости русской поддержки сербских повстанцев было, без сомнения, предпосылкой для издания в России (возможно, с согласия Обрадовича или даже при его прямом участии) его «Песни об избавлении Сербии», специально переделанной соответственно новой политической обстановке и снабженной переводом на русский язык⁴³.

В литературе уже справедливо отмечалась принципиальная перемена идейной направленности «Песни» Обрадовича, который в 1789 г. восхвалял австрийского императора Иосифа II, а в 1806 г., в условиях войны с Францией европейской коалиции, воспевает «Александра Первог, славног владетеля, Великога Славенского царя, Сербие миле благог спасителя», выражает свою радость по поводу избавления Сербии от османского ига с помощью России. Однако «Песня» в русском издании обращена не только против «злых Галатов» (т. е. галлов), но и против османского владычества и призывает к единению с русскими армиями (под водительством «храброг Михельсона», М. Каменского

и Багратиона, наследников «Суворова, преславног витязя»). По мнению анонимного автора и издателя, именно такая объединенная «Российско-славянская сила» приведет к освобождению всех порабощенных «сестер» Сербии (прежде всего Боснии) «от тиранства»⁴⁴. Такие надежды Обрадовича и его последователей — представителей широких кругов сербского общества по обе стороны Дуная — нельзя, по нашему мнению, не сопоставить с планами образования тогда обширного Славяно-сербского государства на Балканах⁴⁵.

Следует также сказать и об освещении русской темы в сербских научных и политических изданиях той поры. В данной связи нужно назвать прежде всего первый сербский учебник географии,¹ подготовленный П. Соларичем и изданный при содействии Д. Обрадовича⁴⁶. Павел Соларич, любимый ученик Обрадовича, в своем предисловии указывает на Россию как на пример для сербов и других южных славян в деле просвещения, «которым их братья Россияни уже наслаждаются в полной мере»⁴⁷, он отводит описанию России, ее географического положения, административного деления, городов, сельского хозяйства и промышленности, народонаселения два раздела (соответственно для европейской и азиатской частей). Он подробно перечисляет продукты земледелия и ремесла, «отменнейша российска торжища в Европе», отмечает, что в России «имеется очень много иностранцев, сербов (курсив мой.— E. H.) и особенно немцев», подчеркивает, что уже Петр I положил начало распространению знаний в стране и что такой курс продолжен при Екатерине II. Поборник Просвещения, Соларич признает, что все-таки в стране еще мало «наставительных учреждений», а «поэтому простой народ, при (всей) своей удивительной восприимчивости, при всем том еще очень силен, невежествен и суеверен...»⁴⁸. Включение в учебник такой подробной характеристики России, по нашему мнению, ставит перед исследователями новую задачу — проверить высказанные уже в историографии положения об использовании Соларичем немецкого пособия А. Гаспари, выяснить, насколько и как именно сербский писатель дополнил свой первоисточник материалами русского и сербского происхождения (в том числе о сербах в России, об осаде сербами Белграда и др.)⁴⁹.

Не менее важно, на наш взгляд, для понимания сложных процессов развития сербской культуры эпохи национального Возрождения и русско-сербских общественных связей той поры обратить внимание на тот факт, что уже в начале XIX в. мы можем проследить неравнозначность и неравномерность освещения русской темы в сербских книгах, выходивших в пределах Австрийской империи. Речь идет, с одной стороны, об усилении австрийской цензуры, стремлении венского правительства подавить симпатии сербского народа (как в Воеводине, так и в Сербии) к России, о стараниях австрофильских кругов сербского общества вести антирусскую агитацию. Все это было вызвано страхом Габсбургов перед усилением сербского освободительного движения,

влиянием Первого сербского восстания на Воеводину (в особенности после так называемого Тицанового бунта 1807 г.)⁵⁰. Не вызывает сомнения, что такой антирусский и антисербский курс австрийских властей, постепенно все более сближавшихся с Наполеоном и вступивших с ним в союз против России, во многом препятствовал появлению изданий сербских авторов, посвященных в той или иной мере истории и положению русского народа (особенно в 1809—1812 гг.).

В то же время, вероятно, не следует пренебрегать и другой стороной восприятия России и политики русского царизма в кругах сербской интеллигенции, буржуазии и дворянства (видимо, во владениях Австрийской империи), которая нам позволяет судить о том, что наиболее проницательные и прогрессивные представители сербского общества той эпохи, поборники идей Просвещения, далеко не всегда и не во всем следовали только позитивным либо даже верноподданническим и хвалебным характеристикам, которые, как мы видели выше, были обычно распространены в сербской научной, художественной и политической литературе применительно к описанию России. Наглядным примером такого неоднозначного освещения русской темы, уже в известной мере критической оценки политики русского царизма могут служить два сборника биографий, которые были выпущены почти одновременно в Буде полузабытыми ныне представителями сербского Просвещения.

Автор первого, напечатанного под довольно странным названием «Иконостас славных и храбрых лиц»⁵¹, — писатель, адвокат и сенатор г. Сомбора Николай Шимич (ок. 1766—1848), ранее офицер русской армии — бывал в России и испытывал несомненные симпатии к русскому народу. Об этом можно судить и по составу его сборника биографий, и по тому языку (уже явно архаичному, русско-сербскому), которым написана была эта книга. Сам отбор биографий Шимичем необычайно любопытен; он счел наиболее «славными и храбрыми» лицами лишь шесть политических и военных деятелей прошлого и своего времени, а именно Петра I, Екатерину II, Потемкина, Суворова, польского короля Станислава Августа и Костюшко. Такой выбор, по нашему мнению, свидетельствует не только о живом интересе самого автора к истории России, о его старании ознакомить своих читателей с биографиями этих русских деятелей и таким образом подвигнуть их «по стези» добродетелей; примечательно, что сборник Шимича нашел достаточно широкий отклик в среде сербов Австрии (в числе 287 подписчиков названы и влиятельные горожане, в частности С. Текелия, купцы, ремесленники, чиновники, священники и монахи, даже гимназисты)⁵².

С другой стороны, если вспомнить о том, что книга была издана уже после разделов Речи Посполитой (1772—1795 гг.) Австрией, Пруссией и русским царизмом, следует признать, что такой состав сборника говорит о явном сочувствии автора стремлениям польских патриотов возродить Польское государство,

надеждам их на содействие Наполеона, разгромившего Пруссию; как известно, именно в 1807 г. был заключен Тильзитский договор и часть польских земель Пруссии образовала самостоятельное герцогство Варшавское ⁵³. Иными словами, подбор биографий Шимичем может быть расценен как показатель определенной (пусть даже осторожной, как бы завуалированной) оппозиционности автора, его неодобрения конкретных внешнеполитических акций Пруссии, Австрии и русского царизма.

Любопытно, что такие критические настроения заметны и в трактовке этим сербским просветителем отдельных моментов биографий, им отобранных, и событий истории России XVIII в.; это проявляется, однако, не только в негативных выводах, сколько в направленном отборе определенных фактов, деталей. Так, например, удачно написан им очерк о жизни и деятельности Петра I, где Шимич особенно подчеркивает службу Петра (в юности) «простым воином», то, что он сам работал на строительстве потешной крепости, «не стыдился, яко и другой плотник (дунтьерин) между простыми художницы и майстори делати»; в очерке дана оценка Северной войны, Прутского похода, причем — и это вовсе не случайно — автор говорит здесь, что мир с Портой для России не был «полезноспасителен», а для Польши был спасением ⁵⁴.

Вполне понятно, что для Шимича, поборника идей Просвещения, было важно также отметить, что Петр I «своим от природы острым, и многотрудного учения по искусству богатопросвещенным разумом, наук по своему отечеству во разширении, из иностранных земель, ученых разнаго рода людей с добрым награждением призывающи, рачительно трудился», что он, «беспрестанно во беспокойствии сущ», был «вяще подданником приятель, нежели повелитель», «во сражениях неустрашимый воин» и «остроумный политик» ⁵⁵. Напротив, биография Екатерины II дана Шимичем уже не в столь однозначно позитивном ключе, напоминая иногда характеристику А. С. Пушкина ⁵⁶.

В самом деле, сербский просветитель останавливается в этом очерке преимущественно на внешней политике правительства Екатерины, на войнах с Турцией (в частности, в союзе с Иосифом II), неоднократно восхваляя ее «мудрость и великое понятие», покровительство торговле и наукам, однако в этих панегириках нередко заметна ирония и даже явно критические, оппозиционные нотки (в частности, в описании ее пресловутого путешествия в Крым вместе с Иосифом II в 1787 г., на что «требовало 41 000 коней») ⁵⁷. Так, в описании Шимича Екатерина II выступает как инициатор и главный виновник раздела Польши «между Россиею, Австриею и Прусскою», хотя выше он отмечает, что «бунтующие поляцы причины поводом были» русско-турецкой войны (1768—1772 гг.). Не менее показательно, наконец, что почти треть очерка Шимич отвел описанию заговора и переворота Екатерины, свержения Петра III, который обрисован в довольно сочувственных красках; такая трактовка событий 1762 г. во

многом сходна с оценками и высказываниями Н. М. Карамзина и других русских деятелей той поры⁵⁸. Все это, по нашему мнению, дает основания предполагать, что сербский писатель, упомянув в предисловии об использовании им трудов «разных спи-сателей», в действительности был знаком с тем, как в русских оппозиционных и либеральных кругах оценивалась политика Екатерины II, и во многом здесь опирался на русские материалы.

Еще более критичным оказывается подход Шимича к деятельности Потемкина, хотя он также отводит ему особый очерк, ставя его тем самым почти наравне с Петром I и Суворовым; по словам автора, «Потемкин был найвящший в России муж, кои во мире между первыми нашего столетия великими людми без всякаго сомнения считается...»⁵⁹. Однако Шимич не упускает возможности подчеркнуть также, что блистательная карьера Потемкина была обусловлена уже участием его в перевороте 1762 г., что он «за краткое време весма спешно получил толикую достоинству славу» (причем писатель тут с явной иронией тщательно перечисляет все чины, должности и ордена временщика, что заняло целую страницу в его книге); всесильному фавориту, по словам Шимича, «многии генералы и разных орденов кавалери с глубочайшею понизностию кланялися», а сама биография заканчивается специальной справкой автора (здесь явно заметна саркастическая его усмешка, быть может, даже личные воспоминания?), что после смерти Потемкина «имения и добра его износила до 50 миллионов талиров»...⁶⁰.

Ярким контрастом этому жизнеописанию князя Таврического служит биография А. В. Суворова, кстати самая обширная из всех написанных Шимичем; текст ее свидетельствует об искреннем восхищении сербского писателя (вероятно, знавшего сподвижников Суворова, их рассказы о недавних битвах) талантом и скромностью великого полководца⁶¹. Вместе с тем биография Суворова показывает нам, что Шимич писал ее прежде всего по русским материалам; он включает сюда призывы полководца к своим «чудо-богатырям» (здесь Шимич пишет по-русски, давая и сербский перевод: «Ребята! Я еще живу... Ступай впериод!»); он говорит, что сам видел «ныне в Петербурге» ключи от Варшавы, врученные Суворову, упоминает о торжественном открытии памятника «сего великаго мужа», который был «отечества своего неприятелем победоносно весма страшен»⁶².

Во многом сходна с общей направленностью сборника Н. Шимича и та трактовка, которую дает русским сюжетам автор «Нового Плутарха», малоизвестный ныне сербский писатель Евфимий Иванович, профессор гимназии и приходской священник⁶³. Показательно, однако, что определенная критичность автора была вызвана уже в немалой мере и влиянием антирусской позиции венских властей и иностранной литературы. В свой сборник Е. Иванович включил биографии лишь двух русских правителей — Петра I и Александра I⁶⁴, причем в рассказе о деятельности Петра заметно стремление избежать лишь панегирических

тонов. Справедливо подчеркивая значение реформ Петра, его личный вклад в преобразование армии и флота («зело скор у свои делы, трудолюбив и неутрудим», он, по словам Ивановича, совершил то, «что муж высока духа и прилежания совершил може»), автор в то же время указывает на его недостатки (свирепость и т. д.). «И ово е истина,— заключает автор биографию Петра,— да е Петр свое народе изобразио и просветио, а сам неизображен остао»⁶⁵.

С такой концовкой сочетается и рассказ о необычайной карьере и сребролюбии любимца Петра А. Д. Меншикова, который ранее служил у «некоег паштетара», а затем, добившись благоволения царя, расправился со всеми своими «супостатами», приобрел «толика у кратко» обширные имения, что мог каждую ночь, если бы ехал от Риги до Персии, останавливаться в собственном селе. В его имениях насчитывалось свыше «50 000 фамилии», а любой иностранный двор «принужден е быо Менцикову дарове слати». Автор не забывает о роли, сыгранной фаворитом после смерти Петра, он пишет о его всесилии в период правления Екатерины I, затем ссылке в Сибирь⁶⁶. Любопытно, что судьбы дочери Меншикова и нового временщика, кн. Долгорукого, послужили сюжетом и для одной переводной драмы, напечатанной одновременно с книгой Ивановича⁶⁷.

Вполне понятно, что автор «Нового Плутарха» проявлял гораздо больше внимания к истории своего времени, нежели к событиям XVIII в., что нашло отражение в биографии царя Александра. Е. Иванович отмечает, что Александр после воспарения освободил заключенных, поднял роль сената, разрешил свободный ввоз книг и свободную торговлю, обещая править по законам Екатерины II; он восхваляет здесь и красоту, «правдолюбие», «благонравие», и учтивость нового царя, «благоразумную премудрость», но заканчивает эту биографическую справку совсем иначе. Если бы Александр, по словам автора, «только бы о нуждах своего государства беспокоился либо действовал ранее в той стороне, где легко действовать, и не вмешивался бы столько в дела Франции и Германии (курсив мой.— Е. Н.), был бы истинный отец и благодетель своего рода и получил бы скорее неувядаемый венец бессмертия!»⁶⁸. Если же нам, в свою очередь, напомнить, что эти строки были написаны после полного разгрома Пруссии и Австрии, после Тильзита, когда в Европе, казалось бы, неограниченным властелином был Наполеон, ставший вдобавок зятем австрийского императора (1810 г.), станет понятным, что мы здесь имеем дело уже не с критикой политики русского царя с прогрессивных или либеральных позиций, а с влиянием антирусской и профранцузской пропаганды той поры⁶⁹.

«Австрийский брак» Наполеона, франко-австрийский союз, с одной стороны, и рост обеспокоенности венских властей успехами Первого сербского восстания и русско-сербского военного сотрудничества — с другой, имел своим следствием почти полное молчание сербской печати (на территории Австрийской империи)

о России⁷⁰. Крах похода Наполеона на Россию и резкая перемена обстановки в Европе (как, естественно, и позиции австрийских правящих кругов) содействовали тому, что в последующие два десятилетия XIX в. в сербской литературе и периодической печати нашла гораздо более полное и многостороннее выражение русская тема, искренний интерес сербского общества к борьбе русского народа против нашествия Наполеона, к участию России в войне 1813—1814 гг. против Франции, к другим проблемам истории и современного положения Российской империи. В связи с тем что в имеющейся литературе уже в определенной мере эти вопросы освещались⁷¹, здесь мы можем остановиться лишь на наиболее важных и менее исследованных аспектах этой проблемы.

В частности, следует особо подчеркнуть, что особое внимание сербских писателей, историков и публицистов привлекали события 1812 г., «нашествие 12 языков» и пожар Москвы, роль России в послевоенном переустройстве Европы. Мы можем в данной связи сказать и о появлении соответствующих политических стихов⁷² и брошюра сербского драматурга и путешественника Й. Вуича⁷³ и многочисленных статей на эту тему в новой сербской газете («Новине сербске»), выходившей в Вене в 1813—1822 гг.⁷⁴, о подробном рассмотрении всех этих бурных событий на страницах первых сербских трудов по всеобщей истории⁷⁵. Вполне понятно, что уже к этому времени политика России в XVIII в. вызывала меньший интерес⁷⁶ и лишь исполнская фигура Петра I по-прежнему привлекала сербских авторов и читателей⁷⁷. Говоря о такой преемственности определенных жанров и направлений в русско-сербских культурных связях первой трети XIX в., нельзя не отметить продолжения существовавшей ранее особой линии литературной взаимности, т. е. создания новых произведений, посвященных специально русским сюжетам или изданных в России сербскими авторами⁷⁸.

Вместе с тем и для этих десятилетий XIX в. мы можем констатировать сложность и неоднозначность восприятия истории России и русской официальной политики разными представителями сербской интеллигенции и буржуазных кругов. И здесь дело вовсе не только в критических замечаниях в адрес некоторых русских дипломатов и генералов (в период Первого сербского восстания)⁷⁹, но и в стремлении отдельных сербских писателей к объективной оценке внешней и внутренней политики русского царизма. Так, например, А. Бранкович в своем описании народов мира указывал, что «ни одна нация за такое краткое время своего политического бытия не достигла таких исполнских достижений», как российская; он подчеркивает трудолюбие, храбрость русских, но здесь же замечает (в духе просветительских идей), что «суеверие, в коем великая Россия больше многих держав находится, вызывает раболепное и ползающее подчинение и скотское угнетение простого народа» (курсив мой.—E. H.)⁸⁰.

В свою очередь, у Г. Магарашевича, видного поборника идей Обрадовича, историка и путешественника, основателя нового сербского журнала («Сербский Летопис», 1825), критическое отношение встречала политика Александра I после свержения Наполеона (т. е. основание «Священного союза» и т. д.). В этом можно было бы убедиться уже по многозначительным намекам автора, объяснявшего читателям в предисловии, что причиной отсутствия в книге рассказа о «новогреческой литературе — Алипаше — сербах» (т. е. о событиях 1809—1821 гг.) являются только «обстоятельства наших времен!»⁸¹. Тесные рамки венской цензуры заставляли Магарашевича прибегать к вынужденному умолчанию, к сознательному отказу от славословий в адрес Александра, и такая нарочитая сдержанность в оценке действий правительства России (после изгнания в 1812 г. войск Наполеона) резко контрастирует с подробным и сочувственным описанием борьбы русского народа в Отечественной войне 1812 г.

Предваряя этот рассказ, сербский писатель подчеркивает, что «Россия со времен Петра В[еликого] все ближе продвигалась к своему величию: она почти с каждым десятилетием XVIII века прогрессировала и в своей политической крепости, и в народном просвещении», но Наполеон в своем «неограниченном властолюбии» ставил уже своей целью «умаление России и основание своего универсального царства». Магарашевич подробно характеризует состояние русской армии, русских генералов (Багратиона, Кутузова, Платова и др.), указывая, что русский народ «одушевлен был горячей любовью к своему отечеству», что беспримерная храбрость воинов возмещала малочисленность русских войск (в сравнении с армией Наполеона). Перечисляя отдельные битвы, рассказав о пожаре Москвы, писатель наглядно раскрывает тщетность надежд Наполеона на покорение России: «со всех сторон восстали крепкие, мужественные, неустранные и разъяренные русские», казаки и простые «земледельцы» нападали на любого французского солдата, и уже «в конце года 1812-го ни одного неприятеля не было на земле русской...»⁸².

В том же ключе, хотя и более скжато выдержано описание Магарашевичем Отечественной войны 1812 г. и в его «Всемирной истории», где он особо подчеркивает всенародный характер отпора армиям Наполеона, что, между прочим, иллюстрирует рассказ о пожаре Москвы («жители Москвы», по его словам, предпочли «град свой спалить», нежели его «неприятелю на корысть предать»). «Возвращение французов из России,— пишет сербский просветитель,— не имеет себе подобного приключения во всей истории»; и разгром Наполеона в России стал преддверием краха Французской империи⁸³.

Итак, проведенное выше рассмотрение русской темы в сербской культуре эпохи Возрождения позволяет нам гораздо яснее представить значение русско-сербских связей в истории формирующейся сербской буржуазной нации. Анализ книг, статей, брошюр, посвященных России, русскому народу, позволяет

прежде всего уточнить имеющиеся в историографии положения не только о месте России и русской культуры в творчестве сербских писателей и публицистов, но и об источниках, которые были ими использованы. В сербской литературе и периодической печати были привлечены самые разнообразные материалы, основанные и на русской научной литературе, и русской печати, официальных документах, более того, сообщениях сербов, поселившихся в России либо побывавших в России, служивших в русской армии или же близко знавших соратников Суворова и Кутузова.

Вместе с тем значимость русской темы для сербской культуры заметно возрастала и в силу примечательных особенностей развития сербского общества той поры. Общеизвестно то, что сербские просветители видели в Петре I один из образцов и примеров «просвещенного монарха»; однако, как нам представляется, ввиду этого нельзя упускать из виду то, что соответствующая трактовка проблем истории России XVIII — начала XIX в. содействовала выработке новых идеологических концепций государственного строя (с учетом русского опыта), внешнеполитических и внутриполитических программ сербского освободительного движения, закономерной антитезе австрофильским теориям. В свою очередь, необходимость освещения русской темы, вероятно, способствовала становлению сербской политической поэзии (в том числе и введению народного языка в литературу той поры), исторической, биографической прозы.

В то же время анализ русской темы в рассматриваемых нами областях культуры сербского общества эпохи национального возрождения дает основания и для других немаловажных выводов. Следует особо подчеркнуть, что уже в годы Первого сербского восстания (1804—1813 гг.) заметна неоднозначность в отношении сербских деятелей к внешней политике русского царизма (в частности, Александра I), появление некоторых критических замечаний в адрес правящих кругов России. Более того, на русском материале сербские просветители доказывали недостаточность добрых побуждений и «мудрости» просвещенных монархов; они подчеркивали, что при Петре I, Екатерине II в России выдвигались всесильные временщики, запятнавшие себя казнокрадством и властолюбием. Для выработки форм будущего сербского общества было также очень важно констатировать, что даже при несомненных успехах Просвещения в России все еще сохранялось угнетение и «рабское состояние» крестьян. Эти прогрессивные и либеральные идеи сербских писателей, выявлявшиеся в трактовке русской темы (несмотря на препоны венской цензуры и влияние антирусской пропаганды), позволяют нам тем самым наметить характерные особенности данной эпохи в истории русско-сербских культурных взаимоотношений. Эти примечательные черты вместе с тем отличают ее от последующего периода, когда в культурной жизни сербского общества гораздо большую роль играют В. Караджич и С. Милутинович, более значительно влия-

ние периодической печати (как в Воеводине, так и в Сербском княжестве)⁸⁴. Определение такой специфики для данной эпохи способствует более конкретной и обоснованной периодизации русско-сербских связей и уточнению общей картины их развития в XVIII—XIX вв.

- ¹ Заболотский П. А. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. I, I: Русская струя в литературе сербского возрождения. Варшава, 1908; Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1909; Скерлић Ј. Историја нове српске књижевности. Београд, 1953; Јелачић А. Русија и Балкан: Преглед политичких и културних веза Ру-сије и балканских земаља 866—1940. Београд, Б. г.
- ² Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980; Она же. Српска тематика у руској публицистици прве трећине XIX века // Зборник Матице Српске за историју. 1982. Св. 26; Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; Калоева И. А. К истории проникновения русской книги в славянские страны Балканского полуострова в XVIII в. // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Наумов Е. П. Из истории русско-сербских культурных связей 40—60-х годов XIX в. // Там же. Прилози проучавању српско-руских књижевних веза: Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980; Радевич М. Русский язык в белградских школах до 1878 г. // Сов. славяноведение. 1979. № 6; и др.
- ³ Гудков В. П. К выяснению обстоятельств издания «Истории разных славянских народов» Йована Раича // Сов. славяноведение. 1977. № 1. С. 107.
- ⁴ См.: Гудков В. П. Русско-югославянские культурные связи XVIII века в освещении А. П. Бажовой // Вест. МГУ. Сер. 9, Филология. 1983. № 2; Перетц В. Н. [рецензия] // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1909. Т. 14, кн. 4. Рец. на кн.: Заболотский П. А. Очерки ...; Петровский Н. М. [рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). 1909. № 2. Рец. на указ. соч.
- ⁵ Скерлић Ј. Српска... С. 167; Она же. Историја ... С. 339.
- ⁶ Enciklopedija Jugoslavije. 1968. Т. 7. С. 467.
- ⁷ Ср., например: Скерлић Ј. Историја нове... С. 38.
- ⁸ См., например, работы, указанные в примеч. 2.
- ⁹ Ср.: Славяноведение в дореволюционной России: Библиогр. словарь. М., 1979. С. 158.
- ¹⁰ Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига, XV — начало XIX в. М., 1958. С. 111 и сл., 139—144; Она же. Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 5 сл.; Чубрилович В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 59—60; и др.
- ¹¹ См.: Достян И. С. Борьба... С. 115; Скерлић Ј. Историја... С. 66, 89; Лещиловская И. И. Сербское Просвещение: Люди и идеи // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. (Балканские исследования; Вып. 9).
- ¹² Достян И. С. Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII — первая четверть XIX в.) // Балканские исследования; Вып. 9.
- ¹³ Скерлић Ј. Српска... С. 179, 312.
- ¹⁴ Михаилович Г. Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964. С. 213.
- ¹⁵ Коровић В. Сербская ода XVIII века о Потемкине // Юбилейный сборник... Русского Археологического общества в королевстве Югославии. Белград, 1936; ср.: Бажова А. П. Русско-югославянские... С. 215—217.
- ¹⁶ Коровић В. Сербская... С. 333—334.
- ¹⁷ Ср., например: Голенищев-Кутузов И. Н. Эпос сербского народа. М., 1963. С. 261 и др.
- ¹⁸ Коровић В. Сербская... С. 334.

- ¹⁹ Заболотский П. А. Очерки... С. 179—180, 184 и др.
- ²⁰ Там же. С. 176—180; *Скерлић Ј.* Српска... С. 188.
- ²¹ Заболотский П. А. Очерки... С. 186.
- ²² Славеннио-сербская Вѣдомости, посвященны роду и священству: Отъ Степана Новаковичъ дворского агента, 1792—1793. Нови Сад, 1961; Славеннио-сербская Вѣдомости, посвященны роду и священству, на лѣто 1794. Нови Сад, 1961.
- ²³ Славеннио-сербская Вѣдомости..., 1792—1793. С. 161—162, 290—291, 304—307, 316—319, 329—331.
- ²⁴ Славеннио-сербская Вѣдомости..., 1794. С. 416; 1792—1793. С. 268—269; ср.: *Гудков В. П.* К выяснению... С. 107—109.
- ²⁵ Ср.: *Перетц В. Н.* Указ. соч. С. 283—285; Заболотский П. А. Очерки... С. 80, 363, 405 и др.
- ²⁶ *Гудков В. П.* К выяснению... С. 107—109.
- ²⁷ Славеннио-сербская Вѣдомости..., 1792—1793. С. 287, 290—291, 316—319; ср. та же с. 199 и др.
- ²⁸ Там же. С. 199а (без паг.): «Объявление».
- ²⁹ Славеннио-сербская Вѣдомости..., 1792—1793. С. 8; ср. с. 52; см. также: Славеннио-сербская Вѣдомости..., 1794. С. 329, 367, 369, 375, 378—379, 403, 440 (здесь назван и сербский генерал на русской службе Шевич).
- ³⁰ Славеннио-сербская Вѣдомости..., 1794. С. 314 (с ошиб. нум. 210).
- ³¹ Там же, 1792—1793. С. 316—319.
- ³² Трагедія сиречь печальная повѣсть о смерти послѣдняго царя сербскаго Уропа Пятаго, и о падении Сербскаго царства... В Будимѣ, 1798.
- ³³ *Скерлић Ј.* Историја... С. 54; *Достјан И. С.* Русская общественная мысль... С. 19; *Гудков В. П.* К выяснению...
- ³⁴ *Рајић Ј.* Историја разнихъ славенскихъ народовъ наипаче болгаръ, хорватовъ и сербовъ, изъ тмы забвенія изятая и во свѣтъ историческіи произведенія... Въ Виеннѣ, 1794. Ч. I. С. 228—258.
- ³⁵ Там же. С. 257—258; ср.: *Костић М.* Культ Петра Великог међу Русима, Србима и Хрватима у XVIII веку // Историски часопис. 1959. Т. VIII. С. 101—102.
- ³⁶ *Рајић Ј.* Историја... Ч. I. С. 256—257.
- ³⁷ Там же. С. 283, 289—300.
- ³⁸ Там же. С. 258.
- ³⁹ *Скерлић Ј.* Историја... С. 56.
- ⁴⁰ Заболотский П. А. Очерки... С. 73, 77 и др.; ср.: *Петровский Н. М.* Указ. соч. С. 426—429; *Скерлић Ј.* Историја... С. 103—107; ср. также: *Бажова А. П.* Русско-югославянские... С. 220.
- ⁴¹ Заболотский П. А. Очерки... С. 298, 316—318; *Достјан И. С.* Русская общественная... С. 40 сл.; *Михаилович Г.* Српска... С. 353; *Гаврилович С.* Војводина и Србија у време Првог устанка. Нови Сад, 1974. С. 20 сл.
- ⁴² Заболотский П. А. Очерки... С. 299, 306.
- ⁴³ Пѣсна о избавленію Сербіе. Сочинено въ Србіи. Въ С. Петербургѣ, 1806.
- ⁴⁴ Там же. С. 1, 2, 3—5; ср. с русским текстом ее (С. 9—14); *Достјан И. С.* Русская... С. 140—146.
- ⁴⁵ *Достјан И. С.* Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804—1813 гг. // Югославенске земље и Русија за време првог српског устанка, 1804—1813. Београд, 1983. С. 153—156.
- ⁴⁶ *Соларич П.* Ново гражданско землеописаніе перво на ёзику Сербскомъ у две части. У Венеціи, 1804; см.: *Скерлић Ј.* Историја... С. 107—108.
- ⁴⁷ *Соларич П.* Ново... С. XV.
- ⁴⁸ Там же. Ч. I. С. 402—421; Ч. 2. С. 92—101.
- ⁴⁹ Там же. Ч. I. С. 420, 468; ср.: Заболотский П. А. Очерки... С. 368.
- ⁵⁰ *Гаврилович С.* Војводина... С. 88, 121, 126—127 и др.; Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. М., 1983. Кн. 2. С. 26 сл., 221, 287 и др.
- ⁵¹ *Шимич Н.* Иконостасъ славныхъ и храбрыхъ лицъ. Въ Будинѣ Градѣ, 1807.
- ⁵² Там же. С. 10.

- ⁵³ История Франции. М., 1973. Т. 2. С. 141; История южных и западных славян. М., 1979. С. 194.
- ⁵⁴ Шимичь Н. Иконостасъ... С. 12, 14–16.
- ⁵⁵ Там же. С. 18, 20; ср.: Костић М. Култ... С. 102.
- ⁵⁶ Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 10 т. М., 1949. Т. VIII. С. 123–127.
- ⁵⁷ Шимичь Н. Иконостасъ... С. 30–33, 34–38; ср.: Панченко А. М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // XVIII век: Сб. 14. Л., 1983. С. 93 сл.
- ⁵⁸ Шимичь Н. Иконостасъ... С. 23–30; ср.: Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. // XVIII век: Сб. 13. Л., 1981. С. 125–130.
- ⁵⁹ Шимичь Н. Иконостасъ... С. 63; ср.: Пушкин А. С. Поли. собр. соч. Т. VIII. С. 124–125.
- ⁶⁰ Шимичь Н. Иконостасъ... С. 60–69.
- ⁶¹ Там же. С. 70–101.
- ⁶² Там же. С. 75, 87, 98, 101.
- ⁶³ Гавович Е. Новый Плутархъ, или Краткое описание славянъши людій свію нації оть древнѣши времена до данасъ по Бланшару и Шиллеру свободно преведенъ, и новыми біографіями умноженъ... Ч. I. Въ Будимъ, 1809. Ч. 2. Крагуевац, 1834.
- ⁶⁴ Вначале он хотел также включить во 2-ю часть сборника биографии Екатерины II и Суворова, но позже отказался от этого.
- ⁶⁵ Там же. Ч. I. С. 300, 309–310.
- ⁶⁶ Там же. Ч. I. С. 306–309.
- ⁶⁷ Гнатович М. Марія Менциковъ, или Жертва славолюбія: Жалостна игра у петь дѣйствія, съ немецкаго на просто србскій преведена. Въ Будинѣ градѣ, 1809.
- ⁶⁸ Гавович Е. Новый Плутархъ... Ч. I. С. 420.
- ⁶⁹ Ср.: История Франции. Т. 2. С. 141–142.
- ⁷⁰ См., например: Народна Библиотека СР Србије: Каталог книга на језицима југословенских націа, 1519–1867. Београд, 1973. С. 524 (из приведенных здесь изданий 1810–1812 гг. можно указать лишь переиздание оды А. Мразовича «Слезы блаженней сени Александры Павловны», № 1626).
- ⁷¹ Заболотский П. А. Очерки... С. 104–116, 190–196, 300–329, 357, 360, 363; Прилози проучавању...; Достојан И. С. Русская...; и др.
- ⁷² Песма о рату между Россіомъ и Франциомъ. Б. М., 1813; см. также о панегирике Г. Якшича «Песнь победная...» (1814) в кн.: Заболотский П. А. Очерки... С. 303–304.
- ⁷³ Вуичь Г. Суваровъ и Кутусовъ у царству мертвыхъ [Пешт], 1814 (брошюра посвящена русско-французской войне, а не биографии Суворова); Он же. Животоописаніе... Карлштадт, 1833. С. 431; Вуичем были изданы еще несколько брошюр на эту тему («Козацы у Бечу» и др.). См.: Скерлић Ј. Историја... С. 489.
- ⁷⁴ Заболотский П. А. Очерки... С. 187 сл.
- ⁷⁵ Магарашић Г. Исторія найважній политични европейски приключения от Віенскаго мира 1809. до 1821. год. У Бечу, 1823; Он же. Кратка всесмирна исторія. У Будиму, 1831.
- ⁷⁶ См., например: Магарашић Г. Кратка... С. 138; а также в автобиографии Г. Зелича: Зелић Г. Житіе... В Будимѣ, 1823.
- ⁷⁷ Магарашић Г. Кратка... С. 103–111 (раздел «Петр Великий»); Лазаревич-Зорич Г. Краткое руководство к познанию всемирные истории, составив за славяно-сербскую юность... СПб., 1826. С. 194–197; Йоаннович В. Исторія Великогъ Петра првогъ імператора... Карловац, 1831 (примечательно, что список «гг. преумерантов» насчитывает 537 подпischиков, и это говорит о большом интересе сербов в Воеводине и Сербском княжестве в данной теме).
- ⁷⁸ Жизнь и подвиги Милоша Обреновича... СПб., 1825 (об этой книге В. Караджића см.: Достојан И. С. Русская... С. 172–173, 215–216); Лазаревич-Зорич Г. Краткое...; Йоаннович В. Исторія...; Житије Ђорђија Арсенијевића Емануела... издао Вук Стеф. Карапић. У Будиму, 1827.
- ⁷⁹ Заболотский П. А. Очерки... С. 311; Карапић В. Милош Обренович... У Будиму, 1828. С. 13–17.

³⁰ Бранковић А. Карактеристика или описаніе народа по целої землї живећег из вѣродостойни писанія... У Будиму, 1827. С. 16—17.

³¹ Магарашевић Г. Исторія... С. VIII.

³² Там же. С. 9, 15, 21, 46—47, 75, 113.

³³ Магарашевић Г. Кратка... С. 129—131.

³⁴ Подробнее см.: Прилози проучавању... (статьи о В. Караджиће, С. Милутиновиче и др.); Карасев В. Г. Вук Караджић и Россия // Славянское источниковедение. М., 1965. С. 208—228; Наумов Е. П. Несколько писем Вука Караджића к русским историкам В. И. Григоровичу и М. П. Погодину // Славянская историография и археография. М., 1969. С. 221—230; и др.

Русские связи Досифея Обрадовича в годы Первого сербского восстания

И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ

Досифей Обрадович, крупнейший деятель сербской культуры XVIII в., на протяжении всей жизни был связан с Россией. Его мировоззрение и писательская деятельность, проникнутые идеями Просвещения, испытали влияние русской культуры. Писатель постоянно мысленно обращался к России, широко используя в своих сочинениях русский материал для аргументации принципов Просвещения. Обрадович имел личные контакты с представителями разных кругов российского общества. В 1787—1788 гг. в течение полугода он жил в России и преподавал в военном училище в Шклове, имении генерала Зорича. До Первого сербского восстания его связи с Россией развивались в сфере культуры.

Интерес Д. Обрадовича к России определялся новой складывавшейся общественной и культурной ситуацией у сербов, подкрепляясь традиционностью русско-сербских связей и растущими симпатиями к России со стороны балканских народов благодаря ее постоянной поддержке и неизменной готовности к их защите.

Первое сербское восстание 1804—1813 гг. открыло новые перспективы в русско-сербских отношениях. Освободительная борьба сербского народа получила материальную, дипломатическую и вооруженную поддержку со стороны России. В те годы русские связи Д. Обрадовича вступили в новую фазу.

Русские контакты Д. Обрадовича в годы Первого сербского восстания специально не изучались, но о них отрывочно упоминалось в научной литературе¹. Их систематизированное освещение имеет значение как для более полного представления о жизни и деятельности выдающегося сына сербского народа, так и для углубленного понимания широкой проблемы — Первое сербское восстание и Россия.

В России знали о писательской деятельности Обрадовича. Внимание к нему возросло с началом сербского восстания. В 1804 г.

в Триесте, где жил писатель, его посетили А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев. Это явилось выражением интереса русской общественности к сербскому мыслителю — представителю народа, поднявшегося на борьбу за освобождение. В то время студенты Геттингенского университета, А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев, совершали путешествие по славянским землям с научно-познавательными целями. В дальнейшем они стали известными России людьми: Кайсаров — профессором русского языка и словесности в Дерптском университете, А. Тургенев, брат декабриста Н. Тургенева, — видным администратором, общественным деятелем, историком.

В 1806 г. в Петербурге было издано анонимно с некоторыми изменениями стихотворение Обрадовича под названием «Песна о избавлению Сербие, сочинено в Белеграде» и анонимный же вольный перевод его на русский язык. Это был один из первых переводов сочинений Обрадовича вообще.

Главной чертой идеиного облика Д. Обрадовича и его деятельности была любовь к «сербскому роду». Стремление быть полезным своему народу, желание видеть его просвещенным и процветающим руководили творчеством писателя-просветителя. Патриотизм и намерение основать типографию для беспрепятственного издания сербских книг побудили Обрадовича, уже ставшего и больного человека, переехать из Австрийской монархии в восставшую Сербию — «землю прародителей».

В 1806 г., когда Обрадович, покинув Триест, находился в Среме в ожидании разрешения австрийского правительства на выезд в Сербию, его контакты с Россией получили политический характер. В конце года по поручению Правительствующего совета, одного из центральных органов восстания, Обрадович ездил с ответственной миссией в Бухарест, в главную квартиру русских войск, где вел переговоры с главнокомандующим Молдавской армией генералом Михельсоном о помощи сербам. Русское правительство высоко оценило деятельность Обрадовича на благо «соотчичей своих славяно-сербов», наградив его в начале 1807 г. золотым крестом².

В августе 1807 г. Обрадович легально переехал в Сербию. Он стал здесь членом Правительствующего совета, первым попечителем просвещения.

В сложной обстановке, когда в руководстве восстанием шла борьба по вопросам внешнеполитической ориентации Сербии, когда часть воевод по разным причинам пытались искать поддержки у Австрии, которая в действительности боялась развития сербского освободительного движения, Д. Обрадович твердо и неуклонно отстаивал союз Сербии с Россией.

Прорусская ориентация Обрадовича в годы восстания была подготовлена его идеиным развитием, осознанием им исторической роли России в борьбе с Османской Турцией и в освобождении подвластных Порте народов. В своих основных сочинениях «Советы здравого разума» (Лейпциг, 1784) и «Басни» (Лейпциг,

1788) он приветствовал успешное освобождение Россией ряда территорий, находившихся под властью Османской империи³. В 1789 г. в связи с изгнанием из Белграда турецких войск в ходе войны Австрии и России против султанской Турции Обрадович написал поэтическое сочинение «Песна о избавлению Сербие», в котором прославлялись победы австрийского и русского оружия.

Высокая образованность и демократизм помогли Обрадовичу понять смысл политики России на Балканах. Он писал в 1788 г.: «Известно, что римский император (Иосиф II — И. Л.) и российская императрица за интересы своих царств с турками воюют, но тем не менее каждая благоразумная и человеколюбивая душа благословит имена тех, кого вечный промысел избрал в качестве своего орудия, чтобы уменьшить непорядок, варварство, чуму, мрак суеверия и невежества, и все злополучия, которые из них проис текают, со временем истребить из человеческого рода»⁴. Сербский мыслитель провел различие между интересами русского двора и положительным значением русско-турецких войн для балканских народов.

В период правления Иосифа II Обрадович, питая иллюзии относительно освободительной миссии австрийской «просвещенной» монархии на Балканах, не проводил различия между политикой Австрии и России. Однако под влиянием действенной позиции российской дипломатии на Балканах, традиционно поддерживавшей угнетенные народы, роста международного влияния и военных побед России, с одной стороны, и корыстных маневров Австрии в отношении сербов, ее неудач в войне с Турцией 1788—1791 гг., за которыми последовала жестокая расправа османских войск над Сербией,— с другой, Обрадович окончательно разочаровался в балканской политике Габсбургов и утвердился в мысли о том, что только Россия является подлинным союзником сербов в их борьбе за национальное освобождение.

Позиция Обрадовича в пользу союза повстанческой Сербии с Россией отвечала настроениям широких масс сербского народа. К. К. Родофиникин, главный дипломатический представитель России в Сербии, в донесении А. А. Прозоровскому, сменившему Михельсона на посту главнокомандующего Молдавской армией, от 9(21) ноября 1807 г. из Белграда констатировал: «Народ весь привержен к России, искренне любит российское имя и на единую Россию возлагает всю свою надежду, которая одна токмо и поддерживает онай. Если бы не надеялись на Россию, от которой ожидают скорый конец настоящему своему положению, то большая часть разбежались бы в Цесарию, хотя австрийцев не любят нимало»⁵.

Австрийские официальные круги внимательно следили за Обрадовичем. Они были оповещены о его позиции в отношении Вены. 30 мая 1808 г. австрийский консул в Бухаресте И. Бренер на основании донесений своего конфидента в Белграде Я. Брески писал австрийскому министру Стадиону: «Ненависть, которую

он питает к Австрии, не имеет границ. Он стремится внушить ее также не только сербским старейшинам, но и их детям (как глава школьного дела) и всей нации»⁶. 5 июня 1808 г. Бренер по сообщению того же Брески доносил Стадиону, что Обрадович, пользующийся большим уважением у сербов, внушал им мысль, что провинции, лежащие в Австрийской империи против Сербии, были когда-то сербскими землями, и тем самым побуждал к овладению ими⁷. Учитывая влияние Обрадовича на руководство повстанцев, командующий Славонско-Сремской Военной Границей Симбшен предлагал эрцгерцогу Карлу в числе мер, которые следовало предпринять против Сербии, объявить Обрадовича « вне закона»⁸.

Убежденность в пагубности ориентации на габсбургскую монархию и, наоборот, непоколебимое сознание плодотворности союза повстанцев с Россией определяли позицию Обрадовича в Правительствующем совете, где с его мнением весьма считались⁹. В этом направлении он оказывал влияние на Карагеоргия, верховного вождя повстанцев, который испытывал к нему исключительное доверие. Его прорусские симпатии получили выражение и в поэтическом творчестве.

Будучи в теоретическом отношении сыном своего времени, Обрадович преувеличивал внешнеполитическую роль императоров и государственных деятелей и персонифицировал Россию в лице Александра I. По слухам наступления нового 1808 г. он написал два стихотворения в честь Александра I и русского дипломата Родофиникена. Обрадович прославлял их деятельность на благо Сербии. Он призывал Александра I «быть всегда Сербии благим покровителем». В стихотворении, посвященном Родофиникину, содержалось заверение, что Сербия будет ему «вовек благодарна» и не забудет добро, содеянное им¹⁰.

По приезде в Белград Обрадович первое время жил в резиденции бывшего паши, а затем в доме Петра Новаковича Чардаклии, в прошлом капитана австрийской армии, повстанческого деятеля, неоднократно принимавшего участие в составе сербских депутатий в переговорах с русскими официальными лицами.

Обрадович поддерживал самые тесные контакты с Родофиником. Как человек высокообразованный и притом искренне заинтересованный в укреплении связей Сербии с Россией, он нередко выполнял роль посредника в отношениях между Карагеоргием, сербскими воеводами, с одной стороны, и русским дипломатическим представителем — с другой. По словам Родофиникена, он предпочитал передавать официальную корреспонденцию, поступавшую на имя Карагеоргия из России, через Обрадовича. «Иеромонах,— писал Родофиникен Прозоровскому,— не только прочитает и переведет ему вразумительным образом, но притом присовокупит и свои примечания и советы как человек, истинно любящий свое отчество и здравомыслящий»¹¹. Русский дипломат, питая глубокое уважение и доверие к Обрадовичу, прибегал к его помощи для разъяснения политики Рос-

ции. Родофиникин в обществе Обрадовича посещал Карагеоргия в его доме в селе Топола¹².

В свою очередь Карагеоргий, председатель Правительствующего совета Младен Милованович обращались к Обрадовичу для составления писем к русским официальным лицам. Карагеоргий в присутствии Обрадовича решал с Родофиникиным вопросы текущей политики. Он доверял Обрадовичу «обо всем» говорить с русским представителем¹³.

15(27) января 1808 г. Родофиникин сообщал Прозоровскому, что по указанию Карагеоргия его посетили Обрадович и секретарь Совета и ознакомили с проектом письма сербского вождя австрийскому эрцгерцогу Карлу. В письме содержалась просьба о продаже сербам боеприпасов. Карагеоргий хотел узнать мнение Родофиникина по этому вопросу. «Иеромонах Доситет,— писал русский дипломат,— человек ученый и известный своими сочинениями между австрийскими сербами, пришедший сюда из любви к соотечественникам своим, дабы посвятить им познания свои; прежде нежели я начал говорить, признался в легкомысленности поступка вождя сербского, и что к оному его уговорили семлинские купцы Милош и Драгутин и поглавари здешние их товарищи по торговле»¹⁴. Родофиникин привел доводы против отправки подобного письма. Он полагал, что при покровительстве сербам со стороны России им не следовало обращаться за помощью к другим дворам, тем более что Австрия никогда не согласилась бы продать сербам боеприпасы. Она «не желает,— разъяснял Родофиникин,— чтобы Сербия усилилась и была бы благополучна, ибо тогда все сербы, живущие на той стороне, перейдут сюда и тем оной двор лишится немалого числа своих подданных». Наконец, цель купца Милоша «по согласию с поглаварями клонится токмо к торговой их спекуляции». «Иеромонах Доситет и секретарь Совета,— продолжал Родофиникин в донесении,— пересказали все Черному Георгию». Однако последний не внял доводам русского дипломата, и письмо было отдано купцу Милошу, «с коим он переправился на ту сторону»¹⁵. Д. Обрадович видел, какое влияние оказывают на Карагеоргия сербские торговцы из Австрийской империи, коммерческие интересы которых были связаны с империей Габсбургов, и не разделял колебаний сербского вождя в вопросе об отношениях с ней.

Обрадович поддерживал мнение Родофиникина о целесообразности отправить сына Карагеоргия Алексу, мальчика 9 лет, для воспитания и получения образования в Петербург. И Карагеоргий под влиянием Обрадовича склонялся к этому¹⁶.

Обрадович был человеком скромного достатка. Всю жизнь он жил частными уроками и на доходы от продажи своих печатных произведений. В Сербии, практически не имея средств к существованию, он жил чужой помощью. Свои скромные сбережения Обрадович истратил на покупку старого заброшенного дома, который предназначался, однако, не для проживания, а для устройства типографии, о чем писатель мечтал все последние

годы жизни¹⁷. После смерти Чардаклии в феврале 1808 г. он оказался в затруднительном положении. Родофиникин предложил Обрадовичу переехать вместе с сыном Керагеоргия, которого тот воспитывал, в его дом, и это предложение было принято. Такая ситуация не была исключительной, поскольку в просторном доме Родофиникина, самом лучшем в Белграде, некоторое время размещался сам Правительствующий совет, включая «канцелярию» и архив после его переезда в декабре 1807 г. из Смедерева в Белград¹⁸. У Родофиникина Обрадович общался и с Т. Недобой, секретарем русского представительства, который также жил в этом доме¹⁹.

Родофиникин оказывал материальную поддержку Обрадовичу. В донесении русского дипломата Прозоровскому от 26 мая (7 июня) 1809 г. говорилось: «Иеромонах Доситеј, призывающий за сыном Черного Георгия, хотя имеет у меня стол и квартиру, лишен, однако, средств к одеянию себя, не получая никакой оплаты от здешних, сей человек, пользующийся доверием, можно сказать, всей нации Сербской, на австрийской стороне обитающей, и особенно уважаемый Черным Георгием, не мог оставаться без пособия, которое и решился я ему сделать, хотя весьма умеренное»²⁰. В документе «Счет чрезвычайным издержкам с 1-ого января 1809-го года» за подписью Родофиникина под датой 28 января (9 февраля) значится: «Иеромонаху Доситею, воспитывающему сына Черного Георгия, не получающему за то ни от кого никакого платежа, сверх того употребленного мною в разные времена для письмоводства на сербском языке дано...—40 червонных»²¹. Родофиникин же оплачивал и услуги доктора, который лечил Обрадовича. Держа отчет перед Прозоровским в денежных расходах, он в донесении от 25 февраля (9 марта) 1809 г. писал: «...семлиnsкому доктору Крудимек, ползовавшему живущего у меня иеромонаха Доситея и коллежского регистратора Павковича, за визиты 20 червон(ных) и за медикаменты 18 черв(он)ых и 5 пиастров. Всего тридцать восемь червон(ных) пять пиастров»²².

Материальная поддержка Родофиникина имела существенное значение для Обрадовича. О том, как жил он после отъезда русского дипломата в августе 1809 г. из Белграда, можно судить по его письму И. Димичу от 30 января (11 февраля) 1810 г. Обрадович писал: «платы здесь никакой не имею, кроме пропитания. С тех пор, как я перешел сюда, ни один экземпляр „Географии“²³ не продан, о книгах здесь не заботятся... И я сам скромно живу — не жалуюсь, но говорю то, что есть...»²⁴ Только с мая 1810 г., когда Обрадович официально стал членом Правительствующего совета, он получил государственное содержание.

Как вспоминал участник восстания А. Протич со слов Обрадовича, Родофиникин предложил последнему в августе 1809 г., когда создалось угрожающее положение в связи с наступлением турецких войск, вместе с ним и митрополитом Леонтием покинуть Белград. Однако Обрадович ответил: «Я приехал в Белград, в

любимое наше отечество. Если страдает отечество, пусть турецкие кони и меня затопчут»²⁵. Именно Обрадович и черногорский архимандрит Филипович удержали Карагеоргия от безрассудного разгрома дома Родофиникина в отместку за то, что он уехал из Белграда²⁶.

Контакты Обрадовича с Россией в годы Первого сербского восстания завершились его участием в составе сербской депутации в переговорах с Н. М. Каменским, новым главнокомандующим Молдавской армией, в конце 1810 г. Сербская депутация, в которую, помимо Обрадовича как члена Совета, входили коменданты Миленко Стойкович и Милан Обренович, «от имени всего народа» просила ввести русские гарнизоны во все сербские крепости и направить в Сербию двух русских чиновников «для сочинения законов и введения устройства в земле»²⁷. В этих требованиях отразилась внутренняя политическая борьба в Сербии, оппозиция неограниченной власти Карагеоргия и его неустойчивому внешнеполитическому курсу со стороны ряда авторитетных воевод, приверженцев России²⁸. Что касается позиции Обрадовича в столь сложной политической ситуации, он был сторонником власти, опирающейся на «твёрдые законы»²⁹, и союза с Россией. Письма Обрадовича близким знакомым были проникнуты желанием скорейшего урегулирования внутренней жизни Сербии³⁰. Носитель идеалов Просвещения, он не мог оправдывать и необузданную жестокость Карагеоргия.

В ответ на просьбу сербской депутации Каменский выразил намерение направить в Белград отряд русских войск со строгим предписанием «не мешаться никому из наших в дела их». Каменский обещал сербам послать также в Белград особу, «которая, не мешаясь ни во что, будет токмо преподавать им нужные советы к введению некоторого устройства, поколику то возможно при настоящем положении дел». Эти обещания были приняты сербскими посланцами с благодарностью³¹.

В январе 1811 г. Каменский направил Карагеоргию письмо, в котором дал высокую оценку деятельности сербской депутации в лице М. Стойковича и Д. Обрадовича³². Главнокомандующий Молдавской армией писал Карагеоргию «об отличном усердии и попечительно показанных ими к выполнению возложенного от Вас на них поручения и об истинной преданности их к отечеству своему, о благе коего они здесь пещились не преставали»³³.

Д. Обрадович занимает видное место в развитии русско-сербских отношений в последние десятилетия XVIII в. и в годы Первого сербского восстания. Его писательская деятельность знаменовала собой складывание нового типа сербских культурных связей с Россией, отвечавших потребностям формировавшейся сербской нации и стадиально новым духовным запросам сербского общества.

Замечательный сын сербского народа, Д. Обрадович отразил в своем творчестве отношение передовой части сербского общества к России. Он утверждал в сербах уважение к русскому

народу и его культуре, веру в его неисчерпаемые духовные силы, сознание важности использования культурного опыта России. Политическая деятельность Обрадовича в годы Первого сербского восстания явилась вкладом в дело упрочения русско-сербских связей. Его убежденность в жизненной необходимости для повстанческой Сербии союза с Россией вытекала из реальной оценки интересов сербского народа.

Во время Первого сербского восстания Д. Обрадович был одним из тех политических деятелей Сербии, благодаря усилиям которых формировался и поддерживался русско-сербский военно-политический союз.

- ¹ Костић М. Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века. Београд. 1952; Радојчић Н. Доситеј Обрадовић и први српски устанак // Прослава стопедесетогодишњице Првог српског устанка у Српској Академији Наука, 10. VI. 1954. Београд. 1954; Петровић Р. Око боравка Доситеја Обрадовића у Београду (1807—1811): Прилог историји Београда у XIX веку // Ковчежић. Књ. VII. Београд. 1966; Књ. VIII. Београд, 1968. Гавриловић С. Војводина и Србија у време Првог устанка. Нови Сад. 1974; Маринковић В. Доситеј и стари Београд // Savremenik. 1962. N 7.
- ² Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия М., 1980. Кн. 1: 1804—1807 гг. С. 315.
- ³ Обрадовић Д. Сабрана дела. Београд, 1961. Књ. I. С. 303, 306, 424.
- ⁴ Там же. С. 613.
- ⁵ Первое сербское восстание... Кн. 1. С. 432.
- ⁶ Ивић А. Списи бечких архива о Првом српском устанку. Књ. V: година 1808. Суботица, 1939. С. 649.
- ⁷ Там же. С. 672.
- ⁸ Там же. С. 670.
- ⁹ Там же. С. 670.
- Д. Обрадович стал членом Правительствующего совета в мае 1810 г. До этого он официального поста не занимал, но как авторитетная личность участвовал в работе Совета. См.: Петровић Р. Око боравка... // Ковчежић. Књ. VIII. С. 89.
- ¹⁰ Обрадовић Д. Сабрана дела. Књ. III. С. 22, 25.
- ¹¹ Центральный государственный военно-исторический архив (далее: ЦГВИА). Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 208 об.
- ¹² Доисенеие К. К. Родофинкина А. А. Прозоровскому, 23 мая (4 июня) 1808 г. // ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 2. Л. 230.
- ¹³ Петровић Р. Око боравка... // Ковчежић. Књ. VII. С. 63.
- ¹⁴ Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. М., 1983. Кн. 2: 1808—1813 гг. С. 8. Имелись в виду земунские торговцы Милош Урошевич и Драгутин Милутинович, с которыми Карагеоргий был связан еще до восстания.
- ¹⁵ Там же. С. 9. Предположения Родофинкина о реакции австрийского двора подтвердились. Эрцгерцог Карл ответил, что Австрия ввиду нейтралитета не может разрешить вывоз военного материала в Сербию. См.: Дубровин Н. Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. 1863. Т. 46. С. 157.
- ¹⁶ Ивић А. Списи... С. 469.
- ¹⁷ Обрадовић Д. Сабрана дела. Књ. III. С. 319, 321, 334. Военные действия, нестабильность внутреннего положения Сербии, трудности сбыта и распространения книг ввиду поголовной неграмотности населения — все это помешало Обрадовичу открыть типографию. Вместо нее он основал в своем доме осенью 1810 г. богословию — училище для подготовки священников. См.: Петровић Р. Око боравка... // Ковчежић. Књ. VII. С. 66, 67.
- ¹⁸ Там же. Књ. VIII. С. 57.

- ¹⁹ Там же. Кн. VII. С. 61.
- ²⁰ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 6. Л. 117 об., 118. С небольшими изменениями опубликовано в кн.: Дубровин Н. Князь П. И. Багратион // Военный сборник. СПб., 1864. Т. 40. С. 228—229.
- ²¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 6. Л. 120.
- ²² Там же. Д. 394. Ч. 5. Л. 216.
- ²³ Имелась в виду «Новая гражданская география», написанная учеником и ближайшим сподвижником Обрадовичем П. Соларичем (1804 г.).
- ²⁴ Обрадовић Д. Сабрана дела. Кн. III. С. 334.
- ²⁵ Причина савременика о Првом устанку. Београд, 1954. С. 208.
- ²⁶ Допесение К. К. Родофинкина А. А. Прозоровскому, 22 августа (3 сентября) 1809 г. // ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 7. Л. 335.
- ²⁷ Депеша Н. М. Каменского министру иностранных дел Н. П. Румянцеву, 12(24) декабря 1810 г. // Первое сербское восстание... Кн. 2. С. 200.
- ²⁸ Историја српског народа. Београд, 1981. Кн. V. Т. I. С. 73—74.
- ²⁹ Обрадовић Д. Сабрана дела. Кн. I. С. 469.
- ³⁰ Там же. Кн. III. С. 318, 321, 342.
- ³¹ Первое сербское восстание... Кн. 2. С. 200.
- ³² Д. Обрадович умер в Бухаресте.
- ³³ Первое сербское восстание... Кн. 2. С. 205.

Греческое коммерческое училище Одессы в 1817—1830 гг.

(Из истории новогреческого Просвещения)

Г. Л. АРИ

В первые века османского господства в Греции существовали немногочисленные, как правило, начальные школы, где дети обучались чтению и письму на родном языке. Национально-патриотический подъем, захвативший греческое общество во второй половине XVIII в., коснулся и национального образования, которое становится важнейшей составной частью новогреческого Просвещения — большого общественного и культурного движения, объективно служившего идеологической подготовке греческого народа к национально-освободительной революции.

В конце XVIII — начале XIX в. значительно увеличивается число начальных школ в Греции, преобразуются или учреждаются заново учебные заведения более высокого уровня, приближившиеся по своей программе к европейским лицеям. По некоторым данным, в начале XIX в. на территории Греции существовало 14 таких училищ¹.

Новые греческие учебные заведения были детищем эпохи Просвещения. Здесь господствовал дух новоевропейской философии и науки. Их преподаватели были, как правило, питомцами западноевропейских университетов. Важное место в учебной программе этих училищ было отведено естественным наукам и живым языкам, в том числе новогреческому, впервые получившему тогда права гражданства (до этого преподавание в греческих

училицах велось на аттическом диалекте древнегреческого языка). Большое внимание уделялось также знакомству учащихся с литературой и философией Древней Греции, что служило средством их патриотического воспитания. С созданием новых училищ укрепился светский характер образования в Греции и значительно ослабла характерная для средних веков его зависимость от церкви. Греческие «лицеи» в организационном и финансовом отношении зависели от городских и сельских общин, где значительное влияние приобрели уже буржуазные элементы.

Становление новой, национальной системы образования в Греции наталкивалось на большие трудности. Нововведениям оказывали ожесточенное сопротивление сторонники старой холастиической школы, пользовавшиеся поддержкой церкви и консервативных кругов греческого общества. Общая ситуация в Османской империи также весьма мало благоприятствовала просветительской деятельности в греческих землях. Образование греков и других своих христианских подданных османское военно-феодальное государство не оказывало ни малейшей поддержки. Более того, характерное для восточных деспотов отсутствие безопасности для жизни и имущества, религиозный и национальный гнет, бесчинства и произвол местных мусульманских феодалов, усилившиеся во второй половине XVIII в., создавали постоянную угрозу для школьных учреждений, для учителей и учащихся. К тому же ввиду экономической и технологической отсталости Османской империи создание здесь учебных заведений, которые оказались бы на уровне достижений педагогической науки того времени, представляло огромные трудности.

В силу указанных обстоятельств особое место в истории новогреческого Просвещения принадлежит учебным заведениям, возникшим в странах с более благоприятными, чем в самой Греции, социально-политическими условиями. Эти заведения привлекают в последние годы все большее внимание историков. Написаны уже, в частности, фундаментальные исследования об училищах Венеции, Бухареста и Ясс². Но не меньшего внимания заслуживает история аналогичного учреждения, существовавшего в России,— Греческого коммерческого училища Одессы. Училище это, основанное в 1817 г., просуществовало более ста лет. В данной статье рассматривается не являвшаяся до сих пор предметом исследования история Греческого коммерческого училища в 1817—1830 гг., когда оно самым неразрывным образом было связано с Грецией, с борьбой ее народа за национальное освобождение и национальную культуру.

Основным источником служили нам неопубликованные архивные документы. Особую важность, прежде всего с точки зрения взаимоотношений училища с русскими властями, представляют архивные фонды бывшего Министерства народного просвещения, хранящиеся в Центральном Государственном историческом архиве СССР. Архив самого Греческого коммерческого училища пока не найден. Скорее всего, он безвозвратно утрачен. Однако

многие документы из этого архива опубликовал в 1871 г. в приложении к своему хроникальному очерку истории Греческого коммерческого училища за первые пятьдесят лет его существования Х. Вулодимо, тогдашний его директор³.

История Греческого коммерческого училища неразрывно связана с развитием греческой общины Одессы. В Одессе и ее окрестностях греческие поселенцы появились уже в 1794 г. Это были добровольцы, сражавшиеся на стороне России в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. и вынужденные покинуть свою родину. В начале XIX в., помимо Одессы, греческие общины существовали в Таганроге, Керчи, Феодосии, Николаеве, Мариуполе, Нежине, Москве и других городах России⁴. Греческие колонии были и в Вене, Триесте, Пеште, Венеции, Ливорно, Неаполе, Генуе. Однако греческая община Одессы заметно выделялась среди других зарубежных общин быстрым ростом своего благосостояния, связанным с активным участием ее представителей в российской черноморской торговле, обслуживавшей бурно развивающуюся экономику Новороссийского края. Обогащаясь, естественно, купеческая верхушка, сколотившая в короткий срок миллионные состояния. Но постоянным заработком были обеспечены в Одессе в те годы и матросы, и ремесленники, и приказчики. Поэтому греческая община города постоянно росла, к 1820 г. она насчитывала около полутора тысячи человек⁵. Во втором десятилетии XIX в. одесская греческая община выдвинулась на первое место среди других греческих зарубежных общин еще и своей национально-патриотической активностью. Регулярные торговые рейсы, постоянные визиты друзей и родственников давали местным грекам возможность быть полностью в курсе событий, происходящих на родине. Они переживали со своими соотечественниками их унижения и бедствия, разделяли с ними их надежды на близкое освобождение. Собственное их положение в России, где греки не только были избавлены от какого-либо религиозного и национального гнета, но и пользовались большими привилегиями, укрепляло в них чувство человеческого достоинства, стимулировало патриотические настроения. Именно в Одессе греческими переселенцами была создана в 1814 г. тайная национально-патриотическая организация Филики Этерия (Дружеское общество), подготовившая национально-освободительное восстание 1821 г. Патриотические настроения одесских греков находили также отражение в их интересе к греческой культуре, в стремлении дать своим детям национальное образование.

Греки начали создавать в Одессе свои школы вскоре после основания города. Так, в 1800 г. коллежским ассессором Врето была основана школа, 70 учеников которой обучались греческому, итальянскому и русскому языкам. Это была частная школа, просуществовавшая до 1803 г.⁶ Через десять лет было создано начальное училище, содержавшееся греческой общиной Одессы. «Вскоре по очищении города Одессы от морового поветрия,— говорится в современном документе,— заведено было в 1813 году

при одесской греческой Троицкой церкви приходское училище, в котором обучались дети греческому и русскому чтению и письму, краткой священной истории и катихизму, грамматике еллиногреческого и русского языков»⁷. По некоторым данным, в училище было 75 учеников, которых обучали два учителя⁸. На базе этого училища и было создано через четыре года Греческое коммерческое училище. Решение о его создании было принято на собрании одесских греков 12(24) августа 1816 г. На этом же собрании эфорами * училища были избраны Моисей Патшу, Скарлат Максим, Дмитрий Дума, Константин Артинов. Греческой общине Одессы требовались грамотные и образованные люди как для нужд коммерции, как и для того, чтобы быть шире представленной в различных выборных городских органах. Однако в принятии этого решения сыграли роль не только утилитарные соображения. Преуспевавшие греческие негоцианты Одессы хотели создать училище, которое было бы на уровне достижений тогдашней педагогической науки и ни в чем не уступало бы лучшим из существовавших национальных учебных заведений. Но для создания такого училища требовались значительные денежные средства, и далеко не все купцы были склонны раскошелиться. О спорах, которые шли в домах одесских греков в связи с планом учреждения нового учебного заведения, дает представление статья анонимного автора, грека-одессита, опубликованная в 1817 г. в греческом литературно-научном журнале «Эрмис о Логъос» («Ученый Меркурий»)⁹. Сам автор мотивировал необходимость создания училища национальными интересами в узком и широком их понимании. Он, в частности, доказывал, что из-за отсутствия национальной школы греческие дети, рождающиеся в Одессе, забывают свой язык. «Когда же погибнет язык,— писал этот греческий патриот,— то погибнет и нация». Кроме того, такое училище будет полезно и в деле распространения просвещения в самой Греции. Юноши из Греции, которые для получения образования отправляются в другие страны, будут ездить в близкую Одессу, где они смогут заодно выучить русский язык, столь необходимый для коммерции. Большинство греческих коммерсантов Одессы проявили готовность оказать финансовую помощь новому училищу. Идею его создания поддержал и новороссийский генерал-губернатор А. Ф. Ланжерон. 11(23) октября 1816 г. он сообщил министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну о проведенных уже одесскими греками подготовительных мероприятиях. «Греческое коммерческое общество в Одессе, чувствуя выгоды просвещения и соревнуя своим соотечественникам в благотворениях, желает доставить своему юношеству лучшие способы к образованию себя в начальных науках, а особенно еллиногреческему языку. Оно предположило учредить в Одессе на собственном иждивении

* Эфор (греч.— *Έφορός*) — инспектор, смотритель. В современных русских документах этот термин переводился как «директор», «попечитель».

училище, под названием Греческого коммерческого, в котором бы преподавались: языки еллиногреческий, российский и итальянский, законоучение православной грекороссийской церкви, священная и всемирная история, география, арифметика, бухгалтерия, краткий курс всей математики, приспособленной к навигации и других наук начальные основания...»¹⁰ Из этого письма А. Ф. Ланжерона и приложенного к нему «Расположения учения в Греческом коммерческом училище», подписанном его эфорами¹¹, видно, что его основатели намеревались создать национальное учебное заведение широкого профиля.

В конце 1816—1817 гг. подготовительная работа по созданию Греческого коммерческого училища продолжалась. В значительной степени была разрешена финансовая проблема. Существовавшие в Одессе греческие страховые общества предложили отчислять в фонд училища от 10 до 20% своих доходов. Кроме того, местные греческие купцы решили, что 0,1% от всех их торговых оборотов также будет использовано для финансирования училища. Были сделаны и индивидуальные пожертвования. Предполагалось, что всех этих поступлений будет достаточно для покрытия ежегодных расходов училища, которые должны были по расчетам составить 30 тыс. рублей¹². 70 тыс. рублей было потрачено на покупку большого дома в центре города, где должно было разместиться училище¹³. Нелегкой задачей было найти подходящих учителей. Эфоры обратились к некоторым видным греческим педагогам с предложением преподавать во вновь созданном училище. После долгих переговоров им удалось добиться согласия на переезд в Одессу из Бухареста Г. Геннадиоса и И. Макриса. Через греков, живших в Вене, Венеции и Лейпциге, были заказаны учебные пособия¹⁴. 3(15) сентября 1817 г. состоялось официальное открытие Греческого коммерческого училища. На торжественной церемонии присутствовали А. Ф. Ланжерон, местный митрополит и все видные греки Одессы. Перед этой аудиторией старший учитель Г. Геннадиос произнес проникновенное слово о греческом просвещении¹⁵.

В августе 1818 г. были выбраны специальные уполномоченные для выработки устава Греческого коммерческого училища. Это были богатые и авторитетные купцы, обязавшиеся материально поддерживать училище: Федор Серафино, Александр Кумбари, Иван Амвросио, Иван Петала, Филип Капари, Апостол Варата, Григорий Маразли. В ноябре того же года комиссия завершила свою работу. Подготовленный ею документ важен не только для истории греческого одесского училища, но и для истории новогреческого Просвещения в целом¹⁶. В небольшой преамбуле раскрывались причины создания училища, объяснялось его название: «Известно всем, что учение есть единственное украшение и неотъемлемое богатство человека; видя сие, жительствующие в Одессе греки учредили пред сим училище для образования греческого юношества; и желая, затем, улучшить оное, привели в порядок, в коем ныне находится, наименовав

таковое Одесским Греческим купеческим училищем, яко учрежденное и содерживаемое купечеством». Употребление современным переводчиком при переводе греческого названия училища «Τό Ἐλληνικόν Ἑπτορικόν σχολεῖον τὸν Γραικῶν Ἔν Οδησσῷ» определения «купеческое», вместо общепринятого «коммерческое» четко раскрывает смысл названия училища: оно называлось так, потому что было создано греческим купеческим сословием или, как тогда говорили, «греческим коммерческим обществом» Одессы. По замыслу основателей училище должно было стать национальным учебным заведением общеобразовательного профиля. «Одесское греческое купеческое училище,— говорилось в 1-м пункте устава,— долженствует иметь начальным предметом учение нашего отечественного языка». На греческом языке должны были преподаваться все учебные предметы, в том числе и «познания, необходимо нужные в коммерции». В уставе была определена финансовая база училища. Помимо отчислений определенного процента от суммы торгового оборота и доходов страховых компаний, в доходную часть бюджета училища входили добровольные пожертвования одесских купцов. Лица, обязавшиеся ежегодно вносить определенную сумму на содержание училища, назывались «содержателями», а те, кто сделал единовременный взнос, — «вспомоществователями». Ежегодные собрания «содержателей» были высшим органом управления училищем. На них избирались три эфора (директора) и три советника. Эфоры должны были заниматься финансовыми и хозяйственными вопросами и осуществлять контроль за учебным процессом. Важнейшей их функцией был подбор и наем учителей. В 4-й статье устава об этом говорилось: «Иметь столько учителей, сколько их нужно для училища, которые могли быть уплачиваляемы с доходов оного. Все таковые, однако, долженствуют быть способными и знающими по преподаваемой ими части; люди отменного поведения и хороших качеств, прилежными к своей должности, обходительны с учениками. Буди же бы, затем, кто-либо из них оказался недостойным своей должности, или чрез неспособность, нерадение, необходимость, и чрез беспорядочность и худой свой поступок, таковой долженствует быть отрешен непременно. В таковом, однако, обстоятельстве, директоры всегда обязаны будут сохранить должное уважение к занимаемой таковым должности, предлагая ему, с политикою, чтобы он сам просил письменно об увольнении его». И в ряде других статей устава говорилось о необходимости проявлять должное уважение к учителю и всячески берегать его авторитет. Следует заметить, что в греческом обществе учитель традиционно пользуется большим уважением. Традиция эта восходит именно к периоду османского господства, когда учение, приобретение знаний было неразрывно связано в сознании греков с надеждой на лучшее будущее для отдельного человека и всего народа, было неотделимо от их стремления избавиться от неправистного чужеземного ига. Некоторые видные греческие педагоги конца XVIII — начала XIX в., внесшие

наибольший вклад в обучение и национально-патриотическое воспитание молодежи получили почетное прозвище — «учитель нации» («ὁ δάσκαλος τοῦ Γένους»). К этой высшей категории принадлежал и Георгиос Геннадиос, старший учитель (он заведовал учебной частью) Греческого коммерческого училища с момента его основания. Не вызывает сомнений, что он и некоторые другие видные греческие педагоги, проявившие большую заинтересованность в новом училище (об этом будет сказано ниже), принимали активное участие в подготовке его устава, содержавшего ряд прогрессивных для своей эпохи принципов педагогики и организации образования.

Обучение в Греческом коммерческом училище, как и в других учебных заведениях, содержавшихся греческими общинами, было бесплатным. Устав училища предусматривал определенные льготы для детей из бедных семей. Детям бедных родителей учебные книги выдавались бесплатно, в то время как детям из состоятельных семей они продавались с надбавкой в 20%. Эфорам училища вменялось также в обязанность «кормить и одевать трех или четырех учеников из бедных, однако прилежных и успешных, в выборе коих не должно принимать посредничества и просьб, а засвидетельствования учителей и собственный опыт об успехах и хорошем их поведении». Принципиальное значение имели статьи устава, призванные обеспечить национальный характер нового учебного заведения. При приеме учащихся, говорилось в уставе, следует «всегда давать преимущество юношеству наших соотечественников, жительствующих в Одессе и окрестностях оной, затем таковых же с других мест и после — других наций». Одновременно греческие купцы Одессы постарались закрепить за собой право на безраздельное управление училищем. Статья 8-я устава гласила: «Возбраняется избирать в директоры и советники другой нации лиц, ниже другого звания, кроме купцов...» Устав Греческого коммерческого училища был рассмотрен и утвержден 24 ноября (6 декабря) 1818 г. на собрании, в котором участвовали 45 «содержателей» и «вспомоществователей». Устав регулировал вопросы внутренней жизни училища, его взаимоотношения с греческой общиной Одессы. Но для нормального функционирования учреждения не меньшее значение имело определение его отношений с русскими властями. В царской России вся система народного образования находилась под жестким бюрократическим контролем и была приспособлена к идеологическим потребностям самодержавия. Все учебные заведения, независимо от их характера и происхождения, должны были подчиняться общим правилам и положениям о народном образовании, установленным правительством. Надзор за их деятельностью осуществлялся Министерством народного просвещения и учебными округами на местах. Учебные заведения Одессы были подведомствены попечителю Харьковского учебного округа. Эфоры Греческого коммерческого училища не без основания опасались, что если их детище будет включено в официальную

систему народного образования с ее рутиной и мелкой бюрократической опекой, то оно утратит свой национальный характер. Поэтому еще до официального открытия училища они предприняли меры для обеспечения его автономии. Чтобы избавиться от надзора официальных учебных органов, эфоры решили добиваться зависимости только от местных властей и персонально от одесского градоначальника и генерал-губернатора Новороссии А. Ф. Ланжерона. Ланжерон, благожелательно относившийся к просветительной деятельности греческих переселенцев, поддержал эту идею и официально обратился к министру духовных дел и народного просвещения. «Как училище сие,— говорилось в его письме,— будет, так сказать, своеокощное, книги в оном будут употребляться пропущенные цензурою, выбор учителей зависит будет от целого общества, а надзор за учением поручен доверенным особам, то я, убеждаясь просьбою граждан одесских и предвидя от предполагаемого заведения для бедных детей большую пользу, приемлю смелость ходатайствовать у Вашего сиятельства, дабы желание греческого общества в полной мере исполнилось, и на сие стану ожидать благосклонного Вашего, милостивый государь, отзыва»¹⁷. Однако «отзыв» А. Н. Голицына не был «благосклонным». Ссылаясь на параграф 15-й «высочайше утвержденного» устава учебных заведений, он ответил, что греческое училище наравне с другими должно руководствоваться предписаниями этого устава и давать отчет в своей деятельности местному учебному начальству¹⁸. Отрицательный ответ министра не обескуражил одесских греков. Они решили обратиться к помощи другого министра — их знаменитого соотечественника Иоанна Каподистрии. В сентябре 1817 г. один из эфоров Греческого коммерческого училища Моисей Патшу написал письмо Каподистрии, прося его взять училище под свое «высокое покровительство» и добиться для него административной независимости¹⁹.

Каподистрия, занимавший в то время пост статс-секретаря Министерства иностранных дел России, был горячим поборником греческого просвещения, которое он считал обязательной предпосылкой освобождения Греции. Им прилагались большие усилия для организации обучения греческой молодежи в европейских университетах, для совершенствования уже существующих национальных учебных заведений и учреждения новых. Поэтому создание Греческого коммерческого училища вызвало у него большой интерес. Каподистрия много сделал для того, чтобы помочь одесской греческой общине в решении вопросов, связанных с деятельностью ее училища. Однако и влиятельному министру не удалось добиться признания автономного существования Греческого коммерческого училища. Но уже само то, что вопрос этот оставался открытым и продолжал обсуждаться, несомненно было результатом вмешательства Каподистрии. Одесские греки продолжали настаивать на том, чтобы их училище зависело только от местных властей, а А. Н. Голицын продолжал против

этого возражать. В июле 1819 г., отвечая на новое напоминание министра о необходимости подчинить греческое училище его ведомству, новороссийский генерал-губернатор послал ему копию устава этого учреждения и обращения к нему его эфоров. В обращении подчеркивалось, что училище существенно отличается от других учебных заведений в России и опирается на традиции греческого национального просвещения. «Основываясь на правилах наших предшественников,— писали эфоры,— коих труды незабвены для сего училища, и сообразствуя желанию и предположенной цели сказанного сословия [греческих купцов Одессы] при учреждении же сего училища, мы остаемся в полной уверенности, что Ваше сиятельство довершил дело училища исходатайствованием ему тех преимуществ, каковые должно оно иметь как единственное в своем роде, от усердия частных людей для существенной пользы юношества возникшее». Авторы обращения настаивали на том, что зависимость училища от русских властей должна ограничиваться «покровительством» ему со стороны А. Ф. Ланжерона²⁰. В феврале 1820 г. Ланжерону был послан ответ на обращение эфоров, гласивший, что если «общество неизменно желает, дабы училище изъято было от зависимости местного училищного начальства и состояло токмо в ведомстве градского начальства в Одессе, и если он на сие согласен, то может, буде угодно, ходатайствовать у государя императора о высочайшем повелении по сему предмету»²¹. Итак, Министерство народного просвещения отказалось, во всяком случае на некоторое время, от попыток поставить под свой контроль Греческое коммерческое училище. И хотя попытки эти через несколько лет возобновились²², настойчивые усилия одесских греков по обеспечению автономии своего училища, поддержаные А. Ф. Ланжероном и И. А. Каподистрией, не были безрезультатны. Греческое коммерческое училище продолжало существовать и развиваться как фактически независимое национальное учебное заведение.

Создание в Одессе греческого училища было расценено как важное событие для национального просвещения и культуры патриотически настроенной греческой интеллигенцией. Ее орган — выходивший в Вене журнал «Эрмис о Логос» — начал регулярно давать информацию об одесском училище²³. И от общественных кругов России, с симпатией и интересом следивших за греческим национально-просветительным движением, не ускользнуло значение этого события. «Подле Ришельевского Лицея,— писал в 1820 г. один из самых распространенных русских журналов „Вестник Европы“,— находится Греческое училище, заведенное перед сим за два года иждивением купцов греческих. Приятно видеть народ, бывший в древние времена самым просвещенным и остроумным, после того исполненным могуществом поверженный в рабство, почти четыре века изнемогавший в цепях невежества и притеснения,— приятно видеть его с такой достохвальной ревностию приготовляющимся к великой

перемене, равно как и то, что просвещением начинает он свое возрождение». Далее автор статьи, известный впоследствии востоковед и писатель О. И. Сенковский, посетивший осенью 1819 г. греческое училище, отмечает, что «Одесса становится важным пунктом в рассуждении наук греческих»²⁴.

Сравнение Греческого коммерческого училища с подобными ему греческими национальными учебными заведениями той эпохи дает возможность проверить правильность этого вывода. Начнем с количества учащихся. В своей «Записке о нынешнем состоянии греков» Кацодистрия оценивает среднее число учащихся в греческих учебных заведениях типа лицея в 200 человек²⁵. Но были училища и с большим количеством учеников. Некоторые учебные заведения, имевшие особо высокую репутацию, привлекали греческую молодежь из разных мест. Таким общенациональным очагом образования являлась, в частности, греческая гимназия Хиоса, которой руководил выдающийся педагог Неофитос Вамвас. Посетивший ее в 1820 г. американский миссионер рассказывает: «Молодые люди из Константиноополя, Смирны, Салоник, Афин и, на самом деле, со всех сторон посылаются сюда для получения образования и остаются от года до пяти, в соответствии с характером их учебы. Число учащихся около семисот»²⁶. Имеются данные и о двух других известных греческих училищах того времени — «Академии» Кидонии (Айвалик) и «Филологической гимназии» Смирны (Измир). Первая насчитывала около 700 учащихся (1813 г.), вторая — около 300 (1811 г.), среди которых также было много приезжих²⁷.

Быстрый рост учащихся, причем не только из среды греческой молодежи Одессы, был характерен и для рассматриваемого нами училища. В декабре 1817 г. в нем училось 170 человек, к концу этого учебного года — 228, а ко времени визита Сенковского — уже 350, в числе которых были русские и итальянцы²⁸. Молодые греки из-за рубежа начали приезжать в Одессу для получения образования уже в 1817 г. Например, купец из Стамбула, уроженец Янины Кирьяк Тириандафили Бечакчи летом 1817 г. получил в российском консульстве в Бухаресте паспорт, чтобы отвезти в Одессу для «обучения в тамошнем институте» своего малолетнего сына Николая²⁹. А в апреле 1819 г. Джованни Пано, уроженец острова Итаки, отправился из Константиноополя в Одессу «для вступления в тамошнее училище»³⁰. В последующие месяцы число греческих юношей, желавших получить образование в одесском училище, постоянно росло. Это учебное заведение, с гордостью писали его эфоры в августе 1820 г., «принесло уже существенную пользу городу как образованием здешнего юношества, так и распространением древнего и нового греческого языка, для изучения коего стекается сюда юношество даже из древней Греции»³¹. Росту популярности одесского училища среди греческой молодежи способствовало то обстоятельство, что она могла здесь, за пределами своей страны, в наиболее благоприятных условиях получить национальное образование.

В «Записке о нынешнем состоянии греков» И. Каподистрии об учебной программе греческих училищ начала XIX в. говорится: «В этих училищах преподают греческий язык, древний и современный, основы французского и итальянского языков, греческую литературу, географию, историю, математику, логику...»³² Как свидетельствует Сенковский, все эти предметы, за исключением логики, присутствовали и в учебной программе Греческого коммерческого училища³³. В программу входили также риторика и пинтика³⁴. Из языков, кроме греческого, здесь преподавались русский и итальянский. Обязательным предметом была и религия, хотя в училищах, созданных или преобразованных греческими общинами, она занимала гораздо меньшее место, чем в старых школах, зависевших от церкви. В одесском училище теологическими предметами были «закон божий» и «священная история». В новых учебных заведениях первостепенное внимание уделялось преподаванию греческого языка и литературы. Так, в гимназии Хиоса из 14 учителей 9 были заняты преподаванием древнегреческого и новогреческого языков³⁵. В училище Одессы преподаванием предметов, имевших прямое отношение к греческой культуре, занимались 6 из 8 педагогов. Сенковский называет эти предметы: новогреческий язык, древнегреческий язык, греческая литература, греческая история, мифология, идеология и археология³⁶. Можно сказать, что греческая культура в широком смысле слова была главным предметом в Греческом коммерческом училище и других подобных ему греческих национальных учебных заведениях. В то же время каждое из них имело свой уклон, определявшийся потребностями местной греческой общины, научными интересами и склонностями старшего учителя (директора) и т. д. Так, школы Хиоса, Смирны и Кидонии славились хорошей постановкой преподавания физико-математических наук. В частности, в училище Смирны, которым руководил крупный ученый и педагог Константинос Кумас, впервые в греческих учебных заведениях начали проводиться химические и физические опыты³⁷. В училище острова Идры, важнейшего в тот период центра греческого судоходства, преподавалась навигация³⁸. В Греческом коммерческом училище из предметов, имевших прикладное значение, преподавались морская и коммерческая география, двойная бухгалтерия³⁹.

Одесское училище во время посещения его Сенковским состояло из пяти классов, из которых два низших являлись подготовительными. Путешественник не указывает возраст учащихся, но, судя по всему, он был самый разнообразный. В греческих училищах того времени поступающий мог начать учебу с любого класса — в зависимости от своей подготовки. Порядок приема в Греческое коммерческое училище Одессы в этом отношении не отличался от порядка приема в другие греческие национальные учебные заведения. Согласно уставу училища, его эфоры должны были письменно рекомендовать новых учеников старшему учителю «для определения в класс, в какой он заблагорассудит».

для них выгоднее»⁴⁰. Поскольку, как мы увидим, учащиеся Греческого коммерческого училища приняли самое активное участие в восстании А. Ипсиланти, то можно полагать, что в 1820 г. юношеская прослойка среди них была весьма значительной. В смысле учебного оборудования и материального обеспечения процесса обучения одесское училище также не отличалось от средних греческих учебных заведений этого времени. Все они имели свои библиотеки, в которых наряду с учебными пособиями большое место занимали сочинения античных писателей. В частности, о библиотеке хиосской гимназии очевидец рассказывает: «Библиотека, пока еще небольшая, состоит только из трех тысяч томов, среди которых превосходные издания Гомера, Геродота, Плутарха, Ксенофона, Виргилия и святых отцов»⁴¹. Создание подобной библиотеки предусматривалось и уставом Греческого коммерческого училища: «Учинив необходимо нужные издержки, долженствует заниматься ежегодно покупкою классических книг, дабы составить мало-помалу полную библиотеку»⁴². Работа по комплектованию библиотеки училища началась с первых лет его существования⁴³.

Двум самым значительным греческим национальным учебным заведениям той эпохи — гимназиям Хиоса и Кидонии — удалось незадолго до революции 1821 г. обзавестись собственными типографиями. Греки Одессы не хотели и в этом отношении отставать от своих соотечественников. Вскоре после основания Греческого коммерческого училища началась и подготовка к созданию при нем типографии. В декабре 1817 г. его эфоры писали И. Каподистрию, что типография, которую они собираются основать, не только будет снабжать училище необходимыми книгами, «но и будет очень полезной для всей нации». Одесские греки выражали готовность бесплатно посылать учебным заведениям в Греции по пять экземпляров всех книг, которые будут напечатаны в их типографии⁴⁴. При активном содействии Каподистрии руководителям училища удалось к августу 1820 г. преодолеть все бюрократические препятствия, стоявшие на пути создания типографии⁴⁵. Но вскоре началась греческая революция, и начало ее работы было отодвинуто на целых девять лет. Но до этого за счет училища в России печатались книги учебного содержания. В частности, в 1820—1821 гг. в Москве на новогреческом языке была издана 6-томная «Начальная учебная энциклопедия», подготовленная преподавателями училища Г. Геннадиосом и Г. Лассанисом⁴⁶.

Разумеется, сходство Греческого коммерческого училища с другими национальными учебными заведениями той эпохи не было совпадением или случайностью. Это был прежде всего результат упорной и целеустремленной деятельности его преподавателей, в числе которых были настоящие корифеи новогреческого Просвещения. О. И. Сенковский называет всех, кто преподавал в училище во время его посещения: Константин Вардалахос, Георгий Геннадиос, Иван Макрис, Иван Стамелос-

пулос, Михаил Казотис, Георгий Аргиропулос, Константин Андреадис и Георгий Иелиниатис⁴⁷. Все они были греками и, по всем данным, греческими патриотами. Первый директор училища, выдающийся греческий педагог и просветитель Георгиос Геннадиос (1786—1854), был уроженцем Эпира. Он получил образование в господарской академии Бухареста, где позднее (1815—1816) преподавал сам. С сентября 1817 г. по январь 1820 г. он жил и работал в Одессе⁴⁸. Г. Геннадиос, по характеристике Сенковского, «человек, отличающийся обширными познаниями, добротою души и благородством мыслей», преподавал в Греческом коммерческом училище древнегреческий язык, мифологию, археологию, географию, а также «закон божий» и «священную историю». Вместе с Г. Геннадиосом прибыл из Бухареста в Одессу другой греческий педагог — И. Макрис (ок. 1780—1825), фесалиец по происхождению⁴⁹. В одесском училище И. Макрис преподавал древнегреческий язык, хронологию, греческую и всеобщую историю, арифметику и двойную бухгалтерию. После долгих переговоров эфорам Греческого коммерческого училища удалось пригласить в Одессу для преподавания в училище одного из самых крупных греческих ученых и педагогов той эпохи Константина Вардалахоса (1755—1830). Родиной его был остров Китира (Цериго), а первоначальное образование он получил в греческих училищах Каира и острова Симис. В 90-х годах XVIII в., уже в зрелом возрасте, он окончил один из старинных европейских университетов — Падуанский — с дипломом доктора физико-математических наук и медицины. Будучи с 1805 по 1815 г. директором господарской академии Бухареста, К. Вардалахос проявил себя как человек прогрессивных взглядов. Им была разработана новая учебная программа, где значительный упор делался на преподавание естественных наук. Как и многие учёные и педагоги той эпохи, он был специалистом в самых различных областях науки: хорошо знал латынь, итальянский, французский языки, публиковал учебники и научные труды по физике, риторике, древнегреческой литературе, грамматике греческого языка. Свои книги К. Вардалахос, бывший в языковом вопросе последователем выдающегося греческого просветителя А. Кораиса, писал на близком к разговорному новогреческом языке. В 1816—1819 гг. этот маститый педагог преподавал в гимназии Хиоса⁵⁰. К. Вардалахос прибыл в Одессу в августе 1819 г.⁵¹, преподавал в Греческом коммерческом училище до апреля 1820 г. и позднее — с 1825 по 1830 г. В 1819—1820 гг. К. Вардалахос вел уроки начальной геометрии, экспериментальной физики, риторики, пионики, идеологии, греческой литературы⁵².

Биографические сведения о других преподавателях, из числа названных О. И. Сенковским, являются отрывочными. Можно полагать только, что они были выходцами из среды греческих поселенцев в России. В частности, Георгий Аргиропулос (род. около 1764 г.) был, как говорится в его послужном списке, «греческой нации из дворян». В 1787 г. он поступил в существовав-

шее тогда в Петербурге специальное военно-учебное заведение для греческой молодежи — Греческий кадетский корпус («Корпус чужестранных единоверцев»)⁵³. Г. Аргиропулос участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. В 1801 г. он вышел в отставку в чине мичмана⁵⁴ и занялся преподавательской деятельностью. Как позднее писал он сам, «бывши в Константино-поле, в Бухарештах и в Яссах, кроме греческого в оных городах преподавал я также российский, французский и итальянский языки»⁵⁵. В 1813 г. отставной мичман начал преподавать в одесских учебных заведениях — сначала в основанном в том же году греческом приходском училище, а затем в Одесской коммерческой гимназии⁵⁶. С 1817 по 1820 или 1821 г. Г. Аргиропулос преподавал русский и итальянский языки в Греческом коммерческом училище...⁵⁷ Его коллега Михаил Казоти принадлежал уже ко второму поколению греческих эмигрантов в России. Он родился около 1790 г. в Балаклаве. Здесь с 1784 г. был расквартирован Балаклавский греческий пехотный батальон, состоявший из греков, переселившихся в Россию после войны 1768—1774 гг. Образование Казоти получил в Балаклавском греческом училище. В Греческом коммерческом училище Казоти с 1816 по 1822 г., а затем с 1831 г. был учителем подготовительного класса, в котором обучали чтению и письму⁵⁸.

В конце 1819 г. преподавателем Греческого коммерческого училища стал также Георгиос Лассанис (1793—1870) — греческий просветитель, писатель, видный деятель национально-освободительной борьбы⁵⁹. Родился он в македонском городе Козани и учился в местной школе. Некоторое время служил в конторе греческого купца в Пеште, а затем изучал филологию в Лейпцигском университете. После завершения учебы в университете Лассанис жил в Пеште, затем в Молдавии, а в конце 1817 г. отправился в Россию. Его поездка в Россию, по-видимому, имела целью выполнение какого-то тайного задания Филики Этерии, с которой он был связан с 1817 г., а также объяснялась желанием молодого интеллигента участвовать в национально-просветительной деятельности⁶⁰. Будучи преподавателем Греческого коммерческого училища, Лассанис проявил себя бескорыстным ревниителем просвещения, человеком пытливого, творческого ума. В тот период в школах многих стран начал широко применяться метод взаимного обучения (белл-ланкастерская система). Поборников демократической системы образования он привлекал тем, что давал возможность в короткий срок и без значительных расходов обучать большие группы учащихся чтению и письму, т. е. способствовал быстрейшему распространению начальной культуры среди народных масс. Благодаря усилиям Г. Лассаниса, одесское училище оказалось в числе первых греческих учебных заведений, применивших этот метод. Сам Г. Лассанис писал об этом 12(24) мая 1820 г.: «Еще в декабре прошлого года я преобразовал здешнюю общую школу наших соотечественников в соответствии с ним [методом взаимного обучения], и в настоящее время два учителя,

которых я научил этому методу, обучаю в ней сто сорок учеников»⁶¹. Помимо видных греческих педагогов К. Вардахоса, Г. Геннадиоса, И. Макриса, Г. Лассаниса, преподававших в Греческом коммерческом училище в годы его становления, в устройстве одесского училища приняли участие и некоторые другие греческие педагоги и просветители. Греческая община Одессы, во втором десятилетии девятнадцатого века выделявшаяся среди других зарубежных греческих общин не только экономическим расцветом, но и богатой и разнообразной культурной жизнью, привлекала немало гостей. Одним из них был выдающийся греческий ученый и просветитель Анфимос Газис. Направляясь летом 1817 г. из Вены к себе на родину, в Фессалию, для создания там училища, он избрал кружной путь — через Одессу. Газис близко к сердцу принял дела и заботы организаторов местного греческого училища. М. Патшу, один из эфоров училища, в письме от 15(27) сентября 1817 г. сообщал И. Каподистрию: «Глубокий патриот архимандрит господин Анфимос Газис, находясь здесь проездом на свою родину и движимый патриотизмом, дал нам много советов относительно учреждения нашего здешнего коммерческого училища»⁶². Другой корифей новогреческого Просвещения, директор гимназии в Смирне К. Кумас, хотя и отклонил сделанное ему предложение возглавить Греческое коммерческое училище, высказал его эфорам свои соображения относительно того, как сделать их училище наиболее полезным. Летом же 1817 г., задумав совершить поездку в Вену, он, как и А. Газис, избрал путь через Одессу. Оказавшись в городе в момент открытия Греческого коммерческого училища, К. Кумас описал это событие в письме, опубликованном в журнале «Эрмис о Логъос». Большое впечатление произвел на него патриотический энтузиазм одесских греков, их интерес к национальной культуре. «Столько греков и с таким патриотическим настроением не собиралось до сих пор ни в одном другом иностранном городе... В сегодняшней Одессе соревнуются за то, чтобы и на нашем языке говорить как можно чище, и с заинтересованностью постоянно обсуждают пути прогресса нации и на практике щедро жертвуют на всякое доброе дело»⁶³. Все сказанное дает основание утверждать, что если инициатором создания Греческого коммерческого училища и его материальной опорой было греческое купеческое сословие Одессы, то его научным и педагогическим «куратором» было греческое ученое сословие. Разумеется, представления у обоих сословий о задачах училища и содержании обучения в нем отнюдь не были идентичными, что создавало почву для конфликтов. Такой конфликт имел, в частности, место во время первого директорства К. Вардахоса (1819—1820 гг.), считавшего, что греческое учебное заведение в Одессе должно готовить учителей для училищ в Греции. По мнению же одесских купцов, упор в обучении должен был делаться на подготовку их детей к занятиям торговлей. Эти расхождения заставили Вардахоса уехать из Одессы в Бухарест,

где он снова занял должность директора господарской академии⁶⁴. В то же время для прогрессивных, патриотически мыслящих преподавателей обстановка в одесском училище была более благоприятной, чем во многих других греческих учебных заведениях. В те годы греческое образование было ареной острой борьбы между сторонниками и противниками Просвещения. Это идеиное единоборство передко принимало форму соперничества между двумя училищами с совершенно разным духом преподавания, параллельно действовавшими в одном и том же городе. Училища, придерживавшиеся холастических, богословских традиций, опираясь на поддержку могущественных сил греческого общества — церкви, реакционных коджабаши*, иногда одерживали верх. Так, в 1819 г. в Смирне ретроградам из «Евангельской школы», пользовавшимся поддержкой местного митрополита, удалось добиться закрытия «Филологической гимназии» — одного из наиболее совершенных греческих учебных заведений той эпохи,— которой руководил К. Кумас⁶⁵.

В одесской греческой общине, где преобладали буржуазные элементы, консерваторы не имели прочных позиций, что благотворно влияло и на климат, существовавший в Греческом коммерческом училище. Немаловажное значение для греческих педагогов — горячих патриотов своей страны — имели те широкие возможности для национальной пропаганды, которые существовали в одесском училище. Здесь следовали методам греческих педагогов, усвоивших достижения европейского Просвещения, старались претворить в жизнь прогрессивные педагогические принципы А. Корайса. Молодежь знакомили с общественной и духовной жизнью Древней Греции, воспитывали в духе патриотизма и свободолюбия. Особенно это относилось к Г. Геннадиосу. По словам историка училища, «он часто превращал учебную кафедру в Пникс Демосфена **, произнося страстные филиппики против давящего греческую родину варварства и волновал до слез сердца своих слушателей»⁶⁶. Разумеется, подобная национально-патриотическая пропаганда была невозможна в Османской империи, хотя объективно и здесь греческие учебные заведения служили делу национального освобождения. Немыслима была она и в Австрийской империи, где вся национально-просветительская деятельность местного греческого населения жестко контролировалась полицейскими властями⁶⁷. Царская Россия, так же как и габсбургская Австрия, была самодержавным и полицейским государством. Но давние и дружественные исторические связи между народами России и Греции, офици-

* Коджабаши (*türk.*) — староста. Так называли имущую верхушку греческого общества, в руках которой при османском господстве находилось местное управление.

** Пникс — холм близ Афин, место проведения народных собраний, на которых знаменитый оратор Демосфен произносил свои филиппики (речи, направленные против македонского царя Филиппа II).

ально проводившаяся царским правительством политика «покровительства» православным подданным султана, создавали в российском государстве благоприятный климат для национально-патриотической деятельности греческих переселенцев. Тема освобождения Греции запретной в России никогда не была. Во втором десятилетии XIX в. она рассматривалась в служебных записках, адресованных правительству, затрагивалась в беседах видных представителей администрации⁶⁸, открыто обсуждалась на страницах русских журналов⁶⁹. Естественно, что такая обстановка благоприятствовала деятельности организации, созданной для освобождения Греции,— Филики Этерии. Без учета влияния этой тайной патриотической организации невозможно понять и настроения, царившие в Греческом коммерческом училище в канун революции 1821 г.

Созданная в 1814 г. в Одессе, Филики Этерия в 1818—1820 гг. распространила свою деятельность на все области Греции, на все слои греческого общества. Этеристы продолжали действовать и в Одессе, и Греческое коммерческое училище стало их главным оплотом. Проводником патриотической линии тайного общества в училище были его члены — эфоры и преподаватели. Каждая из эфорий (инспекций) училища, как правило, функционировала два-три года. Особенно большим было влияние этеристского общества в период второй эфории (декабрь 1818 — август 1821 г.), совпавший с периодом непосредственной подготовки и начала вооруженной национально-освободительной борьбы. Двое из трех ее членов — А. Кумбари и И. Амвросиу — входили в состав регионального руководства Филики Этерии в Одессе⁷⁰. В той или иной степени были связаны с Этерией и все ведущие преподаватели греческого училища. Активный этерист Н. Ипсиланти, посетивший Одессу в конце 1819 г., называет среди участников создавшегося вокруг него патриотического кружка «преподавателей греческой гимназии — почтенного Вардалаха, Георгия Геннадиоса, Макриса, Лассаниса». Из них Лассанис еще в марте 1818 г. вступил в тайное общество⁷¹. По словам Н. Ипсиланти, «трое других, хотя они и не были посвящены⁷², тем не менее знали о существовании греческой этерии, стремившейся к восстанию их соотечественников»⁷³. Но и те преподаватели училища, которые формально не принадлежали к тайному обществу, активно занимались, как мы видели, национально-патриотической пропагандой. Пропаганда эта велась не только с кафедр Греческого коммерческого училища. В Одессе около 1816 г., одновременно с училищем, возник и действовал до самого кануна революции 1821 г. греческий любительский театр⁷⁴. Театр этот был тесно связан с училищем. Учащиеся его, по-видимому, составляли основной контингент зрителей. Они с большим волнением и энтузиазмом смотрели пьесы, одним из авторов которых был Г. Лассанис. В них громко звучала тема любви к родине, призыв содействовать ее освобождению.

Но некоторые греческие деятели выступали против Филики

Этерии. В их числе был и И. Каподистрия, считавший в тот момент освободительное восстание преждевременным и опасным. В январе 1820 г. он обратился к некоторым видным лицам в Греции и греческих заграничных колониях, чтобы поставить их в известность о своем отрицательном отношении к Филики Этерии. Одесса была в то время одним из главных центров национально-патриотической деятельности греков, и среди представителей греческого общества, получивших письма от Каподистрии, был и преподаватель Греческого коммерческого училища К. Вардалахос. Каподистрия просил маститого педагога использовать весь свой авторитет, для того чтобы убедить своих учеников и других соотечественников в пагубности всяких тайных обществ⁷⁵. Неизвестно, пытался ли Вардалахос выполнить это поручение. Можно только сказать с уверенностью, что Филики Этерия по-прежнему пользовалась поддержкой греческого населения Одессы, в особенности молодежи. Авторитет ее еще более возрос в результате пребывания в Одессе в августе-сентябре 1820 г. руководителя национально-освободительного общества Александра Ипсиланти. Когда же в феврале 1821 г. глава Этерии начал восстание в Дунайских княжествах, то под знамена его устремились сотни молодых греков-одесситов. Среди них было и немало учащихся Греческого коммерческого училища, воспитывавшихся в духе действенной любви к родине. Вместе с учащимися греческого училища Бухареста они составили «Священную дружину» — отборную часть армии Ипсиланти. В роковой для повстанцев битве при Дрэгэшани (7(19) июня 1821 г.) воины «Священной дружины» геройски сражались и почти все пали на поле боя.

Начало национально-освободительной революции — поворотный момент в судьбах греческого народа — стало важной вехой и в жизни греческой общины Одессы и Греческого коммерческого училища. Наряду с многими учащимися стены его оставили и два наиболее видных его преподавателя — Г. Лассанис и И. Макрис *. Еще в сентябре 1820 г. Лассанис уехал из Одессы вместе с А. Ипсиланти в качестве его секретаря. В дальнейшем этот просветитель и горячий патриот разделил все превратности судьбы вождя греческих революционеров, включая шестилетнее заключение в австрийских тюрьмах. После смерти А. Ипсиланти (январь 1828 г.) он отправился в Грецию, где принял участие в битвах войны за независимость на ее заключительном этапе. И. Макрис же отправился в середине 1821 г. в Париж в качестве домашнего учителя отправленного туда для завершения образования младшего из братьев Ипсиланти — Григория⁷⁶. Через некоторое время в Греческом коммерческом училище появились новые преподаватели, снова возросло число его учащихся.

Массовые репрессии, обрушенные султанскими властями на мирное греческое население Османской империи после начала

* Как уже говорилось, К. Вардалахос и Г. Геннадиос уехали из Одессы раньше, в первой половине 1820 г.

революции 1821 г., побудили многих греков искать убежища в России. Главный поток греческих беженцев направлялся в Одессу, где их число к середине 1821 г. достигло почти 4 тыс. человек. Материальную помощь беженцам оказывала созданная правительством для этой цели Одесская греческая вспомогательная комиссия. Помощь эта оказывалась как за счет казны, так и за счет добровольных пожертвований, поступавших со всех концов России. Большую лепту в оказание помощи своим соотечественникам внесли и одесские греки ⁷⁷. Они взяли, в частности, на себя заботу об образовании привозимых в Одессу греческих детей, многие из которых лишились родителей. Жертвами карательных экспедиций турецких пашей стали не только многие тысячи мирных греческих жителей. Были ликвидированы, а в некоторых случаях буквально стерты с лица земли важнейшие очаги новогреческой культуры. По распоряжению Порты были закрыты, как «оплоты мятежа», господарские академии Бухареста и Ясс ⁷⁸. В ходе расправы с восставшим населением Кидонии в июне 1821 г. каратели подожгли город, и рухнули охваченные пламенем стены знаменитой его «Академии». Учинившие в апреле 1822 г. кровавую резню на Хиосе, турецкие папи не пощадили и местную гимназию, крупнейшую в Греции по количеству учащихся и лучше всего оборудованную: ее учебные помещения вместе с химической лабораторией, типографией, богатой библиотекой были превращены в пепел ⁷⁹. Некоторые из учащихся этих уничтоженных очагов греческой культуры смогли добраться до Одессы и продолжить свое образование в Греческом коммерческом училище. «В числе учеников училища,— сообщали в 1827 г. его эфоры одесскому градоначальнику,— есть и такие, кои по разорении Хионской, Смирнской и Кидонийской гимназий прибыли сюда учиться» ⁸⁰.

После начала революции 1821 г. Греческое коммерческое училище Одессы являлось единственным крупным центром греческого образования, который продолжал действовать. Чтобы обеспечить его нормальное функционирование, нужны были большие усилия эфоров училища, всей греческой общины Одессы. Сама греческая община переживала в это время серьезные экономические трудности. Начавшийся Восточный кризис привел к резкому сокращению русской черноморской торговли и судоходства, с которыми было связано все благосостояние греков Одессы, что не могло не отразиться на финансовом состоянии коммерческого училища. Доходы Греческого коммерческого училища, сообщали в 1823 г. его эфоры одесскому градоначальнику, «по мере уменьшения в Одессе торговли между нашими единоземцами до того уменьшились и беспрестанно со дня на день уменьшаются, что недостаточны на содержание училища и шести учителей, преподающих греческий и русский языки тремстам ученикам, из коих большая часть весьма бедны, нуждаются во всем и даже на сущем хлебе: суть сироты, прибегнувшие для спасения своей жизни в нынешних смутных обстоятельствах турецкого-

правительства под покровительство России...»⁸¹. Чтобы найти средства для оплаты учителей, эфоры вынуждены были пойти на крайнюю меру: в нарушение устава училища временно взимать небольшую плату за обучение с детей состоятельных родителей⁸².

Несмотря на экономические трудности, эфоры старались обеспечить нормальный ход учебного процесса. На смену уехавшим преподавателям были приглашены новые, и в их числе видный греческий педагог Георгиос Клеовулос. Он считался лучшим специалистом по методу взаимного обучения, изучавшемуся им в течение ряда лет в Германии, Швейцарии и Франции. В 1820 г. Клеовулос учредил ланкастерскую школу в Яссах, однако после начала революционных событий в Молдавии (1821 г.) она прекратила свое существование, а ее директор эмигрировал в Россию⁸³. Клеовулос начал свою преподавательскую деятельность в одесском училище, по-видимому, в середине 1821 г., являясь фактически в течение двух лет его старшим учителем (директором). Он усовершенствовал введенный в училище еще Г. Лассанисом метод взаимного обучения. По инициативе Г. Клеовулоса была разработана расширенная программа четырехлетнего курса училища, а также определены подлежащие изучению в первую очередь труды древнегреческих классиков. В этом списке фигурировали: «Греческая история» Ксенофона, изречения Плутарха, патриотические речи Демосфена, «История» Фукидида⁸⁴. Рассказы о подвигах героев Древней Греции должны были воспитывать патриотические чувства юных греков, обучавшихся в Одессе, в то время как их отцы и братья с неменьшим геройством сражались за свободу новой Греции. О собственных чувствах Клеовулоса красноречиво говорит его заявление от 1(13) июля 1823 г. эфорам Греческого коммерческого училища, в котором сообщалось, что в конце августа того же года он отправляется в Грецию, для того чтобы выполнить «общий и свой особый долг перед ней»⁸⁵.

Деятельность греческого училища осложняли не только трудности материального порядка. Не прекращались попытки высших учебных властей России поставить училище под свой контроль. Была сделана, в частности, такая попытка при рассмотрении таблиц, употреблявшихся в классе взаимного обучения Греческого коммерческого училища, которые прислал в 1821 г. в Министерство духовных дел и народного просвещения А. Ф. Ланжерон. Здесь необходимо, хотя бы коротко, остановиться на отношении в России к методу взаимного обучения⁸⁶.

В это время ланкастерские школы были весьма популярны в России. Учреждению их оказывали поддержку официальные власти, считавшие, что с помощью этих училищ можно, не обременяя казну, распространить необходимые начала грамотности среди низших классов. Учебное начальство следило за тем, чтобы программа ланкастерских училищ не выходила за рамки обучения навыкам чтения, письма и начальным действиям арифметики, за единобразием употреблявшихся для этой цели в школах взаимного обучения в России таблиц. Контроль осу-

ществлял созданный при Министерстве просвещения комитет для учреждения училищ взаимного обучения. Но в отношении этих училищ в России существовала и неофициальная линия. Училищами этими весьма заинтересовались декабристские круги. В 1819 г. в Петербурге возникло Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения, являвшееся, как считают исследователи, легальным филиалом Союза Благоденствия. Организаторы общества стремились использовать ланкастерские школы для распространения идей политической свободы и представительного правления среди широких крестьянских и солдатских масс. Этой цели служили учебные таблицы, составленные Вольным обществом, которые включали в себя такие слова, как «свобода», «воля», «раб», «цепи», «ярмо», «гражданин», «депутат», «договор», «отечество», «законодатель», «властолюбие». Вольное общество стремилось как можно шире распространить свои таблицы среди действовавших в России училищ взаимного обучения. Большой интерес представляет в этой связи сообщение историка Вольного общества В. Г. Базанова о том, что эти таблицы были переведены на греческий язык и употреблялись в школе взаимного обучения при Греческом коммерческом училище⁸⁷. В то же время О. И. Сенковский свидетельствует, что во время посещения училища осенью 1819 г. он видел здесь таблицы для чтения, полученные из Парижа⁸⁸. Возможно, что переведенные с французского на новогреческий Г. Клеовулосом и напечатанные в Париже таблицы⁸⁹ употреблялись в греческом училище Одессы одновременно с переведенными с русского таблицами Вольного общества. Одно можно сказать определенно: учебные таблицы, использовавшиеся в Греческом коммерческом училище, имели гражданственную направленность и давали учащимся широкий круг знаний. В этом смысле они ничего общего не имели с таблицами, насаждавшимися в ланкастерских училищах в России Министерством духовных дел и народного просвещения.

И. И. Мартынов, член комитета для учреждения училищ взаимного обучения при министерстве, дал следующий отзыв на присланные из Одессы таблицы на греческом языке: «Греческие таблицы сии имеют совсем другие основания, нежели таблицы, употребляемые в ланкастерских школах. Но если основания их покажутся несколько затруднительны для детей, то польза их неоспорима в других отношениях. Дети из таблиц могут научиться не только чтению и письму, но и постепенно знакомиться со всеми частями речи и грамматическими правилами, если только чтение сопровождаемо будет со стороны учителя припомнением оных. Между тем они запасаются первоначальными сведениями в отношении к истории церковной и гражданской, словесности, географии, с малолетства назидаются в истинах христианского учения и добродетелях и познают правила общежития».

По долгу службы И. И. Мартынов должен был сделать вывод, что таблицы, которые он рассматривал, должны быть запрещены

к употреблению, как не соответствующие официально принятым. Но И. И. Мартынов был не только крупным чиновником Министерства народного просвещения, но и видным эллинистом⁹⁰, и ему, естественно, были присущи филэллинские настроения. Он счел, что для Греческого коммерческого училища может быть в этом отношении сделано исключение. «Таблицы,— делалось заключение в его отзыве,— могут быть оставлены в настоящем их виде, если не навсегда, то, по крайней мере, пока приготовлены будут и на сем языке таблицы складов и чтения, принятые начальством для введения в ланкастерских школах»⁹¹. Комитет для учреждения училищ взаимного обучения одобрил отзыв И. И. Мартынова. Но министр А. Н. Голицын не утвердил постановления комитета и вернул ему это дело для нового рассмотрения. Однако комитет продолжал отстаивать свое мнение. Тогда А. Н. Голицын поручил заняться этим делом Главному правлению училищ, которое и вынесло 7(19) февраля 1823 г. угодное министру решение о том, что «вместо означенных греческих таблиц следует заготовить для упомянутой школы на том же языке другие таблицы, совершенно сообразные с изданными на сей конец от департамента народного просвещения для российских училищ таблицами, каковые для образца и могут быть истребованы»⁹². Распоряжение А. Н. Голицына о замене употреблявших в Греческом коммерческом училище таблиц для взаимного обучения — первое прямое вмешательство российского учебного начальства в процесс обучения в училище,— несомненно, было серьезным ударом для его эфоров и учителей. Естественно, игнорировать указание министра руководители греческого училища не могли. В то же время в своем ответе они, ссылаясь на большие финансовые трудности, испытываемые училищем, писали о невозможности изготовить в ближайшее время новые греческие таблицы по образцу присланных из Петербурга. «А по сему, чтобы удовлетворить по силе и возможности вышеписанному требованию, избрали из вышеозначенных наших греческих таблиц те, которые более имеют по содержанию своему сходства с присланными русскими». Эфоры назвали в их числе таблицы, «которые содержат частию разные изречения, извлеченные из святого Евангелия и святых отец, частию правоучительные наставления детям». Остальные же таблицы были уничтожены. «Вместо же уничтоженных таблиц ввели в употребление для чтения греческую книгу, напечатанную в С.-Петербурге 1812 года у Николая Грече под названием „Цветы из Ветхого и Нового завета с правоучением“. И таковое употребление вышеписанных избранных таблиц и помянутой книжки есть на некоторое только время, пока доходы училища нашего поправятся, каковое поправление сопряжено с поправлением торговли, ныне в великому упадку находящейся между нашими одноземцами, от которых и ожидает училище сие признания и помощи»,— писали в заключение эфоры⁹³. Видимо, в своем «рапорте» эфоры не без определенного умысла выделяли религиозную сторону обучения в своем училище. А. Н. Го-

лицыну, сочетавшему управление Министерством духовных дел и народного просвещения с председательством в Российском библейском обществе, эта сторона не могла не импонировать. Во всяком случае, министр одобрил предложенный эфорами вариант решения вопроса об учебных таблицах для взаимного обучения в греческом училище Одессы⁹⁴. Однако на этом дело об употреблявшихся в Коммерческом училище таблицах для взаимного обучения не кончилось.

В начале 1825 г. в Одессу были привезены из Галаца в 36 связках печатные таблицы на греческом языке для употребления в школе взаимного обучения при греческом училище Одессы. Таблицы эти, видимо заказанные еще в период директорства Г. Клеовулоса, содержали его речь о начале введения способа взаимного обучения и о пользе его. В остальном они были идентичны таблицам, присланным в 1821 г. А. Ф. Ланжероном и запрещенным к употреблению по настоянию А. Н. Голицына. Но Голицын уже не был тогда министром, и в соответствии с мнением И. И. Мартынова, которому были посланы на отзыв эти таблицы, Главное правление училищ 23 мая (4 июня) 1828 г. приняло следующее решение: «Дозволить Одесскому Греческому училищу употреблять и впредь оказанные таблицы, как оказавшиеся при рассмотрении весьма полезными, как более соответствующие потребностям сего училища относительно ко введенным в оно учебным предметам, как уже приобретенные училищем, и, следственно, не требующие никаких новых издержек»⁹⁵. Таким образом, данное в 1823 г. А. Н. Голицыным распоряжение об использовании в Греческом коммерческом училище для взаимного обучения только официально разрешенных в России учебных таблиц фактически было отменено. Это был, несомненно, успех в борьбе за автономию училища, хотя, как мы увидим, и временный.

Между тем Греческое коммерческое училище, несмотря на все трудности и возникавшие проблемы, продолжало существовать и в некоторых отношениях продвигаться вперед. Летом 1825 г. в Одессу вернулся К. Вардалахос, после начала греческой революции живший в эмиграции в Брашове (Трансильвания). Как уже говорилось, в 1820 г. К. Вардалахос оставил училище из-за разногласий с его эфорами о цели и направленности обучения. Эфоры учли этот опыт. На сей раз, как пишет хронист греческого училища, «после прибытия Вардалахоса ему было передано училище, с тем чтобы он устроил уроки и классы, так как он сочтет наиболее разумным и полезным»⁹⁶.

К. Вардалахос, выдающийся педагог и просветитель, проявил себя сторонником усиления общеобразовательной и национальной стороны преподавания в Греческом коммерческом училище. По его инициативе, в училище был организован специальный класс разговорного новогреческого языка⁹⁷. В деле расширения преподавания в училище греческого языка и литературы Вардалахос весьма рассчитывал на помочь своих учеников — пригла-

шенных им новых учителей Михаила Палеолога ⁹⁸ и Димитриоса Павлидиса ⁹⁹ — и преподававшего уже здесь несколько лет Димитриоса Капсалиса ¹⁰⁰. Составленная по указанию одесского градоначальника эфорами Греческого коммерческого училища в середине 1827 г. записка ¹⁰¹ содержит интересные сведения о преподавательском составе и учебной программе училища в то время. «Ныне, — говорилось в записке, — преподаватели наук в сем училище суть:

1. Смотритель и старший учитель училища, ученый муж Константин Вардалахо, который преподает высший курс еллиногреческого языка *, и физику, и чтение Ветхого завета.

2. Дмитрий Капсали преподает еллиногреческую грамматику и словесность сего языка по грамматике и методе учителя своего г. Вардалаха, географию и чтение Нового завета.

3. Михаил Палеолог — священную краткую историю и катехизис, переведенные с русского языка, изданные Святейшим синодом, грамматику новейшего наречия греческого по методе и сочинению своего учителя г. Вардалаха, арифметику.

4. Одесского Ришельевского лицея надзиратель 12 класса Дмитрий Флуки — русскую грамматику и словесность, краткое землеописание и краткую историю российского государства и краткий курс всеобщей истории.

5. Георгий Андреев Лангарис ** обучает в школе взаимного учения по методе Ландкастера греческому чтению и письму и началам арифметики.

6. Дворянин Николай Пиколо в той же школе исполняет должность учителя, под руководством Лангариса, относительно механизма школьного; он учит русскому чтению, письму и началам арифметики».

Как видно из записи, в этот период в учебной программе училища большее место заняли предметы, связанные с Россией: наряду с русским языком начали преподаваться русская литература, история и география российского государства. Факт этот весьма примечателен. Отстаивая автономию одесского греческого училища против пополнений со стороны учебных властей России, его руководители стремились в то же время шире знакомить учащихся с русской культурой. Это были самые трудные годы греческой революции, и возросший интерес к России был закономерно связан у греков с их сокровенными надеждами на помочь этой державы в деле национального освобождения.

Согласно записи, в училище в 1827 г. обучалось около 300 учащихся, из них около 200 — в классе взаимного обучения. Обучение в этом классе велось не только на греческом, но и на русском языке и было, как и во всем училище, бесплатным.

* Содержание этого предмета в записи раскрывается так: «Высший курс еллиногреческого языка, т. е. риторика, поэзия с приличным изъяснением древних классических писателей в прозе и стихотворцев».

** В работе Х. Вулодимоса он пишется как «Георгиос Андреадис».

Поэтому его посещали не только греческие, но и многие русские дети. После окончания класса взаимного обучения они не переходили в чисто греческие старшие классы, а поступали в русские учебные заведения или вообще прекращали учебу¹⁰². В Греческом коммерческом училище не только широко применяли метод взаимного обучения, но и готовили учителей для преподавания по этому методу в других греческих училищах. Так, в 1825 г. дипломы преподавателей по системе взаимного обучения получили восемь учащихся одесского училища, в том числе Иоаннис Триандафиллу из Патмоса, Димитриос Капсалис из Патр, Димитриос Георгиу из Загоры¹⁰³. Эти данные говорят о том, что и после начала греческой революции одесское училище по-прежнему было тесно связано с Грецией. Руководство военными операциями, различные отрасли управления формировавшегося новогреческого государства, просвещение, журналистика требовали образованных людей, и учителя и учащиеся видели свой патриотический долг в том, чтобы принять непосредственное участие в борьбе за освобождение.

В 1823—1827 гг., помимо Г. Клеовулоса, оставили работу в училище и уехали из Одессы, по всем данным, в Грецию еще два его преподавателя: Димитриос Павлидис и Димитриос Капсалис¹⁰⁴. Недоучившись, оставляли Одессу и отправлялись в охваченную огнем освободительной борьбы Грецию и некоторые учащиеся Греческого коммерческого училища. Об этом свидетельствует список, явно неполный, учащихся училища, получивших свидетельства о незавершенном образовании. За три года — 1823—1826 — такие свидетельства получили 14 человек¹⁰⁵. Очевидно, что получение свидетельств имело смысл для тех, кто, прекращая учебу в Греческом коммерческом училище, уезжал из Одессы. Патриотической задачей для эфоров и преподавателей, остававшихся в Одессе, было сохранение автономии училища, укрепление его роли как очага национального просвещения. Определенным успехом в этом отношении было появление у училища своей типографии.

Разрешение на создание собственной типографии одесские греки, как уже говорилось, получили еще в 1820 г. Однако начавшиеся в 1821 г. революционные события помешали тогда открытию типографии. В 1827 г. перед властями вновь был поставлен вопрос об открытии типографии. В записке министра народного просвещения А. С. Шишкова, направленной по этому поводу в комитет министров, говорилось: «Директоры означенного училища [Греческого коммерческого] намерены ныне открыть предоставленную их попечению типографию для печатания необходимо нужных училищу своему еллиногреческой грамматики и других учебных и классических книг и испрашивают на сие позволения»¹⁰⁶. Комитет министров вынес по этому вопросу положительное решение, 5(17) июля 1827 г. получившее «высочайшее соизволение»¹⁰⁷. Первой книгой, увидевшей свет в начавшей действовать в 1829 г. типографии Греческого коммерче-

ского училища, была «Грамматика разговорного греческого языка» К. Вардалахоса¹⁰⁸.

В Министерстве народного просвещения продолжал обсуждаться административный статус училища одесских греков, и это было известно его эфорам. Через одесского градоначальника они в августе 1827 г. довели до сведения министерства свое желание об оставлении греческого училища в Одессе «под зависимостью и покровительством местного начальства», т. е. сохранения фактической полной его самостоятельности¹⁰⁹. Чтобы добиться решения министерства в этом духе, эфоры использовали и неофициальные каналы. Одним из таких «каналов» был писатель и публицист греко-молдавского происхождения А. С. Стурдза. Человек весьма консервативный, он в то же время с позиций «защиты православных единоверцев» выступал в поддержку восставших греков, отстаивал их интересы перед правительственныеими кругами России, где у него имелись обширные связи¹¹⁰. Он стал ходатаем и за Греческое коммерческое училище. А. С. Стурдза обратился с письмом по вопросу о его автономии к товарищу министра народного просвещения Д. Н. Блудову. Само письмо А. С. Стурдзы нами не обнаружено, но содержание его ясно из ответного письма Д. Н. Блудова (апрель 1827 г.), где он пишет: «Вмешиваться в управление заведения означало бы, как Вы говорите весьма справедливо, уничтожить доверие, которое оно внушает, и, следовательно, само заведение». В то же время, по мнению Д. Н. Блудова, Министерство народного просвещения имело «право и обязанность наблюдать за обучением и дисциплиной даже в училищах, основанных частными лицами»¹¹¹. Были в Министерстве и сторонники сохранения, без каких-либо ограничений, самостоятельности Греческого коммерческого училища. Весьма благоприятное впечатление создалось об училище у Ф. А. Платера, члена Главного правления училищ, инспектировавшего в 1827 г. учебные заведения Одессы. «Институт греков,— писал он в своем отчёте,— одно из этих заведений, делающее честь сердцу и уму. Новые троянцы, изгнанные из своего отечества, привезли свои пенаты на гостеприимную землю и надеются сохранить свое политическое существование, только просвещая свою молодежь, давая ей образование... Греческий институт,— делал заключение Ф. А. Платер,— может быть, как мне кажется, оставлен в состоянии, в котором он находится: учреждение, основанное и поддерживаемое благодаря рвению, имеет право на особое внимание»¹¹². Но, несмотря на все ходатайства доброжелателей, подчинение Греческого коммерческого училища контролю учебных властей России было неизбежно. Оно предопределялось общим наступлением реакции в России в период правления Николая I, усилившим правительственный контроль над всеми сферами культурной жизни страны. Что же касается специально народного образования, то Николай I «высочайшим рескриптом» от 19(31) августа 1827 г. приказал министру народного просвещения: «распространить отныне надзор

Министерства народного просвещения на все училища без исключения, кроме военных и духовных»¹¹³. Руководствуясь царским указанием и рассмотрев предшествующую переписку по вопросу о статусе Греческого коммерческого училища, министерство решило, что «нельзя освободить сего училища от надзора губернского директора училища, который, впрочем, должен состоять не в чем другом, как в присмотре за преподаванием учения»¹¹⁴. Так началась постепенная интеграция Греческого коммерческого училища, до этого одного из опорных пунктов греческого Просвещения, в официальную систему образования в России¹¹⁵.

Начало этого процесса совпало с успешным завершением греческой войны за независимость. Многие эмигранты, нашедшие приют в Одессе, спешили вернуться на освобожденную родину. В их числе был и директор Греческого коммерческого училища К. Вардахос. «Многие из соотечественников возвращаются на родину. Вардахос нас уже покинул», — писал из Одессы 30 июня (12 июля) 1830 г. А. С. Стурдза своему другу ученому-эллинисту С. Ю. Дестунису¹¹⁶. Победа национально-освободительной революции, открывшая новую эру в жизни греческого народа, создала благоприятные условия для развития культуры и образования в Греции. Под эгидой государства создается система начального образования, основываются средние учебные заведения, а в 1837 г. в Афинах открылся первый на Балканах университет. История Греческого коммерческого училища в 1817—1830 гг. принадлежит другой эпохе — эпохе борьбы за свержение чужеземного ига. В эту пору греческие училища могли появляться и существовать только благодаря патриотизму, большим и самоотверженным усилиям отдельных общин и частных лиц, ученых и просветителей. Среди наиболее значительных учебных заведений той эпохи, ставших очагами национального образования и патриотического воспитания греческой молодежи, достойное место принадлежит Греческому коммерческому училищу Одессы. Оно должно занять свое место и в истории русско-греческих культурных связей, многие также доселе неизвестные страницы которой ждут еще своего исследователя.

¹ Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение, 1809—1822 гг. М., 1976. С. 261. Приложение 2. Capodistrias. Mémoire sur l'état actuel des Grecs.

² Camariano-Cioran A. Les Académies principales de Bucarest et de Jassy et leurs professeurs. Thessaloniki, 1974; Καραθανάσης Α. Ἡ Φλαγγίνειος σχολὴ τῆς Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975. Об учебном заведении другого типа — пансионате «Атенеум», основанном в Мюнхене филеллином Ф. Тиршем для обучения греческих юношей, см.: Ἡ Ιουσερ. Γύρω ἀπό τή διαμόρφωση τοῦ νεοελλήνικοῦ κράτους. [Х. τ.], [Х. χ.]. Σ. 42—44.

³ [Βουλοδήμου Х.]. Πρώτη πεντηκονταετήρις τῆς ἐν Ὀδησσῷ Ἑλληνεμπορικῆς Σχολῆς (1817—1887). Ἐν Ὀδησσῷ, 1871. О следующем пятидесятилетии существования Греческого коммерческого училища см. специальное исследование греческого историка К. Папулидиса: Παπουλίδης Κ. Ἡ Ἑλληνικοὶ πορικῆι Σχολὴ τῆς Ὀδησσοῦ (1817—1917).—Ἀρχεῖον Πόντου, 1982. Т. 37.

- ⁴ Подробнее см.: *Арш Г. Л.* Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII—начале XIX в. // Сов. этнография. 1969. № 3; см. также новейшее специальное исследование о греческой общине Одессы: *Karidis V. A Greek Mercantile paroikia: Odessa 1794—1829 // Balkan Society in the Age of Greek Independence.* L.; Basingstoke, 1981.
- ⁵ Греческая церковь Св. Троицы в Одессе. Одесса, 1908. С. 12.
- ⁶ Одесса, 1794—1894. Одесса, 1895. Вып. 2. С. 621.
- ⁷ Отзыв попечителей Одесского коммерческого училища: (Приложение к письму новороссийского генерал-губернатора Ф. П. Палена министру народного просвещения А. С. Шишкову от 6(18) сентября 1827 г.) // Центральный государственный исторический архив СССР (далее: ЦГИА). Ф. 733. Оп. 49. Д. 637. Л. 10.
- ⁸ Одесса, 1794—1894. Вып. 2. С. 630. Основание греческого приходского училища ошибочно датируется здесь 1811 г.
- ⁹ Ερμῆς ὁ Λόγιος, 1817, № 1. Σ. 11—15. Παράτημα. Διατριβή φιλογενοῦς τινός Γραικοῦ περὶ τῆς καταστάσεως τῶν ἐν Ὁδησσῷ οἰκούντων Γραικῶν κατά τὸ ἔτος 1816.
- ¹⁰ ЦГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 291. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Л. 3.
- ¹² *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 213; [Βουλοδήμου Χ.]. Πρώτη πεντηκονταετηρίς... Σ. 116.
- ¹³ Дом этот находился на Дерибасовской улице, рядом с основанным также в 1817 г. Рицельевским лицеем. Его адрес в 1850 г.: «1-ой части в 4-ом квартале, № 14; см.: Государственный архив Одесской области (далее: ГАОО). Ф. 42. Оп. 35. Д. 720. Л. 20. Старое здание училища не сохранилось. На его месте (Дерибасовская, 14) стоит дом, построенный в 1950 г. Выражая благодарность Г. М. Пятиторскому за эти и другие сведения, относящиеся к истории Греческого коммерческого училища.
- ¹⁴ [Βουλοδήμου Χ.]. Πρώτη πεντηκονταετηρίς... Σ. 22—23.
- ¹⁵ Ερμῆς ὁ Λόγιος, 1817. № 23—24. Σ. 604—605.
- ¹⁶ В 1819 г. устав Греческого коммерческого училища был опубликован. См.: Κανόνες τῶν διοικητῶν τοῦ Ἐλληνικοῦ Ἑμπορικοῦ σχολείου τῶν Ἐν Ὁδησσῷ Γραικῶν. Ἐν Βιλνη, 1819. Нами использован русский перевод устава, посланный вместе с греческим текстом в июле 1819 г. новороссийским генерал-губернатором А. Ф. Ланжероном министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну. См.: ЦГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 23. Л. 8—14.
- ¹⁷ А. Ф. Ланжерон — А. Н. Голицыну, 11(23) октября 1816 г. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 291. Л. 2.
- ¹⁸ А. Н. Голицын — А. Ф. Ланжерону, 28 ноября (10 декабря) 1816 г. // Там же. Л. 6—7.
- ¹⁹ Архив внешней политики России (далее: АВПР). Ф. Главный архив, I—5. 1817 г. Д. 4. Л. 1.
- ²⁰ Список с донесения избранных греческим купеческим сословием для Греческого коммерческого училища эфоров Александра Кумбари и Кириака Папахаджи херсонскому военному губернатору от 28 июля 1819-го г. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 23. Л. 7.
- ²¹ Выписка из журнала Главного правления училищ, 7 июня 1828 года // Там же. Оп. 49. Д. 637. Л. 14—15.
- ²² А. Ф. Ланжерон не стал обращаться по вопросу о статусе Греческого коммерческого училища непосредственно к царю, резонно решив, что тот «опять направит это дело Голицыну». См.: АВПР. Ф. Канцелярия. 1820 г. Д. 5608. Л. 8.
- ²³ См., например: Ερμῆς ὁ Λόγιος, 1818. Σ. 194, 573, 575—582; 1819. Σ. 750, 905—906; 1820. Σ. 144—145, 204—211.
- ²⁴ О Греческом училище в Одессе: (Из записок Иосифа Сенковского о путешествии его из Вильны через Одессу в Константинополь) // Вестник Европы. М., 1820. Ч. 110. № 7. С. 202, 206. Полностью записи были опубликованы в выходившем на польском языке в Вильне (Вильнюс) журнале «Dzieńnik Wileński» (1819. Т. 2; 1820. Т. 1).
- ²⁵ *Арш Г. Л.* И. Каподистрия... С. 262.

- ²⁸ Clogg R. 'Ο Parsons καὶ ο Fisk στὸ Γυμνάσιο τοῦ Χίου τῷ 1820.—'Ο Ἑρανιστῆς, 1967. Τεῦχ. 30. Σ. 186.
- ²⁷ Καρᾶς Γ. Θέοφιλος Καΐρης — Κῶνσταντίνος Κούμας. Ἀθήναι, 1977. Σ. 40, 132.
- ²⁸ [Βουλοδόμου Χ.]. "Ε., σ. Σ. 116; ΖΓΗΑ. Φ. 733. Οπ. 49. Δ. 637. Λ. 8; Ο Греческом училище в Одессе. С. 206.
- ²⁹ Αριš Γ. Λ. Ετεριστκое движение... С. 213.
- ³⁰ ΑΒΠΡ. Φ. Главный архив. Оп. 68, II—23, 1819—1824 гг. Д. 5. Ч. 1. Л. 43.
- ³¹ И. Амвросио, А. Кумбари, И. Петала — А. Ф. Ланжерону, 3(15) августа 1820 г. // АВПР. Ф. Канцелярия. 1820 г. Д. 5608. Л. 10.
- ³² Αριš Γ. Λ. И. Каподистрия... С. 261.
- ³³ О Греческом училище в Одессе. С. 206.
- ³⁴ Эти предметы преподавались тогда и в ряде других греческих национальных учебных заведений, в том числе в училищах Хиоса и Смирны. См.: Clogg R. 'Ο Parsons... Σ. 188; Καρᾶς Γ. Θέοφιλος Καΐρης... Σ. 131.
- ³⁵ Clogg R. 'Ο Parsons... Σ. 188.
- ³⁶ О Греческом училище в Одессе. С. 207.
- ³⁷ Καρᾶς Γ. Θέοφιλος Καΐρης... Σ. 130—131.
- ³⁸ Αριš Γ. Λ. И. Каподистрия... С. 261.
- ³⁹ О Греческом училище в Одессе. С. 207.
- ⁴⁰ ΖΓΗΑ. Φ. 733. Οπ. 78. Δ. 23. Λ. 8—9.
- ⁴¹ Clogg R. 'Ο Parsons... Σ. 188.
- ⁴² ΖΓΗΑ. Φ. 733. Οπ. 78. Δ. 23. Λ. 10.
- ⁴³ О некоторых результатах этой работы можно судить по описанию библиотеки училища, относящемуся к 1850 г. В ней насчитывалось тогда 241 название книг, составлявших всего 1700 томов, в том числе на русском — 285, на «древнем классическом» (очевидно, на древнегреческом) — 725, на новейших европейских языках — 690. См.: ГАОО. Φ. 42. Οπ. 35. Δ. 710. Λ. 20.
- ⁴⁴ [Βουλοδόμου Χ.]. Πρώτη πεντηκονταετήρις... Σ. 118.
- ⁴⁵ Подробнее см.: Αριš Γ. Λ. И. Каподистрия... С. 148—151.
- ⁴⁶ Γκίνη Δ., Μέξα Β. Ἐλληνικὴ Βιβλιογραφία. Ἐν Ἀθηναῖ, 1939. Τ. Α'. Σ. 203, 212.
- ⁴⁷ О Греческом училище в Одессе. С. 207.
- ⁴⁸ Camariano-Cioran A. Les Académies princières... Р. 518—522.
- ⁴⁹ Σχοιβαρᾶς Β. 'Ο φιλικὸς καὶ δάδακαλος Ἰωάννης Γ. Μαχρῆς.—"Εἰς μνήμην Κ. Αγάντου". Ἀθῆναι, 1960. Σ. 493.
- ⁵⁰ Κούκκου Ε. Κωνσταντίνος Βαρδαλάχος.—Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. Athen, 1966. Bd. 19. S. 125—181.
- ⁵¹ Мы основываемся на дате письма К. Вардахоса своему другу и товарищу по Падуанскому университету И. Каподистрии от 10(22) августа 1819 г., написанного, судя по всему, уже из Одессы, а также на сообщении О. И. Сенковского о том, что в начавшемся в сентябре 1819 г. новом учебном году директором одесского греческого училища стал К. Вардахос. См.: Αριš Γ. Λ. И. Каподистрия... С. 294; О Греческом училище в Одессе. С. 207.
- ⁵² О Греческом училище в Одессе. С. 207;
- ⁵³ Подробнее об этом училище см.: Αριš Γ. Λ. Ετεριστкое движение... С. 134—135.
- ⁵⁴ Список о службе и достоинстве мичмана и Одесской коммерческой гимназии учителя Егора Федорова сына Аргиропула, составленный июля 15-ого 1816 года // ГАОО. Φ. 320. Οπ. 1. Δ. 2. Λ. 27—28.
- ⁵⁵ Прощение Г. Аргиропулоса директору Одесской коммерческой гимназии И. М. Флукки от 28 февраля (12 марта) 1817 г. // Там же. Λ. 86.
- ⁵⁶ Одесса, 1794—1894. Вып. 2. С. 630; ГАОО. Φ. 320. Οπ. 1. Δ. 2. Λ. 27—28.
- ⁵⁷ [Βουλοδόμου Χ.]. Πρώτη πεντηκονταετήρις... Σ. 22—23, 30.
- ⁵⁸ Именной список чиновников и учителей Одесского управления за 1840-й год // ГАОО. Φ. 43. Οπ. 1. Δ. 50. Λ. 35.
- ⁵⁹ 4(16) января 1820 г. И. Каподистрия по поводу Греческого коммерческого училища писал К. Вардахосу, что он «прочел программу о начальному обучению, с которой ознакомили меня профессора Лассанис и Геннадиос» (Αριš Γ. Λ. И. Каподистрия... С. 293, 295).

- ⁶⁰ Καραριανοῦ — Τσιοράν ?Α. Ὁ ἐπιφανῆς φιλικός Γεώργιος Δασσάνης. — Ἐπιθεώρηση Τέχνης. Ἀθῆναι, 1965. Τεύχ. 122—123. Σ. 132—134; Βακαλοπούλου Κ. Τρία ἀνέκδοτα ιστορικά δοκίμια τοῦ φιλικοῦ Γεωργίου Δασσάνη. Θεσσαλονίκη, 1973. Σ. 11—16; Αριθ. Γ. Λ. Ετεριστικό διάβολο... С. 214—216.
- ⁶¹ Φιλήμονος ?Ι. Δοκίμιον ιστορικὸν περὶ τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως. Ἀθῆναι, 1859 Τ. 1. Σ. 207.
- ⁶² ΑΒΠΡ. Φ. Главный архив, III—5. 1817 г. Д. 4. Л. 1.
- ⁶³ Ἐρμῆς ὁ Λόγιος, 1817. № 23—24. Σ. 604—606.
- ⁶⁴ Κούκους ?Ε. Κωνσταντίνος Βαρδαλάχος, Σ. 153—156.
- ⁶⁵ Καρᾶς Γ. Θεοφίλος Καΐρης... Σ. 126—130.
- ⁶⁶ [Βουλοδήμου Χ.]. Πρώτη πεντηκονταετηρίς... Σ. 26.
- ⁶⁷ Публикации соответствующих материалов из австрийских архивов см.: Ἐνεπεκίδης Π. Συμβολαὶ εἰς τὴν μυστικὴν πνευματικὴν καὶ πολιτικὴν κίνησιν τῶν Ἑλλήνων τῆς Βιέννης πρὸ τῆς Ἐπαναστάσεως. Berlin, 1960.
- ⁶⁸ Например, новороссийский генерал-губернатор А. Ф. Ланжерон признался позднее, что летом 1820 г. он часто обсуждал с А. Ипсиланти, возглавившим к тому времени Филики Этерио, его намерение «увидеть возрождение былой Греции». См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1980. Сер. II. Т. IV (XII). С. 131.
- ⁶⁹ Достапан И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 148—150.
- ⁷⁰ Αριθ. Γ. Λ. Ετεριστικό διάβολο... С. 259—260.
- ⁷¹ Там же. С. 216.
- ⁷² В 1820 г. в Филики Этерио был завербован и И. Макрис. См.: Φιλήμονος ?Ι. Δοκίμιον ιστορικὸν... Τ. 1. Σ. 401.
- ⁷³ Mémoires du prince Nicolas Ypsilanti / Publié par D. Kambouroglou. Athènes; Paris, S. a. P. 51.
- ⁷⁴ О греческом театре Одессы см.: Valsa M. La théâtre grec moderne de 1453 à 1900. В., 1960. Р. 192—198; Ζωϊδη Γ. Τό Θεάτρο τῆς Φιλικῆς Ἐταιρίας. [Χ. τ.], 1964. Σ. 15—22; Σπάθης Δ. Ὁ „Φιλοκτήτης“ τοῦ Σοφοκλῆ διασκευασμένος ἀπὸ τὸν Νικόλαο Πίκκολο.—Ο Ἐρανιστής. Ἀθῆναι, 1979. Τ. 15; Αριθ. Γ. Λ. Ετεριστικό διάβολο... С. 217—218.
- ⁷⁵ Подробнее см.: Αριθ. Γ. Λ. Ι. Καποδιστρια... С. 194—201.
- ⁷⁶ Ἐνεπεκίδη Π. Ἀλέξανδρος Ὑψηλάντης. Ἀθῆναι, 1969. Σ. 46.
- ⁷⁷ Пятигорский Г. М. Деятельность Одесской греческой вспомогательной комиссии в 1821—1831 гг. // Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. М., 1982. (Балканские исследования, Вып. 8).
- ⁷⁸ Camariano-Cioran A. Les Académies principales... Р. 83.
- ⁷⁹ Βακαλοπούλου ?Α. Ιστορία τοῦ Νέου Ἑλληνισμοῦ. Θεσσαλονίκη, 1980—1982. Т. Е'. Σ. 552, Т. Σ Τ'. Σ. 74.
- ⁸⁰ ЦГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 637. Л. 13.
- ⁸¹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 220. 1823 г. Д. 2. Л. 8.
- ⁸² [Βουλοδήμου Χ.]. Πρώτη πεντηκονταετηρίς... Σ. 35—37.
- ⁸³ Camariano-Cioran A. Les Académies principales... Р. 112—118.
- ⁸⁴ [Βουλοδήμου Χ.]. Πρώτη πεντηκονταετηρίς... Σ. 31—35.
- ⁸⁵ Η. ο. Σ. 142.
- ⁸⁶ Томашевская Н. Ланкастерская школа в России // Русская школа. 1913. № 3; Базанов В. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 61—76.
- ⁸⁷ Базанов В. Указ. соч. С. 73. К сожалению, историк не указывает источник своих сведений.
- ⁸⁸ О Греческом училище в Одессе. С. 208.
- ⁸⁹ Camariano-Cioran A. Les Académies principales... Р. 113.
- ⁹⁰ О И. И. Мартынове см.: Колбасин Е. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1872.
- ⁹¹ Выписка из журнала Главного правления училищ, 23 мая 1828-ого года // ЦГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 281. Л. 4—5.
- ⁹² Там же. Л. 5.
- ⁹³ Список с рапорта попечителей Одесского Греческого коммерческого училища к г. одесскому градоначальнику от 30 мая 1823 г. (подписали

Георгий Пападопуло и Стерий Стамеров) // ГАОО. Ф. 1. Оп. 220. 1823 г.

Д. 2. Л. 9.

⁹⁴ А. Н. Голицын — генерал-губернатору Новороссии М. С. Воронцову, 25 июля (6 августа) 1823 г. // Там же. Л. 13.

⁹⁵ Выписка из журнала Главного управления училищ, 23 мая 1828-го года // ЦГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 281. Л. 7.

⁹⁶ [Βουλοδήμου Χ.]. Πρώτη πεντηκονταετηρίς... Σ. 37.

⁹⁷ "Ε. ἡ. Σ. 38.

⁹⁸ М. Палеолог родился в Константинополе около 1798 г. Получил образование в греческом училище Бухареста. Его преподавательская деятельность в Греческом коммерческом училище продолжалась по крайней мере до 1860 г. См.: ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 50. Л. 38; Оп. 2. Д. 121. Л. 37.

⁹⁹ В списке учеников господарской академии Бухареста фигурируют Ди-митриос Павлу из Козани (1811 г.) и Димитриос Павлу из Сиатисты (1813—1814 гг.). См.: *Camariano-Cioran A. Les Académies principières...* Р. 297. Указанные в скобках даты их пребывания в бухарестском училище совпадают со временем преподавания там К. Вардахоса. Очевидно, что кто-то из них и был тем Димитриосом Павлидисом, которого Вардахос пригласил для преподавания в одесском училище. Д. Павлидис преподавал в училище недолго, по-видимому, до января 1827 г. См.: ЦГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 637. Л. 12.

¹⁰⁰ Д. Капсалис преподавал в Греческом коммерческом училище с 1820—1821 гг. по 1827 г. См.: [Βουλοδήμου Χ.]. "Ε. ἡ. Σ. 31, 39. Какими-либо другими данными о нем мы не располагаем.

¹⁰¹ Отзыв почетителей Одесского коммерческого училища (приложение к донесению одесского градоначальника новороссийскому генерал-губернатору Ф. П. Палену от 13(25) августа 1827 г. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 637. Л. 10—13.

¹⁰² [Βουλοδήμου Χ.]. Πρώτη πεντηκονταετηρίς... Σ. 94.

¹⁰³ "Ε. ἡ. Σ. 233.

¹⁰⁴ "Ε. ἡ. Σ. 39.

¹⁰⁵ "Ε. ἡ. Σ. 230.

¹⁰⁶ ЦГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 600. Л. 3—4.

¹⁰⁷ Там же. Л. 2.

¹⁰⁸ К. Вардахос прилагал усилия для издания своего труда в России еще до открытия типографии. В июне 1827 г. нежинский грек К. Пападопуло-Олимпио представил в Главный цензурный комитет рукопись под названием «¹⁰⁹Γραμματική τῆς Ἕλληνικῆς γλώσσης ὑπὸ Βαρδαλάχου» («Грамматика греческого языка» Вардахоса), которую он предполагал издать тиражом в 1200 экземпляров. Однако рассмотрение рукописи затянулось, так как для этого не могли найти подходящего человека со знанием новогреческого языка, на котором была составлена грамматика. Между тем уже было получено разрешение на открытие типографии Греческого коммерческого училища, и Вардахосу, по его просьбе в начале 1828 г. рукопись была возвращена. См.: ЦГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 599. Л. 4, 16, 23—24, 26, 32 (греческое название рукописи дано по документу без изменений).

¹⁰⁹ ЦГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 637. Л. 9.

¹¹⁰ Подробнее см.: Ариш Г. Л. Этеристское движение... С. 328, 330; Он же. И. Каподистрия... С. 222.

¹¹¹ Институт русской литературы АН СССР, отдел рукописей (далее: ОР ИРЛИ). Ф. 288. Оп. 1. Д. 158 (листы не нумерованы).

¹¹² Доклад Ф. А. Платера министру народного просвещения А. С. Шишкову, 24 ноября (6 декабря) 1827 г. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 78. Д. 93. Л. 10, 15.

¹¹³ ЦГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 637. Л. 18.

¹¹⁴ Министр народного просвещения К. А. Ливен — новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову, 13(25) сентября 1828 г. // Там же. Л. 23.

¹¹⁵ Отныне эфоры училища должны будут регулярно представлять местному учебному начальству отчеты по установленной форме, где особое вни-

мание уделялось тому, чтобы преподавание велось по учебным программам и книгам, «одобренным начальством». Наиболее ранний из известных нам подобных отчетов относится к 1841 г. См.: ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 60. Л. 30.

¹¹⁶ ОР ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 59. Л. 2. К. Вардахосу не довелось увидеть свободную Грецию. Он погиб при кораблекрушении в Эгейском море 20 июля (1 августа) 1830 г. См.: Κούκου Έ. Κωνσταντίνος Βαρδαλάχος. С. 164—165.

К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам

И. В. ЧУРКИНА

В конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. в России возник первый общественный кружок, сумевший наладить постоянные контакты с рядом организаций югославянских народов. Мы будем условно называть его кружком графини А. Д. Блудовой, поскольку именно она являлась его наиболее активным членом.

Интерес к южным славянам на Балканах в русском образованном обществе был достаточно постоянен. В значительной степени он был связан с традиционным политическим покровительством, которое оказывала Россия единоверцам, находившимся под властью турок, с долговременными контактами русской православной церкви с православной церковью балканских народов. С появлением русского славяноведения в сфере внимания сначала русских ученых, а затем более широких кругов интеллигенции оказались и славяне Австрийской империи. Этому способствовали путешествия русских ученых П. И. Кеппена и М. П. Погодина. А в конце 30-х — начале 40-х годов славянские земли посетила целая плеяда ученых-славистов: О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович, Н. И. Надеждин, а также ряд образованных путешественников, таких, как Ф. В. Чижов, Д. М. Княжевич и др. Все они внесли свой вклад в изучение славянских народов Австрийской и Османской империй, в налаживание с ними культурных и общественных связей.

За несколько лет до революции 1848 г. в Вене появился новый настоятель русской посольской церкви Михаил Федорович Раевский, человек образованный и любознательный, знавший французский, немецкий и другие языки. Столица Австрии очаровала его. «Я ехал жить в Германию и представлял Вену напр[имер] Берлином, — писал он чешскому просветителю В. Ганке в сентябре 1843 г., — но до сих пор не нахожу здесь ничего подобного между сими городами: ни в духе жизни, ни в характере народа — ни в чем! Это что-то свое, отдельное и, признаюсь Вам, интересное для изучения... Здесь смесь племен, одежд, наречий,

религий. Кажется, жить в Вене мне будет приятно»¹. Раевский был знаком с крупнейшими венскими славистами — словенцем Ф. Миклошичем и сербом В. Караджичем, служил посредником в их контактах с этнографом и критиком Н. И. Надеждиным, с И. И. Срезневским и т. д. Спустя почти сорок лет об этом периоде жизни Раевского так писал с его слов корреспондент газеты «Новое время» Г. И. Веселитский-Божидарович: «До 1848 г. московские славянофилы толковали здесь [в доме Раевского] с пражскими славистами, с словаками и словенцами, с хорватами и сербами об умственном и духовном единении всех славян...»² Круг знакомств Раевского охватывал наиболее значительных деятелей славянских народов 40-х годов. Он был достаточно разнообразным: от демократически настроенного Л. Штура и либералов Л. Гая, С. Враза, Ф. Миклошича до реакционера И. Раячича и бывшего князя Сербии Милоша Обреновича.

Когда началась революция 1848 г., многие национальные деятели славянских народов рассчитывали, по-видимому, на сочувствие Раевского. Именно поэтому среди русских, приглашенных на Славянский съезд в Праге, его имя стояло на первом месте. Но человек консервативных убеждений, верный царю и православной церкви, Раевский, конечно, никак не мог поддержать тех, кто, по его мнению, нарушал порядок. На съезд он не приехал. В конце 1848 г. славянские национальные деятели приняли сторону императора в борьбе против немецких и венгерских революционеров в надежде, что он за это пойдет им навстречу в исполнении их национальных чаяний. В своих записках Раевский с удовлетворением отмечал: «...теперь, кажется, настало время общего соединения австрийских славян, и на это законная причина — защита прав императора»³.

Особую симпатию Раевского вызывало национальное движение воеводинских сербов, в первую очередь его правое крыло, возглавленное патриархом Раячичем. Во время военных действий, продолжавшихся с перерывами от 31 мая 1848 г. до середины марта 1849 г., на территории Воеводины была разрушена значительная часть сербских церквей и школ. Раячич обратился к Раевскому с просьбой о содействии в получении помощи со стороны русской православной церкви и правительства. Раевский написал об этом графине Антонине Дмитриевне Блудовой (1812—1891), дочери видного царского сановника Д. Н. Блудова. З декабря 1849 г. она сообщила, что при разговоре с ней обер-прокурор синода граф Протасов посоветовал патриарху написать официальную просьбу о помощи русским властям⁴.

Раячич направил письмо Николаю I, в котором умолял помочь сербам восстановить разрушенные церкви. Это обращение было опубликовано в «Северной пчеле»⁵.

Через некоторое время «Северная пчела» поместила на своих страницах два цикла статей: «Отрывки из путешествия по областям Нижнего Дуная» и «Путешествие по дальнему Дунаю». Первый цикл был написан Раевским и опубликован в сентябре-

октябре 1850 г. В нем рассказывалось о бедствиях Воеводины, указывалось, что Раичич вместе с баном Елаичем «старались соединить пользу славян с выгодами австрийского дома»⁶. Вторая серия статей вышла в конце февраля — начале марта 1849 г. В ней уже с сочувствием писалось о деятельности главы сербских либералов Дж. Стратимировича, правда, прямо его имя не называлось⁷. Некоторое изменение ориентации газеты было вызвано политическими причинами. Рост авторитета Раичича при его безусловной преданности Габсбургам становился опасным для русского влияния на Балканах. 30 ноября 1848 г. Раевский отмечал в своих записках: «Если патриарха утвердят... он может иметь тогда большое влияние не только на собственную Сербию, но и на всех славян, находящихся под властью Турции»⁸.

В ответ на обращение патриарха синод разрешил в течение года собирать в пользу сербов Воеводины пожертвования по русским церквям. В связи со сбором средств воеводинцам и образовался кружок А. Д. Блудовой. В него входили некоторые чиновники, русские аристократки, даже несколько представительниц императорской фамилии. Русские благотворители собрали значительные средства, на которые в Воеводине было восстановлено и снажено утварью и книгами более сотни церквей и несколько народных школ⁹.

По-видимому, этот факт сыграл определенную роль в том, что к Раевскому с просьбами о помощи стали обращаться национальные деятели и других славянских народов. Одними из первых это сделалиbosняки и герцеговинцы. Они завязали сношения с Раевским в конце 40-х годов. «Еще в 1849 году,— вспоминал он позднее,— говорили мне босняки и герцеговинцы: только пошли к нам Россия сотню казаков, чтобы мы видели, что она хочет войны с турками, тогда в шесть недель мы сами с ними управимся»¹⁰. Осенью 1850 г. (по-видимому, в сентябре) к русскому посольскому священнику приехала делегация герцеговинцев, просившая его от имени всего православного народа ходатайствовать за них перед русским правительством. Их просьбы Раевский формулировал в своих записках следующим образом: они просили, «чтобы я молил русское правительство о назначении для них по примеру Австрии русских консульств в Боснию и Герцеговину... Другой пункт, о котором просили меня посланные, заключается в удалении из Мостара греческого владыки. У них есть иеромонах Иоанникий Памучина, человек более других образованный, преданный народу и особенно любимый народом. Им бы хотелось его видеть своим владыкою, а если уже это нельзя, то по крайней мере кого-либо из болгар или сербов». Раевский переслал просьбы герцеговинцев русским послу в Вене и консулу в Белграде¹¹. 29 октября 1850 г. он написал об этом и Д. Н. Блудову. 9 декабря последний отвечал: «Лица, с коими я имел случай объясниться по письму Вашему, обещали мне ходатайствовать перед св. синодом о снажении церквей сей страны нужными в духовном отношении предметами, а равно и предста-

вить на высочайшее усмотрение о пользе, могущей произойти от назначения в Мостар консула со стороны русского правительства»¹².

В начале 50-х годов хлопоты о создании русского консульства и об установлении славянского владыки в Боснии и Герцеговине не увенчались успехом. Однако просьбы босняков и герцеговинцев не остались вовсе без ответа. 14 декабря 1851 г. Блудова сообщала Раевскому, что синод передал для Воеводины деньги, книги и утварь, всего на 55 тыс. руб. серебром. Осенью же 1851 г. были сделаны и частные пожертвования в пользу босняков, в частности от самой Блудовой и известного русского историка М. П. Погодина¹³.

8 февраля 1850 г. с просьбой о материальной помощи к Раевскому обратился редактор сербского журнала в Далмации «Магазин српско-далматински» протоцресвитер православной церкви в Дубровнике Джордже (Георгий) Николаевич. Он жаловался на большие издержки по напечатанию журнала, на недостаточное число подписчиков, нежелание сербских богачей покровительствовать журналу. «И если я не могу иметь сербского благодетеля,— заключал письмо Николаевич,— ни даст ли мне бог через Вас какого-нибудь русского благодетеля! Рекомендуйте меня кому знаете, какому-нибудь благодетельному русскому князю или графу, и попросите мне у него ежегодную помощь в 60 флоринов для издания Магазина»¹⁴. Просьбу Николаевича Раевский препроводил Блудовой, которая приблизительно в то же время получила аналогичную просьбу от основателя «Магазина» Б. Петрановича. Блудова организовала подписку на журнал среди своих знакомых. При этом Д. Н. Блудов подписался на 40, а генерал-адъютант Ф. Ф. Берг на 25 экземпляров. Блудов просил прислать ему по 1 экземпляру всех вышедших до сих пор номеров «Магазина серпско-далматинского» (6 или 7 томов), а остальные экземпляры разослать бедным читателям. Так же и Берг из 25 подписанных им экземпляров претендовал лишь на 5. Всего Блудовой удалось собрать подписку на 230 экземпляров журнала¹⁵. Таким образом была оказана помощь далматинскому изданию. И позднее Блудова не оставляла его своим попечением, собирала для него подписчиков.

По письмам Блудовой Раевскому можно определить примерный круг лиц, вносявших пожертвования на славян. Так, среди русских подписчиков «Магазина серпско-далматинского», кроме Д. Н. Блудова и генерал-адъютанта Берга, она называла историка А. Н. Попова, фрейлину А. А. Воейкову, А. И. Войцеховского, статского советника Ф. Ф. Вигеля, полковницу Шевич, графа Д. А. Толстого.

Блудова и ее кружок имели постоянные контакты с Милошем Поповичем, издателем и редактором единственной белградской газеты «Србске новине». Через Раевского графиня часто посыпала ему книги, в том числе «Московский литературный и ученый сборник» за 1847 г., изданный славянофилами, работу Е. П. Но-

викова «Православие у чехов», труд М. И. Богдановича «Походы Суворова в Италии и Швейцарии» (СПб., 1846), стихотворения Н. М. Языкова и А. С. Хомякова и т. д. Стоимость этих книг Блудова просила оплачивать не деньгами, а сербскими изданиями. В 1852 г. она отправила несколько русских сочинений в Белградскую читальню. Из Нового Сада Блудова получала «Летопись Матице српске».

Связи Блудовой с Поповичем не ограничивались книгообменом. Еще в 1850 г. Раевский просил ее посыпать «Сербским по-винам» корреспонденции из России. Графине удалось организовать написание ряда материалов. В марте 1851 г. в «Сербских новинах» появилась статья «Панславизм и политическое верование русского (отрывок из одного письма из России)». В ней говорилось, что русские выступают перед гордой Европой как представители забытого, презираемого, но великого народа. Европа боится русских и считает, что Петр Великий завещал им объединить славян в единое государство. Автор статьи подчеркивал, что ни польская демократия, ни всеславянская конфедерация не спасут славян. Их могут спасти только смиление, вера, любовь и самопожертвование, которые проповедует православная церковь. Вместе с тем автор отмечал, что искренним славянином-патриотом может быть не только православный, но и католик. В качестве примера он приводил имена Штрассмайера, многих чешских общественных деятелей¹⁶. В 1852 г. в белградской газете был помещен цикл статей под названием «Письма из России о славянском вопросе». В них автор давал характеристику тем группам русского общества, которые интересовались и занимались славянским вопросом. Дипломаты, по его мнению, по большей части знают о славянах по французским газетам, считают славян гайдуками и бунтовщиками, следовательно, поддержку их Россией — делом вредным для нее. Высшее общество не едино в своем отношении к славянам. Некоторые его представители мечтают о слиянии славян в один народ, другие — о создании славянской конфедерации под покровительством или во главе с Россией, третья думают использовать славян в борьбе против немцев. Кроме дипломатов и высшего общества, славянским вопросом интересуются писатели, ученые, особенно филологи и историки. Они с симпатией относятся к славянским народам, особенно радуются их литературным и научным достижениям. Наконец, русский народ славян не знает совсем. Но простые люди считают, что «если он православный... одинаково с нами молится богу на нашем языке, то он наш родной брат». Поэтому русские так горячо откликнулись на призыв собирать пожертвования в пользу воеводинских сербов. Автор статей считал, что единство русского народа выражается в общей любви всех слоев населения к отечеству, царю и православию¹⁷.

Итак, в 1851 и 1852 гг. в «Сербских Новинах» были опубликованы статьи, написанные русскими корреспондентами, скорее всего из круга графини Блудовой. Был ли это один корреспон-

дент, или их было два — сказать трудно. Однако можно с несомненностью утверждать, что по своему духу статьи были весьма близки. Для их автора (или авторов) было характерно близкое к уваровской триаде (самодержавие, православие, народность) понимание русского патриотизма, преданность православной церкви при достаточно терпимом отношении к католичеству, несомненное сочувствие славянам при отсутствии панславистских настроений, достаточно трезвая оценка степени заинтересованности разных кругов русского общества в славянском вопросе.

В начале 50-х годов Блудова интересовали и дела югославян католического вероисповедания. Она регулярно читала газету видного хорватского национального деятеля Людовита Гая «Народне новине», с симпатией воспринимала первые печатные выступления молодого хорватского священника Й. Ю. Штроссмайера. Раевского она просила высылать ей все интересные брошюры и книжки на сербском или иллирском (т. е. хорватском) языках. Кроме газеты Гая, Блудова читала газету хорватского публициста Й. Прауса «Südslawische Zeitung», издававшийся И. Кукульевичем-Сакцинским «Архив исторического общества». Последний ее особенно занимал, и она просила Раевского высылать ей его в двух экземплярах. В Матицу Иллирскую и Матицу Далматинскую Блудова летом 1850 г. переслала через Раевского некоторые русские книги, в том числе басни И. А. Крылова, трагедию Хомякова «Ермак», монографию И. П. Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (т. I, II), партитуры оперы Глинки «Жизнь за царя»¹⁸.

В июне 1852 г. Блудова рекомендовала Раевскому К. Д. Петковича как образованного молодого болгарского студента, отличающегося хорошим поведением, «с нежной и пылкой любовью к отечеству и с дружескими воспоминаниями о России»¹⁹. Позднее Петкович поступил на службу в русское Министерство иностранных дел, некоторое время был русским консулом в Рагузе (Дубровнике). В 1852 г. Петкович заезжал в словенские земли, а затем через Раевского передал Блудовой словенские народные песни. Песни графине понравились, две из них она нашла очень похожими на русские. В марте 1853 г. Блудова послала ноты русских песен молодой словенской писательнице Йосипине Урбанич-Турноградской, попросив Раевского сказать последней, что они от К. Д. Петковича²⁰. Блудова получила из Словении и небольшой альманах «Зора», вышедший в 1852 г. в Граце. Издателем его был молодой штирийский священник Р. Разлаг, горячий иллир в 40-х годах, а в начале 50-х годов сторонник создания единого литературного общеславянского языка. Некоторые статьи в альманахе и были на этом «общеславянском» языке. Альманах чрезвычайно понравился в кружке графини, и один из его членов написал на «Зору» весьма положительную рецензию, опубликованную в марте 1852 г. в «Северной пчеле». Автор рецензии хвалил саму идею принятия всеми славянами единого литературного языка и кирилловской азбуки, особо

отмечал рассказ И. Турноградской об обращении болгарского царя Бориса в христианство одним из знаменитых солунских братьев Мефодием²¹. Номер «Северной пчелы» с рецензией был отправлен Разлагу.

По-видимому, кружок Блудовой выражал интересы некоторой части императорского двора, высшего чиновничества России. Эти сановники уже в то время видели бесперспективность ориентации России на Австрию и Пруссию и стремились нащупать новые пути русской внешней политики. Несомненно, Антонина Дмитриевна находилась под влиянием своего отца, Д. Н. Блудова, ведавшего Вторым отделением собственной его императорского величества канцелярии и отличавшегося сравнительно либеральными взглядами.

Впервые Д. Н. Блудов непосредственно столкнулся с южными славянами, когда возглавлял дипломатическую канцелярию при графе С. М. Каменском, главнокомандующем русской армией в Дунайских княжествах. В то время в Сербии полыхало восстание под руководством Карагеоргия. Биограф Блудова, видный русский дипломат Е. П. Ковалевский, так написал об этом: «Он принимал сербских депутатов, являвшихся беспрестанно то с доносами на Карагеоргия, то с различными просьбами и предложениями... выслушивал болгарских старшин, и среди всех этих тревог и забот еще находил время писать прокламации то к жителям Болгарии, то к народу сербскому, заклиная именем бога и спасения отечества прекратить раздоры... в памяти его на всегда сохранилась безусловная храбрость сербов, страдания болгар, общая привязанность к России и преданность религии христиан в Турции, несмотря на все преследования, особенно в тогдашнее время. Впоследствии Блудов везде, где мог, отстаивал интересы этих племен»²². Блудов сочувствовал той линии внешней политики России, которая учитывала борьбу balkанских народов за свое освобождение. Русский историк второй половины XIX в. А. А. Котляревский называл его покровителем славянофилов²³. Это мнение небезосновательно. Блудов был лично знаком со многими славянофилами, в частности с И. С. Аксаковым. В письме к родителям от 7 сентября 1853 г. последний сообщал об обеде у графа, на котором он читал свои «Судебные сцены». «Блудов был в восторге», — заключал И. Аксаков²⁴. В своих «Записках» А. И. Кошелев прямо указывает, что добиться издания «Русской беседы» славянофилам удалось с помощью Блудова²⁵. Блудов участвовал во многих делах кружка своей дочери.

Значительную роль в кружке Блудовой играл А. Н. Попов. С начала сороковых годов и до смерти графа Блудова он служил во Втором отделении. Попов написал ряд исторических работ: о Русской Правде, о 1812 году, издал документы по восстанию Степана Разина. Он был близок к славянофилам, переписывался с К. С. и И. С. Аксаковыми, Ю. Ф. Самариным, А. И. Кошелевым. Попов участвовал в их «Московском литературном и ученом сборнике» за 1847 г.

Близок к Блудовой, несомненно, был и известный русский историк консервативного направления профессор Московского университета М. П. Погодин. Уже в 20-х годах он горячо сочувствовал славянам, интересовался ими, пытался ознакомить с их положением и культурой русскую общественность. В 30-х — начале 50-х годов Погодин несколько раз побывал в зарубежных славянских землях. По просьбе графини Блудовой Погодин 7 декабря 1853 г. направил к ней отчет о своей последней поездке. В нем он решительно выступил против союза с Австрией (в то время не подвергавшегося сомнению со стороны правящих кругов России), указывая, что «Австрию выгоднее иметь нам врагом, нежели другом». «Союзники наши в Европе,— продолжал Погодин,— и единственные, и надежные, и могущественные — славяне, родные нам как по крови, по языку и сердцу, так по истории, вере, а их 10 миллионов в Турции и 20 миллионов в Австрии»²⁶. Письмо Погодина Блудовой представляло собой настоящий трактат, явно рассчитанный на то, чтобы с ним ознакомились в высших придворных кругах. Несомненно, основные его идеи соответствовали взглядам самой графини.

Крымская война прервала оживленные сношения Блудовой с мюнхенскими славянами Османской империи. Зато ее связи с сербскими корреспондентами в княжестве Сербия и в Воеводине активизировались. Особенно оживленно она контактировала через Раевского с редактором «Србских новин» Милошем Поповичем и редактором «Српского дневника» Данилой Медаковичем (Нови Сад). Блудова стремилась использовать страницы указанных сербских изданий, чтобы знакомить сербскую общественность с ходом русско-турецкой войны. В свою очередь она хотела получать информацию о настроениях в различных слоях сербского народа. Блудова отправила в сербские газеты статьи о начале военных действий, об отъезде в Севастополь первого отряда сестер милосердия, о бомбардировке Одессы англичанами и т. п.²⁷.

Во время Крымской войны Блудова и ее окружение энергично хлопотали о том, чтобы Россия привлекла на свою сторону угнетенные турками славянские народы, провозгласив одной из целей войны освобождение их от турецкого ига. На основе записок Раевского и писем сербских корреспондентов Блудовой А. Н. Попов (его авторство установлено Е. В. Тарле²⁸) составил записку для императора и наследника. «О надобности России освободить все племена славянские в нынешнюю войну, и с ними вместе громить Царьград, потом составить конфедерацию из Греции, Болгарии и Сербии с Черногорией и Молдавией по языкам и народностям» под покровительством России, пересказывала графиня ее суть в письме Раевскому от 8 января 1854 г. Эта записка, по словам Блудовой, понравилась Николаю I²⁹. Однако все эти планы и проекты были далеки от реальной исторической ситуации, сложившейся в 50-х годах.

После поражения в Крымской войне стала ясна несостоятельность внешней политической концепции Николая I, основан-

ной на тесном сотрудничестве с Австрией и Пруссией, на стремлении обеспечить сохранение статус-кво в Европе. Новые условия, в которые попала Россия после Парижского мира, требовали от нее выработки новой внешней политики. Смысл ее заключался в отказе России от поддержки реакционных принципов Священного союза, в сближении ее с Францией. Поскольку влияние России на Балканах было ослаблено, правительство стремилось укрепить там свои позиции, проявляя интерес и оказывая известную поддержку национальным устремлениям полунезависимых славянских государств и национальным движениям славянских народов, еще находившихся под османским владычеством³⁰.

При таких обстоятельствах деятельность кружка Блудовой вполне соответствовала целям русской политики. В 1856 г. он конституировался как официально разрешенная организация — Петербургский благотворительный комитет. Во главе него встали три титулованных аристократки: княгиня Т. В. Васильчикова, графиня Н. Д. Протасова (жена обер-прокурора синода) и графиня А. Д. Блудова. Целью комитета провозглашалось снабжение книгами и богослужебными предметами православных церквей и школ на Балканах. И комитет действовал именно в этом направлении: занимался сбором книг, церковной утвари, денежных пожертвований. Последние большей частью являлись поминальными вкладами, иногда пожертвованиями в пользу школ. Отчеты Петербургского благотворительного комитета публиковались в газетах, например в «Московских ведомостях» (см. № 35 от 23 III. 1858 г.). Таким образом, его деятельность носила публичный характер³¹.

Если сравнить деятельность кружка Блудовой в конце 40-х — начале 50-х годов и Петербургского комитета, то сравнение будет не в пользу последнего. Кружок Блудовой, хотя и занимался активно благотворительностью в пользу православных церквей, все же не чужд был интереса к светской культуре славянских народов, в том числе и тех, которые придерживались католического вероисповедания. Благотворительный же комитет ограничил свою деятельность сугубо православными, церковными делами.

Особое внимание Петербургский благотворительный комитет обратил на Боснию и Герцеговину. В 1856 г. в Сараево, главном городе Боснии, было установлено русское консульство. Поиском кандидатуры на место консула активно занялась Блудова, находившаяся в дружеских отношениях с Е. П. Ковалевским, в то время директором Азиатского департамента МИД. Одним из возможных кандидатов на эту должность она считала известного славянофила Ф. В. Чижова. 2—4 сентября А. И. Кошелев писал последнему из Москвы: «Был вечером у гр. Блудовой, и вот что она мне сказала: директор департамента Ковалевский желает предложить Вам место консула в Босне и просит узнать от Вас, примите ли Вы это место». За месяц с лишним до этого письма

Кошелеев предлагал Чижову от имени московских славянофилов стать редактором журнала «Вестник (сборник) иностранной словесности», который они предполагали начать издавать наряду с «Русской беседой». Поэтому Кошелеев прямо задавал вопрос: «Хотите ли быть консулом в Босне или редактором журнала в Москве?» О своем решении Кошелеев просил немедленно сообщить Блудовой³². Чижова, по-видимому, больше устраивала должность редактора, и он написал графине уклончивый ответ³³. Консулом в Сараево стал славист А. Ф. Гильфердинг.

В конце 50-х годов в Боснии начался голод. Петербургский благотворительный комитет стал собирать пожертвования. По-средниками в сношениях с боснийцами были М. Ф. Раевский и А. Ф. Гильфердинг. «Наши церковнославянские дела идут тихо, но благополучно,— сообщала Блудова Раевскому.— Для них уже около 1200 руб. Доставьте нам описания страданий тамошних краев»³⁴. В январе — мае 1860 г. Раевский получил для помощи боснийцам и герцеговинцам от Блудовой и графини Протасовой 896 червонцев, через видинского консула Байкова — 358 червонцев и 59 полуимпериалов. Летом 1860 г. сборы пожертвований в Петербурге от имени «Дамского комитета» вел А. Я. Позняк, собравший 905 руб. 15 коп. Он составил список жертвователей. В числе последних были казенныи крестьянин О. Радыгин (6 руб.), поручик Колтунский из Александровска, чиновники палаты гражданского суда в Казани (16 руб.), рабочие и служащие Билимбаевского завода (13 руб.), офицеры штаба 2-й пехотной дивизии и камчатского пехотного полка из Ельца (48 руб.), крестьяне села Волковины из-под Владимира (10 руб.) и многие другие³⁵. Как можно видеть, круг лиц, откликавшихся на призыв «Дамского комитета», в начале 60-х годов был довольно широк и включал в себя представителей самых различных сословий России. Позднее в Москву для сбора пожертвований был послан при содействии Гильфердинга герцеговинский монах Прокопий Чокарило, которому комитет и вручил часть собранных им средств.

После Крымской войны идея о необходимости союза со славянами приобрела сторонников в различных кругах русской общественности, прежде всего среди дворянско-буржуазной интеллигенции. Поэтому благотворительная деятельность в пользу славянских народов находила отклик. Однако те формы благотворительности, которые предлагал Петербургский комитет, уже не отвечали запросам времени: они были слишком рутинны, отставали от времени, не давали возможности вступить в сношения с представителями буржуазии и буржуазной интеллигенции славянских народов. Недовольство петербургскими дамами чувствуется в письмах одного из наиболее горячих сторонников сближения со славянами — А. Ф. Гильфердинга. «Одного подвига только совершив я не в силах — именно уверить баб в их бесстолковости,— жаловался он Раевскому 5 мая 1858 г.— Никак не хотят *entendre raison* [внять доводам рассудка — фр.] и посыпать помощь туда, где она всего нужнее по местным обстоя-

тельствам, а не тому или другому святому, который им больше нравится»³⁶.

Не случайно поэтому возникла мысль о создании общественной организации, не связанный с придворными кругами. Уже в 1856 г., когда был образован Петербургский благотворительный комитет, в среде московской либеральной интеллигенции славянофильского и западнического толка появилось стремление создать собственное общество для сношения со славянскими народами, для содействия распространению просвещения среди славян. Душой этого движения стал И. С. Аксаков. Московский славянский благотворительный комитет образовался зимой 1857/58 г. На имя А. М. Горчакова было подано официальное заявление с просьбой разрешить установление комитета. В числе подписавшихся 40% составляли профессора Московского университета. Кроме них, заявление подписали основатель Археологического общества граф А. С. Уваров, известный журналист-западник М. Н. Катков, славянофилы Константин и Иван Аксаковы, Кошелев, Хомяков, Самарин, ряд важных чиновников. Список подписавшихся был довольно пестрым по составу, но в нем фигурировали главным образом люди либеральных взглядов.

Горчаков разрешил основание Московского комитета. «Правительство рассматривало вновь создавшуюся организацию, — писал видный советский историк С. А. Никитин, — как удобное орудие для проведения русской политики на Балканах». Предполагалось, что Московский комитет будет находиться в тесной связи с Петербургским благотворительным комитетом и с Азиатским департаментом МИД. В числе целей Московского комитета наряду с помощью православным церквям и училищам на Балканах упоминалась и помощь славянам, учащимся в Москве³⁷.

Однако совместной деятельности Московского комитета с Петербургским не получилось. Слишком по-разному подходили они к вопросу об отношениях со славянами. Петербургский комитет интересовался почти исключительно религиозными делами и в этом отношении был шагом назад даже по сравнению с кружком Блудовой 1849—1856 гг.

Что же касается Московского комитета, то его курс и цели были более современны. В Московском комитете от его образования до закрытия почти все время центральной фигурой являлся И. С. Аксаков. Он всеми силами стремился привлечь внимание интеллигенции, молодой русской буржуазии к славянским делам. Задумав издание «Паруса», И. Аксаков мечтал сделать славянский вопрос «вопросом близким нашему купечеству и вообще грамотному простому люду»³⁸. И в этом отношении он стоял левее многих славянофилов. В частности, он не был удовлетворен программой «Русской беседы», славянофильского издания, вышедшего в 1856—1859 гг. «Она написана так, — писал И. Аксаков родителям 4(16) июня 1857 г., — что, возбуждая недоумение, отращает от нас сочувствие молодого поколения

и приобретает сочувствие, которого я не желаю, сочувствие архиереев, монахов, святейшего синода»³⁹.

Вокруг «Паруса» И. С. Аксаков пытался собрать всех, кто проявлял интерес к славянам. Обратился он и к А. Н. Попову. Тот ответил очень уклончиво. «Благодарю за билет на получение „Паруса“,— писал он И. Аксакову 7—12 декабря [1858 г.],— и, конечно, желаю ему попутного ветра». Однако дать обещание сотрудничать в нем поостерегся, ссылаясь на занятость служебными делами. По-видимому, программа «Паруса» казалась Попову чуть ли ни революционной. «Не нужно спешить,— пеучал он.— Россия, право, не может прыгать, а должна идти ровно и довольно медленно вперед»⁴⁰.

И. Аксаков связывал с изданием «Паруса» самые радужные надежды на распространение своих идей среди интеллигенции славянских народов. Он уже договаривался с Раевским о способе пересылки ему «Паруса» и «Русской беседы», просил его подыскивать для «Паруса» славянских корреспондентов. Объявление о проекте создания «Славянской конторы» и издании указанных органов Аксаков думал отпечатать на чешском (100 экз.), сербском (300 экз.), болгарском (100 или 50 экз.), хорватском и польском (300 экз.) языках⁴¹. Но уже после второго номера «Парус» был запрещен.

По-видимому, именно из-за запрещения «Паруса» окончательно испортились отношения между Блудовой и И. Аксаковым. Последний надеялся, что круг лиц, близких графине, поможет его изданию. Речь шла о председателе Главного управления цензуры Евг. П. Ковалевском, брате директора Азиатского департамента. В запрещении «Паруса» И. Аксаков увидел нежелание Блудовой и ее окружения допустить создание другого центра по связям со славянами. Во всяком случае, так поняла его сама графиня, написавшая Чижову 17 ноября 1858 г., что «он [И. Аксаков] вообразил, что это какое-то соперничество с моей стороны». Сама она объясняла неудачу с «Парусом» происками «немцев» и «греков»⁴². Аксакова особенно возмутило то, что, по его предположению, Блудова передала Е. П. Ковалевскому (директору Азиатского департамента) некоторые его высказывания. В письме к И. Аксакову от 8 ноября 1858 г. графиня убеждала его, что это не соответствует действительности. «О самом Егоре Петр[овиче] я ничего и не говорила нынче,— писала она,— а, напротив, приехав из Москвы, спрашивала его, правда ли, что он дурно расположен к Вам вообще? (Как Вы мне говорили). Он ответил, что совсем нет, но что во многом имеет другие убеждения; что же касается до диких и запоздалых идей его, я об них не могла и говорить, ибо ныне в первый раз о них слышу»⁴³.

Сыграла ли графиня Блудова неприглядную роль в запрещении «Паруса», сказать трудно. Во всяком случае, относилась она к нему достаточно неприязненно. «Аксаков и Погодин столько нашумели с своими выходками,— не без злорадства замечала она

в письме к Раевскому от 31 января (12 февраля 1859 г.), — что „Парус“ на 2-м № запрещен»⁴⁴.

Петербургский благотворительный комитет продолжал существовать некоторое время и после создания Московского славянского благотворительного комитета. И по-прежнему деятельность в нем играла Блудова. В 1860 г. комитет занимался сбором средств для голодающих боснийцев, и за полтора месяца ему удалось собрать 8 тыс. руб.⁴⁵ 24 марта 1862 г. Блудова сообщала Раевскому, что благотворительницы посылают все, что у них собрано, а именно 2400G русскому консулу в Рагузе (Дубровнике) Петковичу для Герцеговины⁴⁶. Однако уже к концу 1863 г. дела петербургских благотворительниц пошли плохо. «Мы в целый год не получили ни одной посылки, ни рубля для славян... — жаловалась Блудова Раевскому 23 ноября (5 декабря) 1863 г. — „День“ сделал большой подрыв нашему делу. К нему посылают для болгар-студентов и для черногорцев и вообще для славян, Иван Сергеевич их посыпает в церкви и школы местные... Советую Вам адресоваться к нему... Мы будем продолжать хоть свои маленькие приношения пересыпать, но это будет весьма мало, ибо мы уже около 1000 руб. высылаем ежегодно на учеников-боснийцев в белградскую семинарию и до 300G в две школы»⁴⁷.

Петербургский благотворительный комитет прекратил свое существование, ибо не в состоянии был конкурировать с Московским славянским комитетом, начавшим действовать весьма энергично с 1860 г., когда его председателем стал М. П. Погодин, а секретарем — И. С. Аксаков. Московский комитет адресовался к широким кругам русской читающей публики через газету «День», издававшуюся в 1861—1865 гг. сначала под редакцией И. Аксакова, а затем Ю. Ф. Самарина. Дело помощи славяням, контакты с ними перешли в руки московских либералов.

¹ Rajevsky-Hankovi, 25(13). IX. 1843 // Literarni arhiv Narodniho Musea (Praha).

² Новое время. 1884. № 2874 (28.II./11.III.)

³ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее: ОР ГПБ). Ф. 627. Записки Раевского. 1848. Л. 10.

⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее: ОПИ ГИМ). Ф. 347. Д. 14.

⁵ Северная пчела. 1850. № 133.

⁶ Там же. № 215, 230, 242.

⁷ Там же. 1851. № 46, 47.

⁸ ОР ГПБ. Ф. 627. Записки Раевского. 1848. Л. 16.

⁹ Русь. М., 1884. № 11. С. 27.

¹⁰ ОР ГПБ. Ф. 627. Записки Раевского. 1853. Л. 11 об.

¹¹ Там же. 1850. Л. 20 об., 21 с об.

¹² Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 46—47.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 14.

¹⁴ Зарубежные славяне и Россия. С. 317.

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 14.

¹⁶ Србске Новине. 1851. № 28.

- ¹⁷ Србске Новине. 1852. № 75, 82, 135.
- ¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 14.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Северная пчела. 1852. № 66 (21.III).
- ²² Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 55.
- ²³ Котляревский А. А. Сочинения. СПб., 1895. Т. IV. С. 639.
- ²⁴ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. III. С. VII.
- ²⁵ Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1884. С. 85—86.
- ²⁶ Погодин М. П. Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878. С. 121—128.
- ²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 14.
- ²⁸ Тарле Е. В. Крымская война // Соч. М., 1959. Т. VIII. С. 462.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 14.
- ³⁰ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970. С. 157—158.
- ³¹ Никитин С. А. Славянские комитеты. М., 1960. С. 27.
- ³² Отдел рукописи Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее: ОР ГБЛ). Ф. 332. П. 35. Д. 29. Л. 20, 24.
- ³³ ОР ГБЛ. Ф. 332. П. 10. Д. 6.
- ³⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 15.
- ³⁵ Архив внешней политики России. Ф. Славянский Стол. Д. 4214 (1859—1865). Л. 4, 7, 9, 29—30. Указанные материалы были предоставлены С. И. Данченко, которой автор выражает искреннюю благодарность.
- ³⁶ Зарубежные славяне и Россия. С. 124.
- ³⁷ Никитин С. А. Славянские комитеты. С. 31—33, 36—39.
- ³⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Т. IV. С. 2.
- ³⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. С. 328.
- ⁴⁰ ОР ГБЛ. Ф. 3. кар. 1 (ГАИС III). Д. 18.
- ⁴¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. С. 4—5.
- ⁴² ОР ГБЛ. Ф. 332. П. 17. Д. 39.
- ⁴³ ОР ГБЛ. Ф. 3. кар. 9 (ГАИС III). Д. 5.
- ⁴⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 15.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 15.
- ⁴⁷ Там же.

Жизнь и деятельность Любена Каравелова в освещении русской периодической печати

1877—1879 гг.

А. А. УЛУНЯН

Выдающийся деятель болгарского национально-освободительного и революционного движения Л. Каравелов являлся крупной фигурой в общественно-политической жизни Болгарии эпохи Возрождения.

Отойдя впоследствии от активной революционной деятельности, он не переставал выступать за освобождение болгарского народа от османского ига. Вокруг личности Л. Каравелова, поражавшего современников своей образованностью и широтой взглядов, велись и ведутся споры. Однако они не умаляют роли Л. Каравелова в истории болгарского национального Возрождения.

В дореволюционной России деятельность Л. Каравелова не являлась предметом специального исследования. С его литературным творчеством можно было ознакомиться в статьях и рецензиях на работы южнославянских поэтов и писателей, появившихся в русской периодике.

В довоенной советской историографии число исследований о Л. Каравелове невелико, они в основном стали появляться в послевоенный период.

Советские ученые-болгаристы Н. С. Державин, К. А. Копержинский, Л. С. Ерихонов, А. С. Никитин, Л. В. Воробьев, С. И. Сидельников, К. А. Поглубко, Б. Н. Билунов и др. в своих монографических исследованиях, посвященных Л. Каравелову, его общественно-политическим и философским взглядам, его литературно-публицистическому творчеству в России, использовали новые архивные документы и ранее неизвестные материалы русской периодической печати¹.

При всем многообразии научных трудов о Л. Каравелове как в болгарской, так и в советской историографии тема настоящей статьи осталась вне поля зрения историков и литературоведов болгаристов. Представленные в статье материалы о Л. Каравелове из русской периодической печати дополнят его биографию новыми интересными сведениями.

Национально-освободительная борьба болгарского народа в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. получила особенно широкое освещение в русской периодической печати самых различных направлений. Не остался без внимания и вопрос о политических течениях и партиях в болгарском национально-освободительном и революционном движении времен войны.

Современная болгарская эмигрантская пресса выражала взгляды противоборствующих сторон; она защищала интересы определенных кругов болгарского общества, и, как писал один из корреспондентов (судя по тексту, болгарин по происхождению) консервативной газеты «Русский мир», они «всегда имели свои отдельные органы, и полемика между ними была жестокая»². Естественно, эта полемика не могла оставаться вне поля зрения русских журналистов, которые информировали своих читателей о состоянии болгарской прессы и ее направлениях.

Писатель В. И. Немирович-Данченко в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. был корреспондентом ряда русских газет в действующей армии на Балканском фронте. В статье «Апостолы и мученики Болгарии», напечатанной в либеральной газете «Наш век», он делился своими впечатлениями о болгарской эмигрантской прессе, ее издателях и о встречах в Румынии с некоторыми бывшими деятелями Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК). Признавая главенствующую роль В. Левского и Л. Каравелова в организации БРЦК, Немирович-Данченко восхищался их мужеством и целеустремленностью, их готовностью к самопожертвованию во имя освобождения родины от иноземного ига. «Меня поразила, — подчеркивал он, —

прежде всего их молодость,— старшему нет и 35 лет,— потом та изумительная энергия, которая оказывается в каждом слове, в каждом движении этих самоотверженных людей. Хмурые, сосредоточенные лица, сильные организмы, видимо сколоченные накрепко, выносливые, равнодушные ко всякой непогоде и грозам, взгляды, в которых пламенеет ненависть к насилию, готовность идти на крестную муку и смерть за благо своего народа»³. Судя по этому высказыванию, встреча произвела на Немировича-Данченко сильное впечатление и убедила его в искреннем патриотизме и сыновней любви «молодых» к своей родине.

С большой теплотой Немирович-Данченко отзывался о Каравелове, которого называл «известным и в России писателем». Отдавая дань уважения незаурядному таланту Л. Каравелова и его огромной работоспособности, он напоминал читателю о сделанных последним переводах на болгарский язык произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, Марко Вовчок и многих других, а также отмечал, что перевод книги известного русского педагога К. Д. Ушинского «Родное слово» получил широкое распространение и был введен во всех болгарских училищах в качестве учебника под заглавием «Баштин език».

Знакомя русскую общественность с публицистической и литературной деятельностью Л. Каравелова, Немирович-Данченко говорит о его популярности в болгарском народе. При разговоре с интеллигентными болгарами речь обязательно заходила о Петко Славейкове, Любене Каравелове. Некоторые даже называли «этого благородного деятеля болгарской независимости „наш великий Каравелов“»⁴.

Останавливаясь на работе Каравелова в Бухаресте 1869 г. в качестве редактора газеты «Свобода» (1872—1874 гг.—«Независимость»), ставшей впоследствии органом БРЦК, он с удивлением констатировал, что, имея всего 500 подписчиков и невзирая на свое тяжелое материальное положение, Каравелову удавалось пять лет подряд издавать еженедельную газету; при этом в первые годы самому приходилось не только писать все статьи от первой до последней строчки, но и быть наборщиком. Работая по 14 часов в день, он «отдавал все, что приобретал, делу болгарской независимости».

Высокая оценка в статье дана и Христо Ботеву, издававшему газету «Знамя», которая призывала «турецких районов к светлым идеалам свободы и правды». Называя Хр. Ботева одним из руководителей «последнего восстания в Болгарии» (Апрельского восстания 1876 г.—А. У.), Немирович-Данченко считал его вслед за Л. Каравеловым «известным мучеником болгарского дела»⁵. Высокая оценка Каравелову и его революционной деятельности давалась и в газете «Русский мир» в статье «Болгария и ее деятели». Автор корреспонденции писал, что Г. Раковскому в его революционной борьбе наряду с В. Левским наследуют Л. Каравелов и Хр. Ботев — два известных литератора и издателя болгарских газет⁶.

С одобрением писал корреспондент газеты «Наш век», что издававшийся Каравеловым в 1875 г. научно-популярный журнал «Знание» имел ту же программу, что его русский тезка»⁷. Журнал, по словам Немировича-Данченко, получил широкое распространение «ввиду жажды знания у болгар», а число подписчиков достигло четырех тысяч. В конце марта 1876 г. журнал перестал выходить.

В начале июня 1876 г. Л. Каравелов окончательно переехал из Румынии в Сербию и поселился в Белграде, где в сентябре 1876 г. был организован Сербский благотворительный комитет. По приглашению сербского митрополита Михаила Каравелов принял участие в его работе⁸. Комитет получал материальную помощь от славянских благотворительных комитетов России для добровольцев, участвовавших в сербо-турецкой войне, а также для пострадавшего населения Боснии и Герцеговины.

Предложение ввести в Сербский благотворительный комитет представителей других славянских народов было сделано И. С. Аксаковым, считавшим, что это способствовало бы укреплению славянского единства. В своем письме Аксакову от 25 ноября 1876 г. митрополит Михаил сообщал, что сербские представители комитета «очень рады русским и болгарским коллегам и относятся к ним с любовью и готовы совместно и дружно помочь пострадавшим»⁹.

В Белграде Каравелов встретился и сблизился с А. А. Нарышкиным — представителем Петербургского славянского благотворительного комитета в Сербии, который с апреля 1878 г. стал главным агентом Московского и Петербургского славянских комитетов при Главном управлении гражданской частью действующей армии. Впоследствии Нарышкин с большой теплотой и сердечностью отзывался о деятельности Каравелова в Сербии. «Я нравственно обязан сделать все, что от меня зависит,— писал он Аксакову 4 сентября 1877 г. из Тырново,— чтобы представить его вам в ином свете, чем тот, в котором Вы его изображали в одном из писем ко мне, полученном в Белграде. Именно там, в Белграде, он для меня был неоценимым сотрудником, даровым и добровольным, так как я никогда его ни о чем не просил, но он сам делал все, что мог, пользуясь при этом своим влиянием, приобретенным в силу симпатичной своей натуры. Он честен и бескорыстен, как очень немногие люди»¹⁰. Характеристика, данная Нарышкиным, подтверждает высокие моральные принципы Каравелова, ставившего общественные интересы, борьбу за освобождение народа превыше всего.

Наряду с работой в Сербском благотворительном комитете Каравелов возобновил свое сотрудничество с русской прессой и стал специальным корреспондентом либеральной петербургской газеты «Голос». Немалую роль в этом, по нашему мнению, сыграло письмо сербского митрополита Михаила от 28 сентября 1876 г. к секретарю Московского славянского благотворительного комитета Н. А. Попову о необходимости иметь в Белграде кор-

респондентов русских газет, которые могли бы давать правдивую информацию о положении в Сербии. «Прошу Вас не верить австрийским, немецким и мадьярским газетам относительно Сербии, у них все тенденциозные выдумки и сплетни. Отчего русские газеты,— спрашивал митрополита,— без разбора принимают все из них, а не хотят иметь своих корреспондентов в Белграде, откуда бы верно или приблизительно тому могли иметь сведения»¹¹.

В корреспонденциях из Белграда за январь—март 1877 г. Каравелов останавливался на вопросах внутриполитической борьбы в сербском обществе, уделяя большое внимание экономическому, военному и внешнеполитическому положению Сербии и роли западноевропейских держав и России в сербо-турецкой войне. Его беспокоила также судьба Боснии и Герцеговины. Затрагивались в корреспонденциях и болгарские сюжеты. Особенно тепло Каравелов отзывался о русских добровольцах. Он с негодованием отвергал злостные выпады против русских добровольцев и подчеркивал их бескорыстие. «Нельзя не сказать,— писал он,— что Сербия обязана великою признательностью тем русским офицерам и добровольцам, которые приехали сюда с хорошими побуждениями. Все они дрались храбро и неустранимо, и кровь добровольцев, пролитая на Тимоке, Мораве и Ибаре, служит красноречивым свидетельством русских симпатий к угнетенным народам на Балканах»¹².

Последняя корреспонденция в газету «Голос» из Белграда от 10 марта была опубликована 13 марта 1877 г. Во всех последующих номерах газеты сообщения из Белграда специального корреспондента «Голоса» отсутствовали, а появлявшиеся сведения из Белграда были перепечаткой информации из иностранной прессы.

Прекращение работы Каравелова как специального корреспондента «Голоса» в сербской столице было вызвано его отъездом в Бухарест, о чем свидетельствует в своих воспоминаниях редактор газеты «Стара планина» Ст. С. Бобчев¹³. Каравелов внимательно следил из Белграда за дипломатическими переговорами России с западноевропейскими державами по Восточному вопросу. Он понимал, что, несмотря на стремление России добиться мирного урегулирования Восточного кризиса, сложная и противоречивая международная обстановка могла привести к русско-турецкой войне. Поэтому ему хотелось находиться вблизи предстоящих событий, от которых зависела судьба его родины, и он стремился в меру своих сил внести посильную лепту в дело освобождения любимого отечества.

О своей встрече с Каравеловым в Бухаресте после объявления войны И. Вазов писал в своих воспоминаниях: «Думаю, что он был вызван в русскую Главную квартиру, так как находился при полковнике Паренсове и князе Черкасском вместе с болгарами из России — Станишевым, Дриновым, Пашовым и др.»¹⁴

Корреспондент «Русского мира» в Бухаресте, подписавшийся буквой И., приводил интересные сведения о деятельности Каравелова.

велова в июне 1877 г. Во время приезда сербского князя Милана в Бухарест болгарская делегация, состоявшая из четырех представителей — «членов национальной партии» К. Цанкова, Л. Каравелова, врачей Янкулова и Странского, посетила сербского министра иностранных дел Ристича и выразила признательность от лица болгар сербам, «мужественно и самоотверженно выступившим передовыми бойцами славянства». Ристич их очень радушно принял, благодарил и сказал, что Сербия считает своим долгом помочь братьям, томившимся в неволе и страданиях¹⁵.

В июне 1877 г. русская армия форсировала Дунай и Каравелов стал переводчиком при Главной квартире русской армии. Вскоре приступило к работе и Временное русское гражданское управление в Болгарии. Создание нового административного аппарата происходило по мере освобождения болгарской территории.

По сообщению «Новороссийского телеграфа» в Бухаресте в это время значительно уменьшилась болгарская колония, так как молодые и интеллигентные болгары уехали на родину в надежде устроиться в гражданском управлении. По сведениям газеты, к общественным должностям допускались лица, владевшие русским языком, но это, по мнению корреспондента, не являлось препятствием для болгар, так как одна часть молодого болгарского поколения училась в русских учебных заведениях, а другая с детства обучалась русскому языку. Впрочем, замечала газета, болгарам нетрудно «усваивать русский язык, столь родственный их собственному языку». Заканчивалась заметка интересующими нас сведениями о Каравелове. «Из так называемых младоболгар почти все попали в администрацию. Начиная от Каравелова и кончая Балабановым, все занимают в настоящую минуту более или менее важные посты»¹⁶.

Сведения о Каравелове, данные в «Новороссийском телеграфе» о его службе в гражданском управлении в 1878 г., не точны. М. Балабанов действительно был вице-губернатором вначале в Систове, затем в Русе. Что же касается Каравелова, то он летом 1877 г., когда был освобожден г. Тырново, вместе с представителем славянских комитетов А. Нарышкиным прибыл в древнюю столицу Болгарии. После неудачных июньских боев под Эски Загрой (Стара Загора) русские войска временно отступили и огромное количество болгарского населения, спасаясь от зверств турок, бежало в города и населенные пункты освобожденной части Болгарии. В Тырнове появилось большое количество беженцев, которые нуждались в помощи. Русское гражданское управление поручило Нарышкину заняться организацией приютов и благотворительных обществ¹⁷. 17 августа, по инициативе Каравелова, было основано Благотворительное общество, помогавшее беженцам из Южной Болгарии.

Занявшись патриотической деятельностью, Каравелов мечтал возобновить свою издательскую работу. В письме А. Нарышкина из Тырнова от 4 сентября 1877 г. И. Аксакову говорилось

о желании Л. Каравелова перевезти из Бухареста болгарскую типографию: «Теперь здесь образовалась маленькая компания, которая решает перевезти и установить в Тырнове эту первую славянскую типографию в надежде, что будет разрешено издание русско-болгарской газеты»¹⁸.

Дальнейшие сведения, относящиеся к открытию типографии и желанию Каравелова издавать общественно-политическую газету «Начало» и журнал «Знание», опубликованы болгарской исследовательницей К. Вызвызовой-Каратеодоровой. Один из документов свидетельствует, что Каравелов 27 ноября 1877 г. находился в Систове и телеграфировал В. Черкасскому в Тырново, что по его желанию, переданному через Д. Хомякова и А. Нарышкина, он «поехал в Вену, купил все необходимое для типографии и привез в Систово...». Он просил Черкасского дать указание систовскому губернатору пропустить типографию в Тырново¹⁹. В своем другом прошении на имя Черкасского от 19 декабря 1877 г. Каравелов сообщал, что типография перевезена в Тырново, и просил «разрешения на открытие оной под фирмою: „Типография Л. Каравелова“»²⁰.

Пока шла переписка Каравелова с заведующим гражданским управлением, в «Московских ведомостях» появилось сообщение, что «в Филиппополь едет издавать политический и литературный журнал бывший редактор газеты „Знание“ Каравелов»²¹.

В конечном итоге Каравелову было разрешено открыть типографию, и 15 мая 1878 г. вышел первый номер возобновленного издания журнала «Знание».

Знакомая русского читателя с общественно-политической деятельностью Л. Каравелова, русская периодическая печать не забывала представить его и как писателя.

В статье, названной «Рассказы о Болгарии», неизвестный корреспондент «Русского мира» делал обзор современной болгарской литературы. Несмотря на то что она только начинает развиваться, замечал автор статьи, можно назвать несколько имен, бесспорно заслуживающих полного внимания. На первый раз читателю было предложено остановиться на рассказах особенно известного и талантливого писателя Л. Каравелова, «рисующего живо, тепло и интересно жизнь соплеменной нам страны».

Русский читатель, по заключению автора, увидит «черты ума и характера», указывающие на племенное родство. В статье приводится трогательное обращение Каравелова, которое он предположил русскому изданию своих рассказов из цикла «Болгари старого времени».

«Тем русским людям, сердцу которых близко великое дело славянского возрождения, братски посвящаю эти слабые очерки из жизни несчастной моей родины», — писал Каравелов. Еженедельное литературное прибавление к газете «Русский мир» в нескольких номерах публиковало рассказ Каравелова «Воевода» в переводе Поповича²². Журнал «Славянский мир» напечатал в пяти выпусках его рассказы под заглавием «Разграбленная и

« униженная страна» («Из записок болгара Л. Каравелова»). Редакция журнала писала, что имя Каравелова давно известно в России «по работам из народного быта», опубликованным в 60-х годах в русской периодической печати, преимущественно в «Русском вестнике» и «С.-Петербургских ведомостях»²³. Печатая рассказы Каравелова, журнал стремился удовлетворить возросший интерес общества к болгарской истории; в представленных главах ярко обрисовывалось тяжелое положение болгарского народа.

«Отечественные записки», рецензируя «Страницы из жизни страданий болгарского племени. Повести и рассказы» Л. Каравелова, изданные в Москве в 1878 г., писали, что «такие рассказы, по нашему, бьют прямо в точку, давая читателю определенное понятие об этнографии страны, то есть о том элементе, который менее других поддается контролю...». В то же время рецензент опасался наплыва в русскую литературу произведений болгарских, сербских и черногорских писателей, в сочинениях которых превалировали сюжеты о политическом положении этих народов. По его мнению, они не могли «служить своей главной цели» — знакомить русскую общественность «с внутренней интимной жизнью славян. Национальность народа, его дух, его индивидуальность,— продолжал рецензент,— трудно найти в этих песнях о страданиях под чужеземным игом, в этих лирических сетованиях о потерянной свободе: какой же униженный народ не ненавидит своих угнетателей, не желает освобождения и не мечтает о лучшем будущем? Это черта общечеловеческая, а не национальная. Эти песни могли способствовать — и, без сомнения, способствовали — пробуждению национального самосознания славян, питали и поддерживали его, но они, во всяком случае, не результат, не выражение, не формула этого сознания. Они и слишком узки и — главное — слишком односторонни для этого»²⁴. Автор считал, что книга Л. Каравелова также не лишена политической направленности, но в то же время он признавал, что болгарский писатель в общедоступной форме знакомит читателя с обычаями, нравами и верованиями своей страны и такие этнографические очерки наряду с исследованиями экономического положения страны дают представление о жизни народа. Каравелов, писал рецензент, идет по своему пути, который может «привести к цели».

Русская критика доброжелательно относилась к молодой болгарской литературе и считала, что она проходит те же ступени развития, какие проходила литература возрождающегося славянства. Как писал «Вестник Европы» в статье «Старая и новая Болгария», народное сознание при своем появлении всегда направлялось на историю и этнографию. «Первый патриотизм,— подчеркивал неизвестный автор,— бывал именно археологический и этнографический; отыскивание памятников старины, преданий; [их] изучение восстановливало подлинную народную личность, забытую историей, подавленную чуженоародным гос-

подством»²⁵. В настоящее время, считал журнал, уже можно назвать ряд трудов в области болгарской истории и этнографии, как, например, работы Г. Раковского, Л. Каравелова, Р. Жинзифова и братьев Миладиновых.

* * *

Пребывание Л. Каравелова в Тырнове оказалось недолгим ввиду приостановления летом 1878 г. издания журнала «Знание». Как свидетельствуют документы, существенную роль в осложнении отношений между русским Гражданским управлением в Болгарии и Л. Каравеловым сыграли представители «старых». Об интригах членов комитета «старых» писал еще А. А. Нарышкин в своем письме из Тырнова от 4 сентября 1877 г., но мы имеем в виду письмо Т. Н. Минкова, управляющего Южнославянским пансионом в Николаеве, И. С. Аксакову от 15 января 1878 г. В нем выражалась тревога, что «Каравелову, находящемуся под покровительством делегата Славянского общества, будет снова доверена болгарская пресса, которую теперь снова предлагают в Болгарии, а может быть, уже и открыли». Как видно из письма Т. Н. Минкова, он был в курсе дел о ходатайстве А. А. Нарышкина относительно типографии и, жалуясь И. С. Аксакову, называл Л. Каравелова «неблагонадежным», которому нельзя доверять руководство печатью. Автор письма ссыпался на взгляды Л. Каравелова на будущее государственное устройство Болгарии. «Доказано,— писал Т. Н. Минков,— что из-под его пера вышла напечатанная на болгарском языке брошюра, содержание которой было направлено в пользу устройства республики в Болгарии».

Не менее интересна и реакция Т. Н. Минкова на брошюру Л. Каравелова, характеризующую политические взгляды одного из известных деятелей консервативных кругов болгарской эмиграции. «Надо быть человеком с извращенными понятиями,— писал он,— чтобы распускать подобные идеи между таким народом, как болгары, знающим только турецкое иго и не имеющим еще точного понятия определения, что такое республика, конституция, монархия, а нуждающимся лишь в сочинениях, служащих для их первоначального развития»²⁶.

Содержание документов подтверждает осведомленность русских гражданских властей о деятельности Л. Каравелова и о неблаговидной роли представителей «старых».

Либеральные и консервативные круги болгарской торгово-промышленной буржуазии, напуганные революционным движением народных масс во время Апрельского восстания 1876 г., в своей программе о будущем болгарском государстве выражали желание установить монархическое правление с минимумом конституционных гарантий.

После закрытия журнала «Знание» и запрета, наложенного царской цензурой на проектировавшееся издание газеты «Начало», Каравелов, будучи тяжело больным, зимой 1878 г. пере-

езжает в Рущук (Русе) и увозит с собой типографию в надежде издавать там журнал «Основы» и новую литературно-политическую газету. Однако болезнь прогрессировала и 21 января 1879 г. Л. Каравелов скончался.

В русской периодической печати смерть Л. Каравелова не нашла широкого отклика. В «С.-Петербургских ведомостях» в разделе «Славянское обозрение» неизвестный корреспондент, подписавшийся инициалами И. С.-ъ, сообщал о кончине в Рущуке 21 января 1879 г. деятеля болгарского Возрождения и видного литератора Л. Каравелова. В своей небольшой заметке он выражал сожаление, что в России смерть его прошла почти незамеченной, хотя Л. Каравелов «не чужд был и русской литературе»²⁷.

С подробностями похорон Л. Каравелова русскую общественность ознакомили «Московские ведомости», напечатавшие информацию своего корреспондента П. Д., взятую им из ряда номеров сербской газеты «Застава» («Знамя»). В ней, в частности, говорилось: «Похороны Каравелова были вполне достойны его и соответственны его заслугам. Они были столь торжественны, что Рущук подобных еще не видел и, конечно, не скоро увидит. Лавки на площади были закрыты, а на некоторых домах разевались черные флаги, выставленные друзьями покойного в знак уважения к нему. На похоронах было множество народа... Многие сербы в честь покойного приготовили большой лавровый венок с черными лентами и положили его на шелковую подушку; внутри этого венка помещены были листы газеты Каравелова „Знамя“ и золотое перо, поднесенное покойному теми же сербами». Далее корреспондент сообщал, что в соборной церкви, где происходило отпевание покойного, наряду с выступавшими болгарами, сербами прощальные слова в адрес Каравелова были сказаны и русским генералом Аренским, отметившим, что Каравелов известен также русским и они его «почитают и знают»²⁸.

Со временем о смерти своего болгарского друга узнает в далекой сибирской ссылке участник русского революционного движения писатель И. Г. Прижков, который в своих будущих работах посвятит прочувствованные строки выдающемуся сыну болгарского народа, оставшемуся до конца своей жизни в рядах борцов за свободу Болгарии.

¹ Державин Н. С. История Болгарии. М.; Л., 1948. Т. 4. Гл. 10; Копержинский К. А. Беллетристические произведения Любена Каравелова, написанные в России // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Вып. I; Он же. Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., 1956. Т. 12; Ерихонов Л. С. Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX в. М., 1950; Он же. Любен Каравелов и русского общества // Любен Каравелов: Исследования и статьи. С., 1963; Никитин С. А. История Болгарии. М., 1954. Т. 1. Гл. 10, § 1; Воробьев Л. Ф. Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. М., 1962; Он же. Любен Каравелов: Мировоззрение и творчество. М., 1963; Он же. Любен Каравелов. М., 1980; Сидельников С. И. Уча-

- стието на Любен Каравелов в руския периодичен печат // Исторически преглед. 1962. № 5; Поглубко К. А. Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60—70-е годы XIX века). Кишинев, 1972; *Он же*. Из истории российско-болгарских общественных и революционных связей. Кишинев, 1979; Билунов Б. А. К вопросу о возникновении идеологии революционного демократизма в Болгарии: На примере формирования взглядов Любена Каравелова // Проблемы всеобщей истории. М., 1973; *Он же*. К вопросу о сотрудничестве Любена Каравелова в русской периодической печати // Сов. славяноведение. 1974. № 5.
- ² Русский мир. 1877. 26 июня.
- ³ Наш век. 1877. 22 июня.
- ⁴ Наш век. 1877. 18 июня.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Русский мир. 1877. 26 июня.
- ⁷ Наш век. 1877. 18 июня.
- ⁸ Арнаудов М. Любен Каравелов: Живот, дело, епоха, 1834—1879. С., 1972. С. 779.
- ⁹ Освобождение Болгарии от турецкого ига: Сб. документов. Т. 1. М., 1961. С. 531.
- ¹⁰ Освобождение Болгарии... Т. 2. М., 1964. С. 263.
- ¹¹ Там же. Т. 1. С. 176.
- ¹² Голос. 1877. 15 янв.
- ¹³ Любен Каравелов в спомените на с временниците си/Съст. и ред. Ст. Великов. С., 1960. С. 23.
- ¹⁴ Там же. С. 138.
- ¹⁵ Русский мир. 1877. 28 июня.
- ¹⁶ Новороссийский телеграф. 1878. 18 февр.
- ¹⁷ С.-Петербургские ведомости. 1878. 19 нояб.
- ¹⁸ Освобождение Болгарии... Т. 2. С. 263.
- ¹⁹ Възвъзгата-Каратеодорова К. Нови данни за дейността на Любен Каравелов през 1877—1878 гг. // Музеи и паметници на културата. С., 1969. № 3. С. 24—28.
- ²⁰ Арнаудов М. Указ. соч. С. 792.
- ²¹ Московские ведомости. 1878. 7 марта.
- ²² Русский мир. 1878. 24 сент.; 1878. 8 окт.
- ²³ Славянский мир. 1878. Т. I. Вып. 1—5.
- ²⁴ Отечественные записки. 1878. № 9. С. 135.
- ²⁵ Вестник Европы. 1877. Май. С. 298.
- ²⁶ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 14. Оп. 1. Д. 216. Л. 5—7 об.
- ²⁷ С.-Петербургские ведомости. 1879. 28 февр.
- ²⁸ Московские ведомости. 1879. 28 февр.

Восстановление русско-болгарских официальных отношений в освещении русской печати 1894—1896 гг.

В. И. КОСИК

С весны 1894 г. болгарская проблематика заняла значительное место на страницах русской прессы в связи с изменением политической обстановки в Болгарском княжестве, постановкой вопроса о восстановлении официальных русско-болгарских отношений.

Как известно, в автономном княжестве, образованном после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., на основе решений Берлинского конгресса 1878 г. проходила острая политическая борьба по вопросам внутреннего управления и внешнеполитической ориентации.

Соперничество великих держав на Балканах усиливало напряженность этой борьбы. Австро-Венгрия и Англия, используя некоторые ошибки царской дипломатии, антирусскую ориентацию части болгарских буржуазных кругов, стремились ослабить традиционные дружеские связи между Россией и Болгарией и приобрести доминирующее влияние в стране, занимавшей важное стратегическое положение в регионе.

Своего пика борьба достигла в 1886—1887 гг. Англо-австро-фильский буржуазный лагерь, используя колебания и некоторую пассивность своих соперников русофилов, одержал победу, и после дethronации в 1886 г. первого болгарского князя Александра Баттенберга к власти в стране пришло регентство во главе с видным политическим деятелем С. Стамболовым.

В сложившейся обстановке царское правительство решило прибегнуть к экстренным мерам для восстановления своего влияния в Болгарии. По приказу Александра III туда выехал генерал Н. В. Каульбарс, в задачу которого, в частности, входила подготовка почвы для избрания русского кандидата на болгарский престол. Однако миссия потерпела неудачу вследствие категоричности требований, прямолинейности действий Каульбарса. Царская Россия, натолкнувшись на сопротивление болгарских правящих кругов, поддерживаемых представителями западных держав в Софии, в 1886 г. разорвала отношения с Болгарским княжеством, что было с ее стороны политической ошибкой.

В создавшейся ситуации регентство по совету из Вены в нарушение Берлинского трактата решило избрать князя без согласия России. Летом 1887 г. Великое народное собрание голосовало за австрийского ставленника Фердинанда Кобургского, чья кандидатура была поддержана центральными державами и Англией. Премьер-министром стал Стамболов — ярый противник болгаро-русского сближения.

Таким образом, царская политика в княжестве потерпела поражение. Дипломаты Англии и Австро-Венгрии действовали гораздо активнее и успешнее, что позволило этим странам почти 10 лет иметь преобладающее влияние в Болгарии.

1887—1894 гг. известны в исследованиях по болгарской истории как время режима Стамболова. Фердинанд на первых порах не мог стать единоличным правителем, так как ясно сознавал, что в настоящий момент конкретную политическую силу представлял Стамболов. Именно поэтому он был вынужден уступить фактическую власть своему премьеру, который пользовался доверием у западных держав как открытый противник России, а внутри страны поддерживался торгово-промышленной буржуазией, тесно связанной с западным капиталом.

Диктатура Стамболова в области внешней политики Болгарского княжества характеризовалась ярко выраженным антирусским курсом, поощряемым Англией и Австро-Венгрией.

Тerror и самовластие Стамболова, полицейская слежка, гонения на политических противников привели к изменениям в расстановке внутриполитических сил в стране и предопределили создание к 1893 г. «соединенной» оппозиции болгарской буржуазии, желавшей самой стать у власти. С этой целью ее представители вошли в контакт с Фердинандом, обещая ему полную поддержку в будущем при условии отстранения Стамболова¹.

Болгарский правитель, давно тяготившийся самовластием премьера, принял предложение. По мнению Фердинанда, отставка Стамболова могла содействовать официальному признанию Россией прав его династии на болгарский престол, что влекло за собой и юридическое укрепление княжества на международной арене. В 1894 г. князь сумел добиться назначения на пост военного министра своего сторонника Р. Петрова. Поддержка армии еще больше укрепила его позиции. В мае 1894 г. Стамболов был уволен в отставку.

Главой нового правительства стал К. Стоилов — один из лидеров «соединенной» оппозиции, глава новой народной партии, представлявшей, по словам Д. Благоева, интересы крупной торгово-ростовщической и предпринимательской буржуазии и крупных землевладельцев².

Дальнейшее развитие политических событий в Болгарском княжестве, изменение курса русского правительства привели к восстановлению в 1896 г. официальных русско-болгарских отношений.

Вопросы, связанные с русско-болгарскими отношениями в исследуемый период, рассматривались как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Наиболее подробно данную проблему с разных позиций освещали А. К. Мартыненко (СССР), И. Панайотов (Болгария), Ч. Елавич (США)³.

Однако отношение русской прессы к восстановлению русско-болгарских официальных отношений в 1894—1896 гг. до сих пор еще не привлекало внимания историков⁴.

Необходимость подобного исследования вызвана прежде всего той специфической ролью, которую сыграла печать в период отсутствия дипломатических отношений между двумя странами. Анализ печати также позволит нам узнать и позицию определенных общественных кругов России по отношению к данному вопросу.

Привлекая в качестве основной источниковой базы материалы консервативных органов русской прессы — «Нового времени», «Московских ведомостей», «С.-Петербургских ведомостей», «Света», автор исходил из того, что газеты именно этого направления наиболее широко освещали вопросы восстановления русско-болгарских официальных отношений.

Для характеристики позиций либеральных кругов общества

нами были выбраны журналы «Вестник Европы», «Русская мысль», газета «Русские ведомости», как наиболее авторитетные, популярные и солидные органы печати русской интеллигенции.

Следует отметить, что по сравнению с консервативной прессы либеральная печать отводила меньше места публикациям, связанным с возобновлением отношений между Россией и Болгарией. Наступившее в 80-х годах XIX в. ухудшение отношений со славянскими странами, все более ориентировавшимися на Австрию, разочарование в идее славянской общности предопределили в известной степени временный отход русской либеральной печати от рассмотрения широкого спектра вопросов межславянских отношений.

Тем больший интерес представляют материалы, появившиеся на страницах либеральной прессы и освещавшие вопросы восстановления русско-болгарских отношений.

* * *

Известие об отставке премьер-министра оказалось большой неожиданностью для русского общества, считавшего союз Фердинанда со Стамболовым довольно прочным. Появившиеся в прессе заметки содержали различные оценки произошедшего события. Если «Новое время»⁵ характеризовало его как «государственный переворот», то «С.-Петербургские ведомости», имея в виду неожиданность разрыва Фердинанда со Стамболовым, неясность наступившей в княжестве ситуации, назвали это событие «яичницей всмятку»⁶.

Противоречивость оценок была вызвана прежде всего тем, что органы печати были выразителями мнения различных общественно-политических кругов России.

«С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» проводили старый правительственный тезис, что характер русско-болгарских отношений не может быть пересмотрен, пока во главе княжества будет находиться ставленник западных держав Фердинанд Кобургский⁷.

В ином ключе были выдержаны статьи в «Свете», публиковавшем много материалов по славянской проблематике. Эта газета в доброжелательной форме писала о новом министерстве Стоилова, чья политика в отличие от стамболовской уже не была, по ее мнению, русофобской. «Свет», признавая в осторожной форме некоторые ошибки царских представителей в княжестве, подчеркивал готовность России устраниТЬ причины недоразумений после восстановления отношений⁸.

Наиболее заметную роль в освещении и комментировании болгарских событий сыграло «Новое время». Эта газета была одной из самых популярных, чей тираж в начале 90-х годов XIX в. достигал 36 тыс. На Западе ее рассматривали как влиятельный печатный орган, близко стоящий к официальным кругам России. Публикации «Нового времени» по болгарской проблематике были

одними из самых обширных, подбор информации свидетельствовал в целом об определенных надеждах на восстановление русско-болгарских отношений. Тон этого издания определяли экономические интересы русской буржуазии на Балканах.

Заручившись предварительным согласием Фердинанда и МИДа России, газета направила в княжество своего корреспондента А. В. Амфитеатрова. В отличие от многих газет, перепечатывавших известия из западной прессы, чьи оценки ситуации в Болгарском княжестве часто были тенденциозными, корреспонденции Амфитеатрова, публиковавшегося под псевдонимом «Old Gentleman», давали более объективную картину общественно-политической жизни страны. Направленность статей в пользу русско-болгарского сближения резко отличалась от известий в «Московских ведомостях» и «С.-Петербургских ведомостях». Форма корреспонденций Амфитеатрова, публикуемых как интервью с видными государственными и политическими деятелями, влиятельными лицами болгарского общества, давала возможность непосредственно представить их взгляды на положение в княжестве, на проблему восстановления болгаро-русских отношений.

Болгарские правящие круги принимали Амфитеатрова не только как корреспондента, сколько как неофициального представителя русской дипломатии⁹. Поэтому власти в Софии представили ему детальную информацию о своих взглядах по вопросу возобновления болгаро-русских отношений. Полученные сведения, опубликованные «Новым временем», были весьма важными для государственных деятелей и русского общества.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляли материалы русского корреспондента о беседах с министром юстиции и народного просвещения В. Радославовым и Фердинандом.

Радославов, равно как и другие министры, отверг идею о переизбрании князя как условие примирения с Россией, так как в Болгарии не без оснований опасались повторения кризиса 1886–1887 гг. Рассуждения министра сводились к тому, что если Россия признает Фердинанда, то вопрос об обращении пре-столонаследника Бориса в православие также будет автоматически разрешен¹⁰.

Суть проблемы состояла в том, что, согласно ст. 38 Тырновской конституции, прецессоронаследник должен быть православного вероисповедания. Однако в 1892 г. эта статья была изменена вследствие брака Фердинанда с княжной Марией-Луизой Пармской, предварительным условием для которого было требование ее родственников, чтобы будущие дети принадлежали к католической церкви.

Принадлежность Бориса к католичеству вызывала недовольство царского правительства, считавшего православие одним из важных факторов своего влияния на Балканах. Зная заинтересованность русских правящих кругов в соблюдении ст. 38 болгарской конституции, Радославов поставил этот вопрос в прямую

зависимость от признания Россией законности прав династии Кобургов на болгарский престол.

Не менее важными были сведения, сообщенные болгарским князем. Подчеркивая, что он не является врагом России, Фердинанд стремился сообщить официальному Петербургу о своем желании начать болгаро-руssские переговоры. Характеризуя политическое настроение министерства Стоилова как русофильское (что было преувеличением), Фердинанд призывал учитывать новые веяния, проводя мысль о том, что русофобом «в данный момент политический деятель быть не может... он шел бы против всего народа»¹¹.

Подобные заявления соответствовали общественно-политическим настроениям в княжестве, где повсюду проходили митинги с требованием о немедленном назначении новых выборов и созыва Народного собрания с целью скорейшего восстановления добрососедских отношений между Болгарским княжеством и Россией¹².

Корреспонденции «Нового времени» вызвали тревогу в австрийских и английских правительенных кругах. Западная дипломатия через прессу начала вести кампанию, чтобы помешать нормализации русско-болгарских отношений. В ход был пущен фальшивый довод о потере княжеством самостоятельности в случае примирения с Россией. С аналогичными утверждениями, но более резкими по стилю выступал стамболовский печатный орган газета «Свобода». Однако русофильская пресса, начавшая активно издаваться после отставки Стамболова, не менее резко и решительно высказывалась в пользу возобновления русско-болгарских отношений.

Касаясь взглядов русской дипломатии на публикации Амфитеатрова, следует отметить тот факт, что русское посольство в Вене сочло нужным выразить ему признательность за корреспонденции, позволявшие передать политические настроения в Болгарском княжестве¹³.

Таким образом, выступления «Нового времени» послужили своеобразным катализатором в решении вопроса о восстановлении русско-болгарских отношений, информировали русское общество о намечавшемся повороте Болгарии к восстановлению отношений с Россией, поддерживали сторонников примирения между двумя странами.

Однако часть консервативных кругов русского общества и их печатные органы встретили заявление Фердинанда с недоверием. Так, на страницах «С.-Петербургских ведомостей» выдвигалось требование конкретных гарантий с болгарской стороны, в частности обеспечения стоянок для русского военного флота в портах Бургас и Варна¹⁴.

Выдвижение условий такого рода в печати только препятствовало процессу сближения двух государств, было на руку западной дипломатии, пугавшей болгар призраком «русского порабощения». Все политические партии в Болгарском княже-

стве, включая и русофильские, резко отрицательно отнеслись к подобным заявлениям.

В унисон болгарской стороне выступил «Вестник Европы», осудивший так называемых «газетных патриотов» и их «фантастические» требования. В журнале говорилось о желательности и важности для обеих стран возобновления дипломатических отношений, для достижения чего нет необходимости ставить специальные условия¹⁵.

Другой журнал, «Русская мысль», рассматривая произошедшие события, указывал на ошибки царской дипломатии, которые были в числе основных причин резкой перемены в русско-болгарских отношениях. Орган либералов, не удовлетворенный сложившейся ситуацией, выступал за смену правительственного курса, за восстановление «влияния... в иных формах, на других основаниях»¹⁶. Иными словами, не поднимая вопроса о каких-либо материальных гарантиях примирения с болгарской стороной, журнал высказывался за возобновление русско-болгарских связей.

Таким образом, после отставки Стамболова, в условиях разрыва государственных сношений, прессы — как русская, так и болгарская — поставила на повестку дня вопрос об их восстановлении.

Правительственные круги в Софии после своей неофициальной попытки войти в контакт с русским правительством ожидали реакции с его стороны. Однако оно сохраняло прежнее сдержанное отношение к Болгарии.

Подобный заговор молчания коренился в причине сугубо личного свойства, а именно в неприязни Александра III к Фердинанду Кобургскому, которого царь считал врагом России. С мнением государя не могло не считаться министерство иностранных дел, возглавлявшееся Н. К. Гирсом, который без одобрения царя не мог добиться изменения правительственного курса по отношению к Болгарии.

Холодное отношение официального Петербурга к попыткам болгар наладить контакты с Россией было использовано рядом консервативных газет для нападок на правящие круги Болгарского княжества. В частности, «Московские ведомости» привлекли для этого на свои страницы в качестве авторов некоторых оппозиционно настроенных болгар. В конце июля 1894 г. в газете начали появляться обозрения, подписанные псевдонимом «Каравелист», т. е. сторонник партии, возглавляемой П. Каравеловым¹⁷.

Видный политический деятель Каравелов воспринял занятие трона Фердинандом Кобургским и диктатуру Стамболова резко отрицательно. Лидер одной из русофильских партий, он был убежден, что высшие интересы Болгарии могут быть осуществлены только в сотрудничестве с Россией. Открытая оппозиция Каравелова правящим кругам была причиной расправы с ним. В 1891 г. пуля, предназначенная для Стамболова, смертельно

ранила министра финансов Белчева. Стамболов воспользовался этим случаем, чтобы сфабриковать обвинение против Каравелова, по которому он был осужден на 5 лет тюрьмы.

В буржуазно-монархических кругах русского общества Каравелов был хорошо известен. «С.-Петербургские ведомости» писали о нем как о личности, которая «даже у врагов своих пользуется репутацией безукоризненной и незапятнанной честности»¹⁸. «Новое время» указывало на него как на деятеля, который будет играть огромную роль в ближайшем будущем Болгарии¹⁹.

Публикации нового автора должны были опровергнуть материалы Амфитеатрова. Однако выводы «Каравелиста» о слабости положения князя в стране, ненадежности его опоры на армию не были достаточно убедительными. Можно даже сказать, что высказывания «Каравелиста» о стремлении к сближению с Россией министерства Стоилова, вынужденного считаться с народными массами, уверенность автора, что русское правительство не будет требовать материальных гарантий²⁰, были дополнительным подтверждением мнения «Нового времени».

Итак, начавшаяся в печати полемика развивалась не в пользу противников соглашения между Россией и Болгарией.

Большое внимание консервативная пресса уделила сентябрьским выборам 1894 г. в Народное собрание, которые проходили в обстановке напряженной борьбы политических партий. И совсем не случайно «Новое время» поместило извлечение из русофильской газеты «Мальк лист», которое должно было продемонстрировать русскому читателю стремление болгарского народа к восстановлению традиционных отношений дружбы с Россией.

Так, в предвыборном воззвании подчеркивалось: «...кого бы вы ни выбрали своими представителями, внушите им, что первою обязанностью их в будущем Народном собрании должно быть требование скорейшего восстановления отношений с Россией, к чему, как один, стремится весь болгарский народ»²¹.

Публикуя материалы выборов, русские органы информации давали разноречивые сведения. Однако, судя по публикациям, примерно одна треть депутатов выступали за примирение с Россией. Большинство мест в Народном собрании принадлежали народной партии. Ее победа объяснялась не только давлением на население со стороны правительства, но и тем, что вожди русофильских партий не имели возможности включиться в политическую борьбу. Каравелов находился в заключении. Др. Цанкову, как одному из руководителей оппозиции, был воспрещен въезд на территорию Болгарского княжества²².

В открывшемся в октябре 1894 г. Народном собрании разгорелись дебаты, вызванные отказом многих депутатов внести в адрес князю пожелание восстановить отношения с Россией. Вместо этого Стоиловым от имени правительства было дано торжественное обещание, «когда окажется удобным, сделать все возможное для примирения с Россией». Одновременно глава министерского кабинета подчеркнул, что решения требуют прежде

всего проблемы внутренней политики, а не внешней. Он необоснованно заявил, что для примирения с Петербургом, вероятно, нужно будет сделать территориальные уступки²³.

В связи с заявлением Стоилова надо отметить, что, судя по записке, составленной в августе 1894 г. в МИДе для Александра III по болгарскому вопросу, от княжества не требовались территориальные уступки. Единственным условием примирения было желание, чтобы Болгарское княжество сделало первый шаг в этом направлении. В том же месяце Цанков, ознакомленный с позицией русской дипломатии, встретился в Вене с аккредитованным там болгарским представителем Минчовичем, которому передал мнение МИДа²⁴. В свою очередь болгарский дипломат сообщал в Софию, что «Россия не хочет от нас ничего, кроме того, чтобы мы не были с врагами славянской идеи и православия»²⁵.

Сравнение позиций русского министерства иностранных дел с линией «Нового времени» свидетельствует об их определенной близости. Можно предположить, что на формирование платформы русской дипломатии повлияли в некоторой степени корреспонденции Амфитеатрова о взглядах болгарских правящих кругов на возобновление отношений с Россией.

Однако, как видно из заявления Стоилова, правительство выступало очень осторожно по вопросу восстановления дипломатических отношений. Чем это было вызвано? Прежде всего тем, что полученные неофициальные сведения о позиции русской дипломатии не были подтверждены Петербургом, поскольку Александр III занимал прежнюю позицию. Его смерть в октябре 1894 г. и получение Стоиловым и Фердинандом из России ответных телеграмм с благодарностью за соболезнования, подписанных Николаем II и Н. К. Гирсом, возбудили у болгарского правительства определенные надежды на примирение.

В то же время министерство Стоилова не было твердо уверено в нормализации болгаро-русских отношений при новом царе.

Речь Стоилова в Народном собрании, его призыв покончить с делением болгарского общества на русофилов и русофобов вызвали резкие выступления представителя от каравеловской партии Т. Китанчева и депутата от социал-демократической партии Н. Габровского.

Как передавал Кириллов, новый корреспондент «Нового времени», Китанчев обвинил представителей бывшей консервативной партии, которые вошли в правящую народную партию, в том, что они были виновниками этого разделения. Как подчеркивал оратор, они «своим поведением... достигли того, что вооружили против нашей освободительницы интеллигенцию»²⁶. Выступление Китанчева было поддержано Габровским, подчеркнувшим, что суть министерской декларации по иностранным делам ничем не отличается от стамболовской.

Следует согласиться с корреспондентом «Нового времени», что речь Китанчева была по своей сути «обвинительным актом»²⁷,

но в то же время было бы упрощением объяснять возникновение про- и антируссских течений только деятельностью консерваторов. На разделение болгарского общества на русофилов и русофобов, на разрыв отношений с Россией оказали влияние многие факторы: связь болгарской экономики с западным рынком, присыпки Австро-Венгрии и Англии, находившие поддержку в определенных буржуазных кругах княжества, бестактное поведение и ошибки царских генералов и дипломатов, разногласия среди болгарской интеллигенции относительно целей внешней и внутренней политики.

Двойственность позиции Стоилова по вопросу болгаро-русских отношений была очевидной. Вся сложность ситуации состояла в том, что возглавляемому им правительству не удавались попытки войти в официальный контакт с русской дипломатией. Одной из причин этого было требование предварительной гарантии признания Россией прав династии Кобургов на болгарский престол, что считалось неприемлемым в Петербурге²⁸.

Необходимость сделать первый шаг к примирению становилась все более очевидной для болгарского правительства. Возможность соглашения между Цанковым и Каравеловым (в декабре 1894 г. они были амнистированы и получили право вернуться к непосредственному руководству партиями) в целях борьбы за скорейшее восстановление болгаро-русских отношений настораживала народную партию. Как подчеркивал в своей корреспонденции Кириллов, правящие круги княжества желали «достигнуть примирения без участия Др. Цанкова и Каравелова, мировоззрение которых относительно высших интересов Болгарии диаметрально противоположно взглядам на эти вещи правительства принца Фердинанда»²⁹.

Иными словами, министерство Стоилова опасалось такого политического поворота, в результате которого народная партия и Фердинанд были бы отстранены от власти. Дальнейшее существование ненормальных отношений с Россией было чревато усилением накала межпартийной борьбы, угрозой волнений народных масс, требовавших восстановления традиционных болгаро-русских связей.

К середине 1895 г. болгарское правительство и Фердинанд послали от имени Народного собрания делегацию в Россию под предлогом возложения венков на гробницу Александра III. Решение об ее отправке было принято Народным собранием после известия о кончине царя. Однако главной целью делегатов было выяснение условий нормализации болгаро-русских отношений. Перед отправкой из Софии делегация была проинформирована о том, что правительство согласно на переход Бориса в православие в обмен на обещание русских верхов признать права Фердинанда и его династии на болгарский престол³⁰.

В июне 1895 г. делегация прибыла в Петербург, где была принята на высоком уровне. Во время неофициальной рабочей встречи нового главы МИДа А. Б. Лобанова-Ростовского с председателем

Народного собрания Т. Тодоровым болгарскому делегату было сообщено, что Россия признает Фердинанда при условии реального обращения Бориса в православие ³¹.

Прием, оказанный болгарской делегации, свидетельствовал об определенном сдвиге в сторону нормализации отношений между двумя странами. Немаловажная заслуга в этом принадлежала Лобанову-Ростовскому. Ему удалось убедить Николая II отойти от политики своего отца в болгарском вопросе.

«Вестник Европы» указывал на причины, побудившие царскую дипломатию пойти навстречу болгарским правящим кругам. Прежде всего они заключались в том, что Болгарское княжество, став самостоятельной политической силой, заняло определенное место в комбинациях европейской политики. Оценивая пребывание в России болгарской делегации, чьи действительные задачи были секретом полишинеля, журнал писал об успехе ее миссии и скором возобновлении русско-болгарских отношений. «Вестник Европы» подчеркивал, что дипломатический разрыв с Болгарией был ошибкой, создавшей условия монопольному господству «иностранный дипломатии, преимущественно австрийской и английской... Чем скорее устанавливаются у нас нормальные дружеские связи с болгарским народом, тем лучше для общих интересов мира на европейском юго-востоке» ³².

«Русская мысль» и «Русские ведомости» также подчеркивали, что прибытие болгарской делегации в Россию, оказанный ей дружеский прием должны повлечь улучшение взаимных отношений ³³.

Однако не все органы печати и общественные круги положительно оценивали деятельность болгарской делегации. Считая ее членов самозванцами, не имевшими полномочий от правительства, или, наоборот, агентами Стоилова и Фердинанда, они советовали не верить делегации.

В связи с этим интерес представляет позиция «Московских ведомостей», относившихся с недоверием к Фердинанду и его правительству. Надо признать, что этот орган печати русских монархистов в целом считал пребывание болгарской делегации в России серьезным шагом по пути к восстановлению нормальных взаимоотношений. Не поднимая вопроса о каких-либо материальных гарантиях для России, «Московские ведомости» находили, что базой для возобновления отношений может служить лишь изменение Болгарским княжеством своей внешней политики, т. е. отход от прозападной ориентации, возвращение к дружеским отношениям с Россией ³⁴.

Таким образом, органы консервативной и либеральной печати придавали большое значение начавшимся в Петербурге русско-болгарским контактам. Причем даже «Московские ведомости» склонялись к изменению своей прежней позиции.

На Западе приезд болгарской делегации в Россию послужил причиной нападок на Фердинанда и его правительство. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что во время пребывания

делегации в России на Стамболова было совершено покушение. В результате многочисленных ран он вскоре скончался. Западноевропейская печать связала вместе эти два события и повела кампанию по запугиванию Фердинанда оппозицией европейских держав и срыву процесса нормализации русско-болгарских отношений.

Именно с этой целью в Париже была выпущена анонимная брошюра «La Bulgarie au lendemain d'une crise» («Болгария на другой день после кризиса»). Ее авторство приписывалось зарубежной прессой Фердинанду или одному из его приближенных. Содержавшиеся в ней фразы типа: «Болгарский народ всегда тяготел к Австрии», «Болгария призвана служить передовым оплотом Турции против русского нашествия», «Примирение с Россией будет лишь номинальным»³⁶ — должны были убедить читателей в фальшивости намерений Фердинанда идти на действительное сближение.

Однако анализируемая здесь пресса, за исключением «Московских ведомостей», внимательно следившая за реакцией иностранной печати на события в Болгарии, на этот раз не информировала о появлении брошюры.

Можно предположить, что «Новое время» и «Свет» не сочли нужным помещать информацию о появлении анонимной брошюры, напечатанной с явно провокационными целями помешать начавшимся русско-болгарским контактам. «С.-Петербургские ведомости» вследствие своего негативного отношения к болгарским правящим кругам, вероятно, не видели какой-либо необходимости еще раз писать о том, что для них было ясно. Либеральные издания были слишком солидными, чтобы печатать непроверенную информацию после своих заявлений об успешности болгарской миссии.

Реакция же «Московских ведомостей» на публикацию анонимной брошюры была вызвана их давними подозрениями в неискренности политики Фердинанда.

В статье, посвященной разбору брошюры, автор Ф. Духовецкий потребовал объяснений от Фердинанда и членов болгарской делегации, выступавших за сближение с Россией и поддерживающих своего князя³⁶.

Ответ не заставил долго ждать. Менее чем через месяц в редакцию поступило письмо, подписанное одним из членов делегации Д. Моловым, который категорически опровергал какую-либо солидарность болгарской делегации, всего народа с напечатанным пасквилем³⁷.

В дальнейшем «Московские ведомости» на своих страницах не допускали резких выпадов по адресу болгарского правителя. Это можно объяснить тем, что Фердинанда поддерживали почти все партии, поскольку он обещал выполнить поставленное Петербургом условие и добиться тем самым примирения с Россией.

Информация, поступавшая на страницы русских газет и журналов, свидетельствовала о реальности намерения Ферди-

нанда пойти по пути возобновления болгаро-русских отношений.

Комментируя последние известия о решении князя обратить Бориса в православие, «С.-Петербургские ведомости» писали, что «Россия никогда не переставала сочувствовать народной Болгарии и желать ей преуспеяния; если принц Кобургский не будет уже больше препятствием к этому преуспению, то ясно, что Россия не станет тут ставить какие-либо новые преграды»³⁸.

«Свет» в своих комментариях шел дальше и подчеркивал необходимость достижения в будущем «политического и военного единства»³⁹. Этот союз, по-видимому, рассматривался редакцией как сила, которая может быть использована в случае конфликта с неприятелями славянства на Балканах.

Наступил новый 1896 год. Была достигнута договоренность о восстановлении отношений. 1(13) февраля Н. В. Чарыков занял пост русского дипломатического представителя в Софии. 2(14) февраля наследник престола принял православие.

Корреспонденции, поступавшие от русских журналистов, свидетельствовали об энтузиазме болгарского народа, вызванном возобновлением болгаро-русских отношений. Но сама оценка совершившегося события в анализируемой печати была различной.

Если «Новое время», «Московские ведомости», «Свет» в принципе одобряли восстановление официальных отношений, то «С.-Петербургские ведомости» считали русско-болгарское сближение несвоевременным и были недовольны признанием Россией Фердинанда⁴⁰. Выступление этой газеты вызвало резкий отпор издателя «Нового времени» А. Суворина, который подчеркивал необходимость взаимопонимания и солидарности, их упрочения «всем ходом политических событий и нашими русско-болгарскими интересами, которые непременно есть и которые в будущем могут еще вырасти»⁴¹.

Либеральные органы печати единодушно одобрили восстановление отношений. В частности, «Русские ведомости» писали, что «в тяжелой болезненной борьбе Болгария обнаружила качества сильного жизненного организма — она сумела сохранить свою дорого купленную независимость... и показать способность к быстрому внутреннему улучшению»⁴².

«Вестник Европы» счел нужным напомнить еще раз о конкретных ошибках царских дипломатов и генералов в разрешении сложных политических вопросов, а также о том, что восстановление русско-болгарских отношений укрепляет мир в балканском регионе, где исстари сталкивались интересы европейских держав⁴³.

Подводя итоги, следует констатировать, что в период, когда отсутствовали дипломатические отношения, выступления либеральных, а также большинства консервативных газет в определенной мере содействовали нормализации русско-болгарских отношений. Особо следует выделить «Новое время», чьи корреспонденции в целом были направлены на создание благоприятной

атмосфера по вопросам сближения между двумя странами, что диктовалось в немалой степени экономическими интересами русской буржуазии, заинтересованной в расширении своего влияния на Балканах.

Одновременно надо отметить и «Вестник Европы», который с первой своей публикации выступал за возобновление отношений и подвергал умеренной критике ошибки царской дипломатии.

Таким образом, в это сложное время русская консервативная и либеральная пресса в основном признавала желательность и необходимость восстановления отношений между двумя странами, что отвечало интересам русского и болгарского народов. В то же время урегулирование отношений позволяло русской дипломатии упрочить свои позиции на Балканах, а болгарская дипломатия могла приступить к укреплению положения княжества на международной арене, шире развернуть деятельность по достижению полной независимости.

- ¹ Грънчаров Ст. Политическите сили и монархическият институт в България, 1886—1894. С., 1984. С. 191.
- ² Благоев Д. Принос към история на социализма в България. С., 1956. С. 237.
- ³ Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Киев, 1967; Панайотов И. Русия, великие силы и болгарский въпрос след избора на княз Фердинанд (1888—1896). С., 1941; Jelavich Ch. Russo-bulgarian relations, 1892—1896: with particular reference to the problem of bulgarian succession // The Journal of modern history. Chicago, 1952. N 4.
- ⁴ А. К. Мартыненко в упомянутой монографии широко привлекал русскую прессу, но неставил своей задачей ее специальное рассмотрение как источника для выяснения общественного мнения.
- ⁵ Новое время. 1894. 20 мая. № 6545.
- ⁶ С.-Петербургские ведомости. 1894. 19 мая. № 133.
- ⁷ Там же. 20 мая. № 134; Московские ведомости. 1894. 22 мая. № 139.
- ⁸ Свет. 1894. 29 июня. № 148.
- ⁹ Подтверждением этого является выступление Стоилова в Народном собрании в октябре 1894 г., где он упомянул, что А. В. Амфитеатрова (Стоилов не называл фамилии, но из контекста ясно, что речь идет о нем) принимали за представителя компетентных русских властей. См.: Новое время. 1894. 6 нояб. № 6714.
- ¹⁰ Новое время. 1894. 6 авг. № 6622.
- ¹¹ Там же. 3 июля. № 6588.
- ¹² Там же. 5 июля. № 6590.
- ¹³ Там же. 6 авг. № 6622.
- ¹⁴ С.-Петербургские ведомости. 1894. 18 июля. № 192.
- ¹⁵ Вестник Европы. 1894. Кн. 5. С. 377—379.
- ¹⁶ Русская мысль. 1894. Кн. 9. С. 192.
- ¹⁷ П. Каравелов был братом известного борца за освобождение Болгарии от османского ига Л. Каравелова.
- ¹⁸ С.-Петербургские ведомости. 1894. 12 июля. № 186.
- ¹⁹ Новое время. 1894. 17 авг. № 6633.
- ²⁰ Московские ведомости. 1894. 28 июля. № 204.
- ²¹ Новое время. 1894. 25 сент. № 6672.
- ²² Др. Цанков с конца 80-х годов проживал в России.
- ²³ Новое время. 1894. 6 нояб. № 6672.
- ²⁴ Мартыненко А. К. Указ. соч. С. 37—40.
- ²⁵ Панайотов И. Указ. соч. С. 212.

- ²⁶ Новое время. 1894. 9 нояб. № 6717. ²⁷ Там же.
- ²⁸ Мартыненко А. К. Указ. соч. С. 50—51.
- ²⁹ Новое время. 1895. 9 янв. № 6776.
- ³⁰ Мартыненко А. К. Указ. соч. С. 59.
- ³¹ Там же. С. 61—62.
- ³² Вестник Европы. 1895. Кн. 8. С. 833.
- ³³ Русская мысль. 1895. Кн. 7. С. 174; Русские ведомости. 1896. № 1.
- ³⁴ Московские ведомости. 1895. 2 июля. № 179.
- ³⁵ Московские ведомости. 1895. 25 июля. № 202.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. 22 авг. № 230.
- ³⁸ С.-Петербургские ведомости. 1895. 13 окт. № 279.
- ³⁹ Свет. 1895. 2 нояб. № 261.
- ⁴⁰ С.-Петербургские ведомости. 1896. 9 февр. № 38.
- ⁴¹ Новое время. 1896. 10 февр. № 7166.
- ⁴² Русские ведомости. 1896. 30 янв. № 30.
- ⁴³ Вестник Европы. 1896. Кн. 3. С. 407—413.

Русско-болгарские культурные связи на рубеже XIX—XX вв. (Новые документы)

Е. П. ЛЬВОВА

Русско-болгарские связи последней четверти XIX — начала XX в. в области науки, образования, культуры и искусства являются важной, но все еще мало исследованной страницей многовековой истории культурных взаимоотношений наших народов. Продолжая демократические традиции, на базе которых успешно и плодотворно развивались типологические и контактные связи эпохи болгарского национального Возрождения, они обретают принципиально новые качества, становясь более динамичными, богатыми, сложными и разнообразными.

Уже в первые годы после освобождения от османского владычества в результате широкого демократического движения в Болгарии создаются проекты памятников русским воинам-освободителям и болгарским ополченцам. Передовые общественные деятели неизменно стремятся соединить художественные образы болгарских революционеров Левского, Ботева, болгарских ополченцев, их подвиги с героическими образами русских солдат, военачальников периода русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Именно эта особенность, присущая первым проектам монументальных сооружений, посвященных недавним героическим событиям, не только отражает общественную атмосферу, настроение передовых кругов болгарской интеллигенции, но во многом и формирует облик болгарской художественной культуры тех бурных лет. В Болгарии активно действовал Комитет болгарских ополченцев, возглавляемый многие годы Ст. Заимовым. Комитет

собирал добровольные пожертвования среди населения для сооружения памятников павшим русским воинам, монументов и других скульптурных и архитектурных сооружений¹. Со всех уголков Болгарии на его призыв откликнулись люди самых разных сословий, возрастов, достатка. Одни вносили деньги, другие предлагали строительные материалы, третьи — старинные предметы и домашнюю утварь и т. д.² Комитет Ст. Заимова осуществлял поистине грандиозную по своему замыслу патриотическую задачу, стремясь вещественно показать, запечатлев в памятниках, музеях, скульптурных и архитектурных ансамблях, великую дружбу болгарского и русского народов. Остановимся лишь на некоторых новых документах, наглядно раскрывающих суть поставленных Ст. Заимовым задач и пути их решения³. По первоначальному замыслу Ст. Заимова и его единомышленников в центре Софии должен был быть сооружен Исторический Музей болгарского Возрождения (по проекту русских и болгарских инженеров и архитекторов). В архивах нами обнаружены протоколы заседаний и планы первоначальных проектов, согласно которым он должен был располагаться рядом с Народным собранием и вскоре открытым университетом в Софии. Практически планировалось создание первого комплексного Исторического Музея Болгарии. Основой его экспозиции должны были стать рукописи, книги, документы, предметы старины, портреты национальных героев Болгарии и русских воинов, оружие и военное снаряжение болгарских повстанцев эпохи национального Возрождения, картины, посвященные их жизни и быту, бюсты видных общественных деятелей Болгарии, а также тех, кто вместе с болгарами боролся за освобождение страны⁴. «Болгария, — писал Ст. Заимов, — должна иметь центр своего духовного и политического пробуждения — Музей болгарского Возрождения»⁵.

Одновременно в Болгарии шла активная подготовка к первому международному конкурсу на скульптурный памятник русскому народу-освободителю. Была создана специальная конкурсная комиссия, состоявшая из представителей выдающихся мастеров искусства разных европейских школ и болгарских художников⁶. Из России в Болгарию прибыл профессор Петербургской академии художеств Р. Р. Бах, известный скульптор. Болгарские газеты от 25 сентября 1900 г. сообщали о первом заседании авторитетного международного жюри, оценившего представленные проекты. В августе 1902 г. подготавливалось посещение России в связи с юбилеем окончания русско-турецкой войны большой группой представителей Болгарии. Комитет планировал послать представителей общественности из разных городов, сел, учебных заведений, ремесленных и торговых корпораций, рабочих, товариществ (дружеств) и др.⁷

Но воплотить в жизнь удалось не все замыслы. В Софии был сооружен памятник — собор Александра Невского. Художественная программа распределения отдельных сцен была

разработана русским художником А. Киселевым. Над росписями работало множество живописцев: болгары А. Митов, Н. Петров, Б. Михайлов и др., чех И. Мырквичка, известные русские мастера — Г. Мясоедов, А. Корин, М. Судковский, В. Васнецов, Д. Киплик и др. Болгарскими архитекторами воздвигаются величественные памятники на местах ожесточенных боев русской армии с османскими войсками — в Плевне, на вершине Столетова, а также во многих других городах и деревнях Болгарии. В альбоме, подаренном русскому правительству к двадцатилетию освобождения Болгарии, эти памятники были живописно воспроизведены видными болгарскими и иностранными художниками, долгое время работавшими в Болгарии. В каждой из акварелей или рисунков тушью (а их в альбоме около ста) бережно воссоздан не только конкретный памятник, но и пейзаж, трактованный эпически. Работы, вошедшие в альбом, являются также своеобразным художественным воплощением чувства благодарности русским воинам и болгарским ополченцам, память о которых продолжала жить в народе⁸.

В эти годы впервые возникает реальная возможность непосредственного общения болгарских ученых, писателей, архитекторов, художников, педагогов с их коллегами из России и других стран. Эти контакты носили многосторонний характер, но неизменно были связаны с передовой общественной мыслью: деятели русской и болгарской науки и культуры соединяли свои усилия и во многом способствовали формированию нового облика болгарского образования, становлению общественных и естественных наук, искусства и литературы, опираясь и на великие революционные традиции, и на опыт современной культуры других европейских стран. Всего за несколько десятилетий в Болгарии создаются первые высшие и специальные учебные заведения, университет и Академия художеств, начинают выходить научные журналы по самым различным проблемам естественных и гуманитарных наук. Развитие болгарской науки и культуры шло в постоянной борьбе с реакционными буржуазными кругами, но лучшие ее представители сумели подняться на самые высокие рубежи научной и общественной мысли. Этому в значительной степени способствовали раннее проникновение в Болгарию марксистско-ленинских идей, переводы трудов Маркса, Энгельса, Ленина. Основоположник научного социализма в Болгарии Д. Благоев и его соратники утверждали высокую миссию демократической литературы и искусства. Одна из характерных черт болгарской науки и культуры этой поры — связь передовых ее представителей с революционной мыслью.

В свою очередь деятели русской культуры с вниманием и симпатией относились к культуре Болгарии, к путям ее развития, художественным особенностям. Это особенно ярко и емко отразилось в словах М. Горького, который писал о болгарской литературе указанного периода: «После пятивекового гнета чужой народности Болгария возвратилась к жизни индивидуальностью

яркой, полной творческих сил и быстро заняла достойное ее место в семье культурных наций»⁹.

Среди многих важных вопросов, которые решало в конце XIX — начале XX в. молодое болгарское государство, был вопрос о подготовке кадров преподавателей по различным дисциплинам для высших и средних специальных учебных заведений. Огромную переписку по этим проблемам вело министерство народного просвещения. Многие документы и письма подписаны лично Иваном Вазовым¹⁰. Они свидетельствуют о социальном составе учащихся, о роли местных властей, посылающих учиться за счет государства своих молодых сограждан. Переписка с городскими общинами, кметами различных городов показывает, как развертывались работы по благоустройству старых городов, организовывались больницы, лаборатории, строились новые школьные здания, библиотеки, музеи, организовывались музыкальные и театральные занятия при читалицах и школах. В документах находим имена будущих светил болгарской науки и культуры, многие из которых учились в России. И. Вазов лично принимал в их судьбе деятельное участие, отмечая своей рукой на том или другом бланке «очень срочно!». И. Вазов вел постоянную переписку не только с директорами школ и гимназий, педагогами и учащимися, но и с министерством общественных сооружений, управлениями дорог и транспорта. Проблема, затронутая нами, не может быть сколько-нибудь широко раскрыта в данной статье — столь она серьезна и многогранна. Но отметим: И. Вазов, человек широкой эрудиции и глубоких познаний, выдающийся писатель, не гнушался самыми мелкими, казалось бы, делами: ремонтом печей, консервацией старинных стенописей, культовых построек и т. п. Он направлял болгарскую культуру по руслу прогрессивному, демократическому. Прекрасно зная местные нужды, он, как руководитель министерства народного просвещения, внимательно относился к той молодежи, которая получала стипендии для поездок в Москву, Вену, Цюрих, Париж, Бухарест, Петербург, Турин. Он лично вмешивался в создание экспозиций будущих народных музеев, стремясь пополнить их фонды. В середине 90-х годов с его помощью начинает работать первая профессиональная театральная труппа, ей выделяются специальные средства.

Особый интерес в аспекте рассматриваемой темы имеет вопрос о росте художественных кадров, о путях их формирования, о тех людях, которые принимали самое деятельное участие в организации специальных художественных школ.

Именно в эти годы в Болгарию прибывают представители русской культуры: скульптор Б. Шатц, ученик М. Антокольского, художница Э. Слепян, недавняя воспитанница Московского училища живописи, ваяния и зодчества, художественный критик О. Георгиев¹¹.

Б. Шатц и Э. Слепян оставили заметный след в истории развития болгарского художественного образования. В то же время

в Болгарии они работали не только как преподаватели, но и как художники: их произведения стали неотъемлемой частью болгарского искусства и украшают ныне экспозицию Национальной художественной галереи в Софии.

Б. Шатц приехал в Болгарию в 1895 г. уже зрелым мастером, автором нескольких рельефов; среди них портреты К. Маркса, А. Рубинштейна, Л. Пастера, И. Мечникова. Он преподавал в организованной им скульптурной мастерской, воспитывая своих учеников в традициях русской скульптурной школы. У Б. Шатца учился А. Николов, в будущем ведущий скульптор-реалист Болгарии. Организацию художественного образования в Болгарии Б. Шатц считал делом общественно важным. Оставленные им записки проникнуты искренней заинтересованностью в успешном его развитии. Так, в своем письме на имя председателя «Общества поощрения искусства в Болгарии» Б. Шатц писал о развитии болгарского художественного образования, выставочного дела, о том, что нужно предпринять, чтобы изобразительное искусство стало доступным самым широким слоям болгарского общества¹².

В журнале «Български преглед» (июнь 1897, № 3) была опубликована большая статья Э. Слепян, посвященная Второй художественной выставке, открытой тогда в Болгарии. Статья отличается глубиной трактовки поставленных проблем, страстной и живой манерой изложения. Говоря о конкретных произведениях болгарских художников, Э. Слепян объективно показывает их достоинства и недостатки на фоне всего болгарского искусства, сравнивая его и с современным русским искусством и с работами западных художников. Для деятельности Э. Слепян характерно особое внимание к вопросам художественного образования, к воспитанию в художнике гражданина. По инициативе Э. Слепян в 1896 г.— почти одновременно с Государственным художественным училищем — была создана первая в Болгарии частная художественная школа¹³.

Русские педагоги, ученые и художники не чувствовали себя в Болгарии случайными гостями, они вошли в общественную, научную и культурную жизнь братской страны как активные участники формирования ее политической и духовной жизни. Об этом свидетельствует и деятельность О. Георгиева, в те же годы работавшего в Болгарии. Им написана серия статей, посвященных историческим традициям и современному болгарскому искусству. Настоящее имя Ореста Георгиева — Орест Макарович Говорухин. Он учился в Петербургском университете, где сблизился со старшим братом В. И. Ленина — Александром Ульяновым. Большую роль в формировании его мировоззрения сыграла и встреча с Дмитрием Благоевым, который читал в то время нелегальные лекции с целью распространения марксизма. В своих воспоминаниях О. Говорухин пишет: «Первым, от кого мы услышали живую социал-демократическую речь, был Дмитрий Николаевич Благоев, болгарин, студент Петербургского университета»¹⁴. Спасаясь от преследований царской охранки, О. Го-

ворухин с помощью А. Ульянова выехал в Швейцарию, где некоторое время работал с Плехановым. Переехав затем в Болгарию, О. Георгиев заканчивал образование в Софийском университете, а в 1903 г. принял болгарское подданство. В продолжение ряда лет О. Георгиев читал курс русской литературы в Софийском университете, вел переписку с художественными журналами, издававшимися в России, Англии и Италии, куда систематически посыпал статьи и корреспонденции о культурной жизни Болгарии¹⁵.

О. Георгиев работал в Болгарии много и плодотворно вплоть до 1925 г. После подавления Сентябрьского восстания 1923 г. и начавшегося жестокого преследования со стороны болгарских реакционных властей, не раз организовывавших покушение на его жизнь, он уехал в Советский Союз. На Родине он стал одним из активных пропагандистов болгарской культуры, трудился как переводчик произведений болгарских писателей¹⁶. Умер О. Георгиев в 1939 г.

Одновременно с О. Георгиевым в Болгарии работал русский ученый-энциклопедист, вошедший в историю болгарской и русской науки как «известный открыватель анабиоза»¹⁷, физик-экспериментатор, общественный деятель и педагог Порфирий Иванович Бахметьев (1860—1913). Жизнь этого незаурядного русского человека, связавшего свою судьбу с Болгарией, столь ярка и необычна, что мы в данной статье можем обозначить лишь отдельные координаты его деятельности — научной и общественной, требующей специального исследования. П. Бахметьев родился в Саратовской губернии, с. Лопуховка, в семье крепостного крестьянина; учился в Сызрани и Вольске, был связан с народовольцами, бежал в Швейцарию, где получил высшее образование. Однако и там его разыскивали русские полицейские власти, имевшие приказ о его немедленном аресте. Он выехал в Болгарию, получил болгарское подданство и с 1890 г. начал работать преподавателем физики в Софийском высшем училище, а затем стал профессором Софийского университета. Научная деятельность П. Бахметьева, прожившего в Болгарии вплоть до 1912 г. (в марте 1913 г., после амнистии, Бахметьеву было разрешено вернуться в Россию, куда он и приехал с семьей, но вскоре умер), получила некоторое освещение в болгарской и русской печати¹⁸. Он по праву считается одним из выдающихся исследователей в области анабиоза, физики твердого тела, электротехники, телевидения и термодинамики. П. Бахметьев опубликовал целый ряд книг, вышедших в Швейцарии, Австрии и других странах, а также учебников по физике, сотни статей, оставил рукописи, часть из которых сохранилась в личном архиве его наследников¹⁹. Особенно интересными для нас являются свидетельства о связи ученого с болгарским революционным движением, особенно в 1906 г., в результате которых болгарской полицией было возбуждено специальное дело против профессора П. Бахметьева. Болгарские власти прямо обвинили его в

подстрекательстве студентов к демонстрации, в которой он сам принял участие²⁰. О характере разносторонней научной, преподавательской и общественной деятельности П. Бахметьева в Болгарии помогают судить многочисленные архивные документы, сохранившиеся в СССР и НРБ, ранее не публиковавшиеся²¹. К процессу, организованному в 1906 г. реакционными университетскими властями, были привлечены многие болгарские ученые — коллеги П. Бахметьева, профессора, педагоги, лаборанты, единодушно давшие самую высокую оценку деятельности этого выдающегося ученого и педагога. Но полицейские власти вместе с реакционными кругами в университете стремились всячески очернить в первую очередь преподавательскую деятельность П. Бахметьева, обвинив его в «излишнем демократизме в отношениях со студентами» и «унижении тем самым профессорского звания» — как сказано в письме ректора университета к министру народного просвещения от 5 января 1907 г., где первый требовал уволить П. Бахметьева из Софийского университета. «Дело Бахметьева» получило широкую огласку, студенты сотнями посыпали его квартиру. Их постоянно вызывали на следствие, где они давали показания в его пользу, после чего их лишили права дальнейшего обучения²². Реакционные власти стремились лишить ученого связей с массами, контактов с коллегами и учащимися. Объем данной статьи не позволяет дать более обстоятельного анализа борьбы Бахметьева и его единомышленников. И все же вопреки всем трудностям Бахметьев продолжал вести постоянную научную работу, регулярно публиковал результаты своих исследований в европейских научных журналах. Он вел постоянную переписку с русскими передовыми учеными — физиками, биологами, в частности со Столетовым, Лебедевым, Мечниковым. Всемирное признание Бахметьева подтверждает то, что он был избран членом-корреспондентом Физического института в Цюрихе, являлся почетным членом Физико-медицинского общества в Москве и профессором Московского университета. С 1893 г. он стал основателем Софийского общества испытателей природы²³. Оценивая вклад П. Бахметьева в болгарскую науку, современные болгарские исследователи-физики отмечают: «Имя Порфирия Ивановича Бахметьева самыми тесными узами связано с развитием высшего образования и научно-исследовательской деятельности в Болгарии в период от освобождения страны от османского владычества до первой мировой войны. Бессспорно, в это время он был самой яркой личностью, самым авторитетным нашим университетским преподавателем и ученым в области физических наук. Большое счастье для нашей страны то, что у истоков развития высшего образования и научно-исследовательской работы в области физических наук... встал такой замечательный человек и ученый, как Порфирий Иванович Бахметьев²⁴. Исследование многогранной деятельности выдающегося ученого, связавшего всю свою жизнь с болгарской наукой, патриотом своей Родины, только начинается.

В 90-х годах интерес к русской культуре, литературе и искусству продолжает жить в самых широких слоях болгарского общества. Об этом свидетельствует обилие публикаций, материалов, связанных с творчеством Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Островского. В новых болгарских журналах «Искусство» и «Художник» печатаются статьи о выдающихся русских художниках-реалистах, воспроизводятся их произведения. Одновременно в среде русской демократической интеллигенции существует устойчивый интерес к Болгарии, ее народу, культуре. Множество нитей связывают в этот период деятелей русской и болгарской культуры, литературы и искусства. Получив широкие возможности для контактов с искусством Запада, художники Болгарии изучают великие традиции искусства Италии, Франции, Германии, но связи с русской художественной культурой не только не противостоят этому процессу, но, напротив, способствуют их успешному развитию. Поэтому можно говорить о многих чертах близости прогрессивных русской и болгарской художественных культур интересующего нас периода. Интерес к человеку, его духовному миру, стремление проникнуть в особенности жизни трудового народа, правдивый показ реальных страданий, которые несет народу война, развязанная реакционными буржуазными силами, — все это роднит литературу и искусство наших народов.

Были живы традиции, заложенные передовыми писателями и художниками России, участниками русско-турецкой войны — Верещагиным, Кившенко, Поленовым, Ковалевским, Каразиным, Соколовым и многими другими мастерами, побывавшими в Болгарии²⁵. Созданные на основе личных впечатлений, произведения, посвященные событиям 1877—1878 гг., составили яркую страницу русско-болгарских связей. Русские художники-демократы трактовали русско-турецкую войну как освободительную, в которой решающая роль принадлежит народу. В середине 90-х годов многие русские художники, выполнив государственный заказ — пополнить Военную галерею Зимнего дворца картинами на сюжеты русско-турецкой войны, вновь отправились в Болгарию. Ими были созданы полотна, воплотившие образцы русских воинов и болгарских ополченцев. К группе работ, ярко раскрывших отношение русских художников к историческим событиям, происходившим на Балканах, внимание к судьбе русских солдат и болгарских ополченцев, осуждение жестокости османских поработителей, интерес и уважение к древней болгарской культуре, следует отнести и произведения таких выдающихся мастеров, как И. Репин («Герой минувшей войны», «Вернулся»), И. Крамской («Встреча войск»).

В этой работе мы упомянули лишь об особенно интересных исторических и художественных явлениях, свидетельствующих о многогранности русско-болгарских связей. Но эти явления необходимо рассматривать в более широком контексте. Дальнейшее изучение материалов поможет осуществить эту задачу.

- ¹ Софийски Градски Общински Държавен Архив (далее: СГОДА). Ф/К. Оп. 3. А. Е. 154.
- ² СГОДА. Ф/К. Оп. 3. А. Е. 209. Л. 122; Там же. А. Е. 157, 159. Речь идет о конкретных денежных суммах, перечисляемых на сооружение памятников, и лицах и организациях, давших эти субсидии в начале 80-х годов XIX в.
- ³ Централен Държавен Исторически Архив (далее: ЦДИА). Ф. 3. Оп. 1. А. Е. 137. Л. 1, 3; Ф. 1325. Оп. 1. А. Е. 310. Л. 2, 3, 5. В документах говорится о том, какие ведомства и министерства будут ответственны за работу над памятниками. Особенно интересна переписка С. Заимова с официальными русскими представителями о художниках — оформителях памятников в г. Плевне. См.: Там же. Л. 5. Об., 8, 9; см. также: ЦДИА. Ф. 1325. Оп. 1. А. Е. 173, 551. Л. 1. Здесь дана подробная характеристика деятельности С. Заимова в русской печати.
- ⁴ Проекты музея см.: ЦДИА. Ф. 3. Оп. 1. А. Е. 135, 137. Л. 3—34.
- ⁵ ЦДИА. Ф. 3. Оп. 1. А. Е. 137. Л. 79, 81, 83, 86, 92.
- ⁶ Об истории создания этого памятника см.: *Мавродинов Н.* Връзките между българското и руското изкуство. С., 1955; *Иванова В.* Българска монументална скулптура. С., 1978. Дополнительные данные находим в СГОДА. Ф. 1к. Оп. 3. А. Е. 209; ЦДИА. Ф. 3. Оп. 1. А. Е. 137. Л. 102, 104. С. Заимов разослав проекты конкурсных работ в Петербург, Париж, Флоренцию, Будапешт, Смирну.
- ⁷ Там же. Л. 82. 92 об.
- ⁸ Часть этих уникальных произведений была опубликована нами в альбоме «Страницы великой дружбы». Л., 1978.
- ⁹ *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. М.; Л., 1940. С. 452.
- ¹⁰ ЦДИА. Ф. 177. Оп. 1. А. Е. 911. Л. 1—189.
- ¹¹ Архив Болгарской Академии наук (далее: Архив БАН). Ф. Ивана Шишманова. Оп. 2. Письмо Б. Шатца.
- ¹² Подробнее данные о различных произведениях Б. Шатца, созданных им в Болгарии, см.: СГОДА. Ф. 1047к. Оп. 1. А. Е. 44. Л. 11, 13. А. Е. 10. Л. 3, 7, 8; Оп. 2. А. Е. 29. Л. 13; Архив БАН. Ф. 131к. Оп. 47; Оп. 2. А. Е. 581. Л. 6, 30, 31, 62, 78, 84. Велика была роль Б. Шатца в деле формирования художественного образования, организации первой в стране специальной художественной школы — Рисовального училища, послужившей базой для будущей Художественной академии. См.: ЦДИА. Ф. 177. Оп. 1. А. Е. 42. Л. 10, 15. А. Е. 137. Л. 15, 60; А. Е. 77. Л. 19—637, 759—818; СГОДА. Ф. 1047к. Оп. 1. А. Е. 47; Документы Рисовального, а затем Художественно-индустриального училища в Софии см.: ЦДИА. Ф. Държавно Рисувално Училище. № 375, 381, 403, 475.
- ¹³ О преподавательской деятельности и работах Э. Слепян см.: СГОДА. Ф. 1047к. А. Е. 68. Л. 5. Сведения о частном художественном училище Э. Слепян дает в 1908 г. О. Георгиев — многолетний секретарь Государственного училища рисования; среди документов по Министерству народного просвещения Болгарии от 1896 г. находим приказ № 217, разрешающий художнице Э. Слепян открыть частное рисовальное училище в Софии. См.: ЦДИА. Ф. 177. Оп. 1. А. Е. 24. Л. 431.
- ¹⁴ Воспоминания О. Говорухина см.: Октябрь. 1927. № 3. С. 129.
- ¹⁵ СГОДА. Ф. 1047к. А. Е. 87. Л. 14, 15, 22, 36, 45.
- ¹⁶ СГОДА. Ф. 994к. Оп. 2. А. Е. 465. Переписка О. Георгиева хранится в делах Софийского государственного университета.
- ¹⁷ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее: ОР ГБЛ). Ф. 743. ед. хр. Д. 133.
- ¹⁸ В книге «Бележите Български физики» (С., 1981) имя П. Бахметьева стоит первым в ряду болгарских физиков.
- ¹⁹ Интересные материалы, связанные с трудами П. Бахметьева, фотографии, рукописи в настоящее время хранятся в личном архиве д-ра П. Бахметьева, внука выдающегося ученого, в Софии. Автор статьи пользуется случаем, чтобы поблагодарить П. Бахметьева за разрешение ознакомиться с этими материалами.

- ²⁰ Архив БАН. Ф. 64. А. Е. 1. Ф. П. Бахметьев. Там же сохраняются различные документы, относящиеся к П. Бахметьеву, периода 1890—1913 гг. См. также: Архив БАН. Ф. 63. А. Е. 83. Ф. 64. А. Е. 21; Ф. 64к. А. Е. 15.
- ²¹ СГОДА. Ф. 994к. Оп. 2. А. Е. 182. Л. 8—138. Архив включает и документы биографического характера, и оценки научной деятельности П. Бахметьева, но основная его часть посвящена следствию по делу о его участии в революционных событиях 1906 г.
- ²² Там же. Л. 37, 39, 39 об., 40, 76, 79, 86, 88, 115, 127 об., 137, 138.
- ²³ Из личного архива д-ра П. Бахметьева в Софии. Доклад, посвященный 120-летию со дня рождения П. Бахметьева, прочитанный на торжественном собрании БАН в 1980 г. Биографию профессора Бахметьева, написанную им самим, см.: ОР ГБЛ. Ф. 261. Ед. хр. 4. Карт. 17.
- ²⁴ М. Борисов, Х. Стойчева, П. Лазарова. П. И. Бахметьев // Бележити български физици. С., 1981. С. 11.
- ²⁵ Серьезная научная оценка ведущих явлений в истории русско-болгарских литературных связей дана в кн.: Злыденев В. И. Русско-болгарские литературные связи ХХ века. М., 1974. Болгарский литературовед В. Велчев в книге «Българо-руски литературни взаимоотношения през XIX—XX вв.» (С., 1974) дает много конкретных примеров контактов болгарских и русских писателей.

Проблема историзма в искусстве Балкан и России во второй половине XIX—начале XX вв.

Н. В. ЗЛЫДНЕВА

Развитие европейского искусства и архитектуры XIX в. во многом определялось культом истории, идеей движения мира по законам линейного времени. Историзм, т. е. восприятие современности сквозь призму исторической перспективы, явился следствием секуляризации культуры еще в эпоху Просвещения. Но в отличие от еще несмелого «антропологического» историзма XVIII столетия, основанного на убеждении, что «идеи правят миром»¹, историзм «железного века» энциклопедичен и рефлексивен. Он стремится построить универсальную картину бытия, создавая собственный образ исторического времени в его соотношении с временем художественным, решая проблему художественного языка на основе суммирования стилей исторического опыта минувших эпох.

Обращение к прошлому в предощущении заката большой эпохи в европейской культуре не оставило в стороне ни одну из Муз: в литературе величайшим завоеванием века явилась реалистическая проза, роман-эпopeя, как бы проговорившая на языке истории; в живописи блистательное развитие получил исторический жанр, а в архитектуре сложилась уникальная система полистилизма как наиболее адекватная форма реакции на сложную неоднородность размышлений века.

Историзм художественного сознания XIX в.— это тот стержень, вокруг которого разворачиваются диалоги национальных и региональных европейских школ, разыгрывается драма столкновений центральных и периферийных слоев культуры. Поэтому то, что и как отбиралось из реальной истории, а также форма эстетического осмысления исторического времени, преломляясь в каждом из видов искусства в соответствии с его спецификой, вскрывает наиболее значимые черты художественного сознания нации и региона в их отношении к соседям. Оно определяет также иерархию художественных ценностей внутри собственной системы миропонимания. Ведь представления о времени в каждую эпоху проливают свет на общие закономерности эстетического освоения действительности той или иной традицией, в частности балканской².

В общественной мысли и культуре балканских народов на протяжении всего XIX в. идея истории играла важную роль. Здесь сложно и своеобразно переплелись тяготение к Европе и пафос региональной самобытности, «прорывы» в реальное историческое время и замкнутость в народном эпосе героического прошлого.

Интерес к истории на Балканах во многом объясняется социальным заказом эпохи: бурный взлет национального самосознания на этапе завоевания политической независимости, социальные сдвиги в жизни южных славян, греков и румын вовлекали в свой вихрь все виды гуманитарной и художественной деятельности³. Вместе с тем та наивная непосредственность, с которой искусство балканских народов отражало общественную деятельность,— это следствие не столько значимости исторических событий, сколько особенности художественных судеб Балкан в целом.

Сравнительно позднее вступление искусства балканских народов на путь европейской культуры нового времени и вследствие этого торопливое наплыwanie художественных фаз и стилистических формаций друг на друга в ускоренном развитии одних и инерционности других создали особую сгущенность временного потока. Власть Хроноса в художественной жизни региона обусловила почти сакрализованное отношение художников к реальному историческому времени. Образ прошлого в искусстве, художественное осмысление переклички эпох, самого бега времени обретали ощутимо зримую форму, а идея истории как бы становилась достоверным объектом внешнего мира. Вместе с тем разнообразные формы историзма, идущие на Балканы из Германии, Франции, России, усваивались как образец для подражания, хотя и подвергались трансформации в соответствии с условиями местного художественного климата. Сочмешение импульсов, идущих из глубины традиции с глобальными требованиями эпохи, привело к тому, что балканский историзм призван был выполнить сразу несколько функций.

Прежде всего, в эпоху бурных исторических событий на Бал-

канах середины XIX в. обращение к преданиям о битве на Косовом Поле или воспоминания о славном Душановом царствовании как бы компенсировали незрелость национальных культур, восполняли потребность в непрерывности традиции. Легенды далекой старины носили характер политических манифестов, утверждавших историческую значимость сегодняшнего дня. В художественном плане историзм вводил балканское искусство в европейский контекст и тем самым активизировал пробуждающиеся в народе творческие силы. Именно с середины прошлого столетия, когда дух истории в равной мере стал вдохновлять и живописцев Парижа, и зодчих Бухареста, возникла возможность возникновения продуктивного для обеих сторон диалога. И хотя непосредственного совпадения стилистических фаз между Европой и Балканами быть не могло, ибо во времена, когда французский импрессионизм вошел в силу, сербская академическая живопись делала лишь робкие начальные шаги, именно историзм впервые образовал то широкое поле интернационального общения, которое сложится в окончательную закономерность художественного развития лишь в XX в.

Способ художественного осмыслиения балканскими народами своей национальной истории на протяжении XIX в. эволюционировал. В искусстве середины столетия он вдохновлялся жизнелюбивой героикой романтического идеала. В последней трети XIX столетия и на рубеже веков активно-утверждающее начало пробужденных образов прошлого сменяется ностальгической медитацией и, обретя более широкий символический смысл, наделяется оттенком трагизма. Как и во всякую переломную эпоху, в конце XIX — начале XX в., когда повышенный интерес к национальному прошлому стал ослабевать, в искусстве начинают проглядывать молодые побеги грядущего столетия и, что особенно важно, с поразительной откровенностью обнажаются корни балканской художественной традиции, выявляются важные черты самобытного пути культуры этого региона.

Образ исторического времени как индикатор художественного сознания народов балканского ареала наиболее рельефно обозначается в сравнительно-типологическом сопоставлении с материалом русского искусства. Для этого имеются важные основания.

В русском искусстве нового времени, судьбы которого, переплетаясь с французским, немецким, итальянским искусством, никогда не сливалась с ним в своем неповторимом своеобразии, во второй половине XIX в. имели место явления, близкие явлениям художественной жизни балканских народов. Эстетическое сознание здесь столь же властно было охвачено идеей истории, хотя и находилось на более высоком уровне развития. При всем различии русского и балканского историзма именно в этой области ярко проявляется общетипологическое сходство двух моделей художественного пути народов, в равной мере убежденно отстаивающих собственную культурную самобытность⁴. Серьезным аргументом в пользу сопоставительного анализа служит

близкий, но не тождественный характер функционирования звена историзма в общей цепи художественных отношений эпохи: в системе, основанной на национальной специфике России, с одной стороны, и особенности искусства национальных школ балканских народов — с другой. Позволяющий вскрыть специфику обеих художественных традиций, историзм конца прошлого столетия намечает перспективу исследования общих проблем взаимосвязи искусства с действительностью. Общетипологический анализ представляется тем более необходимым, что между Россией и Балканами на протяжении всего столетия существовали непосредственные контакты, а во второй половине XIX в. русские художники оказывали особое влияние на художников балканских народов.

Традиционное покровительство России деятелям культуры Сербии проявилось, в частности, в том, что одним из центров художественного образования для сербских живописцев и скульпторов вслед за Веной и Мюнхеном стала Москва⁵. В Киеве, Москве, Петербурге учились и многие болгарские живописцы, не только приобщаясь к высокому мастерству, но и усваивая демократические традиции русского искусства⁶. Велика роль русских архитекторов в развитии сербского градостроительства, а также зодчества Румынии и Болгарии.

Еще с конца XVIII в. Россия проявляла исключительный интерес к Греции: не только памятники античности и средневековья, но и овеянная романтической героикой борьбы за свободу современность нашла отражение в произведениях К. Брюллова, а также в искусстве Е. Корнеева, В. Давыдова. Во второй половине XIX в. Россия принимала деятельное участие в строительстве и восстановлении культовой архитектуры в Афинах⁷.

Наконец, на рубеже веков общение русских и южнославянских художников происходило в Мюнхене — в школе словенского живописца Антона Ашбе, где под одной крышей собрались представители многих славянских народов, среди них П. Добужинский, А. Кардовский и И. Грабарь из России; М. Милованович, К. Миличевич, Н. Петрович из Сербии, И. Грохар, Р. Якопич, М. Яма из Словении и многие другие⁸.

Наличие обильных и многообразных личных контактов вместе с тем, хотя и выявляет важные свойства историко-культурного процесса, само по себе еще недостаточно для понимания глубинных структур художественного развития Балкан. Последнее может быть охарактеризовано лишь путем широкого типологического сопоставления. Каждое из отобранных нами явлений представляется наиболее характерным с точки зрения художественных традиций каждого из ареалов и в то же время демонстрирует различные стороны художественного историзма в искусстве балканских художников.

В живописи второй половины XIX в. внешний историзм, т. е. историческая тема как объект изображения, и историзм внутренний как способ художественного мышления нередко совпадали,

порождая образ, обращенный к центральной идеологеме эпохи. Прошлое в «театре» современности при этом возникает как результат осознания идеи времени в формально-стилистической системе произведения, с одной стороны, и идеи истории, проявляющейся на уровне сюжетного пласта картины,— с другой⁹. Само время и мысль о времени существуют в тонкой балансировке двух планов картинной структуры: в соприкосновении подвижной живописной материи с умозрительным прообразом художественной идеи. Не только отбор и образное осмысление исторических фактов, но и сама художественная фактура этих размышлений, выраженная и в стиле, и в символике, и в социальном назначении произведения, создает характерный для того времени художественный образ.

В художественной жизни России 60—80-х годов вопросы исторической ответственности поколений, судеб нации, соотношения настоящего с прошлым, и особенно с Петровской эпохой, занимали центральное место. Здесь «историзм словно врос в современность, стал внутренним достоянием искусства, преодолев границы жанров»¹⁰. И хотя многие живописцы обращались к историческим сюжетам, а в картинах на евангельские и бытовые темы проглядывала канва исторических размышлений, художником, в полной мере воплотившим идею историзма как одного из эстетических кредо эпохи, явился, безусловно, В. Суриков. Достигшее вершин в развитии исторического жанра, воссоздавшее «архетипы русской жизни»¹¹ творчество В. Сурикова может служить образцом для исторических живописцев на Балканах, но одновременно и символом фатальной невозможности достижения ими этого уровня по причинам существенного расхождения художественных путей двух регионов.

В живописи балканских народов второй половины XIX в. отчасти в силу недостаточной развитости жанровой структуры, отчасти оттого, что общественные проблемы и чаяния впитывались здесь молодым искусством, как бы не наростившим еще эстетических оград от внеположенного ему мира, с прямотой наивной непосредственности, историческая тема проникала во все жанры искусства Балкан. Можно сказать, что в отличие от России, где искусство часто осуществляло роль генератора духовных исканий и потому природа интереса русских художников к истории, помимо всего прочего, лежала в области поисков расширения своих эстетических возможностей, на Балканах ощущается скорее ведомость живописи идеей истории, нежели ее продуцирование, скорее включенность искусства в круговорот сил, зовущих оглянуться назад, нежели осознанная, отрефлектированная позиция. История присутствует здесь не только в исторической картине — она растворена и в батальных фонах мужских портретов, и в бытовых «репортажах». В факте обращения грека Ф. Вризакиса к образу повстанца или хорвата Д. Медаковича к событиям Сплитского собора 925 г. угадывается сложное сплетение национальных амбиций в стремлении достичь необ-

ходимого уровня живописного мастерства, в искушении взглянуть на события собственной истории глазом «европейца» и настоящая потребность выстоять, не отступая от собственного лица, выдержать линию самостоятельного общественного развития, оставаться верным национальной художественной традиции. Вместе с тем во всепроникающем характере исторической темы в балканской живописи не только оказывается традиционный синcretизм жанровых решений, но и заложены основы для своеобразного способа осознания исторического времени как эстетической категории. Интересную почву для размышлений в этом направлении дает сербская живопись.

Для сербской живописи показательно уже само развитие исторической темы от романтизма к академизму конца века. В творчестве центральной фигуры сербского романтизма в живописи (равно как и в литературе), Д. Якшича (1832—1878), проблемы национального пропластика занимают ведущее место. Обращение к легендарным образам царя Душана, королевича Марко, к трагическим событиям недавней истории («Смерть Карагеоргия» (1862), «Восстание в Таково» (1862?)) — это страстное желание одаренного художника, бунтаря и скитальца, взорвать сонную косноту обывательской среды, насытить современность драматизмом великих свершений прошлого и тем самым вырваться из плена конкретного времени. Лучшие полотна Д. Якшича, несовершенные с точки зрения академических норм рисунка, излучают бешеную энергию драматического напряжения и прорыва. Характерное для романтического сознания понимание исторического процесса как пульсообразного течения времени, движимого волей сильных личностей, находит адекватное воплощение в стилистике мастера. В картине 1870-х годов «Караульные», передающей сцену из жизни повстанцев периода Первого сербского восстания 1804—1813 гг., при всей видимой статичности композиции ощущимо бурное внутреннее движение. Оно в динамике распределения масс, образующих раскрытый к правой части холста угол, оно и в тревожном взгляде недремлющего стражника¹². Но главное — в беспокойном мерцании светотеневых контрастов, в интенсивности сумрачного колорита, который разрешающим аккордом вспыхивает в киновари плаща центральной фигуры. Это почти рембрандтовское нагнетание глубокого драматизма при крайней сдержанности внешних эффектов, этот почти в манере Делакруа темпераментно-плакатный призыв к современникам, остается верным балканскому духу по сути: сквозь неосознанную игру в «серъезный», «взрослый» стиль просматривается глобальная метафоричность художественного мышления, которая переносит набор легко узнаваемых символов романтического мира в метапроекцию стиля — народно-национальную версию романтической модели. Хрупкая поэтичность созданного Якшичем образа покоятся на подвижной балансировке сущего и кажимого, на неустойчивом равновесии талантливого ученичества и рефлексии по поводу своего ученичества,

и потому историческая идея реализуется и выступает здесь в образе времени в чистом виде — не история, а пульсация мифа, не событие, а смутное его предчувствие в колыхании тьмы и цвета.

Иное понимание исторического процесса мы находим у К. Иванович (1811—1882) — сербской художницы, получившей образование в Вене. На полотне «Захват Белграда османами в 1806 году» (1873. Нац. музей. Белград) представлено множество разновременных, не связанных между собой эпизодов, летописующих кровавую битву, будто предвосхищая коллажные композиции, типичные для XX в. Техническое несовершенство исполнения очевидно: в скученном нагромождении фигур измята форма, нарушен пространственный масштаб, ритмическая сумятица лишает композицию воздуха. Однако упрощенность художественного решения лишь резче обозначает то, что в дальнейшем получит свое активное продолжение в сербской живописи: жанровое, событийное представление истории, восприятие исторического процесса как серии дробных эпизодов, а времени — как механического членения пространственных зон. Отсюда уже рукой подать и до бытовой картины, и до многофигурного академического панно на историческую тему. Вместе с тем именно пространственность времени в произведении сербской художницы заставляет нас ощутить то, что придает безупречную целостность этой мозаичности выражения: в циклической повторяемости сюжетов, в песенной перекличке исторических фрагментов ясно звучит вдохновленность эпическим народным творчеством.

Наконец, третью версию художественного осмысливания исторического времени дает нам живопись П. Йовановича (1859—1957) 90-х годов. Творчество этого выдающегося сербского художника явилось кульминацией развития исторического жанра в сербском искусстве. В отличие от романтических картин Д. Якшича, историческое полотно П. Йовановича «Переселение сербов при патриархе Арсении III Черноевиче» (1896), которое было написано по заказу сербского патриарха Георгия Бранковича по случаю празднования 1000-летия венгерской государственности, несет в себе прямые политические аллюзии. В портретном сходстве Арсения III с патриархом Георгием, воинственном духе переселенцев, везущих с собой дарственную грамоту Леопольда, выражались и национальные чаяния сербов.

Большой общественный резонанс имело и полотно «Провозглашение свода законов царя Душана» (1900), за которое на всемирной выставке 1900 г. в Париже П. Йовановичу был торжественно присвоен титул почетного члена Французской академии. В этой картине дарование мастера проявилось во всем блеске. Огромная многофигурная композиция исполнена пышности барочного декоративизма. Театрализованное пространство с его кулисностью в изображении архитектурного фона и мизансценным характером распределения фигур напоминает заключительное действие исторической оперы. Однако помпезный монументализм представленной сцены снимается виртуозной легкостью

колористического решения. Серебристо-палевые, охристые, то вспыхивающие сочным пламенем, то приглушенно-фисташковые тона палитры Йовановича обнаруживают склонность мастера к пастельности рокайльной цветовой гаммы и вместе с тем знакомство с современным ему опытом пленэрной живописи. В соответствии с законами академизма историческое событие представлено как достоверный факт, как непреложный аргумент в актуальной политической дискуссии. Целям достижения фактографической убедительности служит театральная «правдивость» костюмов и аксессуаров, иллюстративная повествовательность композиции, нарочитая сценографичность представленного. Это театр, зеркало реальности.

Если в творчестве Д. Якшича время как ощущение движения материи доминировало над идеей памяти прошлого, а в произведении К. Иванович оно вводилось в русло народного эпоса, то П. Йованович демонстрирует линейно-процессуальную модель художественного постижения истории. В качестве факта время превращается в точку, в качестве идеи развития человеческого общества оно сливаются с понятием исторической судьбы народа. Однако именно в этой безупречности академического реализма П. Йовановича коренится доказательство его принадлежности региональной художественной традиции. Космополитичность его исторического жанра, высокое профессиональное мастерство приобретают значение «включенности» в русло европейского художественного развития, становясь манифестом в политическом и культурном диалоге с сильными мира сего.

Именно благодаря своей публицистичности искусство Йовановича оказалосьозвучным русской живописи¹³. Если В. Суриков в своей исторической картине тяготел к реализму, Йованович воплотил реалистические устремления не только в историческом, но и в бытовом жанре. Созданные Йовановичем картины на темы национального быта («Бой петухов» (1888); «Фехтование» (1886)) утверждают значимость для художника народных обычаяев. Близка Сурикову и аллюзивность историзма сербского мастера. События Петровской эпохи, к которым обращается русский живописец («Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», «Меньшиков в Березове»), проецируются на отечественную современность столь же ясно, сколь и эпизоды сербской истории, представленные П. Йовановичем, связаны с актуальными политическими проблемами Сербии. Отличие состоит в обстоятельствах, лежащих уже вне живописи как таковой, о чем подробно говорится в исследовании Д. В. Сарабьянова¹⁴. Нам хотелось бы добавить, что отличие балканских историков от русских проявляется и в самом характере эстетической связи искусства с внехудожественным рядом, на которую косвенно указывает сравнительно-типологический анализ отношений между живописью и литературой двух ареалов.

В России литература и живопись прошли единый путь в усвоении серьезного нравственного и экзистенциального опыта

русской культуры. И пусть ведущая роль русской реалистической прозы порой несколько отодвигала роль живописи на задний план, последняя, несомненно испытавшая влияние слова, черпала энергию из собственных родников, из глубин духовной жизни русского общества. Поэтому Суриков и Толстой, Репин и Достоевский — носители национальной традиции — в равной степени являются и творцами ее самобытности.

На Балканах во второй половине XIX в. « обращение литературы к истории становится развернутой эстетической программой художественной литературы»¹⁵. Несвободная от общественно-просветительской функции сербская живопись вынуждена заимствовать у литературы риторические приемы, чему отчасти способствует и повествовательная природа исторического жанра, и «художественные метаморфозы» во взаимоотношениях литературы и живописи, характерные для культуры XIX в. в целом¹⁶. Однако на Балканах взаимодействию двух искусств способствовали и более глубинные причины — особенности художественного пути региона в целом.

Действительно, в эволюции своеобразного событийно-временного синтеза в живописи сербских художников прослеживается общая закономерность: и в романтическом мифологизме Д. Якшича, и в эпичности К. Иванович, и в драматургичности П. Йовановича обнаруживается действие специфики балканской традиции, которая стремится как бы компенсировать свое «отставание», и потому литература принимает на себя обязанности катализатора художественного процесса, а в самом обращении живописи к литературе сказывается потребность в дополнительном обосновании притязаний художников на право занимать активную общественную позицию. Вместе с тем общая эпическая настроенность сербской живописи, изначальная поэтическая остраненность раскрывают близость литературе как выражение обусловленности балканской художественной культуры ее низовыми слоями, демократизма и фольклористичности художественного сознания профессионалов, благодаря чему сближаются и взаимообогащаются различные виды искусства, всегда сохраняющие наивно-серъезную открытость взгляда на мир.

Связь живописи с литературой обусловлена и особой зависимостью художественного факта в искусстве балканских народов от внехудожественного ряда: заниженный стилистический фонд сербской живописи сообщает ей онтологичность «примитива», а исторический жанр, выступая то в роли хроникера, то певца, то зеркала реального исторического процесса, всегда сохраняет видимость прямого, редуцированного отражения действительности. Это перенесение акцентов, поиски опоры за пределами собственного пространства и при этом мучительная невозможность отчленить себя от того, что лежит за этими пределами, составляют основу специфического образного осмыслиения балканской живописью исторического времени, эпически-остраненного и вместе с тем натуралистически-буквального его проживания.

Архитектура последней трети XIX в. на Балканах демонстрирует другой аспект проблемы историзма в художественной культуре балканских народов переходной эпохи. Если в живописи понятие истории выступало как объект художественного осмысливания, в архитектурной мысли и практике мы встречаемся скорее с субъектным отношением к предмету и в силу свойств архитектуры как особого вида искусства, и в силу ее особого значения в общественной и художественной жизни Балкан.

Следует заметить, что проблема времени применительно к архитектуре носит более метафизический по сравнению с живописью и вместе с тем многомерный характер, ибо время здесь реализуется посредством категории пространства — в пространственной композиции — и потому производно от последней. Идею истории, имеющую место в любой архитектуре и возникшую как гармония отношений между закрепленными в данной традиции принципами формообразования пространственного и способов «цитирования», следует отличать от историзма как специфической мировоззренческо-стилистической установки. Сравнение многообразных видов историзма в архитектуре балканских народов с аналогичными явлениями в русской архитектуре второй половины XIX в.— это, на наш взгляд, продуктивный способ определения общего и особенного в художественном пути Балкан.

Пафос историзма означил рассматриваемый период в развитии «изобразительной» европейской и русской архитектуры нового времени как период архитектуры «выбора», следуя определению советского исследователя Е. И. Кириченко. Многоголосье стилей, произвольно совмещающихся в одном произведении, или установка на «подлинное» представление какого-либо одного «исторического» стиля стали в условиях архитектуры эклектики эстетической нормой. Увлекшая умы современников тяга к позитивному знанию породила у зодчих веру в возможность реконструкции духа прошлого по внешним признакам архитектурной стилистики, что сделало историю чем-то обозримым, чем-то сродни музеиному экспонату, а архитектуру превратило в «трандиозный памятник, воздвигнутый себе эпохой»¹⁷.

Музейное мышление, возведенное в принцип игру в стили, подобно аппликациям декорируя ими конструкции, разрушившее монизм ордерной системы и в своем тяготении к прошлому как бы перечеркнувшее завтрашний день, отразило переживание современниками своей архитектурной эпохи как некоей постистории. Однако парадоксальное сочетание процессуально-линейного восприятия исторического развития с погруженностью в безвременье полистилизма явилось как раз тем продуктивным противоречием, тем избыточным звеном культуры, которое повлекло ее к новым рубежам. Одним из провозвестников будущего во многих европейских странах стал неонациональный стиль.

В России заимствование форм древнерусской архитектуры началось с середины XIX в. в одном из ответвлений декоративного полистиализма. Отнюдь не главное положение этого направления в ряду сходных романтических течений, таких, как псевдоготика, неоклассический стиль, различных «византизмов», а также широкой волны интернациональной европейской эклектики, особенно ярко воплотившейся в архитектуре доходных домов, к концу века сменилось преобладанием над остальными, а на рубеже столетия — если не по объему продукции, то по художественной значимости — наряду с модерном заняло важное место. Возрастание удельного веса «неорусского стиля» сопровождалось и качественной его переменой. Происходила перестройка от механически трактованного «иллюстративного» подхода к формированию емкой образной системы, от сухого копирования деталей — к попытке мыслить пластическими объемами.

Идея истории в русской архитектуре тоже проделала эволюцию. Так, если в 80-х годах «своеобразный „археологизм“ архитектуры... был призван утвердить мысль об устойчивости исторических традиций в современном зодчестве и о своеобразном возрождении допетровского искусства»¹⁸, то к концу века стало слышнее символическое, возвращенное к своим эстетическим истокам звучание образа национальной древности. Путь, проделанный «неорусской» архитектурой от поисков в семидесятые годы В. Гартмана и И. Ропета в области народных приемов конструкции деревянного зодчества до смелой лепки форм И. Васнецовым и В. Поленовым в абрамцевской церкви в начале восьмидесятых, хотя и не вывел способа постижения исторического времени за пределы, предначертанные эпохой, все же сообщил осевую динамику праздному кружению всезначия.

Богатство стилистических и функциональных отношений определило и архитектурное творчество балканских мастеров второй половины XIX столетия. Индустримальное становление, рост молодой буржуазии активизировали развитие градостроительства, а также архитектуру общественного и жилищного назначения у всех балканских народов. Началась усиленная европеизация облика балканского города. Повсюду проводниками интернациональной эклектики, несущей заряд урбанизма в отсталую городскую среду Балкан, становятся иностранные мастера. Так, перепланировка Софии была начата по проекту французского инженера С. Амаде, в строительстве общественных зданий в Бухаресте видная роль принадлежит архитекторам-французам А. Галлерону, П. Готтеро, А. Баллу. На базе французской и немецкой архитектурных школ формировались местные кадры, продолжавшие линию космополитического полистиализма.

Однако к 80-м годам XIX в. у большинства балканских народов — как реакция на механистичность историзма эклектики — возникла альтернативная, демократическая линия в зодчестве,

соединившая в себе тяготение к антибуржуазному духу модерна с национально-романтической формой его осмыслиения. Призыв к широкому использованию мотивов народной архитектуры выдвинули сербы А. Таназевич и А. Стефанович, мотивами фольклора был вдохновлен хорват А. Радич, а лозунг «Изучать старину, особенно болгарскую» явился ведущим принципом в деятельности болгарских зодчих в конце XIX в.¹⁹

Повсеместно развертывается инициатива по изучению памятников старины. Противопоставившие себя безвременю коллажных стилизаций поиски идеального прообраза национальной истории — как архитипическое истолкование исторического времени — на Балканах имели ряд идейно-типологических сходств с демократическим вариантом «неорусского стиля», однако по своему функционально-художественному значению в системе региональной традиции заметно отличались и от того, что было в России.

Особенно показателен в этом отношении историзм творчества архитектора Й. Минку (1851—1912), создателя школы румынского неонационального стиля на рубеже XIX—XX вв. Талантливый румынский зодчий, с успехом закончивший Школу изящных искусств в Париже (1884 г.), Минку пополнил плеяду представителей балканской культуры, чья деятельность на родине в силу сложных исторических обстоятельств не получила развития в полной мере и потому в большей степени реализовалась в проектах, эскизах и в меньшей — нашла выражение в законченных произведениях. Разрыв между масштабностью архитектурной программы и возможностями конкретного воплощения замыслов придает фигуре Й. Минку оттенок трагизма.

Присоединяясь к мнению А. П. Кудрявцева, можно сказать, что «Й. Минку... представляется нам художником-патриотом, продолжателем демократических идей поколения революционных демократов 1948 г., полным глубокого уважения к ценностям, созданным народом, и негодования к космополитизму правящих классов»²⁰. Восприятие исторического времени, таким образом, опирается в Минку на чувство преданной любви к древнему монументальному и народному зодчеству Румынии, выступающему в виде осознания преемственности национальной культуры. Вместе с тем эта протяженность времени, сфокусированная на руссоистски идеализированном образе национального духа, сжимается в творчестве Й. Минку в комок. Характерное для всей балканской художественной культуры нового времени противоречие, которое заключается в потребности осознания преемственности национальной традиции при условии ее отрицания как инерционной силы, вылилось в творчестве румынского архитектора в драматическую конфликтность его стилистики.

В главных своих произведениях архитектор проявил себя как сторонник исторической достоверности в ассимиляции форм традиционного румынского зодчества. Созданному им дому «Лаховари» в Бухаресте (1886) национальный колорит придает

центричное крыльцо, укращенное портиком из резных деревянных колонок, которые несут аркатурный поясок заостренной в народном вкусе профилировки. В произведении 1892 г.— знаменитом «Буфете» (теперь на шоссе Киселева) в Бухаресте — Й. Минку применяет свободную функциональную планировку объемов, высокое, акцентированное все той же традиционной колоннадой крыльца, игру разноуровневого покрытия. Наконец, во внутреннем дворике Центральной женской школы в Бухаресте (1890) мерный ритм остекленного портика напоминает народную архитектуру монастырских ансамблей. Раскованная стилизация Й. Минку вызывает ассоциации с архитектурой крестьянских домов в холмистой местности Арджеша или Мусчела, с деревянным культовым зодчеством Румынии XVII—XVIII вв. Мастер использует и традиционные строительные материалы: дерево, камень; он достоверно воспроизводит орнаментику народной румынской архитектуры. Однако при всей убедительности своего фольклоризма Й. Минку никогда не встает на путь буквального механическогоkopирования народных образцов. Исполненные большого такта и мастерства в пропорциональном строении, деликатном использовании орнамента, цвета, произведения Й. Минку, воссоздавая отвлеченный образ народного зодчества, полны человечности, естественности народного образного мышления. Вместе с тем рационализм пространственной планировки, утилитаризм в использовании природных материалов находятся в противоречии с тем, что роль стилеобразующих факторов при этом отводится не им, а лишь национально-маркированным аксессуарам. Произведение как бы проговаривает свою роль, оставаясь за кулисами реально протекающего действия. В чем корни внутреннего разлада архитектурного образа Минку? Обратимся к русскому опыту.

«Неорусский» стиль 60—70-х годов, равно как и его более поздние модификации, обнаруживают много сходного с творчеством Й. Минку в плане обобщенной трактовки национальных форм, в стремлении передать суммарный образ народного искусства ассоциативно, в лаконичных деталях, не нарушая целостности разработкой подробностей. Однако, если поиски русских художников нашли свою благополучную реализацию в архитектуре модерна или, существуя параллельно с ним, осуществляли противостояние консервативным течениям историзма, стилизация Минку была вынуждена принять на себя груз и несостоявшегося в Румынии модерна, и прогрессивного крыла полистилизма. Это совмещение функций меняет значение стиля и определяет коренное различие между русской и балканской школами «неонациональной» архитектуры: невозможность вырваться за пределы времени при крайней сгущенности последнего диктует архитектору особую насыщенность национальной обраzности в ткани его произведений, а зрителю — предписывает осознание необходимости прочтения его творчества в широком ряду общественных устремлений румынской художественной

культуры того периода. Сдвиг функциональной стилистики проявился в театрализации образа исторического времени: перенос акцента с идеи народного, как это было в русской архитектуре, на метафорический отпечаток этой идеи в стремлении к выявлению доминанты исконного и вечного в национальном зодчестве породил принципиальное двузначие образного языка Й. Минку. Адаптируя европейское течение «неонациональной» стилистики, румынский архитектор противопоставляет ему устойчивость национальной художественной традиции. Подобная двунаправленность оппозиции «свое — чужое» возникает при этом как единственная возможность контакта с пришедшими со стороны веяниями, как наиболее продуктивная форма овладения ими.

Неоднозначность стилевых значений и образной структуры произведений Минку выявляет специфику его «архетипического» историзма, опирающегося на важные свойства региональной художественной традиции. Если в живописи идея истории понимается как эпическая острannенность образа линейного времени, в архитектуре историческое время приобретает интонацию циклической замкнутости, обнаруживая сильную внутреннюю напряженность творческих потенций регионального художественного мышления.

* * *

Венцом в развитии художественного историзма на Балканах является творчество выдающегося хорватского скульптора Ивана Мештровича (1883—1962), снискавшего славу одного из крупнейших европейских мастеров начала XX в. Находясь в самом epicентре общественной жизни своего времени, Мештрович в своем творчестве дал как бы квинтэссенцию самосознания югославянства и — шире — всех Балкан начала нынешнего столетия. Он наделил искусство скульптуры общественным звучанием, первым на Балканах заложил основы пространственного архитектурного мемориала. Характерный для стиля мастера историзм и мифотворческое начало — это не только примета времени, знак принадлежности художника к кругу европейского модерна, но и следствие общей социальной и культурной ситуации, которая сложилась на Балканах на рубеже веков. Данный этап утверждения национального самосознания требовал мифологического осмыслиения истории с целью монументализации современности, создания пьедестала политическим и культурным идеалам народов Балканского полуострова.

Историческая тема звучит на протяжении всего творческого пути мастера. Уже в первом десятилетии XX в. кристаллизуются основные принципы поэтики И. Мештровича: ретроспективизм, монументальность, стремление к синтезу искусств. И в соответствии с ними возникает поэтический образ национального героического прошлого.

Группа центральных произведений Мештровича начала XX в. объединена общей темой под названием «Косовский цикл». Идея

создания грандиозного храма-памятника — архитектурно-скульптурного мемориала, посвященного одному из самых трагических событий в истории южных славян — битве на Косовом Поле в 1389 г., — зародилась еще в Вене, в период ученичества, а развитие получила уже в Париже, в 1907—1911 гг. Цикл скульптур, воспевающий героизм легендарных защитников родины, имел большой успех на Международной художественной выставке в Риме в 1911 г., что же касается архитектурной части программы — Видовданский храм так и остался в проекте (его деревянный макет хранится ныне в Национальном музее в Белграде). По свидетельству югославского исследователя, конкретным поводом к созданию этого произведения послужила австро-венгерская аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г.²⁴ Замысел «Косовского цикла» отвечал как официальной идеологии, так и политическим воззрениям самого скульптора, полагавшего, что посредством объединения всех южных славян возрастет их политический и культурный престиж на мировой арене. Однако Мештрович-художник оказался сильнее Мештровича-идеолога.

Образ одного из героев битвы на Косовом Поле, Милоша Обилича, передан в пластике поколенного мужского торса, замершего в энергичном развороте (бронза, 1908). Напряженная пульсация мускулатуры напоминает роденовскую моделировку формы, однако закрученная в спираль фигура обладает большим зарядом внутренней энергии. Эта же энергия вот-вот выхлестнется наружу в сжатом в комок объеме скульптуры «Великая вдова» (мрамор, 1908), будто стремящаяся вырваться из оков своей скорби. Наконец, в «Воспоминании» (мрамор, 1908) — одном из самых сильных произведений мастера — напряженная импульсивность смелого контрапоста достигает высшей экспрессии в столкновении динамичной пластики с графической силуэтностью общего решения. Борющиеся массы в их активной моделировке как бы отбрасывают тень — свой линеарный силуэт, превращая живое движение в статическую эмблему, а образ-воспоминание — в саму память. Взаимодействие перетекающего объема и плоскостного рельефа достигает предельной выразительности в скульптуре «Королевич Марко» (гипс, 1910). Всадник и конь, замершие в едином порыве, подчеркнутой утяжеленностью пропорций, живописной разработкой волнистых, словно бурлящих масс сведены почти к рельефу.

Подобное совмещение движения и покоя создает эффект проектирования временного потока в дискретное пространство мифологического «всегда». Образ легендарного сербского героя как бы выплывает из дымки народных преданий. Не меньшей эпичностью обладает и скульптура «Моя мать» (мрамор, 1908): лапидарный объем, разграфленный параллельными складками одеяния, своей самоуглубленностью напоминает древнеегипетскую скульптуру.

Мифотворческое переживание художественного времени обуславливает ретроспективизм манеры скульптора как способ ов-

ладения временем историческим. Свойственная эпохе игра в различные стили у Мештровича превращается в самодовлеющий монументальный образ Прошлого. Микеланджеловская патетика и декоративизм Климта, ассирийский рельеф и роденовская светотень сплетаются в одно целое, порождая гигантского митавра исторической памяти. «Никогда у меня не было ненависти к своему времени или недооценки его,— писал скульптор,— но я старался и не переоценивать, и не выделять свое время из минувших эпох, а связывать его, насколько это возможно, с прошедшим, готовя тем самым обращенность к будущему, всегда с радостью ожидая грядущее, которое обязательно будет лучше настоящего»²².

Ретроспективизм — как условие ясного взгляда вперед — лег в основу синтетического монументализма Мештровича, воплотившегося в проекте Видовданского храма. Хотя макет этого сооружения относится к 1912 г., произведение, по сути, подводит итог всему развитию балканского историзма второй половины XIX в. Ансамбль задуман как величественный храмовый комплекс, где в символической форме отразились бы все чаяния и жертвы югославянства. Огромная пятикупольная церковь, ее крылья-колоннады, многоярусная башня колокольни должны были воплотить идею вселенского единения: Византию и Месопотамию, Запад и Восток. Воздвигнув мемориал всем временам и народам, Мештрович мощным космическим ритмом трансформировал идею исторического времени в идею тотальной истории, отрицающей время на правах универсального мифа.

Мифологизм Мештровича обладает ясной идеологической направленностью. Однако соотнесенность его искусства с современностью обретает убедительную достоверность лишь в перспективе всей балканской художественной традиции. Созданный скульптором образ национального героического прошлого вмещает в себя бремя величия и рабства Балкан, все недовысказанное и несбывшееся в художественном гении балканских народов. Поэтическую мечту о минувшем Мештрович обратил в трагический пафос всевременья, а идею национального духа — в философскую притчу.

На рельефе «Художник моего народа» (бронза, 1908) изображен согбенный слепой старец в сопровождении мальчика. В ясной аллегоричности этого произведения — метафора всей балканской художественной традиции, ее обращенности в прошлое и устремленности в будущее, ее лишенности устойчивых оснований в сегодняшнем дне.

Среди скульпторов России трудно найти в начале XX в. фигуру, равную Мештровичу. Стиль модерна коснулся здесь больше живописи и архитектуры. Напрашиваются не столь прямые аналоги с идеей истории у Л. Толстого, с мифологическими обращениями у Ф. Достоевского, символизмом А. Блока. Повод для этого дает не только известная литературность символизма Мештровича, но и особый интерес хорватского скульптора к

русской культуре, типичной для всех южных славян того времени, и главное — сочувствие Мештровича духовным исканиям Л. Толстого.

Соответствие властной монологичности прозы Толстого можно усмотреть в авторитарном монументализме балканского мастера, а насыщенности произведений Достоевского глубинными космическими структурами — в универсалистском масштабе мифотворчества Мештровича²³. Инверсия исторического времени у Толстого, заставляющая воспринимать события как результат изначально заданной естественной необходимости, в известной мере совпадает с ретроспективизмом Мештровича. Однако сформулированный в «Войне и мире» взгляд Толстого на историю как на проявление стихийной народной жизни, в которой растворяются человеческие судьбы, но вместе с тем которыми она и движима, противостоит демиургической, волевой позиции по отношению к проблемам человеческого развития И. Мештровича.

В идеи патетического героизма, роднящего времена и нации, Мештрович выявляет свою принадлежность балканскому народно-этическому художественному видению, а своей тягой к достижению духовных глубин судьбы человечества в целом, несомненно, весьма близок богоискательским тенденциям в русской культуре на рубеже веков. Вместе с тем, являясь итогом развития балканского историзма, сообщая ему дух универсализма, творчество И. Мештровича стало неотъемлемой частью мировой культуры XX в. Его интеллектуализированный миф — это отдаленный прообраз сумрачных фантазий Кафки, эстетизированного историзма Гессе, универсума Хайдеггера.

Мысль о необходимости освобождения истории от тирании естествознания на рубеже веков занимала лучшие философские умы Европы. Однако трудно предположить, что появившийся в 1893 г. очерк Б. Кроче «История, подведенная под понятие искусства», где высказывается соображение о своеобразном тождестве между историческим и художественным способами понимания мира, был известен И. Мештровичу, П. Йовановичу и другим балканским художникам. Тем более впечатляет уникальный опыт художественной культуры этого региона с ее титаническими усилиями интуитивного постижения закономерностей собственных исторических судеб. Проблема историзма на Балканах — и это становится очевидным при сравнении с русским искусством — перерастает границы собственно-эстетического, что и составляет одно из главных свойств балканской художественной традиции. Вся амальгама ее противоречивого строя предстала в историзме искусства.

В образе исторического времени на Балканах в широком диапазоне его проявлений — от эпически-цикличного в живописи, метафорически-дискретного в архитектуре до всеобъемлющего мифотворчества у И. Мештровича — история предстает как сказка. Мир перевернутых значений, временной поток, направленный вспять, — дань фольклористичности регионального ху-

дожественного сознания, ибо «для культуры балканских стран роль народного творчества была особенно велика»²⁴. Близость профессионального искусства народной духовной культуре — это и указание на прочность барочных традиций на Балканах, сплавленных с реминисценциями поствизантийской цивилизации. Очевидным становится влияние народного барокко на эстетические представления балканских художников более поздней эпохи — второй половины XIX — начала XX в.— с их смелым выходом в действительность, с одной стороны, и ее романтико-поэтическим осмыслением — с другой.

Выход за рамки художественной условности, эстетическая редуцированность образного мышления породили не только условность особого рода, так называемые «внестилевые», пограничные явления искусства (явление «примитива» в греческой живописи середины XIX в., парсунный портрет в Воеводине начала XIX в.), но и особого рода художественный мир «зазеркалья». Явления, аналогичные явлениям европейской культуры, и в частности историзм, обретали здесь иную функцию и при видимом сходстве — иное содержание. Художественная идея истории накладывалась здесь на понимание истории как одного из предметов здимого мира, одновременно помещая его в контекст своей национальной истории и острания до плана всеобщего мифа, повинуясь велению фольклорного сознания.

В этом мире смешанных значений произведение живописи на историческую тему становится заместителем самой истории, ибо выполняет функцию не столько эстетического продукта, сколько манифеста общественно значимой деятельности; архитектурное творение становится архетипическим слепком идеи национального прошлого, а скульптура И. Мештровича — символическим двойником многотрудного пути искусства на Балканах.

Всякая становящаяся культура подтверждает свою жизнестойкость в способности перерабатывать чужие и порождать собственные «тексты». Искусство балканских народов в своем профессиональном становлении во второй половине XIX в. обладает внутренним противоречием: здесь чужое, перестав быть чужим, не стало и своим, свое же не нашло возможности для полного творческого воплощения. Замечательное своеобразие балканской художественной традиции на этапе ее выхода к рубежам нового столетия следует искать не столько в реализованном, сколько в потенциальном. А заслуги ее носителей — не в отдельных достижениях, а в том героизме, с которым они противостояли обстоятельствам.

¹ Фридлендер Г. М. История и историзм в век Просвещения // Проблемы историзма в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. Л., 1981. С. 68, 71.

² Отдавая себе отчет в неповторимом своеобразии каждой из национальных культур Балканского полуострова, мы тем не менее, настаивая на общности судеб балканского художественного региона, будем вести свои рассуждения, приняв за основу это общеродовое понятие.

- ³ Об общественном характере художественных движений на Балканах XIX в. см.: Полевой В. М. О некоторых вопросах развития национального искусства нового времени в странах балканского региона // Культура народов Балкан в новое время. М., 1980. С. 17–22.
- ⁴ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 177–182.
- ⁵ Дејан Медаковић. Српски сликари. Београд, 1968.
- ⁶ Лърова Е. П. Изобразителное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения. М., 1975. С. 86–117.
- ⁷ Полевой В. М. Искусство Греции: Новое время. М., 1975. С. 174–198.
- ⁸ Anton Azbe in пјегова sola. Ljubljana, 1962.
- ⁹ О проблеме времени в живописном произведении с точки зрения формальной структуры см.: Виппер Б. Р. Проблема времени в изобразительном искусстве // 50 лет Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1962. Проблема образного осмысливания времени в русском искусстве XIX в. посвящена статья Г. Г. Поспелова «О понимании времени в живописи 1870–90-х гг.», опубликованная в кн.: Типология русского реализма второй половины XIX века. М., 1979.
- ¹⁰ Сарабьянов Д. В. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., 1980. С. 142.
- ¹¹ Определение принадлежит Д. В. Сарабьянову.
- ¹² Очевидно, этот композиционный прием — более чем романтический штамп. Аналогичное решение мы находим и у других живописцев Сербии. См., например, картину С. Тодоровича «Гайдук Велько у пушки» (1860. Нац. музей. Белград).
- ¹³ Не случаен факт его прямых контактов с Россией: известно, что в Мюнхене в 90-х годах П. Иванович очень сдружился с русским художником П. Рунге — автором живописи Бородинской панорамы.
- ¹⁴ Сарабьянов Д. В. Русская живопись ... С. 146–148.
- ¹⁵ Конев И. Историческая мысль балканских народов XVIII века // Культура народов Балкан в Новое время. М., 1980. С. 37. (Балканские исследования; Вып. 6).
- ¹⁶ См.: Михайлов А. В. О художественных метаморфозах в немецкой культуре XIX века // Литература и живопись. Л., 1982. С. 227–251.
- ¹⁷ Кириченко Е. И. Историзм мышления и тип музеиного здания в русской архитектуре середины и второй половины XIX века // Взаимосвязь искусств в художественном развитии России второй половины XIX века. М., 1982. С. 153.
- ¹⁸ Борисова Е. А. Архитектура в творчестве художников Абрамцевского кружка // Художественные процессы в русской культуре второй половины XIX века. М., 1984. С. 138.
- ¹⁹ См.: Генезис и развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1978.
- ²⁰ Кудрявцев А. П. Архитектура Румынии // Там же. С. 480.
- ²¹ См.: Нечкемет Д. Мештрович. Загреб Любляна, 1970. С. 11.
- ²² Jugoslovenska skulptura, 1870–1950. Beograd, 1965. S. 19.
- ²³ Гачев Г. Д. Космос Достоевского // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 110–124.
- ²⁴ Лърова Е. П. Искусство болгарского Возрождения в системе балканской художественной культуры // Балканские исследования. Вып. 6. С. 96.

Русские газеты 1917 г. о вступлении Греции в первую мировую войну

О. В. СОКОЛОВСКАЯ

В середине ноября 1916 г. в парижском предместье Шантильи состоялась очередная военная конференция союзников по Антанте. Были подведены итоги военной кампании за минувший год и намечены планы на приближающийся 1917 год. Все собравшиеся говорили о необходимости добиться в новом году решительного перелома в ходе войны и назначили начало генерального наступления на главных фронтах с одновременным ударом по врагу русской армией и активизацией военных действий на Салоникском фронте на первую половину февраля 1917 г.¹

В отношении Салоникской армии между союзниками существовали серьезные разногласия. В английских и итальянских военных и политических кругах ощущалось стремление свернуть военные действия. Напротив, представители Франции и России высказывались за пополнение Салоникской армии и за нанесение удара по турецким и болгарским войскам, которые упорно удерживали свои позиции, с юга Балканского полуострова.

В тылу союзнических сил на этом участке фронта находились греческие войска, возглавляемые прогермански настроенным королем Константином. Объявив в начале мировой войны нейтралитет, греческий король, непоколебимо веривший в силу и непобедимость германской военной машины, оказывал кайзеровской Германии посильную помощь и проводил враждебную по отношению к державам Согласия политику. Поэтому вопрос о дальнейшей судьбе Салоникского фронта смыкался с вопросом о необходимости определения позиций великих держав в отношении Греции. В мае-июне 1916 г., уступив просьбам Вильгельма, греческий король отдал приказ о сдаче важного пограничного форта Рупель, а затем Каваллы, Сереса и Демир Гисара болгаро-немецким войскам, что вызвало взрыв негодования в стране и положило начало так называемому венизелистскому движению.

В ответ на действия Константина державы Антанты произвели в мае первую непродолжительную блокаду берегов Греции. Командующий союзными войсками в Салониках генерал М. Саррайль потребовал в июне демобилизации греческой армии и других политических гарантий. Дав на это формальное согласие, афинское правительство не торопилось выполнять требования Антанты.

В августе-сентябре союзники высадили военный десант в Пирее и Саламине, захватили весь греческий военно-морской флот. Они поощряли деятельность возникшего в Греции национального движения, руководство которым с самого начала ока-

залось в руках главы созданной в 1910 г. либеральной партии, сторонника держав Антанты Элефтериоса Венизелоса.

Венизелос, подняв в августе 1916 г. антиправительственный мятеж на Крите и создав там Временное правительство, вскоре перенес его резиденцию в Салоники, где располагалась штаб-квартира генерала Саррайля, и начал формировать там греческую национальную добровольческую армию из жителей Северной Греции и островов.

В результате Греция оказалась расколотой на две части: одну — со столицей в Афинах и монархическим правительством Ламброка; другую — со столицей в Салониках, где заседало Временное правительство Венизелоса. Между двумя территориями была установлена нейтральная зона.

Западные союзники всячески содействовали сосредоточению сторонников Венизелоса в Салониках, осуществляли на своих кораблях переброску добровольцев из Старой Греции и островов².

Позиция короля Константина становилась все более враждебной державам Согласия. В Афинах происходили антисоюзнические манифестации, в городах Старой Греции орудовали так называемые «резервисты», сторонники короля, Германии и сохранения нейтралитета; усилилась антивенизелистская пропаганда. В начале октября союзники потребовали отвода греческих войск из Фессалии на Пелопоннес, т. е. подальше от Салоникского фронта. Однако это требование под разными предлогами не осуществлялось. 18 и 19 ноября (1 и 2 декабря) в Афинах произошло открытое выступление против Антанты — была открыта стрельба по морским командам союзников. 20 числа союзники подавили «мятеж» и восстановили порядок в столице³.

Декабрьские события в Афинах развязывали Антанте руки. Объявленная 25 ноября блокада берегов части Греции, находящейся под контролем короля, должна была «облегчить» задачу по вовлечению Греции в войну. Франция взяла курс на усиление проантантовского венизелистского движения в греческом королевстве и низложение короля Константина.

Политика царского правительства в вопросе о привлечении Греции на сторону Антанты была двойственной. Будучи не менее Франции заинтересовано в создании благоприятных условий для развертывания военных действий на Салоникском фронте, который должен был взаимодействовать с южным флангом русской армии, и даже выступая с предложением об увеличении сил армии Саррайля, правительство России в то же время боялось усиления проантантовского движения, идеологическим знаменем которого все чаще становились шовинистические лозунги создания Великой Греции со столицей в Константинополе. Однако в конце 1916 г. существовали более веские аргументы, которые заставили царизм присоединиться к решениям англо-французской дипломатии по греческому вопросу. Одним из них явилось быстрое поражение румынской армии в осенней кампании 1916 г., что вынудило Ставку взять на себя новый фронт, пролегший от

Карпат до Дуная. Понятно, что в создавшихся условиях отвлечение сил неприятеля к Салоникам отвечало стратегическим замыслам русского командования⁴. Получив дополнительные заверения союзников в правомерности притязаний России на Черноморские проливы с прилегающим побережьем, Константинополем и близлежащими островами, а также нуждаясь в дальнейшей поддержке Англии и Франции в этом вопросе, русское правительство уступило в греческих делах. В декабре 1916 г. новый министр иностранных дел России, убежденный антантофил Н. Н. Покровский принял в Петрограде представителя Временного правительства Венизелоса и вступил с ним в переговоры.

Последующие события способствовали победе французской точки зрения, приведшей к вовлечению Греции в войну летом 1917 г.

Начиная с осени 1916 г. русская пресса, особенно ведущие буржуазные газеты, уделяла значительное место событиям, развернувшимся в Греции. На страницах газет различных направлений, издававшихся в Петрограде и Москве, печатались обширные военные обзоры, международные обозрения, редакционные статьи о событиях на Балканах, позиции великих держав в отношении Греции, отражавшие политические установки этих газет. С начала 1917 г. почти ежедневно публиковались телеграммы корреспондентов Петербургского телеграфного агентства (ПТА) из Греции, сообщения собственных корреспондентов из Афин и Салоник, в которых достаточно подробно освещались многие стороны внутриполитического положения в стране: отношение различных слоев греческого общества к войне, судьба республиканского и венизелистского движения, политика Антанты в Греции. Газеты — один из важнейших и интереснейших исторических источников, который содержит не только констатацию фактов, но и дает наиболее живую оценку случившегося, как в зеркале отражая состояние умов общества. Это богатейший и практически не исследованный еще источник позволяет не только дополнить наши знания по греческой истории, но и по-новому взглянуть на отношение различных политических группировок России к греческому вопросу в бурный 1917 год.

В статье использовались материалы газет капиталистических и финансовых кругов России, а также либерально-буржуазная пресса, печатные органы октябристов, кадетов, эсеров. Наличие большого числа оттенков затрудняет в ряде случаев четкое определение принадлежности газеты к какой-либо определенной партии. В начале 1917 г., т. е. за два месяца до падения царского режима, большинство буржуазных и даже монархических газет выступали с критикой отдельных сторон внешней политики царского правительства. Даже такой лояльный по отношению к Николаю II орган, как «Новое время», рупор реакционного дворянства, помещичьих и чиновно-бюрократических кругов России, писал о своем неодобрении курса внешней политики царизма в отношении Греции. После февральской революции буржуазные

и даже монархические газеты встали на сторону Временного правительства и пропагандировали войну «до победного конца».

С этого времени позиция газет по отношению к греческому вопросу зависела от того, интересы какого из лагерей — официально правительенного, либерально-буржуазного или реформистски соглашательского — она отражала. Особую интернационалистскую позицию занимала большевистская печать. Безоговорочно в поддержку венизелистского движения в Греции и за низложение прогермански настроенного короля Константина выступил «Вестник Временного правительства». Правительственную линию защищали «Петербургские ведомости». «Новое время» ежедневно сообщало «Новости Балканского фронта», печатало телеграммы собственных корреспондентов и ПТА из Афин и Салоник, с апреля 1917 г. ввело постоянную подрубрику «К событиям в Греции». Газета начиная с конца 1916 г. подробно излагала и давала свою оценку греческим событиям, претендуя на роль выразителя общественного мнения России.

Значительное место уделяли Греции близкие октябристам и кадетам «Биржевые ведомости», орган московских промышленников и банковских магнатов «Утро России», издававшийся в 1907—1918 гг. П. П. Рябушинским. Имея большой штат собственных корреспондентов за границей, в том числе в Афинах и Салониках, эти газеты давали ценный информативный материал.

Широко освещала события международной политики, положение в Балканских странах, в том числе в Греции, либеральная пресса, защищавшая империалистические интересы России на Балканах. Такова крупная буржуазно-либеральная газета т-ва И. Д. Сытина «Русское слово», центральный орган кадетской партии газета П. Н. Милюкова «Речь», в меньшей степени — «Русская воля» и, наконец, орган правого крыла кадетов «Русские ведомости».

Чрезвычайно интересный материал для изучения проблем, связанных с политикой Антанты в Греции, давал орган генштаба «Русский инвалид», издававшийся в Петрограде. Газета публиковала подробные военные и военно-морские обзоры с Балканского полуострова, заметки военных корреспондентов и телеграммы ПТА из Греции. В своих материалах военные журналисты проводили мысль о необходимости обезопасить тыл Салоникской армии, нейтрализовав греческого короля, активизировать операции армии генерала Саррайля, которая должна была взаимодействовать с южным флангом русской армии. Газета ратовала за «войну до победного конца». С 2(15) июня 1917 г. она стала называться «Армия и Флот свободной России».

Греция в меньшей степени занимала умы сотрудников эсэровского «Дела Народа», редактируемого Керенским, меньшевистских и других изданий. К сожалению, демократическая печать, долгое время находившаяся под запретом и подвергавшаяся строжайшей цензуре, не имела большого штата заграничных сотрудников и не могла столь же широко освещать международные

события. В связи с этим в статье подвергаются анализу преимущественно буржуазные русские газеты 1917 г.

С разоблачением антинародной политики царизма и Временного правительства на подлинно революционной основе выступала печать нового типа — большевистская газета «Правда», возглавившая общенародное движение против войны. Решение о восстановлении газеты было принято 2(15) марта 1917 г. на заседании бюро ЦК РСДРП. После возвращения 5(18) апреля из-за границы В. И. Ленина, вошедшего в состав редакции и возглавившего ее, «Правда» заняла четкую позицию по всем политическим вопросам, блестящим примером чему может служить, в частности, полемическая статья В. И. Ленина о событиях в Греции «Над кем смеешься? Над собой смеешься!», разоблачившая империалистическую сущность первой мировой войны и политику держав Антанты в отношении греческого государства.

* * *

В дискуссионной проблеме о необходимости продолжения Салоникской операции и связанном с этим вопросе об отношении к греческому королю русская буржуазная пресса проявляла полное единодушие.

Еще в начале октября 1916 г. близко стоявшее к правительенным кругам России «Новое время» писало: «Все требования [держав Антанты] ходят вокруг и около дела, отнюдь его не касаясь: убрать Константина никто не решается, а на все остальное Константин согласен, лишь бы выиграть время». Газета заканчивала статью словами: «Самое грустное в этой недостойной комедии — это то, что кровь в Салониках льется и общее наступление Саррайля тормозится»⁵. Того же мнения придерживалась и газета московских промышленников и финансистов «Утро России», которая в редакционной статье «Балканская конъюнктура» приводила доводы, подтверждающие настоятельную необходимость продолжения Салоникской операции⁶.

Римская межсоюзническая конференция, состоявшаяся 5—7 января 1917 г., являлась своеобразной вехой во взаимоотношениях союзников с Грецией. Несмотря на существовавшие между ними разногласия, восторжествовала точка зрения о необходимости пополнения армии Саррайля. Решено было предъявить королю Константину ультиматум: в течение двух недель принять все ранее сформулированные требования, иначе Саррайлю будет предоставлена свобода действий (или, как выражались составители ультиматума, «свобода» в выборе мер по осуществлению безопасности Салоникской армии). Если же афинское правительство проявит послушание, решено было облегчить условия блокады и не допускать вторжения войск Венизелоса на территории, находившиеся под властью Афин. Державы оставляли за собой право оккупации «в военных целях» любых территорий, контролируемых роялистами⁷.

В очередной редакционной статье «Утра России», опубликованной после окончания конференции, с удовлетворением констатировалось, что «туман, покрывающий политические горизонты Греции, начинает рассеиваться», чему способствует «жесткая политика» великих держав в отношении греческого короля и что, в свою очередь, «является показателем бесповоротного решения союзников продолжать начатую салоникскую операцию до конца, вопреки взглядам, появившимся на столбцах некоторых газет, дружественных нам...» (далее шло отточие. Имелись в виду, видимо, газеты держав Англии и Италии.— *O. C.*).

Согласие афинского правительства исполнить все требования союзников⁸, по мнению газеты, гарантировало безопасность тыла союзной армии, оперировавшей на Салоникском фронте. Однако газета сомневалась в искренности действий Константина. «Ответ Греции,— писало „Утро России“,— нельзя считать вполне ясным и определенным при создавшейся в данное время сложной политической обстановке на Балканах». По мнению этой же газеты, «принимая во внимание, что последние требования союзников вызвали враждебные манифестации в Афинах и Пирее, а греческое правительство короля Константина согласилось исполнить требования лишь под угрозой ультиматума... отношения между официальной Грецией и державами Согласия все же не могут покояться на прочных началах». А потому «Утро России» предлагало, во-первых, восстановить союзнический контроль над деятельностью греческого правительства, что являлось «необходимой гарантией для будущей политико-стратегической деятельности союзников на южно-балканском театре»; во-вторых, «обезвредить» германофильские официальные круги, добиться объединения двух правительств в явном расчете на преобладание венизелистов». Это, по мнению газеты, «открывало перспективу успешного доведения до конца Салоникской операции».

Газета «при сложившейся общей военной обстановке на театрах мирового пожарища войны» оптимистически расценивала «новую военную кампанию против Турции». «Удар по Дарданеллам,— писала она,— или создание фронта в одном из районов малоазиатского побережья, или крупные десантные операции на побережье Сирии могли бы, полагаем, сыграть решающую роль в дальнейшей судьбе Оттоманской империи и ускорить откол ее от германского союза»⁹.

Либерально-буржуазные «Биржевые ведомости» в передовице от 9 января 1917 г. в резкой форме требовали от правительства Антанты решительных действий в отношении короля, который «явно уклонялся от добросовестного и искреннего выполнения союзнических требований». Газета настойчиво предлагала оставить «путь словесных домогательств как явно бесполезный» и выделяя крупным шрифтом: «нужны не слова, а действия». «Наиболее обеспечивающим средством», по ее мнению, «явилась бы времененная изоляция наиболее вредительных афинских германофилов». А тем временем правительство Венизелоса, при ко-

тором уже аккредитованы дипломатические представители держав Согласия, должно быть переведено в Афины¹⁰. Таким путем следовало добиваться вовлечения Греции в войну на стороне Антанты.

Стремясь оправдать действия «держав-покровительниц», «Биржевые ведомости» в передовице, посвященной греческому вопросу, писали, что «союзники с самого начала не преследовали целей вовлечения Греции в кровавый омут». Они единственно желали: обеспечить на Балканах свои стратегические интересы и избавить армию генерала Саррайля от всяких случайностей. «Если бы оказалось,— убеждала читателей газета,— что король Константин действительно с полной искренностью подчинится требованиям держав Согласия, то задача союзников, осуществленная мирными способами, была бы самым счастливым образом разрешена, ибо у союзников вовсе не было желания вооруженной рукой обрушиваться на государство, которое ими же создано»¹¹. Таким образом, русские буржуазные газеты вслед за французскими и английскими всю вину за вовлечение Греции в войну стремились переложить на ее монарха.

Воспользовавшись «мирной инициативой» президента США Вильсона, греческий король обратился к нему с жалобой на действия союзников, которые не дали Греции возможности «блести ее нейтралитет». «Это они,— не без основания писал Константин,— поощрением венизелистского движения разорвали страну на две враждующие части, это они отрезали Грецию от непосредственного общения с „некоторыми“ европейскими государствами и вдобавок еще применяют теперь сюровую блокаду»¹².

«Биржевые ведомости» поместили по этому поводу очередную редакционную статью «Жалобы обиженных», в которой не скрывали беспокойства, что эти жалобы могут создать чрезвычайно «невыгодное впечатление в культурном мире», в то время как «союзники, не в пример Германии, крайне дорожат общественным мнением нейтральных стран» и одной из основных задач в войне «поставили себе... именно устроение судеб малых народностей». Газета призывала немедленно рассеять это неприятное впечатление и «с помощью дипломатического скальпеля» вскрыть истинную причину поведения союзников в Греции, объясняемую будто бы германофильством короля Константина¹³.

Вместо ответа греческому королю правительство США, намеревавшееся в ближайшее время вступить в войну на стороне Антанты, призвало нейтральные государства четче определить свою позицию в войне. Забегая вперед, скажем, что в конце апреля Вашингтон официально признал Временное правительство Э. Венизелоса.

Материалы о действиях «банд резервистов», о создании минных полей вдоль Коринфского канала и другие сообщения подобного рода призваны были скомпрометировать греческого короля и создать у читателя определенный настрой.

В редакционной статье «Греческие зигзаги» «Биржевые ве-

домости», считая, что «нынешнее афинское правительство вообще органически не способно честно и добросовестно выполнить свои обязательства, раз выполнение их идет вразрез с интересами Берлина», спрашивали: «Имеет ли вообще смысл ожидать „искренности“ хотя бы подневольной, от берлинского филиала при дворе короля Константина?» Вывод газеты был таков: «Если в течение ближайших дней окажется, что уклонение и военные хитрости продолжаются, то союзники должны будут взять в собственные руки выполнение тех политических заданий, которые представляются необходимыми для полной безопасности тыла армий генерала Саррайля»¹⁴.

На состоявшейся за неделю до падения царского режима в России Петроградской конференции союзников было решено начать генеральное наступление на всех фронтах в апреле 1917 г. Уже в последние месяцы существования царского правительства русская буржуазная пресса поддержала инициативу западных держав по вовлечению Греции в войну, делая основной акцент на военном аспекте проблемы — безопасности тыла Салоникской армии, включающей к этому времени значительные силы союзников — французские, английские, итальянские, русские войска, а также всю сербскую армию.

* * *

Пришедший к власти в результате Февральской революции класс буржуазии и Временное правительство в целом продолжили прежнюю империалистическую внешнюю политику царизма, желая получить обещанные Антантою компенсации. С этой целью на первый план выдвигалась задача «единения усилий союзников», в том числе в греческом вопросе. Однако существование наряду с Временным правительством Совета рабочих и солдатских депутатов заставляло маскировать эти цели, придавая им по возможности демократическую форму.

14 марта «Утро России» поместило под рубрикой «Судьба короля Константина» телеграмму ПТА из Копенгагена, в которой сообщалось: «В греческих кругах полагают, что Константин, лишившись ввиду русской революции главной поддержки в лице бывшего царя, будет свергнут с престола союзниками»¹⁵.

Подавляющее большинство греческого народа встретили с большим энтузиазмом сообщения о русских событиях. Так, собственный корреспондент «Утра России» Э. Рафаил передавал 10(23) марта из Афин, что «общественное мнение всей Греции всецело на стороне русского народа», а корреспондент ПТА телеграфировал из Салоник, что там по инициативе греческих политических ассоциаций состоялся грандиозный митинг, на котором «население Салоник восторженно выразило свою глубокую радость и восхищение по поводу обновления России». Мэр города С. Энгелаки приветствовал «победу России над тиранией абсолютизма» и выразил пожелание, чтобы «столь же успешно увен-

чалась конечным торжеством борьба греческого народа с тираном и изменником королем Константином»¹⁶.

Собственный корреспондент «Биржевых ведомостей» в Афинах Н. Амира передавал, что свержение Николая II вызвало переворот в греческих дворцовых кругах. В резиденции королевича Николая спешно была созвана вся королевская семья на фамильное совещание «ввиду серьезной опасности, угрожающей греческой династии»¹⁷.

Тот же корреспондент сообщал, что «русская революция и присоединение Америки* произвели глубокое впечатление на эллинский народ». «Он видит теперь,— писал он,— что король Константин с его германофильской политикой ведет его страну к изоляции от мировой демократии». Корреспондент спрашивал в конце: «Может ли теперь союзная дипломатия мешать греческому национальному движению?»¹⁸ Так прежний империалистический курс преподносился прессой в демократической обертке.

В апреле русские газеты пестрели сообщениями о «развитии венизелистского движения», о росте антидинастических настроений, переходе солдат и офицеров королевской армии в ряды сил салонического правительства, о безоговорочной поддержке правительства Венизелоса всеми греческими колониями в России, Франции, США, Австралии, о министерском кризисе в Афинах в связи с обострившимися отношениями Греции с союзниками и отставке германофильского правительства Ламброка.

Газеты быстро реагировали на активизацию держав Антанты в Греции. На совещании англо-французской дипломатии по греческому вопросу, состоявшемся в феврале 1917 г. в Фолькстоне, было достигнуто согласие по стратегическим и тактическим вопросам. Французский премьер и министр иностранных дел А. Рибо считал необходимым заключение такого же соглашения с итальянским кабинетом Соннино, который уклонялся от участия в коллективных демаршах союзников. Такое соглашение значительно расширило бы программу действий в Греции, установленную Римским совещанием¹⁹. С этой целью в Савойе в начале апреля состоялось свидание Ллойд Джорджа, Базили и Соннино. Как сообщил по этому поводу 8(21) апреля Извольский П. Н. Милюкову, «французское правительство ввиду явного неисполнения греческим правительством принятых им обязательств считает державы свободными от данных ими обещаний и требует более энергичной политики по отношению к Греции и к королю Константину». В итоге совещания за французским правительством признавалась свобода действий в Греции, причем не исключалась возможность свержения греческого монарха²⁰.

Русская дипломатия, возглавляемая лидером кадетов П. Н. Милюковым, сделавшая упор на ближневосточную политику в надежде утвердиться на проливах, согласилась поддержать Францию в греческом вопросе²¹. Временное правительство прекратило

* То есть вступление США в войну на стороне Антанты (6)19 апреля 1917 г.

поддержку короля Константина и предало забвению прежнее обещание не содействовать распространению венизелистского движения в Греции²². В русской буржуазной печати это следование за Лондоном и Парижем отразилось в публикации многочисленных материалов английской и французской печати. «Утро России» опубликовало призыв французского журналиста Жака Эрбета в «Echo de Paris» «немедленно очистить гнездо предательства, свитое вокруг греческой королевской семьи, дабы обеспечить тыл армии Саррайля»²³. Собственный корреспондент «Вестника Временного правительства» передавал из Парижа: «Здешняя печать указывает на чрезвычайную серьезность положения в Греции и на неизбежность немедленного, логически вытекающего и определенного вмешательства, диктуемого Державам согласия сознанием их прав и обязанностей по отношению к делу правосудия...» Клемансо в «Homme enchaîné» воскликнул: «Давно пора открыть наши карты!»²⁴ Накануне общего генерального наступления союзников, в том числе на Салоникском фронте, в унисон с западными газетами стали выступать многие русские официальные печатные органы. Так, по мнению военного обозревателя «Русского инвалида» Г. Клерже, «генералу Саррайлю необходимо было теперь же язык дипломатов заменить жерлами пушек и пулеметов»²⁵.

19 апреля 1917 г. на встрече в Сен-Жан Де Морьян англо-французские империалисты разделили сферы влияния на Ближнем Востоке, согласившись передать Смирну (Измир) Италии, чем окончательно склонили ее на свою сторону. Теперь, по мнению Рибо, Франция могла считать себя совершенно свободной от обязательств по отношению к афинскому правительству. С этого момента Франция не скрывает своей цели — свержение Константина²⁶.

Решения апрельского совещания в Париже сводились по вопросу о Греции к расширению союзнической оккупации и поощрению венизелистского движения²⁷. Новый состав Временного правительства России немедленно согласился с этим решением, считая необходимым единение с союзниками в сложных военно-политических условиях.

В конце апреля «Утро России» выступило еще с одной передовой статьей, направленной против греческого короля Константина и его коронованных родственников. Указывалось, что причиной неудачи «революционного движения в Греции, начатого Венизелосом», было «давление» некоторых кругов держав Согласия. «Цензурные условия при царском правительстве; — писала газета, — не позволяли указывать на них прямо. Сейчас ни для кого не тайна, что это за „влиятельные круги“». Надо только вспомнить, что мать короля Константина великая княгиня Ольга Константиновна с самого начала европейской войны жила в России и была весьма близка к бывшим русским придворным сферам, в которых она пользовалась значительным влиянием, и неоднократно убеждала Николая II выступить в защиту своего

кузена, несмотря на явно германофильскую политику последнего». В то же время газета справедливо подчеркивала, что в деле оказания поддержки королю Константину против Венизелоса «играл роль не один только русский двор». «Тут несомненно оказал давление на свое правительство и английский кузен короля Константина — король Георг и его мать, родная тетка греческого короля, вдовствующая английская королева. На это не раз довольно прозрачно намекали в английском парламенте. Об этом говорит и знаток Балкан Аббат в своей недавно вышедшей книге „Турция, Греция и великие державы“». Рупор московских промышленников высказывал предположение, что, так как «с падением Романовых положение Константина несомненно пошатнулось, очевидно, настанет время, когда Венизелосу будет снова предоставлена его „союзниками“, Державами согласия, некоторая свобода действий»²⁸.

Начиная с января-февраля 1917 г. в русской прессе появились сообщения о начавшемся в результате блокады греческого побережья голоде в Старой Греции, что, по мнению держав, должно было вызвать недовольство народа против короля Константина и его правительства. «Население очень страдает от блокады,— передавал Э. Рафаил из Афин.— В некоторых округах буквальный голод, официально зарегистрирован ряд случаев смерти и истощения. В Янине — 6 человек, Мессини — 5, Превезе — 7. В других округах полное отсутствие хлеба, муки и всяких продовольственных продуктов. Призрак голода угрожает всей стране»²⁹. В результате блокады улицы погрузились во тьму, множество предприятий закрылось, лишая греческих трудящихся заработка. Все это вызывало сильное недовольство населения афинским правительством, которое вскоре стало выражаться открыто. По сведениям «Биржевых ведомостей», в Волосе, Ларисе, Триkkele состоялись митинги протеста против политики короля под лозунгами «Мы умираем с голоду!», «Дайте нам хлеба!»³⁰. Сообщалось о возможности восстания в Старой Греции и недовольстве рабочих³¹. Вскоре та же газета сообщала о демонстрации в порту Пирея с требованием поддержки Венизелосу³².

В сообщениях говорилось о «многочисленных побегах солдат из королевской армии», вызванных голодом³³. «Вестник Временного правительства» поместил информацию о полном прекращении продажи хлеба в Афинах, о продолжающемся политическом кризисе и безуспешных попытках правительства его преодолеть³⁴.

Серьезное недовольство населения правительством и королем, которых венизелисты вслед за союзниками обвиняли во всех бедах, обрушившихся на Грецию, способствовало усилиению республиканского движения в стране.

26 мая в Салониках состоялся митинг с участием более 40 тыс. человек. В резолюции, «принятой громкими возгласами одобрения», как сообщали русские корреспонденты, говорилось о низвержении правящей династии и требованиях объявления моби-

лизации. Резолюция была встречена возгласами: «Да здравствует четверное согласие! Да здравствует Венизелос! Да здравствует республика!»³⁵ «Вестник» и «Новое время» одновременно поместили телеграмму ПТА о состоявшемся в Афинах 1 мая рабочем собрании, на котором председательствовал греческий социалист Дракулис, стоявший в то время на соглашательской позиции. Он заявил, что «только победа союзников обеспечила бы продолжительный и прочный мир, в котором нуждается рабочий класс». По его словам, война должна продолжаться до тех пор, пока союзники не победят. Большинство присутствовавших голосовали за резолюцию, в которой говорилось, что греческий рабочий класс желает мира, но мира «негерманского»³⁶.

В это время слабый в политическом отношении рабочий класс Греции, не имевший еще своей организации, видел выход из создавшегося положения в низложении династии, провозглашении в стране республиканского строя, создании нового национального правительства во главе с Э. Венизелосом, как единственным настоящим политическим лидером в Греции, и вступлении в войну на стороне Антанты. Документы тех лет свидетельствуют, что Венизелос знал об отказе союзников способствовать установлению республиканского строя в Греции (это было решено в ходе встречи Ллойд Джорджа, Базили и Соннино в Савойе в апреле 1917 г.)³⁷, но стремился поддержать в греческом народе иллюзию своих республиканских настроений. Корреспондентам западных газет он заявил, что вступление США в войну и революционный переворот в России произвели глубокие изменения в его взглядах и что если раньше он был убежденным приверженцем конституционной монархии, то в настоящее время «считает единственным спасением для Греции установление республики»³⁸.

С начала мая буржуазная пресса России почти ежедневно помещает сообщения из Греции, показывающие усиление республиканского движения в стране, телеграммы о митингах в различных греческих городах с требованием свержения Константина и поддержки Венизелоса и союзников. В телеграмме ПТА, помещенной 21 мая (3 июня) в «Новом времени», говорится: «Лiberальные круги греческого общества заявляют, что никакой компромисс не возможен более между либеральной Грецией и царствующей династией, т. е. они представляют собой два совершенно различных мира идей и стремлений. Между ними существует такое же непримиримое и глубокое противоречие, как между режимом демократической России и автократическими стремлениями династии Гогенцоллернов. Всякий компромисс лишь приостановит, но не уничтожит болезнь». Вывод был таким: «Необходима радикальная операция»³⁹.

«Радикальная операция» вскоре была успешно произведена французской и английской дипломатией при ассистировании военно-морского флота, высадившего десант в Старой Греции. План операции был согласован в начале мая на встрече Ллойд

Джорджа и Рибо. Франция добилась долгожданной свободы рук в Греции, за что Англия получила согласие на отвод части своих войск с Салоникского фронта, военные действия на котором, предпринятые в конце апреля — начале мая Саррайлем, потерпели полный провал⁴⁰.

Временное правительство понимало, что осуществление этого плана вело, во-первых, к усилению в Греции влияния Франции; во-вторых, ослабляло возможность взаимодействия салоникских сил с русской армией, ибо отвлекало часть армии Саррайля для участия в перевороте; в-третьих, было чревато осложнением политического положения на Балканах в случае возникновения гражданской войны в Греции; наконец, пугали Петроград и великодержавные устремления Венизелоса, о которых в отличие от русской прессы дипломатия и правительство были в достаточной степени информированы. Поэтому на запрос Рибо об отношении России к англо-французскому плану переворота в Греции 19 мая новый министр иностранных дел М. Н. Терещенко дал отрицательный ответ, расценив переворот как «несвоевременный и опасный», «не отвечающий общесоюзническим интересам»⁴¹.

Союзники, не считаясь с мнением «временных», приступили к осуществлению давно подготавливаемой операции.

В конце мая 1917 г. в Афины со специальной миссией прибыл известный французский дипломат Жоннар, назначенный «верховным комиссаром» союзных держав, а 1 июня от имени трех держав-покровительниц — Англии, Франции и России (несмотря на ее несогласие) — в ультимативной форме, угрожая высадкой 10-тысячного десанта, он потребовал отречения короля Константина и опубликовал воззвание к греческому народу о восстановлении конституционных прав и единства Греции и о снятии блокады. В случае противодействия великим державам он угрожал Греции репрессиями⁴². По сообщению «Нового времени», к греческой столице были подтянуты военные силы союзников — 10 больших союзных транспортных судов с войсками; 4(17) июня они начали высадку в Пирее, на Коринфском перешейке⁴³; войска союзников продвинулись в нейтральную зону в Фессалии⁴⁴.

Чтобы успокоить Временное правительство России, французская дипломатия пошла на некоторые формальные уступки ему в других вопросах. Терещенко вынужден был смириться и уже 7 июня сообщал российским посланникам в Лондоне и Париже, что Временное правительство считает «неудобным отделяться от союзных правительств в деле признания факта совершившегося переворота»⁴⁵. По сообщению корреспондента «Нового времени», известие об отречении было встречено населением Старой Греции спокойно. Преемником Константина назначался его второй сын, королевич Александр⁴⁶. Все это осуществлялось под аккомпанемент «успокоительных» речей антантовской дипломатии. Особенно старался французский министр иностранных дел Рибо: «Державы покровительницы отнюдь не стремятся к насилию над

Грецией, а только к примирению двух враждующих сторон для действительного блага страны»⁴⁷.

Буржуазная пресса на Западе и в России, давно осуждавшая союзную дипломатию за ее мнимую нерешительность по отношению к королю Константину, встретила с энтузиазмом сообщения об этих событиях. 1(14) июня русские газеты почти всех направлений в передовицах одобрили его.

Близкая к Временному правительству кадетская газета «Русские ведомости» писала: «Случилось только то, чему уже давно пришлось бы нам быть свидетелями, если бы Франция не вынуждена была считаться с желаниями бывшего русского царского двора». По мнению газеты, «русская революция развязала... французской Республике в этом отношении руки». Газета констатировала: «Не подлежит сомнению, что изо всех стран, оставшихся в нейтралитете, Греции пришлось от мировой войны испить самую горькую чашу страданий». Однако причину их кадетская газета усматривала лишь «в разни между германофильским королем и опиравшимся на большинство палаты депутатов крупнейшим греческим политическим деятелем Венизелосом». Газета полагала, что теперь, «когда разорвана будет... опутавшая ее международная сеть лжи и все вещи будут названы своими собственными именами... Греции станет все же легче»⁴⁸.

Газета генштаба России ликовала: наконец-то длительный кризис в отношениях между союзниками и Грецией получил свое «радикальное разрешение» и «устранены причины, парализовавшие свободу и успех союзников на Балканах»; «теперь, когда удален главный виновник враждебного к союзникам направления греческой политики, ее завтрашний курс ясен». Газета не сомневалась в том, что «он не может пойти вразрез со стремлениями союзников», и с убежденностью писала, что избежать неблагоприятных последствий войны «Греция может только при условии сокрушения германского милитаризма»⁴⁹. Это мнение разделяли и реакционные «Московские ведомости», полагая, что «греческий народ имеет лишь одно средство смыть позор, наложенный на него предателем-королем...»⁵⁰.

В большой редакционной статье «Утро России» одобряло меры союзников, которые, по его мнению, стремятся видеть Грецию «сильной и независимой». «Вопрос в том,— развивала свою мысль газета,— при каком государственном устройстве Греция может быть сильной и независимой». Этот вопрос должны были решить сами греки. Однако газета высказывала и свое мнение: «У Греции есть государственный деятель, авторитет которого одинаково признается как на родине, так и за пределами ее... мы говорим об Элефтерии Венизелосе. „Великого грека“ ценят и уважают союзники, с которыми Венизелоса связывает общность политических взглядов и тождество национальных целей». Что же касается государственного строя, то, по убеждению московских журналистов, «пример великой России не мог не коснуться сознания греческого народа. Царствование Константина и все пережитое

за это царствование может только способствовать распространению среди греков идеи республики. В лице Венизелоса у Греции есть достойный глава этой республики». Газета заканчивала передовицу словами: «Установление в Греции республиканского строя — лучший и наиболее прямой способ сделать страну сильной и независимой»⁵¹.

Между тем судьба греческой республики была давно решена. Делегат Временного правительства, выступивший на Парижской конференции союзников в мае 1917 г. в пользу права греческого народа самому избрать себе форму правления⁵², оказался в изоляции.

Наиболее обширную передовую статью по поводу отречения короля Константина поместило «Новое время». Забыв о собственном монархическом прошлом, газета возглашала: «Если же греческая демократия предпочтет устроиться без монарха, союзные с Россией демократии окажут ей всяческое содействие». Больше всего тревожило новообращенных республиканцев из «Нового времени», как бы «греческая демократия» не оказалась во власти большевиков. «Со спокойствием и надеждой ждем мы дальнейшего развития греческих событий»⁵³, — заключали редакторы свою статью, не ведая, сколько горечи и страданий принесет греческому народу это «дальнейшее развитие событий». В том же пропагандистском духе высказывались и другие буржуазные газеты — кадетская «Речь», редактируемая бывшим министром иностранных дел П. Н. Милюковым, которая писала о том, что король Константин подписал акт отречения «под давлением союзной дипломатии»⁵⁴. Иную оценку событиям давала газета А. Керенского «Дело Народа», выходившая в Петрограде с марта 1917 г. Она выступила с осуждением действий союзников в Греции. В передовой статье редакторы иронизировали над высказываниями западных дипломатов по поводу «свершившегося самоопределения Греции». В ней говорилось: «После непринужденной аннексии Албании Италией — принудительное „самоопределение Греции“: в одну неделю — два блестящих урока со стороны правительства союзной коалиции на тему „мир без аннексий и на основе самоопределения народов...“» «Для социалистов, — писала далее газета, — важна этика. А с этой точки зрения ясно каждому, что между разбойным нападением империалистической Германии на Бельгию, Австрии — на Сербию и нынешним „наступлением в глубь Греции“ союзных правительств нет никакого различия по существу»⁵⁵.

Изобличая на словах политику держав в Греции, эсеры и меньшевики на деле оказывали всяческую поддержку коалиционному Временному правительству.

Двуличную политику эсеров и меньшевиков, в частности, в отношении греческих событий разоблачал В. И. Ленин в блестящей полемической статье «Над кем смеешься? Над собой смеется!», напечатанной 3(16) июня в «Правде».

Передовую статью «Самоопределение Греции», помещенную

в «Деле Народа», «министерской газете Керенских, Черновых и К°», В. И. Ленин назвал «смеющейся». «Насмешка эсеров над „самоопределением“ Греции,— писал он,— была бы превосходна, если бы она была искрenna». Допуская личную искренность писавших эту передовицу людей, Ленин сомневался в их искренности в политике, «т. е. в той области человеческих отношений, которая имеет дело не с единицами, а с миллионами,— искренность в политике есть вполне доступное проверке соответствие между словом и делом». Подвергнутая именно такой «проверке» статья «Дела Народа» не выдерживала критики. «Передовица „Дела Народа“ — разъяснял свою точку зрения В. И. Ленин,— неискрenna потому, что именно партия социалистов-революционеров, именно Керенские и Черновы, как ее вожди, поддерживают министерство удушения... виноват, министерство „самоопределения“ Греции, вместе с гражданами Церетели и Скобелевым». Соглашаясь с отсутствием различия между двумя бесстыдными актами давления на малые государства, осуществленные Германией и Антантою, В. И. Ленин подчеркивал, что «это вовсе не „этика“, как думают эсеры, а чистейшая политика». Осуждая пособническую роль партии эсеров, вождь большевиков писал: «Разбойное нападение,— вот в чем вы участвуете, граждане эсеры, граждане меньшевики, своим участием в правительстве». В. И. Ленин заканчивал статью с присущей ему обличительной силой: «Над собой смеетесь, господа эсеры и меньшевики! Над своей собственной политикой доверия к капиталистам и к правительству капиталистов! Над своей собственной ролью красноречивых, велеречивых, министерским званием облеченных прислужников капитализма и империализма!»⁵⁶

События в Греции вызвали возмущение в демократических слоях русского общества. Терещенко пришлось оправдываться: якобы дальность расстояний и излишняя поспешность союзников не позволили России принять активное участие в последних совещаниях держав по греческому вопросу и оно должно было ограничиться некоторыми соображениями и замечаниями постфактум.⁵⁷

23 июня (6 июля) «Вестник» поместил правительственные сообщение о предстоящей в середине июля конференции союзников в Париже. «Необходимость этой конференции,— говорилось в нем,— вызывается чрезвычайной сложностью политической и стратегической обстановки на Балканах и желательностью согласовать взгляды союзников по этим вопросам и установить в них общее направление». Русским представителям было предписано «отстаивать при разрешении политических вопросов, возникших на Балканах, точку зрения Временного правительства и с особой силой настаивать на проведении общих началь возвещенной российскою демократиею внешней политики...». В частности, эти инструкции касались, как сообщало правительство, «греческого вопроса в связи с последними событиями». «В этом вопросе,— говорилось в сообщении,— мы не могли не отнести

иначе как отрицательно к способам, посредством которых произошла вынужденная замена одного короля другим». «Конечно,— поясняли „временные“,— мы руководствовались при этом не желанием поддерживать короля Константина, личную политику которого мы всецело осуждали и осуждаем, а недопустимостью вмешательства во внутренние дела греческого народа. Это и побудило нас сделать соответственные возражения и отказаться от участия наших войск в южногреческой экспедиции. В переговорах с союзниками мы отстаивали ту точку зрения, что установление формы правления в Греции и ее государственное устройство принадлежит всецело греческому народу, и заявляли, что сочувствие русского народа, только что освободившегося от всяких династических оков, всецело бы принадлежало аналогичному свободному решению самого греческого народа»⁵⁸.

Кадетские «Русские ведомости» откликнулись на это сообщение ядовитой статьей, в которой обвиняли правительство в беспомощности, а в сообщении этом увидели лишь «акт нашей внутренней политики — необходимость скорее утишить ропот партий, которые насильственное разрешение союзниками затяжного греческого кризиса сочли обидой для исповедуемых ими международных политических принципов». «Вопрос о низложении короля Константина поэтому и является в нашем правительственом сообщении центральным пунктом». Газета безоговорочно поддержала союзников-каратегелей⁵⁹.

Высказав в печати неодобрение союзнической акции в Греции, Временное правительство на деле смирилось с действиями англо-французской дипломатии и военщины, подтвердив характеристику, данную его действиям В. И. Лениным. А после провала июльского наступления, подготовленного Керенским, к мнению русского правительства западные державы вообще перестали прислушиваться.

Летние номера «Нового времени», «Московских ведомостей», «Утра России» и других газет содержат лишь сообщения о снятии блокады союзниками, о приходе Э. Венизелоса к власти в конце июня и разрыве Грецией 20 июля отношений с центральными державами, мобилизации греческой армии.

Последняя большая подборка материалов о Греции касается принесения присяги новым королем эллинов, Александром, 22 июля (4 августа). Особенно подчеркивались слова, которыми заканчивалась тронная речь (касающиеся вступления Греции в войну и ее целей): «Современная мировая катастрофа должна решить вопрос об окончательной судьбе эллинизма. То, что теперь будет потеряно, уже нельзя будет больше восстановить...» И, обращаясь к главе нового греческого правительства Э. Венизелосу, Александр говорил: «Я доверяю Вам заботу о защите высших интересов нашей нации и, желая Вам успеха, призываю на Вас помочь свыше»⁶⁰.

Подстрекаемая английскими и французскими капиталистами греческая буржуазия разожгла в стране шовинистический угар.

Не довольствуясь чрезвычайно благоприятными решениями Парижской мирной конференции, по которым Греция получала широкие территориальные приобретения, греческие шовинисты под влиянием английского правительства втянули Грецию в антисоветскую интервенцию и авантюристический поход против Турции и потерпели сокрушительный провал. Война привела к гибели тысяч людей, разрухе, развалу греческой экономики, к очередному политическому кризису в стране.

- ¹ Емец В. А. Очерки внешней политики России, 1914—1917. М., 1977. С. 323, 326.
- ² Leon G. B. Greece and the Great Powers, 1914—1917. Thessaloniki, 1978. Р. 418—419.
- ³ Ibid. Р. 312.
- ⁴ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
- ⁵ Новое время. 1916. 30 сент. (13 окт.).
- ⁶ Утро России. 1917. 30 дек. (12 янв.).
- ⁷ Leon G. B. Greece... Р. 449—451.
- ⁸ Ультимативная нота союзников была послана королевскому правительству 26 декабря 1916 (8 января 1917) г. Греция приняла эти требования 29 декабря 1916 г. (11 января 1917 г.).
- ⁹ Утро России. 1917. 4(17) янв.
- ¹⁰ Биржевые ведомости. 1917. 5(18) янв.
- ¹¹ Там же. 9(22) янв.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. 15(28) янв.
- ¹⁴ Там же. 8(21) февр.
- ¹⁵ Утро России. 1917. 14(27) марта.
- ¹⁶ Там же. 10(23) марта.
- ¹⁷ Биржевые ведомости. 1917. 9(22) апр.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Leon G. B. Greece... Р. 473.
- ²⁰ Раздел Азиатской Турции. М., 1924. С. 319; Адамов Е. А. Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. М., 1922. С. 184.
- ²¹ Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.
- ²² Там же. С. 160—161.
- ²³ Утро России. 1917. 9(22) апр.
- ²⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 14(27) апр.
- ²⁵ Русский инвалид. 1917. 16(29) апр.
- ²⁶ Leon G. B. Greece... Р. 473—475.
- ²⁷ Раздел Азиатской Турции. С. 330.
- ²⁸ Утро России. 1917. 21 апр.
- ²⁹ Там же. 28 янв. (10 февр.).
- ³⁰ Биржевые ведомости. 1917. 14(27) февр.
- ³¹ Русский инвалид. 1917. 15(28) февр.
- ³² Биржевые ведомости. 1917. 18 февр. (1 марта)
- ³³ Русские ведомости. 1917. 13(26) февр.
- ³⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 6(19) мая.
- ³⁵ Утро России. 1917. 26 апр. (9 мая).
- ³⁶ Вестник Временного правительства. 1917. 6(19) мая. Новое время. 1917. 6(19) мая.
- ³⁷ Раздел Азиатской Турции. С. 319.
- ³⁸ Leon G. B. Greece... Р. 356; Новое время. 1917. 14(27) мая.
- ³⁹ Новое время. 1917. 21 мая (3 июня).
- ⁴⁰ Игнатьев А. В. Внешняя политика... С. 249.
- ⁴¹ Адамов Е. А. Европейские державы... С. 190, 193.
- ⁴² Игнатьев А. В. Внешняя политика... С. 250.

- ⁴³ Новое время. 1917. 6(19) июня.
- ⁴⁴ Там же. 4(17) июня.
- ⁴⁵ Игнатьев А. В. Внешняя политика... С. 250.
- ⁴⁶ Новое время. 1917. 1(14) июня.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Русские ведомости. 1917. 1(14) июня.
- ⁴⁹ Русский инвалид. 1917. 1(14) июня.
- ⁵⁰ Московские ведомости. 1917. 2(15) июня.
- ⁵¹ Утро России. 1917. 1(14) июня.
- ⁵² Адамов Е. А. Европейские державы... С. 187.
- ⁵³ Новое время. 1917. 1(14) июня.
- ⁵⁴ Речь. 1917. 1(14) июня.
- ⁵⁵ Дело Народа. 1(14) июня 1917 г.
- ⁵⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 32. С. 259, 260.
- ⁵⁷ Речь. 1917. 7(20) июня. Игнатьев А. В. Внешняя политика ... С. 250.
- ⁵⁸ Вестник Временного правительства. 1917. 27 июня (10 июля)
- ⁵⁹ Русские ведомости. 1917. 22 июля (4 авг.).
- ⁶⁰ Там же.

Балканские интернационалисты в Одессе весной и летом 1919 г.

М. А. БИРМАН

В отечественной и зарубежной литературе имеется ряд сородичательных трудов, в которых разработаны многие важнейшие стороны деятельности иностранных интернационалистов на Украине в период гражданской войны¹. И все же существенные аспекты этой проблемы, в частности деятельность балканских интернационалистов в комплексе весной и летом 1919 г. в Одессе,— остались пока еще недостаточно исследованными. Лишь некоторые отдельные вопросы избранной нами темы (в частности, деятельность болгарских и румынских интернационалистов) освещались в страноведческом плане в имеющейся литературе². В настоящей статье предпринята попытка разработки темы в общебалканском комплексе.

* * *

В ноябре 1918 г. после капитуляции держав Центральной коалиции империалисты Антанты решили сосредоточить все силы на организации интервенции против молодой Республики Советов. 16—18 ноября в Яссах состоялось совещание дипломатов Англии, Франции, США и Италии с представителями различных контрреволюционных организаций России и Украины, предопределившее судьбу Одессы. Совещание было посвящено разработке плана мобилизации сил контрреволюции для удушения Советской власти. Основной базой сил интервентов должна была стать Одесса³.

В конце ноября 1918 г. эскадры английских, французских и итальянских военных кораблей вторглись в Одессу, Севастополь и Новороссийск. Вслед за тем в Одессу прибыли транспорты, высадившие значительные контингенты войск. Одновременно с Балканского полуострова по железной дороге в Одессу были отправлены эшелоны с войсками Антанты. Кроме того, в Бессарабии, захваченной незадолго до того королевской Румынией, была сконцентрирована также значительная румынская армия.

В составе вторгшейся в Одессу армии интервентов были французские, греческие, румынские, сербские и итальянские солдаты, польские легионеры⁴. Кроме того, в Одессе была объявлена мо-

билизация в армию Антанты югославян — бывших военноопленных австро-венгерской армии, вышедших в 1917 г. из рядов формировавшегося на Украине Сербского добровольческого корпуса и застрявших по различным причинам в городе. Правительства союзных с Антантой стран — Румынии, Греции, Польши, Королевства сербов, хорватов и словенцев — соблазнились обещанными Антантой территориальными компенсациями и поставили своих солдат в антисоветскую армию интервентов⁵.

Таким образом, в конце января 1919 г. в Одессе оказалось сосредоточено около 45 тыс. солдат различных национальностей, что составило приблизительно от 30 до 40% всей армии интервентов, высаженной на юге страны; в городе было также около 10 тыс. солдат русских контрреволюционных (деникинских) формирований⁶. В порту постоянно находилось значительное число французских, английских и итальянских крупных боевых кораблей (линкоров, крейсеров и миноносцев), транспортов и прочих судов.

На власть в городе претендовали, кроме деникинцев, украинские националистические формирования (прежде всего петлюровцы). Но империалисты Антанты в лице французских генералов подчинили себе все наличные контрреволюционные силы. По распоряжению находившегося в Одессе командующего войсками Антанты на юге России генерала д'Ансельма петлюровские подразделения, появившиеся было в середине декабря в городе, были оттуда выдворены; военным губернатором Одессы был назначен деникинский генерал Гришин-Алмазов⁷. К концу февраля 1919 г. зона оккупации войсками Антанты территории Украины расширилась до линии, проходившей от Тирасполя на Бирзулу — Раздельную — Колсовку — Николаев — Херсон, охватив также важнейшие прибрежные районы Крыма⁸.

Трудящиеся Одессы и близлежащих земель, оказавшиеся под пятой оккупантов, не смирились со своей участью. Среди поднявшихся на борьбу против интервентов и белогвардейцев были и зарубежные интернационалисты. Под руководством подпольного комитета большевиков для пропаганды среди солдат интервенционистских подразделений была, как известно, создана специальная «Коллегия иностранной пропаганды» (или «Иностранная коллегия») во главе с С. И. Соколовской. В ее состав вошли одесские большевики, владевшие французским и итальянским языками, и зарубежные интернационалисты (в основном прибывшие нелегально из Москвы по направлению Федерации иностранных коммунистических групп). Среди них были французы и поляки, румыны и сербы.

В одесских catacombs была оборудована подпольная типография, где печаталась газета «Коммунист», выходившая на русском и — отдельно — на французском языках. Издавались также листовки к солдатам на французском, польском, румынском, сербском и других языках⁹. Некоторые листовки к солдатам интервенционистских войск — «Зачем Вы пришли на Украину?»,

«Быть штрайкбрехером — позор!» и др.— публиковались в Москве на нескольких языках за подписями В. И. Ленина и Г. В. Чичерина; они легли в основу многих обращений и материалов, изданных местными подпольщиками. В январе 1919 г. входившая в состав «Иностранной коллегии» Румынская коммунистическая группа опубликовала по случаю годовщины захвата с согласия Антанты войсками румынской буржуазно-помещичьей олигархии Бессарабского края воззвание к румынским солдатам. В нем раскрывался грабительский контрреволюционный характер румынской оккупации Бессарабии¹⁰.

Конспиративная работа одесских подпольщиков проходила в сложнейших условиях; против них действовали многочисленные агенты разведок и контрразведок двадцати проявлявших интерес к Одессе зарубежных правительств и контрреволюционных российских политических формирований¹¹. Одесса, отмечала «Правда», играла в рассматриваемое время «роль контрреволюционной южной столицы»¹². Однако одесские большевики при активном участии французских, польских, румынских, югославянских и греческих интернационалистов развернули среди солдат и моряков армии и флота интервентов интенсивную пропаганду¹³. Для работы среди разношерстной армии интервентов был приспособлен словарь-разговорник, составленный еще летом 1918 г. (при участии интернационалистов) подпольщиками Приднестровья для пропаганды среди солдат румынской и многонациональной австро-венгерской армий. Расширенный и содержавший уже материал на пятнадцати языках словарь, состоявший из 500 наиболее употреблявшихся в обиходе слов, был размножен на гектографе и служил большим подспорьем для подпольщиков. Несколько одесских большевиков и зарубежных интернационалистов во главе со славной дочерью французского народа Ж. Лябурб были схвачены французскими и деникинскими контрразведчиками и расстреляны. Но их героическая деятельность не прошла бесследно.

В феврале-марте 1919 г. в ряде интервенционистских подразделений началось брожение: в начале февраля солдаты 58-го французского полка в Бендерах отказались выполнять роль жандармов¹⁴. Еще раньше, в декабре 1918 г., произошло восстание моряков стоявшего на ремонте в Севастополе болгарского корабля «Надежда», подавленное при помощи английского крейсера¹⁵.

В тесной связи с одесским подпольем находилось партизанское движение. Еще в январе 1919 г. в нескольких районах Одесской губернии власть находилась в руках трудящихся. В феврале-марте партизанские отряды действовали почти на всей территории губернии.

В марте 1919 г., несмотря на новые пополнения в армии интервентов, советские войска при поддержке народа освободили Херсон, Николаев и значительную часть Одесской губернии. Волнения среди оккупационных войск быстро нарастали; в начале апреля отказались сражаться против Красной Армии сол-

даты расположенных в Одессе 4-го полка французской колониальной пехоты и 7-го саперного полка¹⁶. В сложившихся условиях командование армии Антанты решило убрать свои войска из Одессы; находившиеся в городе подразделения интервентов были в панике посажены на корабли и вывезены в Бессарабию. Некоторые части (в том числе отдельные греческие подразделения) вынуждены были отступать походным порядком в Бессарабию, на Аккерман¹⁷. «Союзническая авантюра на юге,— отмечал В. И. Ленин,— закончилась позорнейшим актом грабежа при бегстве из Одессы. „Просвещенные“ союзники... увели из Одессы без всякого права и основания весь наш торговый флот, обрекая этим на голод мирное население. Это было актом мести за рухнувшие планы империализма»¹⁸. 6 апреля войска Красной Армии освободили Одессу¹⁹.

После восстановления Советской власти значение Одессы как центра деятельности зарубежных интернационалистов возросло. Их задачей оставалась работа по разложению войск интервентов, находившихся неподалеку от города. В 50 км от Одессы, на правом берегу Днестровского лимана в Аккермане, а также и в других городах Бессарабии были дислоцированы французские, греческие, польские подразделения. В Бессарабии расположились румынские войска, а также петлюровцы и части западноукраинских националистов (галицийские сечевики). Штаб командующего французскими войсками в этом районе генерала д'Ансельма был установлен в Болграде, в 200 км от Одессы²⁰.

Вместе с тем у зарубежных интернационалистов появились и новые задачи, вызванные изменениями в международной обстановке. Создание весной 1919 г. Коммунистического Интернационала, провозглашение советских республик в Венгрии и Баварии повернули внимание интернационалистов к растущему в Центральной и Юго-Восточной Европе революционному движению. Их деятельность в Одессе проходила отныне не только под руководством Одесского губкома партии, но и в тесном контакте с Южнорусским бюро Коминтерна и его Одесским филиалом²¹. Период с 6 апреля по 23 августа 1919 г., когда Одессу временно захватили деникинцы (в литературе названный период иногда условно именуется как «второй период Советской власти в Одессе»), ознаменовался значительным ростом активности в городебалканских интернационалистов. Сюда из Москвы перемещается центр деятельности румынских и болгарских коммунистических групп.

* * *

Одесская Румынская коммунистическая группа (РКГ) начала функционировать одной из первых в городе: 13 апреля состоялось ее первое организационное заседание²². Она сложилась из трех основных частей: к действовавшим в составе Иностранной коллегии интернационалистам присоединилась значительная часть членов Московской РКГ, а также румынские коммунисты, при-

бывшие в город в рядах Красной Армии. Весной 1919 г. РКГ была одной из самых многочисленных одесских иностранных групп: в нее входило тогда 27 членов и 15 сочувствующих²³.

На первых порах группу фактически возглавили два руководителя, представлявшие ее в президиуме Одесского филиала Южнорусского бюро Коминтерна. Одним из них был М. Бужор (1881—1964), видный деятель левого крыла румынского рабочего движения. Преследуемый королевским правительством Румынии, он перебрался весной 1917 г. в Одессу. Позднее он встречался с В. И. Лениным, а в январе 1918 г. вошел в созданную по инициативе Советского правительства в связи с захватом Бессарабии Румынскую верховную коллегию, стал одним из руководителей румынских интернационалистов в Советской стране²⁴. Вторым руководителем Одесской РКГ был А. Залик, являвшийся в период оккупации Одессы Антантойенным членом Иностранной коллегии²⁵. Председателем РКГ в Одессе был избран И. Оборона, румынский социал-демократ с 1908 г., член РКП(б) с января 1918 г.²⁶

С 19 апреля РКГ стала выпускать тиражом в 3 тыс. экземпляров газету «Comunistul» («Коммунист»). Ведущими сотрудниками газеты были А. Залик (его статьи под псевдонимом «А. З.» публиковались почти в каждом номере) и др. Газета освещала крупнейшие политические события времени, революционное движение в Румынии и в других странах (прежде всего балканских). Много внимания редакция уделяла пропаганде марксистско-ленинских идей: публиковались работы В. И. Ленина («Третий Интернационал и его место в истории»), «Манифест Коммунистического Интернационала» и другие документы Коминтерна, статьи «Что такое коммунизм?», «Демократия буржуазная и демократия пролетарская» и др. Начиная с третьего и до последнего номера, в газете печаталась принятая VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. Программа партии. Вслед за последним 28-м номером газеты «Comunistul», изданным 3 августа, в качестве органа РКГ в Одессе выходила, правда всего около двух недель, газета «Scînteia» («Искра»). «Comunistul» сыграл большую роль в мобилизации румынских интернационалистов на защиту Советской власти, в политическом воспитании румынских эмигрантов. В этот период в Одессе и других южных городах по разным причинам оставалось еще немалое число бывших дезертиров румынской армии, а также рабочих ряда румынских предприятий, эвакуированных туда в 1917 г. после захвата германскими войсками Бухареста²⁷⁻²⁸.

Румынские коммунисты издавали в Одессе также воззвания и брошюры на румынском и отчасти на французском языках для распространения их среди солдат интервенционистских войск, румын, находившихся на юге России и в Бессарабии, и среди населения Румынии. Часть листовок разбрасывалась в районах Бессарабии с аэропланов. За лето 1919 г. Одесской РКГ было отпечатано и распространено разных листовок общим тиражом в 50 тыс. экз. В листовках РКГ решительно осуждался захват

румынской олигархией Бессарабии, отмечалось, что в результате оккупации Бессарабия революция там была подавлена в крови, земля у крестьян отобрана и восстановлен реакционный режим. РКГ подчеркивала, что революция в России является завоеванием мирового пролетариата и что судьба революции в Румынии тесно связана с ее развитием. К трудящимся Румынии, к румынским солдатам были обращены листовки, звавшие к борьбе в защиту советских России и Украины. Некоторые листовки и номера газеты «Comunistul» попадали не только в Бессарабию, но и доходили до отдаленных районов Румынии²⁹⁻³⁰.

В середине мая с целью координации деятельности румынских интернационалистов в Одессе состоялась конференция 22 представителей РКГ Москвы, Одессы, Киева, Херсона и Тирасполя. Заслушав сообщение о работе отдельных групп, конференция избрала руководящий комитет, который должен был действовать в Одессе. К этому времени большая часть членов Московской РКГ перебралась в Одессу, так как отсюда было легче налаживать контакты с зарождавшимися в Румынии левосоциалистическими и коммунистическими группами. Конференция содействовала активизации работы РКГ.

Румынские интернационалисты — члены РКГ проявляли большой интерес к изучению марксистско-ленинской теории. Многие из них, в прошлом члены румынской социал-демократической партии, близко познакомившись с опытом большевистской партии, с революционной действительностью России, интуитивно, а иногда и вполне осознанно ощущали свою недостаточную идеиную вооруженность. В этой связи еще с конца апреля группа начала устраивать (примерно два раза в неделю) лекции, на которые приглашались все желающие. В мае 1919 г. руководителями группы (А. Заликом, И. Обороча и др.) были прочитаны лекции на темы: «Государство и революция», «Первые коммунисты», несколько лекций по национальным проблемам³¹⁻³². С конца июня и в течение июля цикл лекций по проблеме «Что такое социализм?» (в него входили такие темы, как обзор истории человечества и крупнейших революций; о революции в России; обзор истории и классовой борьбы в Румынии; Советская конституция и т. п.) прочитал переехавший из Москвы один из наиболее образованных румынских интернационалистов — А. Николау (ранее, в январе 1918 г., он возглавлял румынский ревком в Одессе, позднее стал руководителем РКГ в Москве). Некоторые деятели РКГ, достаточно хорошо знавшие русский язык, посещали лекции и кружки для пропагандистов губпарткома Одессы. Часть собраний и заседаний Одесской РКГ были посвящены различным организационным вопросам, а также памяти виднейших деятелей международного и румынского революционного рабочего движения (Й. Фриму, Д. Маринеску).

Стремясь скординировать свои действия с коммунистическими группами в Бессарабии и Румынии, шире развернуть пропаганду среди солдат румынских подразделений, оккупиро-

вавших Бессарабию, РКГ направила туда на нелегальную работу несколько своих работников (Мирча, Псата, Дикман, Панделеску и др.), трагически погибших³³. Подпольная работа РКГ в Бессарабии проходила во взаимодействии с находившимся в Одессе бессарабским ревкомом, возглавлявшимся И. Н. Криворуковым³⁴.

В результате самоотверженной конспиративной пропагандистской деятельности членов бессарабского ревкома и РКГ, опиравшихся на местных подпольщиков, среди румынских солдат в Бессарабии началось брожение: в апреле и в мае 1919 г. произошли волнения в подразделениях, расположенных в Аккермане и Бендерах. Часть солдат из Бендер сдалась в плен Красной Армии, переправившись через р. Днестр в Тирасполь; некоторые из них оказались затем в Одессе³⁵. Деятельность РКГ проходила во взаимодействии с другими группами в Одессе — с французской, например, она проводила пропаганду среди французских солдат в Бессарабии. Тесное сотрудничество она осуществляла с другими балканскими группами, в частности с болгарской.

* * *

Болгарская коммунистическая группа (БКГ) в Одессе возникла в конце апреля 1919 г.³⁶ В ее состав вошли прибывшие из Москвы члены Центрального бюро болгарских коммунистических групп (избранного на конференции в Москве в январе 1919 г.) и Московской БКГ, а также болгарские интернационалисты, находившиеся в Одессе (среди них — несколько бывших сотрудников консульства Болгарского царства, порвавших со службой в миссии). Позднее к БКГ фактически примкнула группа из состава болгар-колонистов — слушателей специально созданной в июне 1919 г. при Одесском губокоме болгарской партшколы. Она была создана не случайно — только в городе и в селах Одесской губернии проживало (правда, по данным следующего, 1920 г.) свыше 30 тыс. болгар³⁷. Возглавлял партшколу член РКП(б) с апреля 1918 г. И. Г. Генов. Партшкола готовила работников для болгарских сел губернии и более отдаленных районов юга России; одновременно ее слушатели выполняли (главным образом в ночное время) оборонные задания военной комендатуры города по борьбе с бандитизмом и т. д.³⁸

Руководство деятельностью болгарских интернационалистов в Одессе (как и во всей стране) осуществляло названное Центральное бюро во главе с С. Джоровым. С. Джоров (1878—1950), член болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) с 1903 г., был душой и руководителем БКГ. Он был хорошо знаком с российской действительностью. Еще в 1908 г. Джоров в поисках работы прибыл в Одессу и установил контакты с большевистской организацией. Выслеженный царскими жандармами, он в 1911 г. был арестован и выслан (вместе с братом Г. Димитрова, Н. Димитровым) в Сибирь. Позднее

он принял активное участие в Октябрьской революции, возглавив отряд интернационалистов, вступивших в вооруженную борьбу в защиту Советской власти в 1918 г. Джоров производил большое впечатление на окружающих его людей темпераментной речью оратора-борца, знакомством с марксистской литературой, «горящим взором и орлиной осанкой»³⁹. В Центральное бюро входили также: К. Касабов, активный участник революционных боев в Одессе в январе 1918 г., позднее находившийся в рядах Красной Армии, Хр. Боев, бывший поручик болгарской армии, принявший участие во Владайском солдатском восстании в сентябре 1918 г. и перебравшийся после подавления восстания в Советскую Россию, К. Телалов, С. Сапунов⁴⁰.

Одним из первых и важнейших начинаний БКГ было издание на болгарском языке газеты «Комуна» (всего было издано девять номеров). Первый ее номер вышел к 1 мая 1919 г., последний — 2 августа 1919 г. Газета была важнейшим орудием агитации и пропаганды, ее номера проникали в Бессарабию, Херсонскую губернию и даже в Добруджу⁴¹.

Газета освещала деятельность БКГ и других иностранных групп Одессы, информировала о собраниях, митингах и прочих мероприятиях. Большое внимание уделялось пропаганде идей Коминтерна. Разъяснению его целей были посвящены две статьи С. Джорова, в которых он заклеймил оппортунистов из II Интернационала и подчеркнул историческое значение I конгресса Коминтерна. В ряде номеров были напечатаны документы I конгресса — «Платформа Коммунистического Интернационала», тезисы конгресса «Международное положение и политика Антанты» и др.⁴² В свободном изложении был опубликован доклад В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б) от 23 марта 1919 г. о работе в деревне, подчеркивавший необходимость внимания к середняку⁴³. Редакция придавала большое значение освещению опыта революции в России: на эту тему публиковались материалы почти в каждом номере. Среди них были, например, статьи «Чему нас учит русская революция?», «Что такое Советская республика?» и др.; информация о VIII съезде партии в марте 1919 г. и о принятии новой Программы РКП(б) и другие материалы⁴⁴. В газете постоянно печатались сведения о международном положении, о революционном движении в Европе. Большое внимание уделялось Балканским странам, в особенности Болгарии: были опубликованы полученные с большим трудом материалы состоявшегося 25—27 мая 1919 г. 22 съезда БРСДП(т. с.), на котором она была преобразована в Болгарскую Коммунистическую партию (тесных социалистов), информация о принятии БКП принципов и тактики Коминтерна⁴⁵.

Болгарские интернационалисты — члены БКГ занимались революционной агитацией и пропагандой среди болгарского населения города и окрестностей. В существовавшей при группе библиотеке-читальне устраивались доклады и лекции. Группа добивалась сплочения болгарского трудового населения для за-

щиты Советской власти, парализуя контрреволюционную пропаганду отдельных болгарских подданных, связанных с сотрудниками консульства царской Болгарии⁴⁶.

Слушатели упоминавшейся болгарской партшколы побывали в болгарских селах Одесской и Херсонской губерний, где проводили политico-воспитательную работу⁴⁷. Большое внимание уделяло руководство БКГ идейному воспитанию членов группы. С целью укрепления коммунистического мировоззрения для них систематически проводились беседы и лекции по важнейшим вопросам текущей политики и опыта работы РКП(б). Занятия вели руководители БКГ, в первую очередь С. Джоров⁴⁸.

Трудная задача налаживания связи Одесской БКГ с БКП выпала на долю Хр. Боева. Отправившись в мае 1919 г. из Одессы на рыбакской лодке, успешно миновав военные корабли Антанты, находившиеся на внешнем рейде, а затем выдержав испытания штормом, Боев прибыл в Варну, а затем в Софию и установил контакты с ЦК БРСДП(т. с.), передав привезенную с собой литературу. Он присутствовал на состоявшемся в конце мая съезде партии, а затем благополучно вернулся в Одессу. Позднее связи с Болгарией и с БКП осуществляли также К. Телалов, П. Грудков и другие члены БКГ⁴⁹.

* * *

В отличие от румынской и болгарской Югославянская коммунистическая группа (ЮКГ) в Одессе была малочисленной (6—8 человек)⁵⁰ и сложилась позже, в начале мая 1919 г. Это объяснялось прежде всего тем, что образовавшаяся раньше, в марте 1919 г., ЮКГ в Киеве в течение всего периода деятельности одесской ЮКГ оставалась и формальным и фактическим центром притяжения югославянских интернационалистов в Стране Советов⁵¹. Параллельно продолжала действовать более старая ЮКГ в Москве, издававшая с 1918 г. в качестве органа югославянских интернационалистов выходившую на русском и югославянских языках газету «Svjetska revolucija» («Всемирная революция») и другую литературу. Сложившееся положение было закреплено на конференции представителей ЮКГ Москвы, Киева и Одессы, состоявшейся 14 июля в Киеве, где было подтверждено, что роль центра сохраняется за киевской ЮКГ⁵².

Деятельностью югославянских интернационалистов в Одессе руководил С. Ирич (Н. В. Хлаватый), бывший военнопленный, вступивший в 1916 г. в Сербский добровольческий корпус, формировавшийся в Одессе. За революционную агитацию среди солдат корпуса он подвергался преследованиям со стороны командования. В РКП(б) он вступил в 1918 г.; энергичный работник, он был одно время представителем югославян в Южнославянском отделе Народного комиссариата по делам национальностей. В состав руководства ЮКГ в Одессе входили также Г. Пушич, сдавшийся в плен русским войскам и вступивший в Сербский

добровольческий корпус, член РКП(б) с 1917 г., выполнивший обязанности председателя одесской ЮКГ, и И. Бркич⁵³.

Почти одновременно с ЮКГ в городе был создан и Югославянский совет, считавшийся филиалом Московского и Киевского югославянских советов; его председателем стал С. Ирич⁵⁴. Совет взял на себя функции защиты интересов трудящихся югославян Одесчины.. В городе и в окрестностях со времен формирования там в 1916—1917 гг. Сербского корпуса оставалось по болезни и другим причинам немалое число югославян. Некоторые из них (по отрывочным сведениям — от 200 до 300 человек) концентрировались в ожидании отъезда на родину вокруг эвакуационного пункта на Херсонской улице⁵⁵.

Правительство Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) стремилось эвакуировать с юга России прежде всего небольшое количество находившихся там по разным причинам бывших кадровых офицеров сербской армии. В то же время оно не спешило открыть шлюзы для возвращения в страну новой партии революционно или оппозиционно настроенных югославян. Видимо, опыт, свежий пример значительной политической активности вернувшихся в 1918 г. из России так называемых «повратников» — югославян из бывших военнопленных австро-венгерской армии⁵⁶ — кое-чему научил правящие круги Королевства. Назначив из находившихся на территории России консервативно настроенных югославян специальную эвакуационную миссию, правительство Королевства СХС наотрез отказалось принять на началах взаимности соответствующую советскую миссию. Согласно предложению Советского правительства, она должна была содействовать урегулированию в комплексе всех проблем, связанных как с возвращением оказавшихся на территории Королевства солдат и военнопленных русской армии, так и с отправлением из России сербских солдат и офицеров и бывших военнопленных австро-венгерской армии югославянского происхождения.

Аналогичной линии придерживались тогда и все другие связанные с Антантой правительства; это объяснялось стремлением Антанты использовать находившихся в Европе бывших русских военнопленных и солдат русской экспедиционной армии во Франции и на Балканах для рекрутования их в белогвардейские части. Ввиду обструкционистской позиции правительства Королевства СХС его миссии было предложено свернуть деятельность в Одессе⁵⁷.

Работу с югославянами Одессы, стремившимися к возвращению на родину, проводил Одесский югославянский совет во главе с С. Иричем, опиравшимся на одесскую ЮКГ. При поддержке одесских партийных и советских органов он оказывал югославянам содействие в решении различных насущных проблем. Среди них велась и политико-воспитательная работа, давшая определенные результаты; около 80 бывших военнопленных сербов, хорватов и словенцев вступили в формировавшиеся в городе интерна-

циональные подразделения Красной Армии⁵⁸. Стремясь ускорить решение проблемы возвращения на родину всех желающих, югославянские советы Москвы и Одессы неоднократно обращались с соответствующими предложениями (в форме радиограмм) к правительству в Белграде, но ответа оттуда не последовало⁵⁹. Все же части югославян Одессы при содействии Югославянского совета удалось вернуться на родину. Для этой цели были использованы редкие случаи прибытия в Одессу иностранных пароходов, на которых при посредничестве Международного Красного Креста из европейских стран были привезены отдельные партии русских военнопленных⁶⁰. За период с мая по август 1919 г., по некоторым данным, в Югославию было эвакуировано морем около 900 человек⁶¹.

Одесская ЮКГ вела работу в тесном сотрудничестве с московской и киевской группами: в Одессе распространялась литература, публиковавшаяся на югославянских языках московской ЮКГ. Среди изданий московской группы следует назвать материалы I конгресса Коминтерна. В Одессу поступала существенная часть тиража газеты «Svjetska revolucija»⁶². Вместе с тем одесская группа выпустила и несколько своих листовок. Одной из них была изданная летом 1919 г. листовка-газета «Глас Югословенског радника и сельзака» («Голос югославянского рабочего класса и крестьянина»)⁶³. Передовая статья этой своеобразной газеты-листовки рассказывала о различных судьбах многих тысяч югославян, бывших военнопленных австро-венгерской армии — по некоторым данным, их насчитывалось в России от 200 до 300 тыс.⁶⁴ Часть из тех, кто находился на территориях временного господства белогвардейцев (в районах Мурманска, Карелии, Среднего Поволжья и Сибири), была обманом втянута своими офицерами в войну за интересы империализма. В специальной заметке сообщалось об усилиях югославянских советов Москвы и Одессы, предпринятых для решения вопроса об эвакуации соотечественников на родину; отдельно были опубликованы тексты упоминавшихся выше радиограмм Совета в Белград. В материалах газеты-листовки подчеркивалось, что революционные массы России и Украины, Красная Армия борются за свободу, братство и равенство всех народов.

* * *

О численности и составе Греческой коммунистической группы (ГКГ) в Одессе, которую возглавлял Иоанниди, в нашем распоряжении нет достаточных сведений. В рамках Иностранной коллегии с начала 1919 г. действовала небольшая греческая группа, проводившая нелегкую работу среди солдат и моряков греческих подразделений и кораблей интервенционистской армии Антанты. По нуждающимся в уточнении данным, к весне 1919 г. на Одесщине и в Крыму было высажено три бригады (иногда говорят о двух дивизиях) греческой пехоты и отдельные мелкие подразде-

ления общевойской численностью от 25 до 30 тыс. штыков⁶⁵. На первых порах греческие солдаты плохо поддавались революционной пропаганде.

В направляющиеся в Советскую Россию подразделения греческое командование подбирало в первую очередь новобранцев из захолустных районов Греции. Часть офицерства (особенно высшего) были заражены шовинистическими настроениями, мечтали о создании новой Греческой империи, которая включала бы в свои пределы земли, населенные греками в Малой Азии, и об основании на базе территорий, где проживали греки юга России, Пантикопейского государства. Офицеры сумели внушить солдатам, что их отправили на защиту христианской веры от большевиков-бездожников. В этих же целях в составе греческих интервенционистских подразделений был предусмотрен немалый штат священников, проводивших по указаниям правительства и синода соответствующую обработку солдат⁶⁶. В умах греческих солдат, оказавшихся на юге Украины, господствовали самые нелепые представления о большевиках и Советской власти — смысл происходивших в Советской России событий им был поначалу неясен. Не понимали греческие солдаты да и многие офицеры и настоящей цели интервенции⁶⁷.

Но постепенно настроение солдат начало меняться. Сказывалось ознакомление их с положением в Советской России, контакты с местным населением. Приносила плоды и самоотверженная пропаганда большевиков и греческих коммунистов из Иностранной коллегии; они говорили греческим солдатам: «Вы обмануты, вас превратили в наемников и палачей Великой пролетарской революции в России. Бросайте оружие!»⁶⁸ Среди солдат начали возникать сомнения в правомерности и справедливости греческой интервенции в Россию, примерно за сто лет до того содействовавшей освобождению греков от османского феодального ига. У части солдат складывалось новое мнение о большевиках: «Большевики — это те, у кого на руках мозоли»⁶⁹. Офицеры иногда признавали, что греческие части прибыли в Россию под влиянием Антанты, навязавшей свои планы правительству Греции⁷⁰.

К весне 1919 г. в отдельных греческих подразделениях появились признаки брожения: некоторые солдаты отказывались повиноваться командованию. Имели место случаи их перехода на сторону Красной Армии⁷¹. Недовольство проявлялось и в самой Греции. Есть сведения, что один из офицеров — Кордатос* (в прошлом адвокат) за симпатии к коммунистам был арестован и предан военному суду⁷².

После ухода в начале апреля 1919 г. из Одессы основных

* Возможно, что речь идет о Я. Кордатосе, который позже, в 1921—1922 гг., был одним из руководителей Компартии Греции; впоследствии он отошел от активной политической деятельности и создал несколько многотомных трудов, в которых впервые в историографии попытался осветить историю Греции с марксистских позиций.

сил интервентов часть греческих подразделений, как отмечалось, еще задержалась в Бессарабии и Крыму. Их командиры иногда выступали с заявлениями, что греческие войска не будут участвовать в боевых действиях против Советского государства. Фактически, однако, они продолжали оставаться резервом антисоветских сил на юге России⁷³. В связи с этим перед ГКГ и после освобождения Одессы оставалась задача пропаганды среди солдат греческих подразделений.

Правда, новые условия выдвинули перед ГКГ и задачи политико-воспитательной работы среди греческого населения Одесчины: по данным 1920 г., только в Одесской губернии проживало 9 тыс. греков⁷⁴; гораздо более значительное греческое население было в отдаленных от Одессы районах юга России (в Мариупольском уезде, Измаильском районе Бессарабии и в Таврической губернии). Но ввиду своей крайней малочисленности ГКГ смогла лишь продолжить пропагандистскую работу среди греческих солдат.

Летом 1919 г. члены одесской ГКГ подготовили и распространяли несколько сходных по содержанию листовок на греческом языке, обращенных к солдатам⁷⁵. Текст одной из этих листовок (частично сохранившихся в фондах Одесского областного государственного архива) опубликован в переводе на украинский язык одесским историком А. И. Гуляком. В этом «Обращении Одесской группы греков-коммунистов к греческим солдатам из армии Антанты», датированном 25 июня 1919 г., указывалось, что народ России первым выступил на борьбу против войны, несправедливости, самодержавия и буржуазно-помещичьего строя, подняв Красное знамя народной демократии; по примеру России трудящиеся соседних стран вступают в борьбу против врагов народа. «Вы прибыли в Россию для защиты богачей и удушения народной революции — прозвучали в листовке слова упрека в адрес солдат.— Греческое правительство продало вас буржуазии Антанты, хотя ее солдаты отказываются сражаться против Красной Армии». В заключении листовка призывала греческих солдат: «Объединяйтесь с нами и Красной Армией революционной России, которая борется за освобождение всех народов планеты. Да здравствует мировая революция!... Да здравствует международное братство человечества!»⁷⁶

* * *

Летом 1919 г. в Одессе, кроме балканских, действовало еще шесть групп зарубежных интернационалистов. Польская и немецкая группы опирались на коммунистов соответствующих национальностей из населения Одесчины в целом — по данным 1920 г., в Одесской губернии насчитывалось более 118 тыс. немцев (главным образом в селах) и более 40 тыс. поляков⁷⁷. Обе группы, как и французская, выпускали свои газеты⁷⁸. Таким образом, летом 1919 г. в городе выходило пять газет, органов

зарубежных коммунистических групп. Венгерские и чешские интернационалисты не создали в Одессе самостоятельных групп; в то же время развернулась активность соответствующих групп летом 1919 г. в Киеве, где они издавали свои газеты и т. п.⁷⁹ Интересы венгерских, чешских, австрийских и других интернационалистов представлял Австросовет, созданный в июне 1919 г. в Одессе на правах филиала Киевского⁸⁰.

Важнейшей заслугой зарубежных коммунистических групп Одессы была их самоотверженная работа среди интервенционистских частей Антанты на юге Украины и в Бессарабии. Распространявшиеся ими листовки и иная литература на разных языках (французском, итальянском, греческом, польском, румынском, сербском и др.) проникала в среду солдат и матросов, доходила до Константинополя, Салоник и даже до Марселя⁸¹. В результате революционной пропаганды солдаты армии интервентов становились все более ненадежными. Летом 1919 г. империалисты Антанты вынуждены были вывести свои войска с территории Украины и Крыма.

Деятельностью интернационалистов в Одессе руководил одесский отдел Южнорусского бюро Коминтерна, Федерация иностранных групп при ЦК Компартии Украины (в Киеве) и Одесский губком партии. Одесские партийные и советские органы оказывали им постоянное и разностороннее содействие и помощь. В газетах «Одесский коммунист», «Известия Одесского Совета...», «Советская власть», «Голос красноармейца», «Красная деревня» и др. систематически публиковалась информация о работе групп, их документы. Особое внимание к деятельности коммунистических групп в Одессе проявляли один из руководителей Южнорусского бюро Коминтерна, Ж. Садуль, и (как свидетельствовал активист РКГ А. Николау) одесские большевики А. К. Воронский, Я. Б. Гамарник, В. А. Деготь, П. С. Заславский, Д. С. Ридель, Л. И. Рузер, С. И. Соколовская и др.⁸²

Летом 1919 г. Одесса стала вторым (после Киева) центром деятельности зарубежных интернационалистов на Украине и важнейшим центром деятельности балканских интернационалистов. В Одессе были сосредоточены тогда центральные руководства и наиболее активные силы румынских, болгарских, греческих интернационалистов. Это было обусловлено целым рядом факторов — близостью Одессы к Балканам, наличием в городе и на Одесщине значительного числа выходцев из балканских земель, ролью Одессы, крупнейшего черноморского порта, в традиционных связях России и Балкан, ростом в 1919 г. значения революционного движения в Центральной и Юго-Восточной Европе и соответственно ростом внимания Коминтерна и зарубежных групп к этим проблемам и т. д.

Характеризуя черты, объединявшие всех балканских интернационалистов Одессы, следует отметить, что им (как и большинству деятелей революционного движения Балкан) были, как правило, свойственны идеи балканской солидарности, укрепив-

шиеся со времен межбалканских социалистических конференций 1910 и 1915 гг. Эти идеи, призывы к созданию федерации республик на Балканах прозвучали в документах балканских интернационалистов еще в доодесский период их деятельности: к примеру, в обращении «К болгарским рабочим и крестьянам», опубликованном объединенной Южнославянской группой в июле 1918 г., в программном заявлении Румынского революционного комитета в Москве в августе 1918 г.⁸³ Аналогичные мысли, призывы к объединению балканских интернационалистов в Советской России в единую группу и к борьбе с национальной враждой на Балканах были сформулированы в октябре 1918 г. в уставе петроградской БКГ и в предложении одного из руководителей Южнославянской группы В. Марковича⁸⁴. Лозунг Балканской Федерации прозвучал в выступлениях представителей БКГ и ЮКГ на конференции в Москве в январе 1919 г.⁸⁵

Идеи балканской солидарности нашли отражение и в деятельности балканских интернационалистов в Одессе: каждая из балканских коммунистических групп часто приглашала на свои заседания представителей других балканских групп. Обсуждались проекты формирования в защиту Советской власти специального балканского отряда⁸⁶. Возникали также идеи создания Балканского комитета, который объединял бы деятельность балканских интернационалистов, в особенности по линии контактов с революционными организациями на Балканах⁸⁷. В документах и обращениях БКГ, РКГ и остальных балканских групп неоднократно фигурировали идеи солидарности народов Балкан, поддержка лозунга Балканской Федерации⁸⁸.

Следует оговориться, что многим членам балканских и других коммунистических групп Одессы была свойственна тогда недостаточная идеинная зрелость: левошортистики, так называемые авангардистские, настроения «левакского» максимализма (сочувствие антипарламентаристам в рядах БКП и других балканских коммунистических организаций, недооценка демократических задач — недопонимание значения аграрно-крестьянских проблем и переоценка роли военного фактора — в судьбе называющей революции на Балканах и т. п.). Другие были не свободны от различных иллюзий полуреформистского или анархосиндикалистского свойства⁸⁹. В ходе революционной практической деятельности, в процессе проводившейся в группах идейно-воспитательной работы эти недостатки постепенно изживались.

Силами балканских интернационалистов из БКГ и РКГ в апреле-мае 1919 г. был создан Добруджанский ревком во главе с С. Джоровым. С помощью некоторых болгарских революционеров Варны ревком вел нелегальную пропаганду среди французских и румынских войск в Добрудже, распространяя среди населения области листовки и газеты «Комуна» и «Comunistul»⁹⁰. Подпольная деятельность балканских интернационалистов по разложению войск интервентов в Бессарабии и Румынии и по установлению связей с коммунистическими организациями на

Балканах была положительно оценена в отчете Федерации иностранных коммунистических групп за 1919 г.⁹¹ С балканскими интернационалистами Одессы была конспиративным образом связана также нелегальная группа в Константинополе, состоявшая в основном из болгарских и греческих революционеров. Группа печатала и распространяла среди солдат и матросов на кораблях интервентов, направлявшихся через Константинополь к берегам Советской России, воззвания на различных языках⁹².

Новые проблемы встали перед интернационалистами в связи с формированием весной и летом 1919 г. в Одессе и близлежащих городах интернациональных воинских подразделений Красной Армии. Первоначально в качестве одной из важнейших перспективных задач комплектовавшихся на Украине интернациональных частей было оказание помощи Венгерской Советской республике, подвергшейся по плану Антанты нападению контрреволюционных армий Румынии и Чехословакии. Формировавшиеся в районе Одессы интернациональные части должны были усилить давление на армию королевской Румынии, развернувшую наступление на Советскую Венгрию.

В начале мая 1919 г. подразделения Красной Армии, предприняв отдельные активные действия в районе Тирасполя, отвлекли часть сил румынской армии и тем позволили Венгерской Красной армии провести реорганизацию. Другие интернациональные части, комплектовавшиеся в районе Киева, предполагалось бросить на соединение с Советской Венгрией через украинские земли (Подолье, северную Буковину и Закарпатье); эти земли санкции Антанты были тогда частично оккупированы чехословаками и румынскими войсками, частично заняты петлюровцами и галицийскими сечевиками⁹³.

По распоряжению начальника Управления по формированию интернациональных частей Наркомвоенмора УССР Д. Бошковича в мае 1919 г. в Одессе начала комплектоваться 1-я Интернациональная дивизия. Во главе дивизии был поставлен югославянский интернационалист Б. Агатонович, член Сербской социал-демократической партии с 1913 г., попавший в годы мировой войны в Россию, вступивший в Сербский добровольческий корпус, а затем в 1917—1918 гг. участвовавший в борьбе за Советскую власть в Одессе, Астрахани и Крыму (в конце гражданской войны он командовал бригадой в 9-й стрелковой дивизии 1-й Конармии)⁹⁴. Военкомом дивизии стал румынский интернационалист, член РКП(б) с 1917 г. И. Левеску. На различные командные должности в штабе дивизии и в отдельных ее подразделениях были назначены: члены БКГ К. Касабов и Л. Белоречки; члены РКГ М. Бузинов, Н. Горовиц, Н. Дима, В. Псата, В. Попович; члены ЮКГ Т. Бранкович и И. Пенчевич. Основную массу бойцов постепенно комплектовавшихся подразделений дивизии составляли балканские интернационалисты (югославяне, румыны, болгары, греки), а также русские, поляки, немцы, мадьяры и др.⁹⁵

В формировании дивизии самую активную роль играли одесские балканские коммунистические группы. В печати интернационалистов, а также в одесской партийной и советской прессе систематически публиковались призывы и обращения зарубежных коммунистических групп выступить в защиту Советской власти. Состав командиров и политработников подразделений дивизии пополнялся лучшими работниками балканских коммунистических групп⁹⁶. Выражая чувства горячей солидарности интернационалистов с народами Страны Советов, поднявшимися на священную борьбу за мир, свободу, демократию и социализм, газета «Comunistul» подчеркивала: «Румынские рабочие и крестьяне сознают, что победа Советской России будет означать также победу революции в Румынии»⁹⁷.

В июне 1919 г. укомплектованные на юге Украины интернациональные подразделения были передислоцированы в район Киева, где создавалась 1-я Интернациональная бригада⁹⁸. Изменения эти были вызваны временными успехами на востоке Украины армии Деникина.

Положение самой Одессы осложнялось: возникла угроза изоляции Одесщины от Киева и центра Советской Республики. С моря город был фактически блокирован стоявшими на внешнем рейде кораблями интервентов. Обстреливая временами побережье, они задерживали все суда вплоть до парусников и рыбачьих лодок с мукою и рыбой, направлявшиеся в Одессу из Херсона и других городов⁹⁹. Трудовое население Одессы голодало¹⁰⁰. В селах Одесщины нарастал бандитизм, питавшийся сопротивлением кулаков политике Советской власти.

В июне положение Советской страны резко ухудшилось. Деникин объявил поход на Москву. Наступил, по оценке В. И. Ленина, «самый трудный период нашей революции»¹⁰¹. На северо-запад Украины, в Подолье, с санкций Антанты вторглись петлюровские части, ранее интернированные в Румынии, и галицкие сечевики. Один из корпусов деникинской армии, захвативший Крым и продвигавшийся с боями по Таврии, был нацелен на Одессу¹⁰².

По призыву партии в июне и июле 1919 г. на Украине была проведена мобилизация. Одесский военный округ дал армии многие тысячи бойцов; партийная организация города направила на фронт 50% своего состава. Среди ушедших в Красную Армию было немало членов балканских коммунистических групп¹⁰³.

В начале июля в Одессе, Николаеве и Херсоне были учреждены Советы обороны и введено осадное положение¹⁰⁴. В Одессе и в окрестностях активизировались враги Советской власти. 31 июля вспыхнул мятеж в селах немецких колонистов под Одесской. В борьбе с мятежниками приняли активное участие зарубежные интернационалисты Одессы из балканских, немецкой, французской и других коммунистических групп. Несколько интернационалистов при подавлении мятежа погибли¹⁰⁵.

В середине августа положение Одессы стало критическим:

деникинцы, захватившие 18 августа Одессу, опираясь на флот интервентов, подвергавший Одессу интенсивной бомбардировке, высадили в предместье города десант с моря. 23 августа части Красной Армии вынуждены были временно оставить Одессу: отступавшие из Одессы и Бирзулы подразделения Красной Армии, объединившиеся в Южную группу, стали с боями пробиваться на Житомир и Киев для соединения с основными силами¹⁰⁶. К этому времени деятельность одесских иностранных коммунистических групп была фактически свернута: большая часть их членов находилась в армии; несколько балканских интернационалистов (например, Л. Белоречки и С. Ирич-Хлаватый) погибли в борьбе с деникинцами. Некоторые из интернационалистов (М. Бужор, К. Телалов и др.) были направлены на конспиративную работу в районы сосредоточения антисоветских сил на Балканах — в Румынию и Болгарию¹⁰⁷. Часть членов коммунистических групп (в частности, из состава БКГ) были оставлены на подпольную работу в Одессе и в селах Одесчины¹⁰⁸. Наступил новый этап деятельности зарубежных интернационалистов Одессы, освещение которого не входит в наши задачи¹⁰⁹.

* * *

В истории революционных связей народов России и Балкан Одесса, будучи крупнейшим черноморским портовым городом, центром притяжения ряда районов юга России, населенных балканскими выходцами, занимала особое место.

В годы гражданской войны и интервенции Одесса волей исторических судеб стала узлом ожесточенной борьбы двух миров, базой интервенции и местом концентрации крупных вооруженных сил больших и малых империалистических хищников, объектом вожделения различных буржуазно-помещичьих и мелкобуржуазных и националистических контрреволюционных сил и формирований. В этой борьбе зарубежные (балканские) интернационалисты и созданные ими в Одессе коммунистические группы сыграли немаловажную роль.

Самоотверженная работа большевиков и зарубежных (балканских) интернационалистов в конце 1918 — первой половине 1919 г. среди интервенционистских войск Антанты и связанных с ней малых стран привела к тому, что «солдаты возвращались из Одессы, — по словам В. И. Ленина, — либо убежденными большевиками, либо людьми, которые заявляли, что „они воевать против рабоче-крестьянского правительства не будут“»¹¹⁰.

Деятельность балканских интернационалистов в Одессе на рубеже 1918—1919 гг. и весной и летом 1919 г. в защиту революционных завоеваний трудящихся России и Украины — одна из славных страниц истории российско-балканского революционного сотрудничества.

- 1 Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців за владу Рад на Україні (1917—1920). Київ, 1967; Бачинський А., Дыхан М., Раковський М. Деяльність болгар-інтернаціоналістів на півдні Росії // Участь трудящихся зарубежних країн в Октябрській революції. М., 1967; Сохань П. С. Участь трудящихся балканських країн в борбі за владу рад на Україні (1918—1920) // Actes du premier Congrès international des études balkaniques... IV. Софія, 1969; Інтернаціоналісти: Трудящихся зарубежних країн — учасники борбі за владу Советів на півдні та півострові республік. М., 1971; Мельниченко В. Ю. Діяльність іноземних комуністичних груп на Україні, 1918—1920. Київ, 1977; Deutsch R. Despre Activitatea unor Grupe revolutionare Românești pe teritoriul Rusiei Sovietice // Analele. 1957. № 5; Панайотов П. Приносъ на българи за победата на Октомврийската революция. С., 1967; Милосављевић П. Јужнословенске револуционарне групе у Русије // Balkanica. Beograd, 1973. IV.
- 2 Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців...; Бачинський А., Дихан М. Справжні другарі. Одеса, 1969; Тишев Д., Панайотов П. Революційна діяльність на българи в Одеса през 1919 // Исторически преглед. 1957. № 3.
- 3 Істория гражданской войны в СССР. Т. III. М., 1958. С. 329—331, 397—398; Гуковский А. И. Французская интервенция на юге России. М.; Л., 1928. С. 67—73; Шевчук Т. М. Разгром іноземних інтервентів на півдні Україні, в Криму. Київ, 1959. С. 27—31.
- 4 Гуковский А. И. Указ. соч. С. 239—242.
- 5 Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября: Югославянские интернационалисты в Советской России. М., 1977. С. 167, 174—180; Писарев Ю. А. Из истории эвакуации югославии из Советской России (1918—1919) // История СССР. 1971. № 6. С. 137—138, 141—142.
- 6 Істория гражданской войны в СССР. Т. III. С. 331; Інтернаціоналісти: Трудящихся зарубежних країн — учасники борбі за владу Советів. М., 1967. С. 353.
- 7 Супрученко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966. С. 137.
- 8 Гуковский А. И. Указ. соч. С. 48.
- 9 Коновалов В. Г. Герои одесского подполья. М., 1960. С. 82—88; Цвілюк С. Народжена в підшіллі. Одеса, 1968. С. 63—86.
- 10 Пролетарская солідарність трудящихся в борбі за мир. (1917—1924). М., 1958. С. 87—89.
- 11 Партийный архив Одесского обкома Коммунистической партии Украины (далее: ПАОДО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 564. Л. 6; Очерки истории Одесской областной партийной организации. Одесса, 1981. С. 191.
- 12 Правда. 1919. 9 апр.
- 13 Коновалов В. Г. Указ. соч. С. 42—67; Цвілюк С. Указ. соч. С. 63—91.
- 14 Шевчук Г. М. Указ. соч. С. 132—133.
- 15 Под знаменем Октября. Т. 1: Участие болгарских интернационалистов в Октябрьской революции (далее: ПЗО). М., 1981. С. 439—445.
- 16 Патлажан Ю. І. Незабутній вивів пролетарської солідарності. Львів, 1977. С. 92—93.
- 17 Гуковский А. И. Указ. соч. С. 222—223; Petsalis-Diomidis N. Hellenism in Southern Russia and the Ukrainian campaign // Balkan Studies. 1972. Vol. 13, N 2. P. 241.
- 18 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 316.
- 19 Очерки истории Одесской областной партийной организации. С. 192—196.
- 20 Гражданская война на Украине. Київ, 1967. Т. 1, ч. 2. С. XLIII.
- 21 Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее: ЦПА ИМЛ). Ф. 549. Оп. 1. Д. 4. Л. 48.
- 22 Известия Одесского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее: Изв. Одес. Совета). 1919. 17 апр.
- 23 ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 104. Л. 8.
- 24 Успомене бывшиг румунскиг добровольца у Црвеној армии за време

- Велике Октобарске Социалистичке револуције и грађансог рата. Букурешт, 1957. С. 104—109; Изв. Одес. Совета. 1919. 5 авг.; Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 258—260.
- ²⁵ Изв. Одес. Совета, 1919. 5 авг.; Виноградов В. Н. Указ. соч. С. 258—259.
- ²⁶ Партийный архив Института истории партии при ЦК Компартии Молдавии (Кишинев). Ф. 49. Оп. 3. Д. 25. Л. 157.
- ^{27—28} Успомене... С. 185; Виноградов В. Н. Указ. соч. С. 218.
- ^{29—30} Одесский областной государственный архив (далее: ОдОГА). Ф. листовок. Папка 6; Глуговский А. Н. Из истории румынских коммунистических организаций на территории Советской России // Новая и новейшая история. 1957. № 3. С. 25.
- ^{31—32} Comunitistul. 1919. 1, 3, 8, 13, 22, 27, 31.V.
- ³³ ПАОДО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 949. Л. 7.
- ³⁴ Партийный архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины (Киев). Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 7.
- ³⁵ Там же. Оп. 5. Д. 327. Л. 3; В огне гражданской войны: Из истории борьбы трудящихся Одесчины..., 1918—1920. Одесса, 1962. С. 186, 225; Изв. Одес. Совета. 1919. 15 июля.
- ³⁶ Изв. Одес. Совета. 1919. 30 апр.
- ³⁷ ОдОГА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 264. Л. 30.
- ³⁸ ПАОДО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 51. Л. 4—5, 8—9.
- ³⁹ Там же. Л. 18, 24; ПЗО. С. 104—105; Октябрь и болгарские интернационалисты. М., 1973. С. 175.
- ⁴⁰ ПАОДО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 53. Л. 8; Д. 54. Л. 4; Централен партисен архив при ЦК БКП (София). Ф. Спомени. № 357, 358; ПЗО. С. 254, 287, 293, 310.
- ⁴¹ Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины (Киев). Ф. 1. Оп. 5. Д. 422. Л. 21; Глуговский А. Н. Указ. соч. С. 30.
- ⁴² Комуна. 1919. 14, 21 юни, 5 юли.
- ⁴³ Комуна. 1919. 31 мая.
- ⁴⁴ Там же. 1, 31 мая, 21 юни; 2 авг.
- ⁴⁵ Там же. 5 юни.
- ⁴⁶ Центральный государственный архив Октябрьской революции УССР (далее: ЦГАОР УССР) (Харьков). Ф. 2. Оп. 1. Д. 307. Л. 36; Комуна. 1919. 5 юли.
- ⁴⁷ Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины (Киев). Ф. 29. Оп. 1. Д. 990. Л. 71.
- ⁴⁸ ПАОДО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 51. Л. 8, 18.
- ⁴⁹ ЦГАОР УССР (Харьков). Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 39; ПАОДО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 136. Л. 31; Централен партисен архив при ЦК БКП (София). Ф. Спомени. Д. 69. Л. 1—4; Д. 361. Л. 1; Зарубіжні інтернаціоналісти... С. 210—212.
- ⁵⁰ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 4. Л. 53.
- ⁵¹ Там же Л. 10; Д. 20. Л. 33.
- ⁵² Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. М., 1976. С. 323—324.
- ⁵³ Там же. С. 298, 446, 523.
- ⁵⁴ Изв. Одес. Совета. 1919. 24, 28 мая.
- ⁵⁵ Участие югославских... С. 297.
- ⁵⁶ Зеленин В. В. Указ. соч. С. 186—188; Щербаков Ю. Н. Искры Великого Октября. М., 1982. С. 58.
- ⁵⁷ Участие югославских... С. 314, 321; Зеленин В. В. Указ. соч. С. 185—188.
- ⁵⁸ Участие югославских... С. 321.
- ⁵⁹ Там же. С. 313—316.
- ⁶⁰ В огне гражданской войны. С. 277.
- ⁶¹ Участие югославских... С. 447—448.
- ⁶² Там же. С. 301.
- ⁶³ ОдОГА. Ф. листовок.
- ⁶⁴ Зеленин В. В. Указ. соч. С. 9; Манусевич А. Я. Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917—

- 1920 гг. // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. С. 15.
- ⁶⁵ ПАОДО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1190. Л. 37; *Petsalis-Diomidis N.* Op. cit. Р. 237, 243.
- ⁶⁶ В огне гражданской войны. С. 169.
- ⁶⁷ *Petsalis-Diomidis N.* Op. cit. Р. 238.
- ⁶⁸ Партийный архив Института истории партии при ЦК КПУ (Киев). Ф. 29. Оп. 1. Д. 144. Л. 2; *Коновалов В. Г.* Указ. соч. С. 64—67.
- ⁶⁹ Изв. Одес. Совета. 1919. 20 апр.
- ⁷⁰ Там же. 22 мая.
- ⁷¹ В огне гражданской войны. С. 141—148, 163, 175.
- ⁷² ЦГАОР УССР (Харьков). Ф. 2. Оп. 1. Д. 765. Л. 83.
- ⁷³ ПАОДО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 564. Л. 26; Изв. Одес. Совета. 1919. 5, 19 июля.
- ⁷⁴ ОдОГА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 264. Л. 30.
- ⁷⁵ Партийный архив Института истории партии при ЦК КПУ (Киев). Ф. 29. Оп. 1. Д. 339. Л. 113.
- ⁷⁶ Зісторії діяльності іноземних інтернаціоналістів на півдні України // Архіви України. 1965. № 4. С. 68—69.
- ⁷⁷ ОдОГА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 264. Л. 30.
- ⁷⁸ *Цвілок С.* Указ. соч. С. 118—136.
- ⁷⁹ Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1966. С. 290; *Мельниченко В. Ю.* Указ. соч. С. 34, 156—159.
- ⁸⁰ ПАОДО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 23. Л. 18; Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Т. 1. М., 1968. С. 235.
- ⁸¹ ПАОДО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 316. Л. 11.
- ⁸² Там же. Д. 991. Л. 1.
- ⁸³ Правда. 1918. 6. авг.; *Svjetska revolucija.* 1918. 13 juli.
- ⁸⁴ ПЗО. С. 211.
- ⁸⁵ Жизнь национальностей. 1919. 2 марта.
- ⁸⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 20. Л. 32; Комуна. 1919. 29 мая.
- ⁸⁷ Партийный архив Института истории партии при ЦК КПУ (Киев). Ф. 1. Оп. 3. Д. 17. Л. 4.
- ⁸⁸ Там же. Д. 18. Л. 23; Комуна. 1919. 24, 31 мая.
- ⁸⁹ Попов Б. С. Социалистическое движение в Румынии и образование компартии. М., 1983. С. 23, 53; *Сливаковский Е. И.* В. И. Ленин и борьба за создание компартии Румынии // В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973. С. 239—243, 273—276; Октябрь и болгарские интернационалисты. С. 184.
- ⁹⁰ ЦГАОР УССР (Харьков). Ф. 2. Оп. 1. Д. 765. Л. 46—47; ПАОДО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 949. Л. 7. Ф. 13. Оп. 3. Д. 51. Л. 16; *Бачинский А., Дихан М.* Указ. соч. С. 91—92; *Глуговский А. Н.* Указ. соч. С. 26.
- ⁹¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 4. Л. 15об.
- ⁹² ПЗО. С. 281—282; *Коновалов В. Г.* Указ. соч. С. 69—72.
- ⁹³ Гражданская война на Украине. Т. 1, ч. 2. С. XLIV; Венгерские интернационалисты... С. 230—240; *Супруненко Н. И.* Указ. соч. С. 242—243, 248—253.
- ⁹⁴ Интернационалисты. М., 1967. С. 401—402.
- ⁹⁵ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. М., 1957. С. 450, 462—466; Участие югославийских... С. 262—263, 305, 312.
- ⁹⁶ ПЗО. С. 460—494; В огне гражданской войны. С. 187—190; Изв. Одес. Совета. 1919. 24 мая, 22 июня.
- ⁹⁷ *Comunistul.* 1919. 24 magh.
- ⁹⁸ Боевое содружество... С. 470.
- ⁹⁹ Одесский коммунист. 1919. 12 авг.; Изв. Одес. Совета. 1919. 5 июля; *Супруненко Н. И.* Указ. соч. С. 261—263.
- ¹⁰⁰ ПАОДО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 218. Л. 14—16.
- ¹⁰¹ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 40. С. 141.
- ¹⁰² Гражданская война на Украине. Т. 2. Киев, 1967. С. XXII; *Супруненко Н. И.* Указ. соч. С. 261—263, 273—277.

- ¹⁰³ Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 267; Участие югославянских... С. 185; *Супруненко Н. И.* Указ. соч. С. 256.
- ¹⁰⁴ Изв. Одес. Совета. 1919. 5 июля; *Коновалов В. Г.* Схватка у Черного моря. М., 1965. С. 17.
- ¹⁰⁵ ПАОДО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 949. Л. 7; ПЗО. С. 249; Изв. Одес. Совета. 1919. 4, 5, 8 авг.; Зарубіжні інтернаціоналісти... С. 310—313.
- ¹⁰⁶ *Супруненко Н. И.* Указ. соч. С. 277—281.
- ¹⁰⁷ ПЗО. С. 310; *Рожко В. М.* Дружба, закаленная в боях. Кишинев, 1965. С. 121—122.
- ¹⁰⁸ ПАОДО. Ф. 13. Оп. 3. Д. 51. Л. 5, 8, 37—38; Д. 564. Л. 89; *Жаров Л. И.* *Устинов В. М.* Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960. С. 86.
- ¹⁰⁹ Подробнее см.: *Раковський М. Ю.* Боротьба трудящих Одещини проти денікінської контрреволюції // Боротьба за владу Рад на Україні. Київ, 1977.
- ¹¹⁰ *Ленін В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 293.

Советско-албанские культурные связи (1945—1961 гг.)

Г. Л. МАНЬКОВСКАЯ

На пути культурного строительства, начавшегося в Албании после установления народной власти, возникли большие трудности, разрешить которые одной Албании было не под силу: не хватало средств, кадров интеллигенции. Большое всестороннее содействие было оказано Албании Советским Союзом и другими социалистическими странами. В послевоенный период советские люди смогли более широко и полно познакомиться, чем когда-либо прежде, с культурой албанского народа. В настоящей статье предпринимается попытка на материале имеющихся в нашем распоряжении публикаций в советской и албанской печати рассмотреть культурные связи Советского Союза и Албании с 1945 по 1961 г. В основу сотрудничества между обеими странами были положены принципы уважения суверенитета, равноправия, невмешательства во внутренние дела¹. Советский Союз бескорыстно помогал Албании в становлении ее социалистической культуры².

Советские специалисты, направленные туда на работу, отдавали все силы, опыт и знания делу культурной революции в молодой республике³.

До освобождения от фашизма более 80% одномиллионного населения Албании были неграмотными. Задача ликвидации неграмотности явилась одной из самых неотложных задач культурной революции в стране. С самого начала установления народной власти в Албании были созданы курсы грамотности.

В сентябре 1949 г. Народное Собрание Албании принял указ об обязательной ликвидации неграмотности среди населения в возрасте от 12 до 40 лет. Уже к середине 50-х годов среди населения страны неграмотность была почти полностью ликвидирована. Интересно отметить, что борьба с неграмотностью шла параллельно с ознакомлением с советской литературой. Так, например, на курсах грамотности для молодежи, организованных в 1946 г. на строительстве первой албанской железной дороги Дуррес—Эльбасан, три раза в неделю читались отрывки из романа Н. Островского «Как закалялась сталь»⁴, на молодежных литературных вечерах проводилось чтение отрывков из романа Н. Островского «Рожденные бурей», из романа Д. Фурманова «Чапаев»⁵.

Одним из важнейших мероприятий народной власти была реформа системы народного образования (1946 г.). Политика партии и правительства в области образования была сформулирована в резолюции I съезда АПТ (1948 г.). В резолюции, в частности, отмечалось, что высшее образование молодые албанцы будут получать не только на родине, но и в Советском Союзе и других социалистических странах. В Албании до освобождения не было ни одного высшего учебного заведения. В период с 1946 по 1957 г. в стране было создано 13 вузов дневного, вечернего и заочного обучения. В 1957 г. был открыт Тиранский государственный университет. Советский Союз оказал большую помощь Албании в подготовке национальных кадров интеллигенции⁶. В соответствующих соглашениях и планах культурного обмена между СССР и НРА были определены льготные условия, на которых албанцы — выходцы из трудового народа принимались в советские высшие учебные заведения и аспирантуру⁷. Уже в октябре 1945 г. на учебу в СССР прибыла первая группа албанских студентов. В 1949 г. за границей (в основном в СССР) обучалось 815 албанских студентов. Это число ежегодно возрастало. Албанские преподаватели высших школ, директора албанских институтов в большинстве своем получили образование в СССР. К 1954 г., например, 75% преподавателей Политехнического института в Тиране окончили советские высшие учебные заведения. В албанские высшие учебные заведения командировались для преподавания советские специалисты, направлялись методические материалы, учебники, конспекты лекций, наглядные пособия, лабораторное оборудование. Например, по типу современных советских лабораторий в Политехническом институте в 1954 г. была создана лаборатория по технологии металлов. Система просвещения в Албании стала строиться по советскому образцу, широко использовался опыт советской школы, советской педагогической науки⁸. Для передачи опыта строительства социалистической школы в Албанию направлялись советские специалисты. Так, во второй половине 50-х годов по приглашению Министерства просвещения и культуры НРА советский специалист по педагогике А. В. Несторов читал курс

лекций в тиранском Педагогическом институте, руководил практикой студентов в школах. Находясь в Албании, Нестеров ознакомился с работой албанских школ, которую описал в своих книгах и статьях⁹.

Для восприятия советской культуры, советского опыта важное значение имело овладение русским языком. В 1949 г. факультет русского языка был открыт в Педагогическом институте, в 1957 г.— русское отделение на историко-филологическом факультете Тиранского государственного университета. На других факультетах ТГУ изучение русского языка включало чтение и перевод советской литературы по специальности. На основании постановления Совета Министров НРА от 24 сентября 1953 г. изучение русского языка было введено во всех школах Албании. Изучение русского языка проходило и по другим каналам: уроки велись по радио, общество дружбы «Албания—СССР» организовывало специальные курсы. Большой популярностью албанских читателей, изучавших русский язык, пользовался магазин «Советская книга». По планам культурного обмена между СССР и НРА советские студенты также направлялись в высшие учебные заведения Албании для овладения албанским языком, получения специализации в области преподавания и научного изучения проблем албанского языка, литературы, истории, перевода литературы с албанского языка на русский язык и др. Самые тесные контакты были установлены между албанским отделением филологического факультета Ленинградского государственного университета (отделение было создано в 1957 г.) и филологическим факультетом Тиранского государственного университета. Из ТГУ для чтения лекций советским студентам приглашались албанские специалисты-языковеды.

До 1945 г. русская и советская литература была мало известна в Албании. Первые переводы русской прогрессивной литературы, появившиеся в Албании только в 10—30-х годах XX в., были вызваны острой в ней потребностью демократического и коммунистического движения. В Албании того времени редко находились люди, знавшие русский язык, но использовались любые пути для ознакомления с русской литературой — чаще всего переводы произведений русских писателей делались через языки-посредники, издавались в адаптированном виде, с пропусками и цензурными искажениями. Переводы произведений Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. М. Горького сделались предметом острой полемики между прогрессивной и реакционной печатью. Огромной популярностью среди представителей албанского демократического и коммунистического движения пользовался роман Горького «Мать», изданный в 1935 г., несмотря на многочисленные цензурные запреты. Показательно, что в резолюции организационного совещания основных коммунистических групп Албании (ноябрь 1941 г.) отмечалось, что как средство пропаганды была использована книга Горького «Мать»¹⁰. В произведениях албанской художественной литературы 50-х —

начала 60-х годов (П. Марко «До свидания», С. Спассе «Афердита снова в деревне», В. Кокона «По волнам жизни», Х. Петреля «Людской жалостью», К. Буджели «Королевский конь и новые всадники», Ф. Гъята «Разлом») содержатся сцены, показывающие, как в период реакционного режима Зогу и антифашистского сопротивления на чтении произведений Горького закалялось революционное сознание албанских рабочих, молодой интеллигенции, учащихся.

Хотелось бы отметить определенный интерес в России и в СССР довоенного периода к албанской истории, культуре. Так, тема национально-освободительной антитурецкой борьбы албанского народа под предводительством Скандербега получила отражение в русской и украинской литературе XV—XX вв.¹¹ — в «Повести о Скандерберге, княжати Албанском», в повести «О Албанской стране и княжестве их», в «Скифской истории» А. Лызлова, в «Философских предложениях» Я. Козельского, «Истории Государства Российского» Н. Карамзина, в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. Франко и др. Интересно упомянуть, что в 1927 г. на праздновании в Москве 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции присутствовал Ф. Ноли — прогрессивный албанский политический и культурный деятель, восторженно отзавшись о первом в мире государстве рабочих и крестьян¹².

На новую социалистическую албанскую литературу большое влияние оказали лучшие произведения советской художественной литературы, впервые после освобождения получившие распространение в Албании и в оригинале, и в переводах на албанский язык. Начиная с середины 40-х годов на албанский язык были переведены такие произведения советской литературы, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского, «Молодая гвардия» и «Разгром» А. Фадеева, «Сын полка» В. Катаева, «Волоколамское шоссе» А. Бека, «100 писем о войне» И. Эренбурга, «Железный поток» А. Серафимовича, «Звезда» Э. Казакевича, «Тимур и его команда» А. Гайдара и др. Советская литература издавалась огромными для Албании тиражами. Например, роман Н. Островского «Как закалялась сталь» был опубликован в 1946 г. тиражом 17 тыс. экземпляров, еще большим тиражом — 30 тыс. экземпляров — был издан в 1948 г. роман М. Шолохова «Поднятая целина». Тиражи этих изданий быстро разошлись, и в 50-х годах эти издания фактически стали библиографической редкостью. Широкий выбор произведений советских писателей, вызванный острой необходимостью удовлетворения идеальных и культурных запросов нового албанского читателя, стал возможен благодаря получению из Советского Союза обязательного экземпляра советской книжной продукции, наличию переводческих кадров, овладевших русским языком в советских и албанских высших учебных заведениях.

В 1956 г. началось движение албанской молодежи за полу-

чение значка «Друг книги». Этим значком награждались юноши и девушки, собравшие большую личную библиотеку, прочитавшие и распространявшие большое количество книг. К значку «Друг книги» прилагалось удостоверение, на одной стороне которого были написаны известные слова А. М. Горького о книге из его повести «В людях». В рекомендательном списке литературы, которую должны были прочитать участники соревнования, основное место занимали произведения советских писателей. Советская литература как специальный курс преподавалась на русском отделении историко-филологического факультета ТГУ. Преподавание советской литературы делилось на лекционный курс и семинарские занятия. Семинары проходили по таким, например, произведениям советской литературы, как пьеса А. М. Горького «На дне», поэма В. Маяковского «Хорошо», роман М. Шолохова «Поднятая целина», рассказ А. Толстого «Гадюка» и др. На семинарских занятиях советские и албанские преподаватели стремились провести параллели, найти идеально-тематическое и художественное созвучие произведений советской и албанской литературы, например созвучие произведений Горького и Маяковского и произведений Мидьени — классика албанской литературы, с большой симпатией относившегося к Советскому Союзу. Советские и албанские преподаватели на основании изучения материалов албанских архивов и периодической печати довоенного периода совместно подготовили курс лекций «Произведения Горького в Албании в 20—30-х годах», который читался на гуманитарных факультетах ТГУ.

В первые годы после освобождения, когда основной упор делался на переводы советской художественной литературы, переводы русской классической литературы были немногочисленны. Только с 50-х годов, когда уже были переведены многие лучшие произведения советской литературы, начали переводиться также произведения классиков русской дореволюционной литературы — Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и др.

Согласно планам культурного сотрудничества между СССР и НРА, в Советском Союзе переводились произведения албанского фольклора¹³, в том числе сказки для детей¹⁴ и художественная литература периода албанского национального Возрождения¹⁵ и современная¹⁶. Переводы находили живой отклик в советской печати. Советский читатель смог познакомиться с неизвестным для него ранее самобытным миром албанской поэзии и легенд. Советские филологи, фольклористы получили новые источники для исследования проблем албанской литературы, фольклора, их связей с литературой и народно-поэтическим творчеством других народов. В 50-х годах публиковались также научно-популярные и научные статьи об албанской литературе¹⁷, об отражении албанской тематики в советской литературе — в произведениях В. Маяковского, А. Твардовского, И. Эренбурга, А. Первентцева, С. Щипачева, В. Кожевникова, В. Солоухина,

А. Малыпко и др.¹⁸ В 1957 г. Издательством АН СССР в серии «Литературные памятники» впервые было издано русское произведение XVII в. «Повесть о Скандерберге». Для ознакомления советской общественности с литературой дружественного албанского народа организовывались литературные встречи, вечера. Так, например, 3 ноября 1950 г. в Центральном Доме литераторов в Москве состоялся вечер памяти классика албанской литературы Н. Фрашери. С докладом выступил С. Щипачев.

Важным очагом культуры в народной Албании сделались библиотеки¹⁹. К 1957 г. насчитывалось свыше 30 крупных библиотек и 600 сельских (в том числе читален). Большим источником пополнения фондов русской и советской литературы являлся книгообмен с советскими библиотеками — Всесоюзной Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, Фундаментальной библиотекой МГУ и др. Советский Союз помог Албании в подготовке национальных кадров с высшим библиотечным образованием. Советские специалисты в области библиотечного дела оказали Национальной библиотеке и Библиотеке ТГУ практическую помощь в расстановке книжных фондов, организации выставок, алфавитных и систематических каталогов. Библиотеки организовывали вечера и выставки, посвященные русской дореволюционной и советской литературе. Так, например, в 1957 г. состоялся организованный Национальной библиотекой городской вечер, посвященный творчеству Горького. Во время вечера была открыта выставка изданий произведений писателя на русском и албанском языках. В 1960 г. Библиотека ТГУ совместно с историко-филологическим факультетом ТГУ организовала конференцию, приуроченную к 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого, на которой было прочитано два доклада — о творчестве Толстого и переводах его произведений в Албании. На конференции была показана инсценировка по роману «Анна Каренина».

До 1944 г. в Албании не было профессионального театра; отдельные постановки осуществлялись самодеятельными коллективами. Известно, что из русских пьес в 30-х годах были поставлены лишь пушкинский «Скупой рыцарь» (в гимназии г. Шкодры) и чеховская пьеса-шутка «Медведь» (в г. Корче), пользовавшиеся, по свидетельству современников, большой популярностью. Интересно отметить, что в 1924 г. московская театральная публика познакомилась с блестящей игрой А. Моисси — прославленного актера-албанца, вынужденного жить за границей. Актёрское мастерство Моисси, исполнившего роли шекспировского Гамлета и толстовского Протасова, высоко оценил К. С. Станиславский. С большой симпатией Моисси относился к советскому народу²⁰.

Первой советской пьесой, поставленной на албанской сцене после освобождения от фашизма, была переведенная с итальянского языка пьеса Горького «На дне». Постановка была осуществлена театральной группой Союза албанской антифашистской молодежи в Шкодре в феврале 1945 г., а спустя несколько меся-

цев — в Тиране, на съезде антифашистской молодежи. В феврале 1945 г. газета «Молодежь, вперед!» отмечала большой успех горьковской пьесы, протестующей против слепой покорности, зовущей к борьбе за человеческое счастье²¹. В ходе культурной революции в Тиране и других городах страны были созданы профессиональные театры. В 50-х годах для них с помощью Советского Союза были подготовлены театральные кадры — режиссеры, драматические артисты, артисты оперы, балета — выпускники ГИТИСа, других театральных институтов, Московской консерватории, Хореографического училища при Большом театре. Советские преподаватели театральных вузов, артисты и режиссеры оказали работникам албанского театра большую помощь в изучении системы Станиславского, в создании постановок на основе метода социалистического реализма, облегчили процесс создания албанской социалистической драмы. Согласно планам культурного обмена между СССР и НРА, советская сторона регулярно посыпала в Албанию материалы о сценическом искусстве, методике работы по совершенствованию мастерства актеров. Совместными усилиями советских и албанских режиссеров и актеров в 50-х годах были поставлены пьесы, пользовавшиеся большой популярностью у албанских зрителей: «Женитьба» и «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Не все коту масленица» Н. А. Островского, «Мещане» и «Враги» А. М. Горького, «Платон Кречет» А. Е. Корнейчука, «Нашествие» Л. М. Леонова, «Под каштанами Праги» К. М. Симонова, «За тех, кто в море» и «Разлом» Б. А. Лавренева, «Оптимистическая трагедия» В. В. Вишневского, «Кремлевские куранты» Н. Ф. Погодина и др. При творческом участии Государственного театра кукол в Москве на сцене Кукольного театра Албании были поставлены спектакли «Золушка», «Машенька и медведь» и др., куклы для которых присыпались из советских кукольных театров. В 50-х годах на албанской сцене с успехом исполнялись «Русалка» А. С. Даргомыжского, «Иван Сусанин» М. И. Глинки, «Бахчисарайский фонтан» Б. В. Асафьева и др. Характеризуя игру албанских артистов в опере «Русалка», С. Юткевич писал, что они «показали не только овладение мастерством вокала, но и создали сценические образы, опирающиеся на традиции русской оперной школы»²².

Со второй половины 40-х годов получили развитие взаимные гастроли. В 1949 г., например, в Москве гастролировал хор Албанской народной армии, в репертуар которого входили албанские и русские народные песни, произведения русских классиков²³. В 1951 г. во время проведения месячника албано-советской дружбы в Албании прошли гастроли солистов Большого театра. В 1949, 1951 гг. албанские трудящиеся познакомились с творчеством советских артистов В. В. Барсовой и О. В. Лепешинской, посетивших страну в составе культурных делегаций. Албанские певцы, обучавшиеся в СССР, были проводниками албанского музыкального искусства. Концерты, которые они давали в советских городах, проходили с большим успехом.

После освобождения от фашизма стала создаваться национальная албанская кинематография²⁴. В 1949 г. началось строительство киностудии «Новая Албания». Советский Союз снабдил киностудию современной советской аппаратурой. По планам культурного сотрудничества в СССР обучались албанские студенты — будущие работники кино, посыпались советские специалисты и советская литература по кинематографии, албанские кинематографисты проходили практику на советских киностудиях, происходили совместные съемки фильмов. По данным на 1958 г., в Албании действовало 150 киностационаров и передвижек. Большое место занял показ советских фильмов. Уже в 1949 г. в Албании демонстрировалось 30 советских художественных и 24 документальных фильмов. В адрес управления кинематографии НРА было отправлено в 1955 г. 183, а в 1956 г. свыше 200 советских художественных, мультипликационных, документальных, научно-популярных фильмов и киножурналов для демонстрации на киноэкранах Албании.

Большой популярностью пользовались советские фильмы, в том числе по произведениям русской дореволюционной и советской литературы — «Сельская учительница», «Чапаев», «Молодая гвардия», «Зоя», «Александр Матросов», «Воскресенье», «Анна Каренина», «Судьба человека», «Хождение по мукам» и др. Об огромном наплыве зрителей, например, на фильм «Судьба человека» писал албанский журнал «Дружба»²⁵. «Трудно найти другое произведение кино,— писал журнал „Ноябрь“,— которое бы так ясно и полно показало идеи гуманизма, победы человеческой воли и духа над страданиями и трудностями во имя лучшей жизни, во имя победы прекрасного на земле»²⁶. Советские кинофильмы демонстрировались не только в городах страны, но и в далеких горных поселках. Присланные ВОКСом кинопередвижки только в 1953 г. дали в селах 512 киносеансов. Очевидцы рассказывали, как нравилсяся, например, горцам фильм «Чапаев», они его смотрели по нескольку раз.

Важной формой сотрудничества явились совместные съемки документальных и художественных фильмов советскими и албанскими работниками кино: в 1948 г.— фильмов «Новая Албания» и «Первый конгресс партии», в 1951 г.— «Славный путь» (к 7-й годовщине освобождения Албании), в 1953 г.— «Великий воин Албании Скандербег», в 1958 г.— «Буря» и другие фильмы с успехом демонстрировались на советских и албанских экранах. В 1954 г. жюри международного кинофестиваля в Канне (Франция) присудило фильму «Великий воин Албании Скандербег» международную премию, а жюри Высшей технической комиссии французской кинематографии (на том же фестивале) присудило фильму Большую премию как лучшему цветному фильму. В съемках фильма, которые проходили в Албании и Советском Союзе, участвовали работники советского и албанского кино — кинорежиссеры, кинооператоры, художники, артисты. Роль юного Скандербега играл албанский школьник из г. Берата. «С чувством глу-

бокого волнения и ответственности,— вспоминал советский кинооператор Андриканис,— осуществляли мы, советские кинематографисты, в содружестве с киноработниками Народной Республики Албания постановку этого фильма». Работе над картиной предшествовало длительное изучение истории и этнографии Албании, поездка советских кинематографистов в Албанию, их знакомство с жизнью албанского народа, с его древней культурой и искусством. «Вдохновленный величественным историческим прошлым героического народа и его замечательным настоящим,— писал Андриканис,— творческий коллектив стремился вложить в создаваемый фильм все свои знания, весь свой опыт, все свое мастерство»²⁷.

В 50-х годах получило развитие албанское социалистическое изобразительное искусство. Советский Союз помогал Албании в подготовке национальных кадров художников, скульпторов. Их работы были представлены на выставках в Москве (выставка, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в 1957 г. и выставка изобразительного искусства социалистических стран в 1959 г.) и заслужили высокую оценку критики²⁸.

После установления народно-демократического строя в Албании стала интенсивно развиваться национальная наука²⁹. Согласно планам культурного обмена между СССР и НРА происходил регулярный обмен списками научных изданий и самими научными изданиями по вопросам истории, языкоизложения, юриспруденции, естествознания, сельского хозяйства, биологических наук, а также архивными материалами и авторефератами диссертаций, происходили взаимные рекомендации научных статей и изданий для перевода и другие формы обмена. С середины 50-х годов в институтах АН СССР, МГУ и других советских высших учебных заведениях советскими и албанскими соискателями были защищены первые диссертации по албанской проблематике³⁰. Укреплялись связи советских и албанских историков³¹. В 1960 г. в Институте истории АН СССР была создана рабочая группа по изучению истории Албании, Венгрии, Румынии. В широком тематическом и хронологическом аспекте на основе марксистско-ленинской методологии в 50-х годах советскими и албанскими историками исследовались различные аспекты истории Албании, в том числе проблемы историографии и источниковедения³², албанского национально-освободительного движения XV—XX вв.³³, периода антифашистского сопротивления³⁴, образования народно-демократической республики³⁵, русско-албанских связей³⁶ и др. Плодотворной формой сотрудничества в области исторической науки стала организация двусторонних научных сессий. Так, 25—26 ноября 1954 г. в Москве состоялась сессия советских и албанских историков, посвященная 10-летию освобождения Албании³⁷. Совместная работа советских и албанских историков — разыскание в архивах СССР и Албании неизвестных ранее материалов по истории Албании, научная

систематизация и анализ этих материалов на основе марксистско-ленинской методологии, способствовали взаимному творческому обогащению, создавали почву для плодотворной работы над сюжетами албанской истории.

Результатом изучения албанской этнографии, обобщения материалов совместных албано-советских археологических раскопок и этнографических экспедиций явились опубликованные в 50-х — начале 60-х годов статьи советских и албанских авторов, в том числе совместные ³⁸. Советские археологи и этнографы, участвовавшие в научных экспедициях в Албании, получили, возможность непосредственного изучения ценных памятников античной культуры. В 50-х годах проводились также совместные географические экспедиции в Северную и Южную Албанию ³⁹.

В рассматриваемые годы получили развитие различные формы сотрудничества и взаимопомощи между советскими и албанскими языковедами. Были изданы албанско-русские и русско-албанские словари ⁴⁰, проводились научные дискуссии, совместные исследовательские работы по албанскому языку и сбору лингвистического материала ⁴¹. Албанский лингвистический материал представил советским языковедам возможность расширить и углубить проблематику сравнительно-типологических исследований в области общего индоевропейского языкознания.

В настоящей статье мы смогли затронуть только область гуманитарных наук, не имея возможности представить советско-албанское сотрудничество в области технических и естественных наук, которое также успешно развивалось в рассматриваемый период.

Большой вклад в развитие советско-албанских культурных связей внесли ВОКС, Общество советско-албанской дружбы, Общество дружбы «Албания—СССР». Общество дружбы «Албания—СССР», созданное в 1945 г., было одной из самых массовых организаций албанских трудящихся. Оно организовывало различные кружки, изучавшие советские достижения в области экономики и культуры, проводило митинги и собрания, лекции, организовывало различные выставки, издавало советские книги. Общество ежегодно проводило месячники албано-советской дружбы. Деятельность Общества, вопросы албано-советских культурных связей находили широкое отражение в издававшемся Обществом журнале «Дружба» (*Miqesija*) ⁴². По линии ВОКС, Общества советско-албанской дружбы организовывались выставки, вечера, посвященные албанской истории и современности, проходил постоянный обмен культурными делегациями. Советские люди, побывавшие в Албании в составе культурных делегаций, выносили самые яркие и теплые впечатления о стране, о ее героическом и дружественном Советскому Союзу народе ⁴³. Печатные органы ВОКСа и Союза обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами освещали вопросы экономического и культурного развития Албании, советско-албанских культурных отношений, деятельность Общества дружбы «Албания—СССР»,

распространение в СССР переводов албанской литературы, организацию выставок албанского изобразительного искусства и вечеров советско-албанской дружбы, показ албанских и совместных советско-албанских кинофильмов⁴⁴.

Обзор советско-албанских культурных связей за 1945—1961 гг. свидетельствует об их всестороннем характере, отвечавшем интересам советского и албанского народов. Несмотря на прекращение в начале 60-х годов непосредственных культурных связей, в СССР продолжают издаваться произведения албанской художественной литературы (периода албанского национального Возрождения и современной) и фольклора⁴⁵, публикуются научные монографии и статьи по албанской проблематике, защищаются докторские и кандидатские диссертации⁴⁶. Национальный комитет историков Советского Союза, правление Общества советско-албанской дружбы проводят заседания, посвященные знаменательным датам албанской истории и культуры. В 1982 г. в Ленинградском государственном университете было торжественно отмечено 25-летие албанского отделения филологического факультета, подготовившего за этот период высококвалифицированных специалистов в области албанского языка и литературы.

Советский Союз, верный своей интернационалистской политике, последовательно выступает за нормализацию отношений с Албанией. «КПСС,— говорил тов. М. С. Горбачев на XXVII съезде Коммунистической партии Советского Союза,— за честные, открытые отношения со всеми коммунистическими партиями, всеми государствами мировой социалистической системы, за товарищеский обмен мнениями с ними. Мы стремимся видеть в первую очередь то, что объединяет социалистический мир»⁴⁷.

¹ Соглашение о культурном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Албанией // Собрание постановлений Правительства СССР. М., 1957. № 3.

² См.: *Варфи А.* Культура новой Албании // Иностр. лит. 1955. № 6; *Манчха П.* Албания на пути к социализму. М.: Госполитиздат, 1951; *Чувилев В. И.* Развитие социалистической культуры в Народной Республике Албания // 15 лет Народной Албании. М., 1959; *Юткевич С.* Искусство народной Албании. М.: Искусство, 1958.

³ Только, например, с 1951 по 1954 г. в Албании работало 1714 советских специалистов. Здесь и далее статистические материалы приводятся на основе использованных в статье источников и литературы.

⁴ *Rinia.* 1947. N 3.

⁵ *Rinia.* 1950. N 44.

⁶ *Келячи З.* Высшие учебные заведения Албании // Вестн. высш. шк. 1954. № 6; *Келячи З., Макаров В. Т.* Университет народной Албании // Там же. 1958. № 2; *Колека С.* Экономическое и культурное развитие Народной Республики Албании // Вопр. экономики. 1955. № 3; *Кремнев П.* Подъем просвещения и культуры в Народной Республике Албания // Сов. педагогика. 1952. № 7; *Несторов А. В.* Краткий очерк развития просвещения и культуры в Народной Республике Албании. Саратов. 1958; *Он же.* Просвещение и культура в Народной Албании // Сов. педагогика. 1959. № 11; *Он же.* Развитие культуры и просвещения в Народной Албании // Там же. 1956. № 5; *Элези И.* Юридический факультет

- Тиранского государственного университета выпустил первые кадры // Известия вузов. Правоведение. Л., 1958. № 4.
- ⁷ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Народной Республики Албания об обучении граждан Народной Республики Албания в высших гражданских учебных заведениях СССР // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1957. Вып. 15.
- ⁸ Нестеров А. В. О перестройке учебно-воспитательной работы в школах Албании // Политехи. обучение. 1957. № 8; Он же. Общеобразовательная школа в Албании // Нар. образование. 1958. № 1; Он же. Развитие среднего специального образования в Народной Албании // Среднее спец. образование. 1957. № 7; Он же. Расцвет начального образования в Народной Албании // Нач. шк. 1957. № 6.
- ⁹ См. сноски 6, 8.
- ¹⁰ Dokumenta e materiale historike nga lufta e popullit shqiptar për liri e demokraci. 1917—1941. Tiranë, 1959. F. 497; О распространении русской дореволюционной и советской литературы в Албании см.: Маньковская Г. Л. Первые переводы русской литературы в Албании в 10—30-х годах XX в. М., 1966.
- ¹¹ Попов П. М. Албанія в російській та українській літературах XV—XX ст. Київ, 1959.
- ¹² Маньковская Г. Л. Литературное творчество Фана Ноли: Критико-библиографическое исследование. М., 1974; Смирнова Н. Д. Албанский «Красный епископ» Фан Ноли // Новая и новейшая история. 1973. № 3.
- ¹³ Албанские поэмы. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950; Песни свободной Албании. М.: Гослитиздат, 1954; Албанські оповідання. Київ: Держлітвидав України, 1954; Сказки Албании. Баку, 1960.
- ¹⁴ Кого испугались. М.: Детгиз, 1955; Сказки Албании. М.: Детгиз, 1957.
- ¹⁵ Зако-Чаюпи А. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1953; Зако-Чаюпи А. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1955; Мидьени: Избранное. М.: Гослитиздат, 1954; Фрашери Н. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1956.
- ¹⁶ Алибали Ю. Рам Сула: Рассказ // Новый мир. 1947. № 3; Гъята Ф. Вода спит, враг не спит: Повесть. М.: Изд-во иностр. лит., 1953; Он же. Песнь о партизане Бенко // Новый мир. 1950. № 8; Силичи Л. Дорога к счастью: Стихи // Новый мир. 1949. № 7; Силичи Л. Албания моя: Стихи // Иностр. лит. 1959. № 11; Спассе С. Они были не одни: Роман. М.: Изд-во иностр. лит., 1958; Якова К. Халиль и Хайрия. М.: Искусство, 1958; и др.
- ¹⁷ Алибали Ю. Албанская литература // Новый мир. 1947. № 3; Дмитриев С. Албанская литература: Краткий очерк // Знамя. 1950. № 12; Лъзов С. Поэзия свободной Албании // Лит. газ. 1951. 11 янв.; Розов Н. Н. Повесть о народном герое Албании в древнерусской письменности // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1953. Т. 12, вып. 6; Малинчев Д. Два исследования о литературе Албании // Вопр. лит. 1957. № 5; Светлов Л. Рассказы о Георгии Скандербеге // Новый мир. 1957. № 5; и др.
- ¹⁸ Попов П. Н. Албания в советской поэзии // Сов. Украина. 1959. № 3. См. также сноска 11.
- ¹⁹ Селя ІІІ. Народная Республика Албания // Библиотекарь. 1958. № 3.
- ²⁰ Нестеров А. В. Краткий очерк развития... Юткевич С. Искусство Народной Албании.
- ²¹ Rinia rëgëraga. 1945. Shk.
- ²² Юткевич С. Искусство Народной Албании. С. 99.
- ²³ Канкарович А. Хор Албанской народной армии // Сов. музыка. 1950. № 1.
- ²⁴ Копалик И. Кинематография Албании // Искусство кино. 1952. № 8; Юрьев Р. Рожденный дружбой фильм // Искусство кино. 1954. № 2; Юткевич С. Искусство Народной Албании.
- ²⁵ Miquesia. 1960. N 1.
- ²⁶ Nëndori. 1959. N 9.
- ²⁷ Андриканис Е. Записки кинооператора. Из опыта работы над фильмом «Великий воин Албании Скандербег». М., 1956. С. 3.

- ²⁸ Блюміна І. Художники Албанії // Мистецтво. Київ, 1959. № 3; Грибов Е., Малютин М. Ростки новой культуры // Творчество. 1959. № 4; Прокоф'єва М. Художники Албании // Искусство кино. 1959. № 4.
- ²⁹ О развитии науки в Албании и советско-албанских научных связях см.: Алибали Ю. Наука Албании на подъеме // Наука и жизнь. 1955. № 10; Лебедев Д. Р. Развитие науки в Народной Республике Албании // Природа. 1951. № 6.
- ³⁰ Арш Г. Л. Некоторые вопросы истории Южной Албании конца XVIII—начала XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1959; Белегу М. Реакционная политика феодально-буржуазного правительства Ахмета Зогу в период реакционной Албанской Республики (1925—1928 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958; Веселаго Е. Б. Византийский историк XV в. Лаоник Халкокондил как источник по истории средневековой Албании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Иванова Ю. В. «Законник Лека Дукагыни» как этнографический источник: (К истории общественных отношений в Северной Албании в конце XIX — начале XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; Миле К. Освободительное движение албанского народа против турецкого ига в период Танзимата: (30—70-е гг. XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961; Несторов А. В. Из истории развития просвещения в Народной Республике Албании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1958; Сенкевич И. Г. Национально-освободительное движение в Албании в 1908—1910 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956; Смирнова Н. Д. Образование Народной Республики Албании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956.
- ³¹ Дудзинская Е. А. Международные научные связи советских историков. М.: Наука, 1978.
- ³² Алибали Ю. Историческая наука в Албании // Вопр. истории. 1955. № 8; Веселаго Е. Б. Известия Лаоника Халкокондила об албанцах // Византийский временник. 1956. Т. 10; Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Некоторые проблемы новой и новейшей истории Албании в трудах албанских историков // Новая и новейшая история. 1959. № 6; Смирнова Н. Д. Некоторые проблемы истории Албании в освещении журнала «Bulletin për shkencat shqërtore» // Вопр. истории. 1954. № 12; и др.
- ³³ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М.: Изд-во МГУ, 1960. Ч. II; Он же. Из истории национально-освободительного движения в Албании в 1910—1912 годах // Вопр. истории. 1954. № 11; Поло С. Русская революция 1905—1907 гг. и борьба албанского народа за независимость // Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение. М., 1955; Рыжкова В. П. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение в Албании (1918—1921 гг.) // 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. [Т. 1]. М., 1957; Сенкевич И. Г. Младотурецкая революция 1908 г. и албанское национальное движение // Сов. востоковедение. 1958. № 1; Она же. Национально-освободительное движение албанского народа в начале 20 века // Вопр. истории, 1956. № 6; Она же. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959; Смирнова Н. Д., Сенкевич И. Г. Освободительная борьба албанского народа против турецких поработителей в XV веке // Вопр. истории. 1953. № 12; и др.
- ³⁴ Багламая Дж. К истории Национально-освободительного фронта в Албании // Вопр. истории. 1958. № 8; Смирнова Н. Д. Из истории итальянской агрессии в Албании (1938—1941 гг.) // Новая и новейшая история. 1957. № 3; Она же. Из истории национально-освободительной борьбы албанского народа в период второй мировой войны (1939—1944) // Вопр. истории. 1952. № 8; и др.
- ³⁵ Смирнова Н. Д. Образование Народной Республики Албании, 1939—1946. М., 1960.
- ³⁶ Арш Г. Л. Русско-албанские связи в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. // Ист. записки. М., 1958. Вып. 63.

- ³⁷ Материалы сессии см.: Науч. сес. Отделения ист. наук АН СССР, посвящ. 10-летию освобождения Албании // Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. 1955. Вып. 5.
- ³⁸ Блаватский В. Д., Ислами С. Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. // Сов. археология. 1959. № 4; Зойзи Р., Иванова Ю. Музей археологии и этнографии в Тиране // Сов. этнография. 1959. № 2; Иванова Ю. В. Научная командировка в Народную Республику Албанию // Там же. 1957. № 3; Иванова Ю. Научная работа в Народной Республике Албания // Там же. 1950. № 3; Ислами С. Семейная община албанцев в период распада (конец XIX — середина XX в.) // Там же. 1952. № 3; Смирнова Н. Д. Археология и древняя история в Албании: (По материалам Бюллетея Института наук) // Вестн. древ. истории. 1953. № 2; и др.
- ³⁹ Силаев Е. Д. Географическая наука в Албании // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1956. № 3.
- ⁴⁰ Коци Р. Д., Скенди Д. И. Краткий албанско-русский словарь. М., 1950; Косталари А. Карманный русско-албанский словарь. М.: ГИС, 1959; Коци Р. Д. Карманный албанско-русский словарь. М.: ГИС, 1961; Русско-албанский словарь. М.: ГИС, 1954.
- ⁴¹ Десницкая А. В. Филологическая наука в Народной Республике Албания // Вестн. АН СССР. 1957. № 5; Сухотин В. П., Косталари А. Основные проблемы албанского языкоznания // Вопр. языкоznания. 1955, № 4.
- ⁴² О деятельности Общества см.: Копалин И. П. В Народной Албании // Наука и жизнь. 1952. № 12; Нестеров А. В. Краткий очерк развития...
- ⁴³ Бурлака П. От Шкодера до Бутринто. М.: Географиз. 1958; Лазорин В. По Народной Республике Албания: (Путевые заметки). Уфа, 1958.
- ⁴⁴ Gulia G. Albania, september 1952 // VOKS bull. 1953. N 78; Perventsev A. The new Albania on the road to socialism // VOKS bull. 1953. N 79; Shuteriqi Dh. In the Great Land of Soviets // VOKS bull. 1951. N 67; Troschin A., Roubtsov B. Journal of Albania Soviet friendship // VOKS bull. 1952. N 77; Челыхжев Ю. Наши связи с албанцами // Культура и жизнь. 1959. № 12.
- ⁴⁵ Албанская классическая поэзия. М.: Худож. лит., 1981; Албанская новелла XIX—XX веков. Л.: Худож. лит., 1983; Буджели К. Королевский конь и новые всадники: Роман. М.: Воениздат, 1972; Два барана и волк. М.: Дет. лит. 1977; Каламата К. Под властью пугала: Роман. М.: Прогресс, 1977; Мыши, кот и сверчок: Албанские народные сказки. М.: Дет. лит., 1984; Старинные албанские сказания. М.: Худож. лит., 1971; и др.
- ⁴⁶ Основные проблемы balkанистики в СССР. (Балканские исследования; Вып. 5); Жугра А. В. Возникновение и развитие советского албановедения // Исследования по историографии славяноведения и balkанистики. М., 1981; Маньковская Г. Л. История Албании в работах советских авторов // Вопр. истории. 1982. № 12; Она же. К изучению вопроса о формировании албанской национальной культуры // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.
- ⁴⁷ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля 1986 г. М., 1986. С. 89.

Из истории развития советско-турецких отношений в области науки и культуры (70-е — начало 80-х годов)

И. Ф. ЧЕРНИКОВ

Не подлежит сомнению, что дружественные отношения между СССР и Турцией призваны служить важным фактором в деле поддержания мира и безопасности на Балканах и Ближнем Востоке.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции отношения между обеими соседними странами получили принципиально новое развитие. Уже в Декрете о мире со всей решительностью было заявлено о поддержке Советским правительством национально-освободительных движений порабощенных империализмом народов¹. В другом чрезвычайно важном документе — Обращении Совнаркома РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. — провозглашалось, что тайные договоры царизма о разделе Турции «ныне порваны и уничтожены»². Традиции дружественных отношений между СССР и Турцией неразрывно связаны с именем первого президента Турецкой Республики М. К. Ататюрка. История советско-турецких отношений, насчитывающая шесть с половиной десятилетий сложного, противоречивого, но все же мирного развития, со всей очевидностью свидетельствует, что добрососедство, взаимопонимание и сотрудничество между СССР и Турцией всегда шли на пользу их народам, а от недоверия и отчуждения страдали интересы обеих стран, и прежде всего самой Турецкой Республики.

Получившие позитивное развитие между СССР и Турцией в 70-х — начале 80-х годов равноправные и взаимовыгодные торгово-экономические связи, полезные контакты в области науки и культуры явились материальной основой принципа мирного сосуществования, утвердившегося в отношениях двух соседних государств с различным социальным строем. Этому способствовали и советско-турецкие договоренности, заключенные в эти годы: Декларация от 17 апреля 1972 г. о принципах добрососедских отношений и Политический документ от 23 июня 1978 г. о принципах добрососедского и дружественного сотрудничества.

Важное значение имело также подписанное в ноябре 1964 г. соглашение о культурных и научных связях между обеими странами. И хотя данное соглашение из-за противодействия реакционных кругов не было ратифицировано турецкой стороной, на его основе вырабатывались программы культурных и научных обменов, каждая из которых была рассчитана на два года³.

В 70-х годах получила свое разрешение проблема подготовки турецких специалистов для строившихся или построенных с помощью Советского Союза крупных промышленных предприятий: Искендерунского металлургического завода, Сейдишехирского алюминиевого комбината, нефтеперерабатывающего комплекса в Али-Ага и других объектов. Так, только за время сооружения первой очереди металлургического завода в Искендеруне на его строительных площадках было подготовлено более двух тысяч монтажников, механиков, специалистов других строительных профессий. Искусству управления сложными технологическими процессами обучалась большая группа турецких инженеров и техников, из которых более трехсот выезжали в СССР для прохождения практики на ведущих металлургических предприятиях СССР⁴.

Представители Турции в качестве стипендиатов Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) в 1976, 1977, 1979, 1980 гг. были слушателями международных семинаров-практикумов в области металлургии и электросварки, организованных для специалистов развивающихся стран в Советском Союзе на базе завода «Запорожсталь» и Института электросварки им. Е. О. Патона АН УССР⁵.

Взаимное участие ученых обеих стран в различного рода международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, которые организовывались то в СССР, то в Турции, несомненно способствовало развитию советско-турецких научных связей. В 1971 г. в работе VII конгресса Турецкого исторического общества, отмечавшего свое сорокалетие, приняла участие делегация советских востоковедов во главе с известным туркологом профессором А. Ф. Миллером⁶. Ученые СССР участвовали в заседаниях конгресса другой влиятельной научной организации — Турецкого лингвистического общества. Академик А. Н. Кононов и академик АН Азербайджанской ССР Р. Араслы были избраны почетными членами этого научного общества⁷. В то же время турецкие ученые во главе с профессором А. Иланом были участниками Московского международного конгресса историков в 1970 г.⁸

В начале 70-х годов группа советских туркологов, руководителем которой был профессор Е. К. Саркисян, посетила Турцию. Состоялись встречи и беседы с преподавателями Анкарского университета, работниками ряда турецких архивов, журналистами. Поездка была организована редакцией журнала «Документы турецкой истории». Турецкая сторона была информирована о достижениях советских туркологов в области разработки вопросов средневековой, новой и новейшей истории Турции, создания фундаментальных научных трудов по выявлению, обработке и систематизации архивных материалов, относящихся к истории Турции XVI—XIX вв. Отмечалась также ценность взаимного рецензирования появившихся как в СССР, так и в Турции различных научных публикаций⁹. В свою очередь, турецкие ученые К. Акъюз, Б. С. Байкал, О. Л. Баркан, У. Иг-

демир, А. Ибан были гостями советских востоковедов в эти годы.

Полезную работу по развитию творческих контактов между учеными-балканистами разных стран, в том числе СССР и Турции, проводит созданная под эгидой ЮНЕСКО в 1963 г. Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы (МАИЮВЕ). Так, в организованном по инициативе МАИЮВЕ в Стамбуле (октябрь 1973 г.) Международном коллоквиуме на тему «Стамбул как центр взаимосвязей культур балканских, средиземноморских, славянских и восточных народов»¹⁰ приняла участие делегация советских ученых.

В своих докладах и сообщениях советские участники коллоквиума указали на первостепенную роль России в оказании помощи национально-освободительному движению балканских народов¹¹, осветили вопросы взаимовлияния культур народов Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, развития торговых контактов между Россией и Османской Турцией в XVII—XIX столетиях¹², значения провозглашения Турецкой Республики и установления подлинно равноправных и взаимовыгодных советско-турецких отношений¹³.

В значительной мере способствуют расширению научного сотрудничества, в том числе между СССР и Турцией, созываемые с 1966 г. каждые пять лет конгрессы МАИЮВЕ, на которых подводятся итоги изучения истории, археологии, этнографии, языков, фольклора, литературы, искусства балканских народов¹⁴.

Характерным в этом отношении был Анкарский конгресс (август 1979 г.), активное участие в котором приняла делегация СССР¹⁵.

Советские ученые приняли активное участие в научных форумах, посвященных 100-летию со дня рождения основателя и первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка (1881—1938)¹⁶. 16 марта 1981 г. на сессии ученого совета Института востоковедения АН СССР по случаю 60-летия установления советско-турецких отношений и договора 1921 г., а также юбилея М. К. Ататюрка с докладами выступили: В. И. Данилов («К. Ататюрк — вождь национально-освободительного движения турецкого народа и основатель Турецкой Республики»), Б. М. Поцхверия («Договор о дружбе и братстве 1921 г. и его значение для развития советско-турецких отношений»), А. М. Шамсутдинов («Историческое значение переписки В. И. Ленина и К. Ататюрка»), Н. Г. Якубов («Ататюрк и советско-турецкое экономическое сотрудничество»), П. П. Моисеев («Ататюрк и укрепление экономической независимости Турецкой Республики»).

20 марта 1981 г. в Баку на расширенном заседании ученого совета Института народов Ближнего и Среднего Востока АН Азербайджанской ССР доклад «Ататюрк и советско-турецкий договор 1921 года» сделал Г. З. Алиев. А 24 марта того же года в Тбилиси состоялось заседание ученого совета Института востоковедения АН Грузинской ССР. Был заслушан доклад Б. М. Поцхверия «М. К. Ататюрк и советско-турецкие отношения». В указанных

юбилейных мероприятиях приняли участие видные турецкие ученые¹⁷.

В сентябре 1981 г. в работе IX Турецкого исторического конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения М. К. Ататюрка, приняли участие советские туркологи: академик АН Азербайджанской ССР З. М. Бунятов, Р. А. Гусейнов, В. И. Данилов, П. П. Моисеев, Б. М. Поцхверия. В докладе З. М. Бунягова «Сочинение Махмуда аль-Халати „Поход эмира Яшбея“ как источник по истории Турции XV в.» был дан марксистский научный анализ турецкого источника. Тема выступления Р. А. Гусейнова — «Сельджуковедение в СССР». Рассмотрев начальный этап советско-турецких отношений и роль Ататюрка в их становлении, В. И. Данилов в своем докладе указал, что исторической заслугой Ататюрка явилось то, что он понял и поддержал выдвинутый В. И. Лениным принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Охарактеризовав Ататюрка не только как стойкого борца за политическую независимость своей страны, но и как умелого организатора движения за ее экономическую самостоятельность, П. П. Моисеев подчеркнул, что одним из важнейших элементов экономической стабильности Турецкой Республики ее основатель считал развитие взаимовыгодных торгово-экономических связей с соседними странами. В докладе Б. М. Поцхверия охарактеризована большая работа советских туркологов по изданию речей и выступлений Ататюрка¹⁸.

Плодотворным было также участие представителей Академии наук СССР в международном симпозиуме ЮНЕСКО, приуроченном к юбилею М. К. Ататюрка (Париж, 16—18 декабря 1981 г.)¹⁹. Советские ученые свою первостепенную задачу на симпозиуме видели в разъяснении ленинских принципов внешней политики СССР, в разоблачении различного рода фальсификаций истории советско-турецких отношений, они отстаивали точку зрения советской исторической науки на духовное наследие Ататюрка. «Отношение Кемаля Ататюрка к Советской России,— подчеркивалось в докладе В. И. Данилова,— основывалось на его понимании огромного значения дружбы и поддержки со стороны социалистического государства дела национально-освободительного движения и строительства республики»²⁰.

Существенное значение для экономики развивающихся стран, в том числе Турции, имеет комплексное освоение природных ресурсов Мирового океана. В этом плане советскими учеными в 70-х годах было осуществлено несколько экспедиций по программе «Гидрология и гидробиология континентального склона Черного моря». Так, осенью 1976 г. сотрудники Одесского отделения Института биологии южных морей АН УССР на научном судне «Миклухо-Маклай» исследовали акватории, расположенные в западной и южной частях Черного моря, т. е. у побережья Румынии, Болгарии и Турции. Экспедицию заинтересовало состояние биологических ресурсов морского дна и водного пространства.

«Миклухо-Маклай» побывал во многих местах, где брались биологические и химические пробы, проводились физические измерения и наблюдения²¹. Важное народнохозяйственное значение, в том числе и для Турции, имело выявление при выполнении серии исследований в Восточном Средиземноморье мест высокой биологической активности различных пород рыб²². А во время экспедиции в 1970 г. советские специалисты получили ценные материалы по гидрологии и гидрохимии прибосфорской акватории Черного моря, распределению черноморской воды в Мраморном и Эгейском морях²³.

Учеными СССР дана характеристика структуры и функционирования экологической системы Черного моря, разработан также долгосрочный прогноз его экологического состояния. Насколько это важно для Турции, свидетельствуют данные, опубликованные турецкой организацией по контролю за состоянием окружающей среды, о том, что загрязнение воды в проливе Босфор и бухте Золотой Рог представляет угрозу для здоровья жителей Стамбула²⁴.

Расширению контактов учреждений Академии наук СССР с турецкими научными центрами активно способствует международный книгообмен. Он осуществляется главным образом Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина, Всесоюзной библиотекой иностранной литературы, Институтом научной информации общественных наук АН СССР, научной библиотекой Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, библиотеками Института востоковедения и других институтов АН СССР, Государственной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Центральной научной библиотекой АН УССР²⁵. Из турецких библиотек, ведущих книгообмен с СССР, следует назвать Национальную (Анкара), библиотеки Анкарского, Стамбульского и Босфорского (Стамбул) университетов, Турецких исторического и лингвистического обществ²⁶.

«Примечательным событием в культурной жизни Турции» назвала стамбульская газета «Миллиет» издание массовым тиражом на турецком языке книги Ю. Гагарина и В. Лебедева «Психология и космос». «Нам,— подчеркнула газета,— следует больше знать о жизни и делах нашего великого соседа, о его выдающихся научно-технических достижениях»²⁷. А во время проведения 53-й Международной Измирской ярмарки (август-сентябрь 1984 г.) посетители павильона СССР смогли обстоятельно ознакомиться с экспозицией, отражающей успехи Советской Украины в области науки и культуры. Всеобщее внимание привлекли, например, сложные механизмы, разработанные в Институте электросварки имени Е. О. Патона АН УССР²⁸.

В связи с 40-летием победы сил антигитлеровской коалиции во второй мировой войне турецкий историк профессор Тюрккай Атаев в статье, опубликованной в анкарской газете «Барыш», подчеркнул решающую роль Советского Союза. «Героической борьбой советских людей было предотвращено также планиро-

вавшееся вторжение германских войск в Иран, Индию и Ирак», — говорилось в статье²⁹.

Активизация советско-турецких культурных связей способствовало также ознакомление читателей этой страны с произведениями классиков русской литературы, советских писателей. Так, в 70-х — начале 80-х годов различные турецкие издательства («Алтын калем», «Ойяр» и др.) выпустили массовым тиражом произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Переводы осуществили известные турецкие филологи М. Бейхан и М. Озгюль³⁰.

Из советских авторов изданы и переизданы в переводах на турецкий язык романы А. М. Горького, М. А. Шолохова, ряд произведений В. В. Маяковского, К. М. Симонова, А. Е. Корнейчука, А. С. Макаренко, И. Г. Эренбурга, Ч. Айтматова, Р. Гамзатова.

Популярность Маяковского настолько велика в Турции, что выпущенный издательством «Варлык» сборник его произведений разошелся буквально в считанные дни. В шестой раз только за последние десять лет переиздавались «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова. «Творчество Михаила Шолохова,— заявил председатель анкарской ассоциации культуры А. Чечен,— не знает национальных границ. Его произведения хорошо знают и любят в Турции».

Магазин советской книги, открывшийся в феврале 1977 г. на одной из центральных улиц Анкары, во многом способствовал популяризации многонациональной литературы СССР среди турецкого читателя³¹.

На языках народов Страны Советов переведены и изданы крупными тиражами произведения Назыма Хикмета, Сабахаддина Али, Суда Дервиш, Орхана Кемаля, Решида Нури, Октая Рифата, Омера Сейфеддина, Яшара Кемаля, Джевдета Андая, Азиза Несина, Фахри Эрдинча, Самима Коджагеза, Невзата Устюна, Халдуна Танера и др.³² А произведения выдающегося юмориста современной Турции Азиза Несина изданы в СССР тиражом более полумиллиона экземпляров, что превысило немалые тиражи на его родине³³.

Важное значение в культурном сотрудничестве между обеими странами имеют связи в области театрального искусства, кинематографа, живописи, туризма, спорта.

Памятными событиями в сценической жизни Турции за указанный период были выступления мастеров искусств Страны Советов: певцов В. Левко, Л. Иманова, И. Морозова; исполнителей Д. Башкирова, И. Безродного, Э. Гилельса, В. Климова, И. Ойстраха, В. Пикайзена, гастроли балетной труппы Большого театра СССР, Ленинградского Малого театра оперы и балета, ансамблей народного танца СССР, Украинской ССР, Грузии, Азербайджана, Дагестана, ансамбля «Балет на льду» и других коллективов³⁴.

В то же время в Советском Союзе тепло принимали представи-

телей турецкого искусства: Национальный инструментальный ансамбль, популярных певцов М. Тезджан, И. Чайрли и А. Борана, балерину С. Мерич, вокальное трио «Модерн», а также композитора М. Бюкей, песни которого известны всей Турции³⁵. «Мне вновь посчастливилось побывать в изумительной стране, где люди живут идеями мира и созидания, где искусство и культура поставлены на службу многонационального народа СССР», — заявил известный турецкий певец Айхан Боран³⁶.

Восторженный прием был оказан в Турции азербайджанскому советскому композитору и дирижеру Ниязи, выступившему в качестве музыкального руководителя постановки оперы современного турецкого композитора А. Сайгуна «Кёр-оглы», посвященной М. К. Ататюрку. В 1975—1976 гг. в Анкарском театре оперы и балета работали советские хореографы Н. Чкалова и Р. Сулухидзе³⁷.

В начале 1980 г. под руководством советской постановочной группы в составе азербайджанского композитора А. Меликова, балетмейстера Академического театра оперы и балета УССР им. Т. Г. Шевченко А. Ф. Шикеро, главного художника Львовского театра оперы и балета им. И. Я. Франко Е. Н. Лысика, педагога-балетмейстера Н. Н. Харитонова была осуществлена — вопреки сопротивлению реакционных сил в Турции — постановка балета «Легенда о любви» по мотивам произведения Назыма Хикмета³⁸. В то же время во Втором Международном музыкальном фестивале в Москве участвовали композиторы и музыковеды из Турции³⁹.

По инициативе прогрессивного общества любителей кино «Синематек» в Анкаре и Стамбуле с большим успехом состоялся фестиваль советских фильмов. Были показаны киноленты: «Обыкновенный фашизм», «Отец солдата», «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Они сражались за Родину», «Судьба человека». Фильм «А зори здесь тихие» турецкая печать единодушно назвала выдающимся произведением киноискусства, подлинным гимном победе СССР над фашизмом. С интересом были восприняты и хроникально-документальные фильмы, повествующие о расцвете культуры братских народов Советского Союза: «Дорогами братства», «Поет Украина», «Запорожье — будни и праздники», «Одесский оперный» и др.⁴⁰

На III Ташкентском международном кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки (май 1974 г.) был тепло встречен турецкий фильм «Горячая земля», посвященный трагическому положению крестьян одной из засушливых провинций Анатолии. Известной турецкой киноактрисе Фатьме Гирек за лучшее исполнение роли была вручена награда Комитета советских женщин. На IV Ташкентском кинофестивале в мае 1976 г. с успехом были показаны турецкие киноленты «Наша семья» (режиссер Е. Орбай) и «Азиз Несин — современный Ходжа Несреддин» (режиссер Ф. Туна)⁴¹.

Большое впечатление произвел турецкий фильм «Красная косынка» режиссера Атифа Илмаза — экранизация известной

повести Чингиза Айтматова «Тополек мой в красной косынке». В главной роли выступила турецкая кинозвезда Тюркан Шорай⁴². В 1978—1979 гг. усилиями кинематографистов студии «Мосфильм» и турецкой фирмы «Туграфильм» была отснята полнометражная картина «Любовь моя, печаль моя» по произведению Назыма Хикмета «Легенда о любви» с участием известных советских и турецких артистов⁴³.

Получили развитие и другие формы культурного сотрудничества между обеими странами. Так, в залах Анкарской художественной галереи была открыта выставка «Современное советское изобразительное искусство»⁴⁴. В 1982 г. в Анкаре и Стамбуле была организована выставка «Советская живопись». На vernisаже экспонировались картины мастеров кисти союзных республик СССР: Российской Федерации, Украины, Азербайджана, Киргизии, Латвии, Эстонии. Посетивший выставку министр культуры Турции высказался за дальнейшее укрепление взаимных контактов⁴⁵.

В 70-х годах в выставочных залах Анкары и Стамбула были развернуты фотовыставки: «Советская Средняя Азия», «Советская Украина», «Город-герой Киев», «Мастера киевского балета» и др. А накануне празднования 60-летия образования СССР на центральной магистрали турецкой столицы — проспекте Ататоряка — была развернута постоянно действующая советская фотовыставка, отображающая грандиозные свершения многонационального Советского государства, развивающиеся между Советским Союзом и Турецкой республикой отношения добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества⁴⁶.

Полезными явились в эти годы контакты между советскими и турецкими спортсменами, чему в известной мере способствовал подписанный в 1978 г. протокол о принципах сотрудничества между спортивными организациями СССР и Турции⁴⁷.

Осуществлялся и взаимный обмен туристами. Так, советский пассажирский теплоход «Узбекистан» совершал регулярные круизы по Черному морю с заходом в порты Болгарии, Румынии и Турции. С 1976 г. появились новые туристские маршруты: теплоход «Латвия» осуществлял рейсы по маршруту «Одесса—Пирей—Александрия—Стамбул—Одесса». Турецкие порты посещали советские теплоходы «Украина», «Азербайджан», «Башкирия», «Федор Шаляпин», «Леонид Собинов»⁴⁸.

Тем не менее следует отметить, что научные, культурные и туристские связи СССР и Турции могли бы развиваться интенсивнее и на более стабильной основе, если бы не противодействие определенных и достаточно влиятельных в турецком обществе кругов, стоящих на позициях антисоветизма. Ими был пущен в ход обанкротившийся лозунг о «коммунистической опасности». Чего стоила, например, «бдительность» турецкой цензуры в отношении обмена кинофильмами, которая доходила нередко до курьезов. Так, турецкую киноленту «Горячая земля», предназначенную для показа в Советском Союзе, полгода не выпускали

из Турции. На вопрос продюсера Кадры Юрдатапа представителю таможни: «Может быть, считаете, что фильм пропагандирует левые идеи?» — был дан утвердительный ответ. Тогда Юрдатап саркастически заметил: «Простите, но как мы можем агитировать коммунистов еще раз стать коммунистами?» И только после этого было, наконец, получено разрешение на отправку фильма в СССР. Тем не менее в 70-х годах турецкой цензурой была запрещена демонстрация таких советских фильмов, как «Бег», все серии «Неуловимых мстителей», «Посол Советского Союза» и др.⁴⁹ Конфисковывались книги, изданные в Советском Союзе, которые, по мнению цензуры, содержали «левые» идеи и использовались с целью идеологической пропаганды⁵⁰.

Но отношения добрососедства и сотрудничества между СССР и Турцией, отвечающие коренным интересам народов обеих стран, продолжают развиваться. Важной вехой на этом пути стал официальный визит в Турцию в декабре 1984 г. Председателя Совета Министров СССР. В ходе его состоялось подписание долгосрочной программы экономического, торгового и научно-технического сотрудничества и программы культурного и научного сотрудничества на 1985—1986 гг. между Советским Союзом и Турецкой республикой⁵¹. Подписание этих документов свидетельствует об обоюдном стремлении СССР и Турции продолжать и развивать сотрудничество в области научных и культурных связей.

Советский Союз последовательно и неизменно выступает за дальнейшее позитивное развитие советско-турецких отношений. «Наш жизненный, национальный интерес в том,— отмечалось на XXVII съезде КПСС,— чтобы со всеми сопредельными государствами у СССР были неизменно добрые и мирные отношения. Это существенно важная цель нашей внешней политики»⁵².

¹ Ленин В. И. Доклад о мире 26 октября (8 ноября). // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13—18.

² Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 35.

³ Правда. 1964. 6 нояб. Всего с начала 70-х до середины 80-х годов было подписано 7 таких программ.

⁴ Правда. 1975. 26 дек.; Желтаков А. Д. Изучение культуры Турции в России и СССР // Тюркологический сборник, 1978. М.: Наука, 1984. С. 102.

⁵ Українська РСР на міжнародній арені: Збірник документів і матеріалів, 1976—1980 рр. Київ, 1984. С. 476—477, 483, 488; Українська РСР у міжнародних організаціях: Довідник. Київ, 1984. С. 53.

⁶ VII Türk Tarih Kongresi: Kongreye sunulan Bildiriler. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1972—1973. I—II cilt; Миллер А. Ф. Турецкий исторический конгресс // Народы Азии и Африки. 1971. № 3. С. 233—236.

⁷ Иванов С. Н. О научной и педагогической деятельности А. Н. Кононова // Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1976. С. 11.

⁸ Полвека мирного сотрудничества: К пятидесятилетию договоров Советского государства с Афганистаном, Ираном и Турцией. М.: Наука, 1973. С. 108—109.

⁹ Belgelerle Türk Tarihi Dergisi. Dün. Bugün. Yarın, 1972. N 58. S. 43—45.

- ¹⁰ Istanbul à la jonction des cultures balkaniques, méditerranéennes, slaves et orientales, aux XVI-e — XIX-e siècles. Buc., 1977, 488 p.
- ¹¹ Vinogradov Vladilen N. Экспедиции русского флота в Средиземном море и освободительное движение балканских народов // Istanbul à la jonction... P. 249—253, 475—477.
- ¹² Aliev S. M. Место Стамбула в общественно-политических связях просветителей Азербайджана, Турции и Ирана во второй половине XIX века // Istanbul à la jonction... P. 437—448; Dostjan Irina. Les échanges commerciaux par la mer Noire et les détroits pendant le XVIII-e et la première partie du XIX-e siècle // Ibid. P. 313—321; Kireev N. G. On the history of Russian-Turkish trade relations via Istanbul in the middle of the 18-th century // Ibid. P. 125—131.
- ¹³ Gafurov B. G., Miroshnikov L. I. Turkey's International position and the proclamation of the Republic // Ibid. P. 479—485.
- ¹⁴ См.: Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Européen: Bulletin. XII. Buc., 1974; Bulletin d'archéologie Sud-Est Européenne. N 3. Buc., 1975.
- ¹⁵ Виноградов В. Н. Вопросы новой и новейшей истории на IV Международном конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 1980. № 4. С. 40—57; Quatrième Congrès Internationale des Etudes du Sud-Est Européen (Ankara, 13—18 août, 1979). Ankara, 1979; Quatrième Congrès International des Sud-Est Européen: Travaux du Congrès // Etudes balkaniques. Sofia, 1980. N 1.
- ¹⁶ Mustafa Kemal Ataturk, Founder of a Modern Turkey. Ankara. T. C. Dişisleri Bakanlığı, 1981; Ataturk — 100, 1881—1981. Ankara. T. C. Dişisleri Bakanlığı, 1981; Honouring Ataturk's century: Hallmark from Turkey today // A quarterly Publication of the Ministry of culture, Republic of Turkey. Ankara, May 1981.
- ¹⁷ Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО. Бюллетень 2/44/1981. С. 50—52; Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 146—147.
- ¹⁸ Данилов В. И., Мусеев П. П. IX Турецкий исторический конгресс // Народы Азии и Африки. 1982. № 4. С. 150—154.
- ¹⁹ Ataturk: Founder of a Modern State / Ali Kazancigil and Ergun Özbudun (editors). L.: C. Hurst and Company, 1981. 243 p.; Ataturk fondateur de la Turquie moderne // Publié sous la direction de Ali Kazancigil et Ergun Özbudun. Р.: Masson, 1984. 269 p.; Данилов В. И., Черников И. Ф. Международный симпозиум ЮНЕСКО, посвященный 100-летию со дня рождения Мустафы Кемаля Ататюрка // Народы Азии и Африки. 1982. № 6. С. 135—136; Междунар. симп. ЮНЕСКО, посвящен. 100-летию со дня рождения Мустафы Кемаля Ататюрка // Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы: Респ. межведомств. сб. Киев: Наук. думка, 1983. Вып. 5. С. 114—116.
- ²⁰ Danilov Vladimir N. Kemalism and world peace // Ataturk: Founder of a Modern State. P. 113.
- ²¹ Архив Президиума АН УССР. Ф. 1. Оп. 73. Д. 4. Л. 232; Д. 5. Л. 267; Известия, 1976. 11 нояб.; Правда, 1983. 3 сент.
- ²² Архив Президиума АН УССР. Ф. 1. Оп. 73. Д. 7. Л. 234.
- ²³ Там же. Д. 6. Л. 249.
- ²⁴ За рубежом. 1982. № 17. С. 21; Радянська Україна. 1982. 9 груд.; Хідекелі А. В. Активніше розвивати фундаментальні дослідження, ширше використовувати їх результати // Вісник Академії наук Української РСР. Київ, 1984. № 9. С. 75.
- ²⁵ Народы Азии и Африки. 1973. № 1. С. 223—224; Бакулін К. Ф. Міжнародний книгообмін Центральної наукової бібліотеки АН УРСР // Вісник Академії наук Української РСР. 1971. № 3. С. 103.
- ²⁶ The University of Istanbul: Catalogue. 1962—1963. Istanbul, 1962; Türk Tarih Kurumu Yayınları. Ankara, 1979; Boğaziçi Üniversitesi Dergisi. Sosyal Bilimler. Vols. 4—5. 1976—1977.; vol. 6. 1978. vol. 7. 1979.
- ²⁷ Цит. по: Правда. 1984. 28 июня.
- ²⁸ Радянська Україна. 1984. 25 серп.; Sovyet Ukrayna. Kiev, 1984.
- ²⁹ Цит. по: Правда. 1984. 1 авг.

- ³⁰ Правда. 1976. 7 февр.; 1982. 27 сент.; 1984. 23 июня.
- ³¹ СССР и Турция, 1917—1979. М.: Наука. 1981. С. 278; Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления Украинской ССР (далее: ЦГАОР УССР). Ф. 5110. Оп. 1. Д. 2566. Л. 6; Правда. 1974. 3 июня; 1984. 7 апр., 7 мая.
- ³² Правда. 1976. 6 мая; Комсомольская правда. 1982. 20 янв.; Радянська Україна. 1976. 26 черв.; За рубежом. 1982. № 8. С. 22.
- ³³ См., напр.: Несин Азиз. Избранное: Пер. с тур. М.: Наука, 1974, 280 с.; Он же. Рассказы для вас: Избранное: Пер. с тур. М.: Худож. лит., 1976, 366 с.; Несин Азиз. На карусели: Оповідання: Перекл. з тур. Київ: Дніпро, 1979, 314 с.
- ³⁴ Правда. 1975. 17 июня; 1977. 24 июля; 1982. 10 авг.; Сверчевская А. К. Советско-турецкие культурные связи, 1925—1981. М.: Наука, 1983. С. 159—160.
- ³⁵ Правда. 1977. 2 янв.; 1978. 7 июня; 1982. 15 июня; 1984. 20 июня; Известия. 1976. 2 апр.; Вечірній Київ, 1978. 16 листоп.
- ³⁶ Цит. по: Правда. 1982. 15 июня.
- ³⁷ Правда. 1973. 20 авг.; 1976. 21 марта.
- ³⁸ Сверчевская А. К. Советско-турецкие культурные связи, 1925—1981. С. 109—110; Известия. 1982. 12 нояб.
- ³⁹ Правда. 1984. 20 июня.
- ⁴⁰ ЦГАОР УССР. Ф. 5110, Оп. 1. Д. 2566. Л. 8—9; Д. 2561. Л. 2—3; Правда. 1976. 4, 6 мая. 14 окт.; 1978. 27 апр.
- ⁴¹ Правда. 1976. 26 мая; Известия. 1976. 21, 22 мая.
- ⁴² Правда. 1978. 26, 28 мая.
- ⁴³ Правда. 1978. 13 июня; Гусейнов А. А. Легенда о любви // Сов. экран. 1979. № 23. С. 4.
- ⁴⁴ Правда. 1981. 13 февр.
- ⁴⁵ Известия. 1982. 12 нояб.
- ⁴⁶ ЦГАОР УССР. Ф. 5110. Оп. 1. Д. 2778. Л. 89; Д. 2881. Л. 3; Правда. 1982. 4 окт.
- ⁴⁷ СССР и Турция. С. 281—282.
- ⁴⁸ Правда. 1976. 2 нояб.; Радянська Україна. 1982. 8 лип.; Южная правда (г. Николаев). 1976. 16 нояб.; 1981. 3 янв.
- ⁴⁹ Гусейнов А. А. Турецкое кино: История и современные проблемы. М.: Наука, 1968. С. 87.
- ⁵⁰ Тегсүман. 1982. 11 аг.
- ⁵¹ Правда. 1984. 27 дек.
- ⁵² Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля 1986 г., М., 1986. С. 89.

Научное сотрудничество
советских и румынских литературоведов.
Советско-румынский симпозиум
по проблемам социалистического гуманизма
М. В. ФРИДМАН

Научное сотрудничество советских и румынских литературоведов, сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института истории и теории литературы им. Джордже Кэлинеску АОПН СРР располагает уже прочными традициями.

В соответствии с планом научного сотрудничества в рамках общей темы «Вклад литературы и искусства в формирование и развитие социалистического сознания и социалистического гуманизма» 23—24 октября 1984 г. был проведен советско-румынский симпозиум на тему «Социалистический гуманизм и развитие литератур европейских стран социализма (1945—1980 гг.)». Институт им. Кэлинеску был представлен тремя своими сотрудниками — М. Ангелеску, Дж. Мунтян и Н. Меку. С советской стороны выступило пятнадцать специалистов.

В ходе работы симпозиума был затронут широкий комплекс вопросов, касающихся сущности социалистического гуманизма и его роли в развитии литератур европейских стран социализма. Основные направления дискуссии были намечены в докладе акад. Д. Ф. Маркова «Марксистская концепция личности и социалистические литературы». Гуманизм, историческое развитие концепции человеческой личности, указывалось в докладе, главный фактор художественного прогресса. Гуманистическая концепция человека, в которой находит свое отражение духовный облик, мироощущение художника, органически связана с глобальным вопросом об отношении искусства к действительности, ею обусловлены многие аспекты прогресса искусства — и расширение границ художественного познания мира, и существенные изменения в исторически меняющемся содержании, а следовательно, и в формах искусства.

Далее Д. Ф. Марков подчеркнул, что к оценке художественных явлений следует прежде всего подходить с точки зрения выраженной в нем концепции человеческой личности, человеческого мироощущения. Этим в конечном счете обусловлены и своеобразие конфликтов, и развитие сюжета, вообще вся система образов, угол зрения в обрисовке ситуаций, характеров, в передаче человеческих настроений. Концепция человека — вот тот центр, откуда исходят и куда сходятся все составные элементы произведения. При этом не следует забывать, что концепция человека — категория социально-историческая, что она носит классовый характер. Правдивое искусство всегда гуманистично, однако в своем стремлении

к постижению путей гармонического развития человека искусство прошло долгий и нередко драматический путь. На разных этапах общественного развития оно воплощало в себе различные уровни и типы гуманистического сознания, и задача литературоведения состоит в том, чтобы проследить процесс образного раскрытия духовного и нравственного воззвания человека — от первых проявлений его человеческой сущности до утверждения в нем исторической сознательности, определяющей собой наивысший тип гуманизма. В этой многогранной поступательности — динамическое содержание художественного прогресса.

Коснувшись вкратце особенностей отражения жизни человека искусством от античности до XX века, Д. Ф. Марков подчеркнул, что социалистический гуманизм закономерно возник как продолжение в новую эпоху общей и постоянной устремленности демократического искусства к постижению социальной и духовно-нравственной свободы человека. Это высший тип гуманизма, он с наибольшей последовательностью открывает реальные пути к всестороннему развитию человеческой личности. В социалистическом гуманизме находят свое выражение идеи гармоничного развития человека, полноты реального проявления его духовных и нравственных возможностей, подлинно человеческих отношений людей друг к другу, к природе и обществу. Широкая гуманистическая направленность — важнейшая и, пожалуй, универсальная отличительная особенность искусства социалистического реализма, она служит главным двигателем художественного прогресса нашей эпохи. В современной идеологической борьбе, масштабы которой включают весь спектр человеческих ценностей, новое искусство ведет настоящий бой за человека, открывая перед ним реальные перспективы совершенствования жизни. Извечное стремление художников-гуманистов всех прежних эпох к постижению гармонии, синтеза между личностью и миром, индивидуальностью и народом получает конкретное выражение в новом искусстве.

Далее в докладе было отмечено, что с подобных позиций выступают и многие литературоведы социалистической Румынии, среди них директор Института им. Кэлинеску З. Думитреску-Бушулена, труды которой отличаются духом историзма, и присутствующий на симпозиуме Дж. Мунтян, в статьях которого дано верное осмысление основ ленинской теории отражения. Однако мы еще недостаточно хорошо знаем труды друг друга, поэтому связи между нашими специалистами не должны ограничиваться одними встречами на симпозиумах. Необходимо активнее знакомиться с исследованиями, публикуемыми в наших странах. Это благотворно скажется на решении таких задач, как более гибкое, продуманное отношение к творчеству художников, стоявших еще на позициях абстрактного гуманизма, к наследию сложных, противоречивых художников прошлого, борьба против неверных толкований сущности социалистического гуманизма, мешающих всестороннему раскрытию богатства современных социалистических литератур, и т. д.

Ю. В. Богданов выступил с докладом «Идея гуманизма и современный этап развития социалистических литератур». Исходя из марксистских положений о том, что главным критерием уровня развития цивилизации является мера развития человеческой личности, а высшей целью социально-общественного прогресса — создание материальных и духовных предпосылок для «абсолютного» высвобождения творческих дарований человека, докладчик указал, что универсальная функция современной литературы состоит в выявлении качественных особенностей гуманизма, запрограммированных новой общественно-экономической формацией и постепенно воплощаемых в жизнь по мере развития и совершенствования реального социализма. Актуальной задачей является сегодня освещение эпохи социализма с точки зрения его все большего обогащения новыми элементами гуманизма, а социалистического этапа литературного развития — как закономерного, исторически обусловленного, качественно нового звена в общем движении национального (в контексте интернационального) общественно-культурного и художественного прогресса. Без учета современной фазы, которой достигло социалистическое общество, невозможно правильно оценить и предшествующие этапы его становления.

При анализе послевоенного литературного процесса как целостного явления общественной жизни отчетливо видно, что в переходный период общественное бытие преломлялось в общественном сознании прежде всего через социально-политические категории. После победы социалистической революции, с построением основ социализма меняется и состояние общественного сознания. В развитии нового общественного строя, вступающего в фазу системной зрелости, все отчетливее проявляется действие закономерностей, присущих именно социализму. На передний план выдвигаются социально-нравственные идеи, служащие показателем увеличивающейся значимости и растущего интереса к более глубоким, качественно новым пластам общественного бытия. Идея социально-исторического самоопределения человека, служившая главным источником художественного прогресса на первом этапе послевоенного развития литературы социалистических стран, в условиях победившего социализма качественно обогащается, оборачивается важнейшей гранью этих процессов социально-нравственного обогащения личности.

Задача выявления индивидуальной неповторимости каждого человека, теснейшим образом связанная с конкретизацией общей идеи социалистического гуманизма, оказываясь в центре внимания литературы, активно порождает все новые формы и способы художественного обобщения, стимулирует поток «неожиданных» по содержанию и художественному облику произведений. Ознакомление с достижениями советской литературы — этой уникальной общности социалистических литератур — в последние два десятилетия позволяет говорить о несомненных ее успехах в отражении современной действительности, более углубленном и

широком рассмотрении проблемы «человек и история», проблемы самореализации человека в условиях общества развитого социализма. Советские писатели стремятся показать духовную сложность личности, разнообразие конфликтов, смысловую многозначность проблем и ситуаций. Все это — во имя передачи многомерной сложности бытия, многогранности потенций человеческой личности. Конечно, в этом видится результат прогрессивного усложнения самой жизни, связанного с усложнением структуры общества развитого социализма.

В советской литературной критике последнего времени все чаще в этой связи говорится о полифонии правдивого изображения жизни. В области теории все это получает отражение и успешно закрепляется в новой трактовке социалистического реализма как исторически открытой системы правдивого изображения жизни.

В докладах и сообщениях, посвященных развитию литературы различных стран социализма, был охвачен широкий временной диапазон — от книг военной поры и до произведений последних лет. Много внимания при этом было уделено первым послевоенным годам и периоду строительства основ социализма. Так, например, о гуманизме антифашистской литературы Югославии обстоятельно говорила в своем докладе Г. Я. Ильина. Антифашистская тема в югославских литературах начинает звучать громко и получает художественное адекватное решение, как известно, уже в конце 20-х — начале 30-х годов (А. Цесарец, М. Крлежа, социальная литература). Критический пафос этой литературы был направлен против зарождающегося и утверждающегося в Югославии, а также угрожающего всему миру немецкого и итальянского фашизма. Обнажая политическую, социальную и моральную сущность фашизма, она предупреждала человечество о грозящей ему опасности. В русле антифашистской литературы возникают новые для югославских литератур жанры — гротеск, сатирико-психологический и общественно-политический роман. Получают развитие и приобретают новое качество уже известные жанры (поэма, лирическое стихотворение, психологическая проза, публицистическая драма и др.).

В период народно-освободительного движения (1941—1945) в силу специфики ситуации получают преимущественное развитие малые, оперативные жанры. Каждая из национальных литератур страны развивает антифашистскую тему, опираясь на национальные традиции. В Хорватии, например, наряду с очерком, репортажем, одноактными пьесами возрождается поэма, перекликающаяся с поэмой национального возрождения и романтизма (Вл. Попович, Ю. Каштелан, И. Горан-Коначич и др.). В Словении лидируют лирика и драма (О. Жупанчич, М. Бор).

Послевоенные годы внесли коррективы в жанровую систему антифашистской литературы, как и литературы в целом, однако не изменили ее основного пафоса, который определялся идеей защиты человека, его достоинства, его права на завоеванную кровью национальную и социальную свободу. И еще одно право

отстаивала эта литература — право на память о недавнем прошлом, о жертвах, которые были принесены народами Югославии в борьбе за независимость. Эта литература стала идейным авангардом в развернувшейся битве за человека и его сознание.

Спор между разными художественными системами, подчеркнула Г. Я. Ильина, нельзя сводить к дискуссии о новых и традиционных формах. Он идет по вопросам художественно-философского осмыслиения сущности человека и его общественных и личных связей. Антифашистская литература в Югославии знала и периоды бурного развития, и периоды внешнего спада, накопления сил для нового, более глубокого изучения периода национально-освободительной борьбы и обнаружения и художественного постижения проблем, связующих то время с нашими днями и проблемами. Не случайно именно с разработкой этой темы связаны наивысшие художественные достижения югославских литератур и творчество крупнейших писателей этой страны (М. Лалич, Б. Чопич, Ц. Косач, М. Кранец, Д. Максимович, Р. Зогович, А. Исакович и др.).

Проблеме радикализации сознания польской творческой интеллигенции в годы войны и первые послевоенные годы, идейно-художественной эволюции ряда польских писателей был посвящен доклад В. А. Хорева «От абстрактного гуманизма к социалистическому». Как явствовало из содержания доклада, события военных лет дискредитировали в глазах подавляющего большинства писателей тип искусства, оторванного от насущных проблем жизни, поколебали прежние представления о нравственности, красоте, правовых нормах буржуазного общества, оказавшегося неспособным предотвратить разрушительную войну, противостоять мракобесию фашизма. Большое значение имело участие многих деятелей культуры в патриотическом движении Сопротивления.

После войны для многих писателей путь к социалистическому гуманизму начался с осмыслиения трагических уроков истории — сентябрьской катастрофы буржуазной Польши, гитлеровского террора в годы оккупации, в «эпоху печей». Происходит переосмысление, идеальная ревизия традиционного понимания истории, факторов общественно-политического развития, норм морали и религии. Развенчание фашизма и вера в обновление страны, в воспитание нового человека были характерны для умонастроения значительной части творческой интеллигенции. Однако решающим для перехода огромного числа писателей на сторону социализма оказался опыт социальных и культурных преобразований в народной Польше. В ходе социалистического культурного строительства рождался новый тип творческой личности — деятельного участника общественно-культурной жизни страны. Этому процессу способствовала политика ППР в области культуры.

Наилучшим способом художественного воплощения принципов социалистического гуманизма марксистская литературная критика считала реализм, понимаемый не как комплекс стилистических приемов, а как средство показа действительных связей, соединяющих людей в общество и управляющих их жизнью. Абстрактно-

моралистической и психологической интерпретации отношений между людьми противопоставлялась историческая и социологическая. Именно на волне борьбы за реализм, в атмосфере стремления писателей участвовать в возрождении страны и строительстве новой жизни меняется мировоззренческая ориентация многих писателей.

Перспективу развития польской литературы марксистская литературная критика видела в социалистическом реализме. Важным фактором, способствовавшим идейной и творческой эволюции польских писателей-гуманистов в 1945—1948 гг., было знакомство с советской литературой, опыт которой подсказывал новые пути осмыслиения судьбы человека, его поисков счастья и справедливости на Земле. К сожалению, в ряде случаев «подталкивание» литературы к социалистическому реализму привело к серьезным ошибкам догматического и сектантского толка. Ряд критиков упускали из виду необходимость сохранения преемственных связей в творчестве писателей, недооценивали значение личностной проблематики в творчестве предвоенных писателей, достижения крупных мастеров слова в области художественной техники.

В заключение В. А. Хорев подчеркнул, что опыт литературного развития в Польше в 1945—1948 гг. имеет большое историческое и теоретическое значение. Эволюция творчества Я. Ивашкевича, Т. Брезы, Ю. Тувима, С. Дыгата, З. Налковской, К. И. Галчинского, М. Домбровской и многих других выдающихся писателей привела к созданию значительных произведений, в которых пристальное внимание к коренным вопросам человеческого существования сочетается с проникновением в сущность новой, социалистической действительности.

Подобного же рода сдвиги в идеино-эстетических позициях наиболее видных представителей течения «народных писателей» в Венгрии охарактеризовал в своем докладе «Эволюция концепции гуманизма „народных писателей“ в венгерской литературе послевоенного периода» В. Т. Середа. Это течение зародилось, как известно, в условиях контрреволюционного хортистского режима в конце 20-х годов. Вскоре после 1945 г. оно утратило качества политического движения, ориентированного на крестьянство. Ход общественных преобразований рассеял многие политические иллюзии и вместе с тем создал благотворные условия для развития народно-демократических, социалистических элементов творческой программы «народных писателей». Такие писатели, как Л. Немет, Д. Ийеш, П. Вереш, Й. Дарваш, П. Сабо, оказали огромное воздействие на формирование литературы социалистической Венгрии.

Далее В. Т. Середа подчеркнул, что идеино-эстетическая эволюция «народных писателей» после 1945 г.— процесс далеко не однородный, она не исчерпывается простой формулой «переход от общедемократических гуманистических представлений к социалистическим». Такие видные прозаики, как Сабо и Вереш, в числе первых выдвинули в своих выступлениях после 1945 г. задачу ак-

тивного распространения идей социализма. Такие произведения, как трилогия Вереша «Три поколения», роман Сабо «Господин жернова» и др., свидетельствуют о стремлении показать жизнь крестьянства в новую эпоху, его переход от частнособственнического мира к миру коллективистскому не как историю фактов и обстоятельств, а как историю личностей.

Новыми чертами обогатилась в условиях социализма концепция гуманизма крупнейшего венгерского прозаика Л. Немета. Новые его произведения («Эстер Эгете» и др.) свидетельствуют о преодолении писателем иллюзорной идеи нравственного усовершенствования как пути к достижению социальной гармонии. И. Дарваш прошел сложный творческий путь от произведений, разоблачающих вековую отсталость венгерского крестьянства, до романа «Пьяный дождь», явившегося образцом социально-исторического анализа развития венгерского общества в XX в. Что же касается творчества Д. Ииеша в послевоенные годы, то теперь значительней и объемней стали черты универсальности художественного мира этого, пожалуй, самого значительного представителя группы «народных писателей»: раздумья об исторической судьбе венгерского народа, о формировании нового человека сочетаются в нем с новым утверждением сущности патриотизма как проявления прежде всего человечности.

Н. Н. Пономарева посвятила свой доклад роли социалистического гуманизма в развитии болгарской литературы в первые послевоенные годы. После 9 сентября 1944 г. литературная ситуация в Болгарии определялась курсом Коммунистической партии на консолидацию всех прогрессивных писателей на основе платформы Отечественного фронта. Об этом убедительно свидетельствуют материалы I Конференции болгарских писателей 1945 г. Реальность такого курса была подтверждена существованием в Болгарии значительной группы писателей, вставших на позиции социалистического реализма еще в 20-х (поэзия) и 30-х (проза) годах, а также демократической и социалистической направленностью творчества большинства талантливых художников слова. Но все это отнюдь не исключало необходимости последовательной борьбы с влиянием модернистских или натуралистических веяний, а также националистических и шовинистических тенденций.

О сближении позиций писателей социалистического и общедемократического направлений свидетельствовало обращение многих мастеров к теме антифашистского Сопротивления, Отечественной войны, в которой на последнем этапе приняли участие и болгарские воины. Наряду с теми, кто принимал непосредственное участие в борьбе и широко использовал документальный материал (Веселин Андреев, Давид Овадия, Эмил Манов и др.), в художественное осмысление эпохи Сопротивления внесли свой вклад и такие писатели общедемократического направления, как Эмилиан Станев, Эlisавета Багряна, Дора Габе и др. Это было очень существенным шагом на пути к постижению требований социалистического гуманизма.

Немало содействовало сближению позиций писателей разных направлений отношение к литературному наследию. Требования внимательного отношения к ценностям прошлого, их тщательного изучения и использования в современной художественной практике прозвучали сразу же, в первые месяцы после 9 сентября. И хотя в последующие годы были допущены ошибки в оценке творчества ряда писателей прошлого, живой литературный процесс сопротивлялся этим вредным тенденциям. Неизменно правильной оставалась восторжествовавшая в конечном итоге точка зрения Тодора Павлова и некоторых других критиков и писателей на проблему преемственности литературных поколений.

Процесс все более глубокого постижения сущности социалистического гуманизма потребовал преодоления некоторых ошибочных теорий, приводивших к схематизму и шаблонам в построении сюжетов и характеристиках героев, к изображению столкновений враждебных друг другу сил в резко контрастных, «черно-белых» тонах. Болгарская критика, с самого начала решительно выступавшая с требованиями правдивого высокохудожественного воссоздания прошлого и современной действительности, на некоторое время подпала под воздействие этих теорий. В то же время в болгарской литературе появляются и произведения, противостоящие этим тенденциям и намечающие новые. Усилия писателей направлены к постижению богатства и сложности внутреннего мира личности, отражающего в своеобразном преломлении большие и малые события внешнего мира («Похититель персиков» Э. Станева, «Осуждение души» Д. Димова и др.). Дальнейшее движение болгарской литературы к социалистическому реализму связано с более глубоким раскрытием содержания этого метода, чему во многом способствовали дискуссии, прошедшие на страницах еженедельника «Литературен фронт» и других периодических изданий.

Проблему преемственности гуманистических традиций в румынской литературе периода построения основ социализма рассмотрел в своем выступлении М. В. Фридман. Революционная эпоха выдвигала перед литераторами совершенно новую структурно-организованную совокупность запросов о человеческом в людях, учреждениях, условиях жизни на освобожденной земле. Годы эти были насыщены большими политическими потрясениями в условиях «холодной войны», литература до пределов «политизирована», художественное человековедение нацелено на решение проблем политического характера. В фокусе человековедческих поисков писателей оказывается личность созидателя-борца, мыслящего крупными общественными категориями, подчиняющего общественному долгу все свои интересы и пристрастия. Большое внимание вместе с тем придается переосмыслинию прошлого, всего того, что в буржуазно-помещичьей Румынии мешало свободному проявлению потенций личности.

Видные писатели — прозаики, поэты, критики, драматурги — стремятся ответить своими новыми произведениями на запросы

революционной эпохи. С позиций социалистического гуманизма возобновлены традиционные для румынской литературы размышления о доле крестьянина в довоенной Румынии, судьбе интеллигента в мире корыстных страстей, о нравственных устоях обретенного буржуазного миропорядка. Все смелее разрабатывается тема преступной антисоветской войны, исследуются процессы прозрения солдат и офицеров румынской армии в условиях жестокой и бессмысленной войны. Ведущее место занимает тема становления новых общественных отношений в городе и деревне, хотя при этом постижению закономерностей социального преобразования мира уделяется больше внимания, чем анализу процессов самопознания личности.

Это время появления многих произведений прозы и поэзии, вошедших в золотой фонд новой румынской литературы (романы М. Садовяну, З. Станку, Дж. Кэлинеску, К. Петреску, Т. Поповича, М. Преды, стихи Т. Аргези, А. Филиппиде, М. Бенюка, Н. Лабиша, Э. Жебеляну и др.). Однако успехи эти могли быть гораздо ярче и многообразнее, если бы не ошибки догматического характера, приведшие к весьма узко трактуемой концепции личности нового человека, к схематическому пониманию задач художественного человековедения в эпоху борьбы за социализм. Во многих произведениях эпигонского характера роль личности в исторических преобразованиях была принижена в результате попыток вульгарно-социологического ее конструирования. Но дело не ограничивалось только таким «усеченным» представлением о гуманистической сущности литературы. Утверждался одновременно и обедненный образ наследия, гуманистических его ресурсов.

Огромную роль в преодолении подобных чуждых социализму тенденций сыграли произведения крупных художников слова, обладавших мощным запасом сопротивления догме и схеме. В их творчестве гармонично сочеталась обновительная суть современного художнического поиска с накопленным в памяти богатством прошлого опыта. Это был один из действенных каналов, через который гуманистическая традиция родной литературы протягивала руку помощи современности.

Воздействие гуманистических традиций — при всех трудностях, встававших на их пути, — ощущается в самых разнообразных формах: через сознание читателей, обусловливая характер восприятия новых произведений, в выступлениях критиков и литератороведов, писателей, которые апеллировали к ним во время горячих дебатов о сущности реализма, в переизданиях творений фольклора и классики и т. д. Воздействуя через эти каналы, традиции перестраивались на ходу, дабы войти в новые синтезы в соответствии с человековедческими запросами эпохи.

Творчеству двух крупных писателей-гуманистов, создавших в послевоенные годы значительные произведения, посвятили свои выступления О. Кириллова и Н. Меку. «Человек и история в исторических романах И. Андрича» — такова тема выступления О. Кирилловой. И. Андрич назвал в своей речи, произнесенной

при получении Нобелевской премии, искусство «некончаемым повествованием о судьбе человека». Человек и его судьба в концепции Андрича — основа любого творчества, и именно она должна стать живой тканью его повествования. С другой стороны, Андрича в его романах занимает не столько своеобразие каждого отдельного персонажа или явления, сколько извечная повторяемость человеческой жизни, непрекращающееся течение времени, состоящее в рождении нового и отмирании старого. Описывая радости и страдания людей, не останавливаясь подробно ни на одном из них, писатель тем самым выражает важное положение своей эстетики: жизнь каждого отдельного человека, как бы ярка и неповторима она ни была, лишь часть жизни человечества в череде поколений и всего миг во времени.

Эти структурно значимые моменты и определили своеобразие формы романов Андрича: обращение к легенде и мифу в поисках обобщенной формулы смысла жизни, «скользящую композицию» и т. п.

Гуманистической сущности наследия крупного румынского ученого-литературоведа и писателя Дж. Кэлинеску посвятил свое выступление Н. Меку, представитель Института им. Дж. Кэлинеску. Именно эта черта творчества Кэлинеску обусловила его переход после 1944 г. на позиции марксизма-ленинизма, помогла ему стать активным борцом за новую, социалистическую Румынию, за ее сближение с Советской страной. В эти годы с особым размахом и блеском проявились основные особенности этого незаурядного человека, проникнутого каждой творчества, гуманистического созидания, призывающего к делу, к активному вмешательству в жизнь, к борьбе с инерцией и шаблоном. Гуманистическая суть деятельности Дж. Кэлинеску сказалась и в понимании писателем сущности культуры как вечного обновления при постоянном обращении к истокам. Только в этом плодотворном диалоге традиции и новаторства видится ему возможность прогресса в искусстве, возможность гармонического сочетания национальной специфики и открытости по отношению к ценностям мировой культуры. К пониманию этой диалектики Дж. Кэлинеску пришел в результате изучения марксистско-ленинской философии.

Далее докладчик подчеркнул, что понять сущность гуманистических позиций Кэлинеску в послевоенный период можно только при учете его классической подготовки и «классической» структуры мышления — и научного и художественного. Это сказалось в его постоянной обращенности к великим культурным ценностям человечества и своей страны, в его оптимистическом взгляде на судьбу человека, в его понимании искусства как явления гармонического, доступного миллионам. «Писать для многих, — утверждал он, — значит писать надолго».

Публицистическая деятельность Кэлинеску в первые послевоенные годы насыщена духом борьбы за возрождение родины, торжество подлинно гуманистических принципов жизни. Его выступления направлены на мобилизацию творческой интелли-

генции во имя утверждения социалистических порядков. При этом он постоянно обращается к творениям Ленина, чей образ он ярко воссоздал в статье на страницах руководимой им газеты «Национальный» (1949 г.). И собственная общественная и творческая деятельность служила Кэлинеску аргументом: он член РКП, депутат Великого Национального собрания, академик, директор Института истории и теории литературы. Он читает лекции в Бухарестском университете, выступает с докладами, публикует в журналах новые исследования, возглавляет коллективы ученых, которые разрабатывают историю румынской литературы с позиций марксизма-ленинизма.

Одновременно Кэлинеску создает и новые произведения прозы. В 1953 г. выходит роман «Бедный Иоаниде», венец романического творчества писателя. Это произведение, рисующее картину общественной жизни в предвоенной Румынии, является своеобразным «символом веры» писателя-гуманиста: автор стремился показать, какой немыслимо великой ценой платит человек, отгородившийся от мира, от общественной борьбы. В следующем романе «Черный комод» (1960 г.) прослежена судьба героя предыдущего романа в годы социалистического созидания. По словам Н. Меку, в романе отражены окончательные выводы писателя, его убежденность, что подлинное проявление заложенных в человеке созидательных начал возможно лишь при служении делу народа, делу строительства социалистического общества.

Разработке проблемы становления советско-румынских литературных связей посвятила свое выступление Т. П. Агапкина. Было подчеркнуто, что в их становлении и развитии огромную роль сыграла творческая интеллигенция СССР и Румынии. Уже осенью 1944 г. усилиями прогрессивных деятелей культуры в Бухаресте было создано «Румынское общество дружественных связей с Советским Союзом» («АРЛУС»), в рамках которого была затем учреждена литературная секция во главе с М. Садовяну. В 1945 г. организовано бухарестское издательство «Картия русэ» («Русская книга»). Начавшемуся сближению двух культур содействовали в значительной мере участившиеся поездки видных представителей литературы обеих стран: в СССР, например, уже в 1945 г. побывали М. Садовяну, В. Ефимиу, а в Румынии — И. Эренбург, Н. Грибачев, В. Инбер, Б. Горбатов. Опубликованные ими очерки и заметки не только информировали читателей о виденном, но и свидетельствовали о растущем стремлении художников слова усилить такого рода контакты на основе идей подлинной демократии, антифашизма, интернационализма.

Значительно активизируются советско-румынские культурные связи после провозглашения Румынии народной республикой (30 декабря 1947 г.). Переводы художественной литературы, взаимные контакты писателей и ученых обнаруживают глубокий общий интерес к крупнейшим гуманистическим ценностям литературы двух стран. Из румынского наследия на русской почве утверждаются прежде всего произведения И. Караджале, М. Эми-

неску, А. Влахуцэ, Б. Делавранчи, И. Славича, М. Себастиана, А. Сахии и др. Что же касается новой литературы народной Румынии, то внимание наших читателей привлекали, естественно, произведения, поднимавшие существенные с точки зрения социалистического гуманизма вопросы. Особый интерес вызывали книги, рассказывавшие о социальных преобразованиях в послевоенной Румынии,— произведения М. Бануш, А. Баранги, М. Давидоглу и др. Большое внимание привлекали и книги на тему борьбы за мир, которая в те годы воспринималась в Советском Союзе как выражение интернациональной солидарности художников-гуманистов, противников фашизма, империализма и войны. В СССР публикуются переводы стихотворений М. Бануш, Э. Жебеляну и др. Наши читатели знакомятся с антивоенной публицистикой М. Садовяну, статьи которого появляются на страницах центральных газет и журналов СССР. Это усилило интерес широких читательских масс в нашей стране к художественному творчеству замечательного писателя. Уже в первые послевоенные годы появляется ряд переводов произведений Садовяну. Новые произведения художника, появившиеся после войны («Митря Кокор», «Никоарэ Подкова», «Остров цветов»), рассматриваются советскими исследователями как решающие вехи на пути перехода писателя с позиций общенационалистических к постижению сущности социалистического гуманизма.

Значительно активизируется работа по изучению и переводу произведений румынской литературы в СССР с середины 50-х годов. Количество исследований и переводов увеличивается в несколько раз. В сфере внимания издателей и переводчиков оказываются произведения М. Бенюка, Т. Аргези, З. Станку, Ф. Мунтяну, Т. Поповича, Л. Деметриус, Х. Ловинеску и многих других. В этих книгах дана более глубокая интерпретация поисков современного строителя новой Румынии, более глубинный анализ происходивших в стране коренных преобразований. Проникнутые идеями социалистического гуманизма, эти произведения — свидетельство общности пути развития социалистических литератур.

В некоторых выступлениях были затронуты проблемы развития литератур европейских стран социализма в 60—70-х годах в свете проблематики симпозиума. Л. Широкова посвятила свое выступление концепции гуманизма словацкой прозы 60—70-х годов. Развитие этой литературы начиная со второй половины 50-х годов во многом определялось новым видением человека в его многообразных связях с окружающим миром. Особую остроту в эти годы приобретают морально-этические проблемы. Писатели среднего поколения, непосредственные участники войны и перехода к социалистическому строительству успешно разрабатывают тематику Словацкого восстания, исследуют исторические, социальные процессы изнутри, в их индивидуальном преломлении в судьбах конкретных людей (творчество А. Беднара, Р. Яшика и др.).

С конца 50-х годов усиливается приток в словацкую литературу молодых сил. Это были в большинстве своем люди, не обладавшие богатым жизненным и социальным опытом своих старших коллег. Ведя с ними своего рода «поколенческий» спор, молодые прозаики вырабатывали свои собственные творческие принципы. В ряде деклараций и манифестов подчеркивалась социалистическая направленность творчества молодых. И хотя в литературу молодые вошли тремя последовательными волнами — во второй половине 50-х годов, в начале 60-х и в середине 60-х, по ряду существенных признаков они были близки друг другу: их творчество, как правило, было обращено к современности, к повседневной жизни; рассматривались далеко не глобальные, а частные аспекты действительности; это отразилось и в жанровой структуре «молодой прозы» — в ней главенствующими были рассказ и небольшая повесть.

После кризисных явлений второй половины 60-х годов, когда на первый план в изображении человека во многих произведениях выступает подсознательное, биологическое, а в соотношении «социальное — индивидуальное» крен делался в сторону индивидуального, в 70-х годах происходит активное восстановление и укрепление социалистических основ литературы. Наибольшие достижения социалистической литературы Словакии этих лет связаны с именами В. Шикулы, П. Яроша, Л. Баллека, чьи романы содержат глубокий социально-психологический анализ словацкой действительности в важные моменты недалекого прошлого и в наши дни. На примере творчества этих бывших представителей «молодой прозы» можно проследить трансформацию концепции личности, характерную для всей словацкой прозы в 60—70-х годах.

Темой выступления О. В. Цыбенко был «Социалистический гуманизм польской деревенской прозы 60—70-х годов». Как указывалось в выступлении, на этом этапе литература и критика преодолели в целом неверные толкования гуманизма, концепцию «отчуждения» личности, певерия в свои силы, с одной стороны, и вульгарное понимание личности как некоего «винтика» в общественном механизме — с другой. Присущие всей польской литературе 60—70-х годов внимание к миру личности, углубленное исследование нравственных коллизий современной жизни, утонченный психологизм без отрыва от социального анализа — эти черты в высшей степени свойственны лучшим произведениям польской деревенской прозы.

Эта проза позволяет убедиться в том, что социализм не только не противоречит гуманизму, как утверждала бывшая польская «Солидарность», приписывавшая себе и католической церкви исключительную заслугу в пропаганде вечных человеческих ценностей. Более того, эта проза — весомое свидетельство тому, что именно социализм способствует расцвету личности. В лучших произведениях польских писателей-«деревенщиков» показана активная личность, которая в борьбе за победу нового в общественной жизни осознает себя творцом, подлинным человеком-созида-

телем. Об этом свидетельствуют книги Ю. Кавальца, Э. Редлинского, В. Мысливского и др. Например, в романе Ю. Кавальца «Серый орел» изображена нелегкая судьба молодого человека наших дней, который находит свое место в жизни, лишь ознакомившись с обстоятельствами героической жизни и гибели крестьянина-коммуниста, его отца, отдавшего жизнь в борьбе за новый строй. Ю. Кавалец встревожен чрезмерным давлением последствий НТР на психику крестьянина, боль за человека звучит в его повести «На солице» и других произведениях этих лет. Он же посвятил яркие страницы изображению неоднозначного, подчас трагического влияния на судьбу человека власти земли (роман «К земле приписанный»), а также трагедии человека, оторвавшегося от своих корней (роман «Танцующий ястреб»).

В лучших произведениях польской деревенской прозы нет противопоставления деревни и города. Однако писатели встревожены тем, что их герои, утрачивая традиционную крестьянскую культуру, берут в городской не самое лучшее ее достояние, попадают в «мещансское болото». Подобные произведения помогали читателю осознать, что народная мудрость, веками создававшиеся нравственные ценности, основанные на почитании труда, на близости к природе, стремление к равенству, справедливости должны органично войти в культурный багаж строителя социализма.

Н. Осипова рассказала в своем выступлении об оценке современным румынским литературоведением гуманистических традиций классика румынской литературы И. Славича. Если довоенная критика так и не сумела увидеть в Славиче художника, который отдавал все силы своего таланта борьбе за человеческое достоинство, поискам путей нравственного усовершенствования людей, то литературоведение социалистической Румынии осуществило подлинную переоценку его творчества. Особенно значимы достижения румынского литературоведения 60—70-х годов. Капитальные исследования П. Марчи, Д. Ватаманюка, М. Попеску и др. освещают широкий комплекс вопросов, касающихся специфики художественного метода писателя — основоположника трансильванской прозы, которая сыграла важную роль в развитии румынского критического реализма XX в. Важно отметить, что в этих трудах прослеживается все более глубокий анализ гуманистической сущности как самих воззрений Славича, так и его произведений.

В книге П. Марчи особенно выделены этический и социальный аспекты исканий писателя. Именно убежденность художника в том, что социальная среда играет первостепенную роль в жизни человека, помогла ему, по словам критика, в глубоком осмыслиении человеческого бытия. Д. Ватаманюк раскрывает механизм перехода художника от одной ступени отражения действительности к другой, сдвиги в процессе ее объективации и, следовательно, все более верного проникновения в характер человеческих отношений, в природу человеческой души. Необычный угол зрения избрала при исследовании творчества Славича М. Попеску. Твор-

чество это рассматривается ею, с одной стороны, как «аналог реального мира», а с другой — как «аналог его личности».

Румынское литературоведение проделало за последние два десятилетия значительную эволюцию, выявляя гуманистическую направленность творчества Славича. Можно с полной уверенностью утверждать, заключила Н. Осипова, что воздать должное стремлению к великой нравственной правде о жизни и человеке, которое всегда отличало писателя, стало возможным именно в ходе все более глубокого освоения румынскими учеными принципов социалистического гуманизма.

К истокам социалистического гуманизма современной румынской литературы обратился М. Ангелеску в своем докладе «Гуманизм литератур Юго-Восточной Европы в современном контексте: вклад румынской литературы». Подчеркнув специфичность процессов возникновения гуманистических тенденций в древних литературах Болгарии, Югославии, Румынии, исследователь предложил затем краткий обзор работ, посвященных становлению «позднего гуманизма» в некоторых литературах стран Юго-Восточной Европы, обратив особое внимание на разработку этой тематики в трудах румынских историков культуры 60—70-х годов нашего столетия. Наиболее плодотворный этап в изучении указанной проблематики начался в социалистической Румынии в 1959 г., когда академик Т. Виану выступил с докладом на симпозиуме в ГДР на тему «Возрождение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Гуманистическим тенденциям в творчестве хронистов Г. Уреке и М. Костица, Д. Кантемира и др. посвятили объемистые исследования И. Кицимия, А. Пиру, Д. Бэдэрэу. В дальнейшем в исследовании гуманизма литературы XVII и начала XVIII в. заметились четыре направления: филологическое, философское, культурное и литературное. Большой работы, которая объединила бы все эти направления, пока еще нет. В труде В. Кынди «Доминирующий разум. К истории румынского гуманизма» приводятся многочисленные факты, свидетельствующие, что гуманистические тенденции зарождаются в древней румынской литературе под воздействием филологических изысканий многих ее представителей. Философскому аспекту этого гуманизма посвятил несколько работ П. Вайда, а его культурную модель исследует А. Дуць.

Помимо чисто научного аспекта этих изысканий, следует подчеркнуть, что интерес, вызванный ими в литературных кругах, оказался настолько велик, что ряд современных писателей обратились к воплощению этой эпохи в крупных произведениях прозы. В романах М. Диаконеску, Р. Чобану, Р. Боуряну, Р. Теодору, М. Георгиу и др. конфликты строятся с учетом той острой борьбы, которая велась в указанную пору между гуманистическими и враждебными им начальами. Так в полный голос зазвучали в современных произведениях гуманистические традиции родной литературы.

Современным аспектам гуманизма румынской литературы по-

святил свое выступление Дж. Мунтян. В начале выступления было подчеркнуто, что ее гуманистические тенденции имеют древние традиции, ведущие свое начало от гуманизма народной духовности. Эти же тенденции прослеживаются в письменной литературе вплоть до межвоенного периода XX в. Далее докладчик указал, что это наследие сыграло значительную роль в становлении современной литературы, в борьбе против враждебных социализму явлений, так же как и против догматических искажений первых послевоенных лет.

Одной из характерных черт гуманизма современной румынской литературы, указал Дж. Мунтян, является его боевой, «бойцовский» характер. Наш современник не мыслит себе жизни без постоянных раздумий над важными проблемами жизни и совести, прошлого и будущего. Все это предполагает ясную и, главное, осознанную позицию. Это и свойственно героям лучших послевоенных произведений Т. Аргези, М. Садовяну, К. Петреску, Дж. Богзы, А. Ивасюка, А. Бузуры, К. Цою и многих других писателей. Конечно, на протяжении послевоенного периода гуманистическая концепция литературы претерпела значительные изменения — ныне стержнем этой концепции является марксистское учение, политика и практика Румынской коммунистической партии, направленная на формирование новой личности.

Современная румынская литература вдохновляется и проверяет себя социальной конкретикой, отсюда ее высоковоспитательное звучание.

Гражданственный аспект современной литературы, ее сопричастность к делам обновления родины невозможно понять вне великих традиций и тем более вне условий социалистического созидания, поиска новых гуманистических ценностей. Поэтому лучшим современным произведениям свойственны многосторонний охват действительности, оригинальность, сила убеждения, передовые идеи, профессионализм в лучшем смысле слова.

Картина развития румынской литературы после 1945 г. свидетельствует о том, что она достигла высоких рубежей именно благодаря воздействию идей социалистического гуманизма, марксистско-ленинской идеологии. Активное участие писателей в общественной жизни, стремление содействовать специфическими средствами литературы преобразованию общества — вот важнейшие аспекты их гуманистической позиции.

Значительно дополнило картину развития современной румынской литературы, предложенную Дж. Мунтяном, выступление Е. В. Степанян, посвященное некоторым тенденциям, характерным для науки о литературе в Румынии на рубеже 70—80-х годов. В эти годы, как было показано в выступлении Е. Степанян, стремительно возрос общественный интерес к литературной критике. Нередки в Румынии высказывания, что критика заняла самые передовые позиции в литературном процессе (Г. Григорку, Г. Димисиану и др.). Объясняется это, по мнению названных критиков, тем, что, чем интенсивнее развивается литература, тем

напряженнее поиск этического и эстетического идеала, тем более она нуждается в «критическом самоосознании».

Важно отметить, что в последнее время литературоведение, вводя в научный оборот все новые пласти наследия, стремится актуализировать его, осветить с позиций современной науки. С другой стороны, критика постоянно обращена к классическому наследию, как нациальному, так и зарубежному. Это характерное для современной науки о литературе в Румынии смешение жанров свидетельствует о стремлении к обогащению, расширению своих возможностей за счет друг друга. Такой «синкрезизм» как бы продолжает традиции, зародившиеся еще в середине прошлого века. Просветительский пафос, представление о литературе как об общественно важном деле, сложность и многоаспектность намечаемых задач характерны для лучших представителей румынской критики и литературоведения и сегодня.

Вместе с тем в докладе было отмечено, что многие литературоведческие работы отличаются «разомкнутостью» в общемировую проблематику. В этой связи было подчеркнуто, что книги Г. Димисиану, Д. Мику и многих других видных литературоведов СРР, построенные на сугубо национальном материале, включают тем не менее очерки о русской литературе. Неудивительно, что в поисках румынской науки о литературе большую роль играет русская литература с ее проповедью мира и совершенствования человеческой личности.

А. А. Гугнин выступил с докладом на тему «Развитие концепции социалистического гуманизма в современной прозе ГДР (на примере творчества Франца Фюмана и Германа Канта)». Оба писателя принадлежат к «фронтовому» поколению, оба прошли через службу в вермахте, плen и антифашистскую школу, оба вступили в литературу ГДР в 50-х годах. Активная приверженность социализму, социалистическому гуманизму — неотъемлемая черта мировоззрения и творчества Ф. Фюмана и Г. Канта. Тем интереснее проследить ту эволюцию, которую претерпели в 70-х годах их эстетические взгляды и творчество и которая в известной мере отразилась на концепции социалистического гуманизма. Если в начале своего пути оба видели задачу литературы в первую очередь в ее дидактическом, воспитательном начале, в ее непосредственном и скорейшем воздействии на жизнь, то позднее они отказываются от дидактической функции как основополагающей, доминирующей. Происходит «эстетическая эманципация» литературы ГДР в целом, переосмысление функций художественной литературы в условиях развитого социалистического общества. У некоторых писателей, в том числе Канта и Фюмана, возникает необходимость в пересмотре основополагающих черт своей поэтики с точки зрения правдивости и полноты передачи своего жизненного опыта, личного взгляда на мир. Заметные изменения происходят и в трактовке концепции личности в направлении понимания сложности и многоступенчатости процесса духовного развития. Здесь и обозначаются заметные различия между позициями двух

писателей, видных представителей творческой мысли в ГДР.

Фьюман постепенно отходит от идей ангажированности литературы, ее воздействия на читательское сознание. Не изменения своим мировоззренческим позициям, он все больше утверждается в мысли, что важнее общегуманистическая, общепросветительская функция литературы, связанная с автономией искусства, понятого как самовыражение художника безотносительно к читательским запросам.

Между тем Г. Кант в эти годы ничуть не терял ощущения реальности и своих тесных связей с ней. Чувство реальности и достижимого на данном этапе уровня развития общества, в данной конкретной исторической ситуации не заменялось у него ощущением трагического разрыва «между идеалом и действительностью». Кант не только не отказывается от принципа социальной и политической ангажированности искусства, но высоко ставит оперативное, непосредственное воздействие литературы на читательское сознание. Литература для Канта — важнейшее средство пробуждения в человеке и человечестве чувства ответственности за все происходящее в сегодняшнем мире. Для него писатель и политический деятель в социалистическом обществе являются собой нерасторжимое единство. Отсюда и его открытое признание принципа партийности искусства, между тем как Фьюман считал этот принцип малопродуктивным.

Проблеме отношения к писателям-гуманистам несоциалистического направления в процессе становления и развития социалистических литератур (на примере литературы Чехословакии) посвятила свой доклад С. А. Шерлаимова. Это была одна из важнейших проблем, которые приходилось решать марксистской критике. От правильного решения проблемы, затронутой в докладе, во многом зависел авторитет марксистской критики, ее способность реально воздействовать на литературный процесс. В этом смысле история становления и развития социалистической литературы Чехословакии весьма показательна. Уже в начале 20-х годов эта литература объединяла в своих рядах крупных писателей общенационального масштаба (Я. Гашек, С. К. Нейман, И. Ольбрахт, М. Майерова), в нее влились лучшие силы молодого поколения (И. Волькер, В. Незвал, Л. Новомеский, П. Илемницкий). В 30-х годах на позиции социалистического реализма переходят некоторые представители общенационального направления (М. Пуйманова и др.).

Несмотря на то что социалистические писатели и критики вели постоянную полемику с писателями-гуманистами, принимавшими порядки буржуазной Чехословакии (К. Чапек и др.), несмотря на характерное для начала 30-х годов недоверие к «высокой литературной продукции» и преувеличение роли рабкоров и селькоров, писатели-коммунисты объединяются с писателями-гуманистами иной политической ориентации в рамках широкого антифашистского фронта.

Разгром фашизма и освобождение Чехословакии Советской

Армией дали мощный толчок сплочению всех прогрессивных литературных сил вокруг КПЧ, возглавившей борьбу за справедливый общественный строй. По-новому встал вопрос об отношении к писателям-гуманистам несоциалистического направления после февраля 1948 г., когда Союз чехословацких писателей принял программу социалистического реализма как единственного метода современной чехословацкой литературы. Широко пропагандируются ценности отечественной демократической (Я. Неруда, А. Ирасек) и революционной (И. Волькер, С. К. Нейман) литературы, однако критика оказывается не в состоянии разобраться в некоторых неоднозначных и противоречивых явлениях (чешский поэтизм, творчество К. Чапека), трактует их упрощенно. В 60-х годах получают распространение тенденции обратного порядка — отождествление художественного прогресса с авангардизмом, что влечет за собой принижение новаторской роли революционной литературы. В обстановке общественно-политического кризиса ревизионистская критика выступала за «реабилитацию» католического направления и других реакционных явлений, пытаясь дать свою версию истории чехословацкой литературы XX в.

70-е годы можно считать началом нового этапа в восприятии отечественного литературного наследия. Его характерные черты — пристальное внимание к традициям марксистской критики и критике общедемократического направления (монография Л. Штолла «Гражданин Ф. К. Шальда»), глубокое осмысление традиций социалистической литературы. Эти черты в сочетании с отказом от упрощенного понимания противоречивых явлений образуют прочную методологическую основу для оценки наследия писателей-гуманистов несоциалистического направления. Необходимо по достоинству оценить все действительно ценное в их творчестве, связанное с верой в человека, с осуждением зла в разных его обличьях, но это не должно вести к некритическому восприятию этого творчества в целом, к затушевыванию негативных моментов в мировоззрении и политической позиции. Конкретный историко-литературный анализ наследия крупных чешских и словацких писателей-гуманистов XX в. в его взаимоотношениях с процессом развития социалистической литературы, по существу, еще только начинает развертываться. Между тем он важен не только для верной реконструкции прошлого, но и для более точной ориентации в современной мировой литературе, для успешного ведения диалога с писателями-гуманистами Запада.

* * *

Как явствовало из выступлений участников дискуссии, симпозиум выявил единую оценку социалистического гуманизма как ценнейшего качества социалистических литератур. Много верного было сказано о древних истоках и моделях гуманизма, об его историческом развитии, об отношении социалистического гуманизма к абстрактному гуманизму. Всякий гуманизм — наш союз-

ник, однако социалистический гуманизм предполагает не только любовь к человеку, но и осмысление форм защиты человека от зла, постоянно угрожающего ему. С другой стороны, выступления участников убедительно подтвердили ту истину, что в каждой литературе гуманизм всегда проявляется в национально-конкретных формах, обусловленных спецификой духовного развития народов. Но это нисколько не противоречит интернациональной сущности гуманизма.

Со своей стороны, выступая от имени румынской делегации, М. Ангелеску высказал мнение (поддержанное всеми присутствовавшими) о том, что подобные встречи, создающие благотворные условия для взаимных контактов между исследователями и деятелями культуры наших стран, представляют заметный вклад в дело мира и гуманизма во всем мире. Эта же мысль прозвучала затем в заметке, опубликованной вскоре на страницах румынского еженедельника «Ромыния литерарэ» (1984, № 44, 1 нояб., с. 23).

В итоговом документе симпозиума отмечено, что двусторонний план научного сотрудничества между Институтом славяноведения и балканстики АН СССР и Институтом истории и теории литературы им. Дж. Кэлинеску АОНН СРР полностью выполнен. Подчеркнуто также, что целью дальнейшего сотрудничества остается изучение характерных процессов развития литератур европейских стран социализма на современном этапе. На предстоящих заседаниях рабочей группы будут обсуждены и конкретизированы темы и формы этого нужного и полезного для обеих сторон сотрудничества.

Русско-югославянские общественные связи в конце XVIII — начале XX в. в освещении советской историографии

Е. К. ВЯЗЕМСКАЯ, С. И. ДАНЧЕНКО, Е. Ю. ЧЕПЫЖЕВА

Важной составной частью международных отношений являются общественные связи между народами различных стран. Без их рассмотрения история взаимоотношений между государствами и народами не может быть выяснена всесторонне. Их развитие не могло не оказывать влияния на формирование общественного мнения, а значит, в какой-то мере и на политику правительства. Все сказанное в полной мере относится и к проблеме русско-югославянских общественных связей.

Возникнув в глубокой древности, связи между русским и югославянскими народами продолжали развиваться и в последующие столетия, чему способствовала известная общность исторических судеб, языковая, этническая и отчасти религиозная близость. Осо-

бое развитие они получают в XIX в. Со второй половины XIX в., когда на общественную жизнь народов Югославии начали воздействовать идеи русских революционных демократов, большое значение приобретают революционные связи передовых авангардов двух стран.

Советские историки всегда проявляли интерес к изучению проблемы русско-югославянских общественных связей XIX в. Наиболее пристальное внимание им стало уделяться после второй мировой войны, что было связано как с общим развитием исторической науки в СССР, так и с совместной борьбой народов СССР и Югославии против фашизма, что, несомненно, способствовало обращению к подобным совместным выступлениям в прошлом. Введение в научный оборот неизвестных ранее архивных материалов позволило по-новому раскрыть содержание и характер русско-югославянских связей в XIX в.

В настоящее время мы можем уже подвести итоги тем многочисленным исследованиям советских ученых, которые появились в течение трех истекших десятилетий. Следует подчеркнуть большое научное значение конкретных разработок отдельных проблем, кропотливых розысканий новых архивных материалов, неизвестных сочинений, которые были осуществлены за эти годы.

В нашем обзоре мы хотим показать, как в советской исторической науке изучались различные аспекты русско-югославянских общественных связей на отдельных этапах их развития за период с конца XVIII в. до 1918 г. Такая попытка предпринимается впервые, хотя отдельные вопросы уже были объектом историографического анализа¹.

Следует отметить, что в своей статье авторы не претендуют на исчерпывающее освещение этой проблемы с указанием всех монографий, статей и публикаций советских ученых, изучавших историю русско-югославянских связей.

Хотелось бы сказать, что все вышеизложенные вопросы в общем плане были поставлены почти 30 лет назад в научно-популярной работе известного советского историка, изучающего русско-югославянские связи в XIX в., В. Г. Карасева². Он подчеркнул дружественный характер контактов народов СССР и Югославии на всех этапах их развития, независимо от правительственные отношений, привел интересные, известные в тот период документы о связях ученых и общественных деятелей прошлого столетия.

В последующие десятилетия советские историки много внимания уделяли исследованию русско-югославянских связей в XIX в., вводя в научный оборот все новые материалы из архивов СССР.

Русско-югославянские связи в конце XVIII в. пока остаются недостаточно разработанными в советской историографии. Интерес к их изучению, однако, уже наметился. Одно из свидетельств этого — публикация документов «Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.» (М., 1982), а также книга А. П. Бажовой «Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в.» (М., 1984).

Автор рассматривает особенности в развитии контактов России с югославянскими народами, их влияние на освободительное движение и создание государств в этих землях, процесс переселения югославян в Россию и его последствия. На конкретном историческом материале А. П. Бажова показала, что в соответствии с задачами своей внешней политики Россия занимала благожелательную позицию по отношению к освободительному движению в югославянских землях, что в конечном итоге способствовало его развитию. В связи с этим происходило расширение русско-югославянских связей. В своей работе А. П. Бажова отметила те основные направления, по которым шло взаимообогащение культур братских народов: обучение югославян в России, деятельность русских учителей в югославянских землях, роль русской культуры в формировании югославянской интеллигенции, книгообмен. А. П. Бажова делает вывод, что русская культура с конца XVIII в. оказывала позитивное воздействие на развитие общественной мысли в югославянских землях. Для народов, разделенных между султанской Турцией, Австрией и Венецией, находившихся под угрозой ассимиляции, связь с родственной культурой имела важное значение для сохранения их национальной самобытности.

Интересный материал о русско-сербских связях в конце XVIII в., а именно о помощи Д. М. Голицына, русского посла в Вене, и Н. П. Румянцева, посланника при Германском сейме во Франкфурте-на-Майне, Йовану Раичу в издании «Истории разных славянских народов», привел В. П. Гудков³.

Некоторые аспекты русско-черногорских связей конца XVIII в. нашли отражение в статье М. М. Фрейденберга⁴.

Связи с сербами и другими югославянскими народами в первом тридцатилетии XIX в. освещались в ряде статей И. С. Достяна и ее монографии⁵.

Автор справедливо отмечает, что развивавшиеся в этот период общественные связи между Россией и югославянскими народами тесно смыкались со связями политического характера. С югославской стороны в них участвовали главным образом деятели национально-освободительного движения, патриотически настроенное православное духовенство, а также воеводинская светская и духовная интеллигенция. С русской стороны эти связи осуществляли дипломаты, чиновники, военные, а также научные и культурные деятели, югославянские эмигранты, обосновавшиеся в России.

В названной монографии впервые рассматривается история развития связей между Россией и югославянскими народами в конце XVIII — первой четверти XIX в. не только с точки зрения их влияния на общественно-политическое и культурное развитие угнетенных Турцией и Австрией южных славян, но и с точки зрения их значения для самой России, развития русской общественной мысли. И. С. Достян показала, какую роль сыграли в развитии русско-югославянских общественных и культурных связей ряд русских деятелей — А. А. Сомборский, выдающийся просветитель и демократ В. Ф. Малиновский, А. И. Тургенев.

и А. С. Кайсаров и др. Укреплению контактов с черногорцами способствовала деятельность «специального представителя» Александра I в Черногории С. А. Санковского в 1805—1807 гг.

Используя ряд неизвестных ранее архивных материалов, И. С. Достян рассмотрела такой интересный вопрос, как влияние югославянских эмигрантов — П. Никича, С. Филиповича, С. Станоевича и др.— на развитие связей Сербии с Россией.

Автор подчеркивает, что уже в период Первого сербского восстания 1804—1813 гг. выявилась определенная общность взглядов на политическое будущее находившихся под властью Османской империи народов у российских и югославянских общественных деятелей, что отражало наличие идеологического взаимодействия между ними.

И. С. Достян рассмотрела также такой интересный вопрос, как отражение сербских событий первой трети XIX в. в русской периодической печати⁶.

Приведенные в работах И. С. Достян факты убедительно свидетельствуют, что в начале XIX в. среди дворянских кругов России не только возрос интерес к сербам, их национально-освободительному движению, но и появилось немало приверженцев оказания действенной помощи повстанцам, создания самостоятельного Сербского государства под покровительством России. Характерным являлось то обстоятельство, что в их предложениях, касавшихся политики русского правительства в отношении югославян, нередко учитывались и политические требования, выдвигавшиеся самими сербскими общественными деятелями, рассчитывавшими получить поддержку со стороны России.

Весомым вкладом в изучение вышеназванной проблематики явилось издание советскими и югославскими историками документов по истории Первого сербского восстания 1804—1813 гг. Хотя в основном здесь представлены материалы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи, значительная их часть характеризует некоторые формы общественных связей, например поездки сербских депутатий в Петербург и штаб Молдавской армии⁷.

Обобщенные результаты своих исследований по истории русско-сербских общественных связей советские ученые — И. С. Достян, А. П. Бажова, В. П. Грачев, Н. И. Хитрова — представили на международной конференции в Белграде в декабре 1980 г. по случаю 175-летия Первого сербского восстания⁸.

Имеются статьи советских авторов, касающиеся некоторых сторон русско-югославянских общественных и культурных связей в 30—40-х годах XIX в. Так, С. А. Виноградов рассмотрел вопрос о русской помощи в деле создания первой типографии в Сербском княжестве (1832 г.)⁹.

Различные формы культурных связей России и Сербии в 40—60-х годах XIX в. прослежены Е. П. Наумовым. В одной из статей он рассмотрел вопрос о русско-сербском научном сотрудничестве (сбор материалов по истории Первого сербского восстания,

в особенности по вопросу о военной помоць России сербам во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг.). В другой статье показаны заметные достижения русского дореволюционного славяноведения, которые нашли свое выражение в появлении целого ряда исследований, посвященных средневековой и новой истории сербских земель, средневековым памятникам сербской культуры. Несмотря на то что в русском славяноведении преобладали тогда славянофильские воззрения, связанные с идеализацией славянской «самобытности» и т. д., появившиеся в тот период работы русских ученых представляли, по мнению Е. П. Наумова, важное и значительное явление в истории славяноведения¹⁰.

Ряд аспектов русско-хорватских общественных связей исследовала И. И. Лещиловская. В ее монографии «Иллиризм»¹¹ рассмотрен, в частности, вопрос о связях Людовита Гая — одного из инициаторов и активных деятелей иллирийского движения — с Россией в 30—40-х годах XIX в. Автор отмечает стремление Гая к тесному сближению южных славян, в первую очередь хорватов, с Россией, чтобы в опоре на нее добиться национального освобождения; показывает его попытки установить связи с русскими дипломатическими и общественными деятелями, что особенно ярко проявилось во время его поездки в Россию в 1840 г. Впоследствии Гаю стало очевидно, что русское правительство, не желая конфликта с Веной, не склонно в той же мере содействовать национальной борьбе австрийских югославян, в какой оно оказывало поддержку Сербии. В этот период происходит ослабление русофильских настроений хорватского деятеля. В монографии И. И. Лещиловской нашли отражение и такие аспекты русско-хорватских общественных связей, как публикация в хорватских литературных органах произведений русских писателей и ученых, освещение событий в Хорватии в русской периодической печати, поездки русских ученых и путешественников в Хорватию, книгообмен. Автор подчеркивает, что деятели русской науки — И. И. Срезневский, П. И. Прейс и др.— одобряли литературно-языковую и общественную деятельность участников иллиризма.

Одной из важных тем, входящих в проблематику русско-югославянских общественных связей, являются контакты ученых наших стран.

Советские историки и литературоведы внесли значительный вклад в изучение деятельности великого реформатора сербского языка, историка и этнографа В. С. Караджича. При этом главное внимание в их работах уделялось и уделяется исследованию его связей с Россией. В общем плане этот вопрос рассматривался в статье С. А. Никитина¹², который отмечал, что помоць русских ученых и правительства имела огромное значение для проведения Караджичем реформы языка.

Значительное место проблеме «Вук Караджич и Россия» уделяется в монографии П. А. Дмитриева и Г. И. Сафонова¹³. Ленинградские ученые рассмотрели целый комплекс вопросов: поездка Караджича в Россию в 1818—1819 гг., его контакты с Рос-

сийской Академией наук и отдельными учеными, публикация материалов о нем в русской периодике, полемика вокруг языковой реформы Караджича. Авторы отмечают, что успеху творческих начинаний В. Караджича способствовали тесная связь с русской культурой и наукой, постоянная моральная и материальная поддержка со стороны многих русских ученых, писателей, общественных и государственных деятелей. П. А. Дмитриев и Г. И. Сафонов демонстрируют это на примере его связей с П. И. Кеппеном, Н. И. Надеждиным и И. И. Срезневским. В монографии подчеркивается высокая оценка, которую дали деятельности «великого серба» представители русской революционной демократии — В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский.

Отдельные аспекты этой проблемы рассмотрены также в работах А. М. Балакина, П. А. Дмитриева, В. Н. Зыкина, М. Я. Гольберга¹⁴.

По вышеназванной проблематике советские ученые проделали большую научно-публикаторскую работу¹⁵. Переписка в 40—50-х годах В. Караджича и русских ученых — И. И. Срезневского, В. И. Григоровича, М. П. Погодина — позволяет выявить многие детали их биографий, а также раскрывает важные стороны связей Вука с Россией.

Поддержка освободительных устремлений на Балканах, как фактора, облегчившего России борьбу с Османской империей, становится одним из внешнеполитических принципов царизма во второй половине XIX в. Последствия Крымской войны обусловили изменение методов русской политики на Балканском полуострове. Так, была значительно расширена сеть консульских учреждений, большое значение стало придаваться общественным каналам в целях укрепления в этом регионе влияния России.

В конце 50—60-х годах XIX в. возрастает интерес русской общественности к жизни народов Балкан и югославян, в частности. И не случайно, что именно в период между двумя русско-турецкими войнами (50—70-е годы) русско-югославянские связи становятся все интенсивнее и разнообразнее.

Усилиению внимания различных кругов российского общества к жизни сербов, черногорцев, боснийцев, герцеговинцев содействовали славянские комитеты, созданные славянофилами в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе. Их деятельность в 1858—1876 гг. всесторонне проанализирована С. А. Никитиным¹⁶. Автор показал роль этих благотворительных организаций в развитии общественных и научных связей России с южными славянами, их помощь национально-освободительному движению, развитию культуры и просвещения. Славянским комитетам, как показал С. А. Никитин, принадлежала большая заслуга в организации массового движения помощи восставшим на борьбу с Османской империей народам в годы Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Вместе с тем руководство комитетов считало, что решить балканский вопрос могло только военное вмешательство России, и усиленно призывало к началу русско-турецкой войны.

В советской историографии серьезно исследована деятельность югославян в России, формирование их мировоззрения под воздействием русской общественной мысли, сотрудничество югославянских общественных деятелей в печатных органах.

Весомым вкладом в разработку этой темы явились работы В. Г. Карасева о Св. Марковиче и Ж. Жуевиче.

Проследив эволюцию взглядов великого сербского революционера-демократа и социалиста-утописта Св. Марковича, автор подчеркнул то огромное влияние, которое оказала революционная Россия на формирование его мировоззрения, особенно в период пребывания в Петербурге (1866—1868 гг.). Если до приезда в Россию Маркович находился под влиянием либеральных идей, то покидал он ее уже вполне сложившимся революционером-демократом, который стремился «быть в сербском народе тем, чем были Чернышевский, Добролюбов и другие в русском народе». В. Г. Карасев опубликовал также материалы о связях Марковича с Д. И. Писаревым и о влиянии последнего на сербского революционера¹⁷.

В. Г. Карасев проанализировал деятельность сербского публициста Ж. Жуевича в период его пребывания в России в 1859—1866 гг.¹⁸ Знакомство сербского публициста с представителями русских революционно-демократических кругов сыграло решающую роль в его переходе на сторону борцов за национальное и социальное освобождение славянских народов. Советский ученый выявил 82 публикации Ж. Жуевича в русской периодической печати, что позволило значительно обогатить наши представления о развитии межславянских и русско-сербских связей того периода, а также пересмотреть ряд сложившихся ранее в исторической литературе точек зрения на творчество Ж. Жуевича.

Ряд новых сведений по этой теме сообщила Л. И. Ровнякова¹⁹, проанализировавшая «югославянские» материалы, опубликованные в 60-х годах прошлого столетия на страницах прогрессивной газеты «Голос», автором большинства которых был Ж. Жуевич.

Деятельность в России хорватского публициста И. Ткалаца прослежена в статье В. Г. Карасева и В. И. Фрейдзона²⁰. Приведенный авторами анализ позволил сделать ряд важных выводов и наблюдений. Одним из них является необходимая корректировка распространенного в историографии мнения о том, что большинство южнославянских деятелей, сотрудничавших в периодических изданиях 60-х гг. XIX в., оказывались в лагере славянофилов.

В. И. Фрейдзон рассмотрел также вопрос о контактах И. Ткалаца с А. И. Герценом²¹. В ряде работ В. И. Фрейдзона об общественно-политической деятельности Евгения Кватерника²² освещается его роль в развитии русско-хорватских общественных связей в 50—70-х годах XIX в. Исследователь показал, что во время своей поездки в Россию в 1858 г. Кватерник стремился ознакомить русское дворянско-буржуазное общество с положением на Балканах и прилагал немало усилий, чтобы убедить влиятельные круги России в целесообразности поддержки дела независимости Югославии.

висимости Хорватии. Представляют большой интерес опубликованные В. И. Фрейдзоном материалы, принадлежавшие перу Е. Кватерника и содержащие программу мер, которые бы, по его мнению, обеспечили преобладающее влияние России на хорватское общество. Автор подчеркивает, что Кватерник в своей программе пытался согласовать политические интересы России с задачами национального развития хорватов.

Интересный вопрос о полемике вокруг славянофильского послания «К сербам» (1860 г.) рассмотрел М. Я. Гольберг ²³. Послание вызвало острую дискуссию в общественных кругах России, прежде всего между Н. Г. Чернышевским и славянофилами, а также в Сербии. Автор отметил, что возникновение полемики было связано с узловыми моментами истории общественной мысли в России и Сербии. Важно, по мнению автора, что столкновение различных мнений по этому вопросу отразило процесс размежевания революционного и либерального крыла в сербском общественном движении, всю сложность становления революционно-демократической мысли в Сербии, яркими представителями которой являлись Ж. Жуевич и С. Маркович.

Русско-словенские общественные, культурные и научные связи в XIX в. впервые в советской историографии исследованы И. В. Чуркиной в монографиях «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия», «Русские и словенцы» и ряде статей ²⁴. Правомерно рассматривая русско-словенские отношения в тесной взаимосвязи с национальным движением в Словении, И. В. Чуркина выделила и обосновала несколько этапов в их развитии. Непосредственные контакты между словенскими и русскими общественными деятелями стали устанавливаться в 40-х — первой половине 50-х годов XIX в. После Крымской войны эти связи значительно расширились, а в конце 60-х — первой половине 70-х годов стали приобретать все более регулярный и интенсивный характер. В середине 70-х годов в развитии русско-словенских связей обозначился спад, который, как показала И. В. Чуркина, был обусловлен, с одной стороны, Восточным кризисом 1875—1878 гг., когда центр внимания русской общественности был перенесен на движения балканских славян, а с другой — стабилизацией внутри- и внешнеполитического положения Австро-Венгрии, при котором господствующие классы хорватов, поляков, чехов и других славянских национальностей в определенной степени примирились с дуализмом, а создание Германской империи, не включившей в себя австрийские земли, отодвигало на время вопрос о судьбе словенцев в случае распада Габсбургской монархии. В 80—90-х годах русско-словенские связи вновь переживали подъем в своем развитии, хотя по ряду причин и не достигли уровня 60-х годов. Автор впервые в историографии, как советской, так и зарубежной, проанализировал деятельность словенских русофилов в 60—90-х годах XIX в. И. В. Чуркина показала, что в 60—70-х годах русофильство было свойственно наиболее передовым буржуазным деятелям Словении, в частности

Ф. Левстику — вождю левого крыла младословенцев, в то время как в 80—90-х годах оно приобретает некоторые антидемократические и реакционные черты.

И. В. Чуркина исследовала влияние русских передовых мыслителей (А. И. Герцена, М. Н. Бакунина) и деятелей науки и культуры (И. С. Аксакова, В. И. Ламанского и др.) на развитие словенского национального движения и словенской либеральной и демократической мысли (Левстик, Целестин, Стритар).

Новая монография И. В. Чуркиной «Русские и словенцы» посвящена проблеме, до сих пор не освещенной в историографии. В ней показывается развитие русско-словенских научных контактов на протяжении более ста лет, их влияние на становление научного славяноведения, на формирование гуманитарных наук у словенцев. В монографии по-новому рассматриваются взаимоотношения известного словенского ученого, одного из основателей славистики — Е. Копитара с русскими славистами А. Х. Востоковым, П. И. Кеппеном и др., ведется полемика с неправильно укоренившимся в современной историографии точкой зрения, что русские ученые способствовали распространению отрицательного мнения о Копитаре. Работа И. В. Чуркиной вводит в научный оборот большое количество новых источников из архивов русских и словенских ученых.

Работы по истории связей между Россией, Боснией и Герцеговиной в 50—70-х годах XIX в. практически отсутствуют. Но в последнее время советские историки приступили к публикаторской работе по этой теме. Так, документы, изданные В. Н. Кондратьевой²⁵, показывают, что в период, предшествующий восстанию 1875—1878 гг., Россия оказывала Боснии и Герцеговине большую помощь в деле народного просвещения. Основателями и содержателями школ в этих областях были видные русские общественные деятели, члены славянских комитетов (Н. А. Киреев и др.). В 1986 г. вышла в свет первая книга I тома советско-югославской публикации «Борьба народов Боснии и Герцеговины за национальное освобождение и Россия», где представлено немало научно прокомментированных материалов о развитии общественных связей между этими народами в 50—60-х годах XIX в.

В 50—70-х годах интенсивно развивались русско-черногорские связи. Эта проблематика изучена в работах Н. И. Хитровой²⁶. Автор приводит интересные факты об оказании Россией помощи Черногории в деле создания школ, женского института, учительской семинарии, организации типографии и т. д., подчеркивая при этом, что русское правительство не преследовало в своих мероприятиях целей русификации. В статьях Н. И. Хитровой подробно рассматривается важный вопрос об обучении черногорской молодежи в России, где ей предоставлялись различные льготы. В России получили образование ряд видных деятелей Черногории: Д. Бакич, преподаватель, член Великого суда, посланник в Константинополе; М. Драгович, известный впоследствии историк; ученый И. Роганович и многие другие.

Важное место в исследованиях советских историков занимает проблематика революционных связей России и народов Балканского полуострова, влияния русской революционной мысли на общественное движение югославян.

В. И. Ленин отмечал, что «революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»²⁷. В общем русле интернациональных связей России развивалось и русско-югославянское революционное сотрудничество.

В статьях Е. Н. Купевой и В. Г. Карасева²⁸ — одних из первых по указанной теме — отмечалось, что уже в начале 70-х годов сербские социалисты во главе со Св. Марковичем поддерживали активные связи с русскими революционерами-народниками. В этот период, при подготовке восстания в Боснии и Герцеговине, по мнению авторов, сложился русско-сербский революционный союз, распавшийся после смерти Марковича, в 1875 г.

Значительный вклад в разработку проблематики русско-югославянских революционных связей внесли работы В. Я. Гросула. В его первой монографии на эту тему²⁹ дается периодизация деятельности российских революционеров в Юго-Восточной Европе в 60-х — первой половине 70-х годов XIX в. Автор выделяет два этапа. Первый охватывает 1859—1866 гг., второй — 1866—1874 гг. — совпадает с оживлением национально-освободительных устремлений на Балканском полуострове. Говоря о влиянии русской передовой революционной мысли на Балканы в целом, В. Я. Гросул подчеркивает, что первоначально в массе прибывших в Юго-Восточную Европу российских революционеров преобладали последователи А. И. Герцена, организации «Земля и Воля», затем усилилось воздействие «молодой эмиграции», вдохновленной идеями Н. Г. Чернышевского. На рубеже 60—70-х годов в Юго-Восточной Европе более заметно влияние «Сморгонской академии», нечаевцев, «чайковцев», а также представителей трех направлений эмиграции: бакунистов, лавристов, русских «якобинцев», причем влияние последних, по мнению автора, было в этот период более заметным на Балканах, чем в русском революционном движении в целом. Приведенный в книге материал позволил В. Я. Гросулу сделать важный вывод, что «революционный социализм в Юго-Восточной Европе возник под доминирующим влиянием русского народничества и нигде в зарубежной Европе его влияние не было так сильно в тот период, как на Балканах»³⁰.

В другой монографии³¹ В. Я. Гросул продолжает исследовать эту проблему уже применительно к 70-м — началу 80-х годов XIX в.

Одним из вопросов, относящихся к проблеме русско-югославянских революционных связей, является вопрос о сотрудничестве сербских социалистов в изданиях журнала «Вперед!», их контактах с известным революционером П. Л. Лавровым и его единомышленниками.

мышленниками. Он разработан К. А. Поглубко, Н. И. Хитровой, В. Я. Гросулом³². Журнал «Вперед!», по утверждению этих авторов, в Сербии имел наибольшее число читателей.

Отдельные аспекты влияния русской революционной мысли на развитие общественного движения и национально-освободительной борьбы в Сербии в 60—70-х годах XIX в. рассматриваются также в статьях Л. Ерихонова, Д. Ф. Поплыко, В. М. Хевролиной³³.

Значительное внимание в советской историографии уделяется вопросу об освещении русской периодической печатью важнейших событий в жизни и истории югославян. Одним из первых обратился к этой проблематике С. А. Никитин³⁴. Он показал, что публикации в 60—70-х годах на страницах различных периодических изданий России «славянских» материалов способствовали росту интереса русской общественности к южным славянам.

Расширение источниковой базы, связанное с появлением в последние два десятилетия целого ряда публикаций, во многом содействовало углубленному исследованию русско-югославянских связей в 50—70-х годах XIX в. Важным этапом на пути изучения этой темы явился трехтомный сборник документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига»³⁵, в материалах и научных комментариях которого нашли отражение и вопросы общественных связей между народами России и южными славянами в 1875—1878 гг. Центральное место в данном издании занимает болгарская проблематика, вместе с тем документы позволяют осветить отношение различных кругов российского общества к событиям в Боснии и Герцеговине, Сербии и Черногории в годы Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Значительным явлением стал выход в свет книги «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875—1878 гг.»³⁶, в которую включены малоизвестные или ранее неопубликованные печатные и архивные материалы по вопросам общественных связей народов России и Балканского полуострова.

Публикация «Зарубежные славяне и Россия», содержащая материалы из эпистолярного наследия М. Ф. Раевского³⁷, предпринятая учеными СССР, ЧССР и Югославии, проливает свет на многие аспекты связей России и югославянских народов Австро-Венгрии, которые изучены еще недостаточно полно. Документы, вошедшие в это издание, позволяют показать, что широкие традиционные контакты славянских народов в XIX в. оказывали влияние на внутриполитическую жизнь Габсбургской монархии. Издание содержит большое количество новых данных о помощи различных кругов российского общества национальным движениям славянских народов в Австрийской империи, роли М. Ф. Раевского и его корреспондентов в установлении и расширении контактов с югославянскими представителями и оказании поддержки делу культурного и научного развития в югославянских областях Австро-Венгрии и Османской империи.

Большие успехи достигнуты советской историографией в изучении общественных связей России и народов Балкан в период

Восточного кризиса 70-х годов XIX в. В центре внимания исследователей стоят вопросы отношения различных кругов российского общества к национально-освободительной борьбе balkанских народов в 1875—1878 гг., реакции русской периодической печати на события этого периода, участия русских добровольцев в освободительном движении на Balkанском полуострове. Одними из первых советских историков обратились к этой теме С. А. Никитин и В. М. Ханутин³⁸. Затем эти вопросы изучались в работах Т. Г. Сытко, А. Я. Кипермана, В. М. Хевролиной, М. Я. Гольберга, Ю. Е. Фомина, Н. И. Хитровой и др.³⁹

Интенсификации исследований в этом направлении способствовал 100-летний юбилей освобождения ряда Balkанских народов и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В СССР в эти годы издан целый ряд сборников статей, в которые были включены новые материалы и исследования советских историков, подведены итоги изучения этой темы.

Большой интерес представляют статьи и книги, написанные на тему русско-балканских связей периода Восточного кризиса В. Я. Гросулом, Л. И. Нарочницкой, А. А. Улуняном, Ю. А. Писаревым, В. М. Хевролиной, И. С. Достян, Н. И. Хитровой, О. В. Орлик, Л. В. Кузьмичевой, И. С. Рыбаченок, Ю. В. Фоминым, Н. И. Цимбаевым, И. В. Чуркиной, Л. Г. Дрейзис, И. М. Григорьевым, Е. Н. Наумовым и др.⁴⁰

Особое внимание уделяется изучению позиции революционных кругов России, поддержка которых содействовала справедливой борьбе народов Balkан за свою свободу и независимость. Этому вопросу посвящены работы В. Я. Гросула и В. М. Хевролиной⁴¹, которые делают вывод о большом значении контактов революционеров для развития теории и практики революционного движения в России и Сербии.

Реакция русской периодической печати различных направлений на решения Берлинского конгресса 1878 г. исследуется в ряде статей В. И. Адо⁴².

Интересный вопрос — реакция русской прессы на борьбу народов Боснии и Герцеговины против оккупации Австро-Венгрии в 1878 г.— рассмотрел В. И. Фрейдзон⁴³. В его статьях подчеркивается, что русская общественность в своих периодических изданиях, независимо от их направления, выражала симпатии борющимся боснийцам и герцеговинцам.

До недавнего времени почти совершенно не были исследованы вопросы русско-югославянских общественных связей в конце XIX в.— начале XX в. Однако в последние годы ситуация несколько изменилась. Различные формы научных связей в последней четверти XIX в.— научные командировки, книгообмен, рецензирование трудов, популяризация достижений славяноведения, распространение русского языка и литературы в Сербии — рассмотрены в работах С. И. Данченко (Бочкаревой), О. В. Павлюченко, Н. Н. Владыко, В. К. Петухова и др.⁴⁴ Исследования ученых помогли воссоздать многие события в истории связей двух

наших стран, показали ту значительную роль, которую сыграли в их расширении и укреплении как представители славянофильского направления в русском славяноведении — П. А. Кулаковский, В. В. Макушев, Н. А. Попов, так и ученые и общественные деятели, придерживавшиеся демократических взглядов,— А. Н. Пыпин, А. И. Степович, П. А. Ровинский, М. Н. Сперанский и др.

В статьях Л. П. Лаптевой⁴⁵ рассматриваются некоторые вопросы научного сотрудничества славистов Московского университета с коллегами из славянских стран, в том числе и с учеными Сербии.

Отдельные аспекты русско-югославянских научных связей конца XIX — начала XX в. получили освещение в работах советских литературоведов. В статьях Ю. Д. Беляевой, Р. Ф. Дорониной, И. М. Порочкиной и др., помещенных в совместном советско-югославском труде «Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX в.» (М., 1975), раскрываются малоизвестные и важные страницы в истории взаимо-связей русского и югославянских народов.

В этом плане интересна также монография Ю. Д. Беляевой⁴⁶, в которой исследуются проблемы литературных связей России с югославянскими народами.

Советские ученые пришли к выводу, что контакты русской общественности именно с деятелями сербской науки имели в последней четверти XIX — начале XX в. особенно большое значение, поскольку официальные отношения между Россией и Сербией были довольно натянутыми вследствие усиления проавстрийских тенденций в политике сербских правящих кругов.

В своих работах исследователи, изучающие русско-югославянские революционные связи в последние десятилетия XIX в.⁴⁷, делают вывод об огромном влиянии российского освободительного движения на развитие революционной борьбы в Сербии. Они подчеркивают, что известные сербские социалисты и революционеры — В. Пелагич, Д. Ценич и его группа, А. Банкович и др.— восприняли многие освободительные идеи русских народников 70—80-х годов. Значительное развитие в этот период получила и такая форма русско-сербских революционных связей, как личное участие сербских студентов в революционном движении России.

Вместе с тем наряду с большим влиянием русского народничества исследователи отмечают незначительное распространение марксизма в Сербии, что было следствием как общей отсталости страны, так и слабости сербского революционного и рабочего движения.

Значительный вклад в изучение русско-сербских связей внесли работы Д. Ф. Поплыко, в которых впервые в советской историографии рассмотрена проблема взаимоотношений с Россией видного сербского просветителя, революционера-демократа, одного из зачинателей социалистического рабочего движения -- Васы Пелагича⁴⁸.

Д. Ф. Поплыко выделяет несколько этапов в истории связей Пелагича с Россией. В 60-х годах, когда он учился в Московском университете, они развивались по двум основным направлениям — в кругах славянофильской общественности и в определенных дипломатических сферах.

Автор во многом по-новому ставит вопрос о влиянии русской действительности на формирование общественно-политических взглядов Пелагича. В литературе фигурирует мнение о том, что в России он подвергся воздействию лишь русской революционно-демократической идеологии. Д. Ф. Поплыко доказала, что главным в этот период было влияние на Пелагича дворянско-буржуазной либеральной идеологии славянофильского направления. В 70—80-х годах решающее влияние на Пелагича оказывало уже русское революционное народничество, что нашло отражение в его революционных программах. Вместе с тем, отмечает Д. Ф. Поплыко, в этот период продолжают развиваться связи Пелагича со славянофильскими кругами. Наконец, в 90-х годах основное внимание сербского революционера было переключено на изучение идей научного социализма и опыта практической борьбы западноевропейского рабочего класса.

В конце XIX — начале XX в. связи с Россией, куда переместился центр мирового революционного движения, явились важнейшим фактором формирования рабочего и социалистического движения в Балканских странах. В эти годы в общей структуре традиционных общественно-политических контактов между Россией и югославянскими народами произошли существенные изменения. Преобладающую роль стали играть революционные связи, активизировавшиеся под влиянием подъема рабочего движения и постоянно укреплявшиеся в результате идейного и политического воздействия партии большевиков.

Постановке этих важных вопросов посвящена статья Ю. А. Писарева⁴⁹. Автор справедливо подчеркивает, что особенно большое значение для формирования классового самосознания пролетариата Балканских стран имело усвоение ленинских идей. В работе подробно освещаются конкретные формы революционных связей, характерные для этого периода.

Анализ значения распространения ленинской «Искры» на Балканах содержится в статье Ю. А. Писарева и С. И. Бочкаревой (Данченко)⁵⁰. Авторы убедительно показали, что «Искра» не только способствовала становлению социалистической печати, но и оказывала значительное влияние на формирование революционного направления в рабочем движении. Им удалось также рассмотреть неизученный ранее аспект проблемы о распространении «Искры» в югославянских землях и публикации в ней материалов о рабочем и социалистическом движении в Сербии и Хорватии.

Основные направления развития революционных связей между Россией и балканскими народами в начале XX в. прослеживает А. З. Нюркаева⁵¹. Она рассматривает влияние ленинских идей на формирование взглядов таких видных деятелей революционного.

и рабочего движения Сербии, как А. Банкович, К. Йованович, Д. Лапчевич и др. А. З. Нюркаевой введены в научный оборот письма лидеров Сербской социал-демократической партии, свидетельствующие о том, что связи их с большевиками имели огромное значение для создания политической платформы руководителей сербского социалистического движения, которые применили на практике ленинские идеи о стратегии и тактике рабочей партии нового типа. Результатом этого явилось размежевание политических сил в рядах сербского рабочего движения, начало борьбы между революционным и оппортунистическим крылом сербской социал-демократии.

Советские историки (М. М. Сумарокова, А. З. Нюркаева) показали роль ленинских идей в развитии политических взглядов видного деятеля рабочего движения, одного из основателей и руководителей Коммунистической партии Югославии — Филипа Филиповича. Особо подчеркнуто значение его вступления в ряды РСДРП, активного участия в революции 1905—1907 гг. и сотрудничества в русской революционной печати, в частности в газете «Правда» (1912—1913 гг.)⁵².

Одним из проявлений русско-сербских связей начала XX в. явилась педагогическая и научная деятельность Филипа Филиповича в России. М. М. Сумарокова отметила активное участие сербского социалиста в широко развернувшемся под влиянием революции 1905—1907 гг. движении прогрессивной интеллигенции России за реформу системы народного образования⁵³.

Деятельность Ф. Филиповича в последующий период исследовал украинский историк С. П. Мовчан⁵⁴. Автор показал, что в отличие от буржуазных и реформистских историков, клеветнически изображавших победу Великой Октябрьской социалистической революции и деятельность партии Ленина, Филипович дал всестороннюю оценку этой победы, отметив международное значение социалистической революции в России. Филипович впервые в Югославии поставил вопрос о причинной связи между Октябрьским и революционным подъемом в югославянских землях в 1917—1920 гг.

Статья В. Л. Пovalяева⁵⁵ посвящена другому видному деятелю сербского рабочего движения, Р. Драговичу. Автор особо выделяет его роль в борьбе сербских марксистов за чистоту революционного движения и подчеркивает, что в этой борьбе Р. Драгович и его соратники опирались на работы В. И. Ленина.

Работы советских историков, посвященные русско-сербским революционным связям в начале XX в., позволили показать ошибочность взглядов некоторых югославских ученых, утверждавших, что идейное развитие ССДП происходило исключительно под влиянием немецкой социал-демократии и было результатом про западной ориентации югославянского рабочего движения. Советские исследователи делают обоснованный вывод о том, что утверждение марксизма в Сербии в этот период в основном шло под влия-

нием ленинизма⁵⁶, и более интенсивно, чем позволяли конкретные условия развития страны.

Влияние Ленина и его идей на революционную социал-демократию балканских стран происходило как на начальном, так и на всех последующих этапах рассматриваемого периода. Советским историкам принадлежит ряд важных работ, посвященных ретроспективному анализу этой проблемы. Среди них особый интерес представляют работы М. М. Сумароковой, Г. М. Славина, А. З. Нюркаевой, А. С. Бейлиса и С. П. Мовчана⁵⁷.

В СССР довольно подробно изучено широкое и разностороннее влияние русской революции 1905—1907 гг. на развитие югославянского рабочего движения и деятельность социалистических рабочих партий.

В. Н. Виноградов и Ю. А. Писарев⁵⁸ отметили общие для всех Балканских стран процессы, которые выявились под воздействием первой русской революции. В их статьях подчеркивается многообразность ее влияния. В частности, для Сербии, Болгарии и югославянских земель Австро-Венгрии события в России в 1905—1907 гг. явились мощным стимулом подъема рабочего движения, которое развивалось не только вширь, но и вглубь.

А. З. Нюркаева⁵⁹ рассматривает влияние первой русской буржуазно-демократической революции на рабочее движение в Сербии, сербскую социал-демократическую партию и профсоюзы, прослеживает не только количественный рост, но и качественные изменения в движении сербского пролетариата, подчеркивая, что именно под воздействием событий русской революции оно приобрело массовость, черты пролетарского интернационализма.

Вопрос о значении событий 1905—1907 гг. в России для югославянских народов Австро-Венгрии исследован Ю. А. Писаревым⁶⁰. Ю. А. Писарев анализирует многообразные проявления солидарности народных масс (в том числе и рабочих) югославянских областей Австро-Венгрии с русской революцией. 1905 год в России оказал влияние и на активизацию борьбы прогрессивной интеллигенции, студенчества и учащейся молодежи за конституционные свободы (например, за всеобщее избирательное право), способствовал размаху национально-освободительного движения в Австро-Венгрии⁶¹.

Таким образом, советские историки убедительно доказали, что, несмотря на ограниченность непосредственных контактов между РСДРП(б) и социал-демократическими партиями югославянских народов в 1905—1907 гг., сама революция, ее характер и размах оказали огромное воздействие на рабочее, крестьянское и общедемократическое движение в Австро-Венгрии и на Балканах.

После поражения первой буржуазно-демократической революции в России связи между русским и югославянским революционными движениями были сохранены. Более того, наибольшей интенсивности они достигли в 1908—1913 гг. Начиная с Боснийского кризиса, перед югославянскими народами с особой остротой встала национальная проблема, а также вопросы борьбы против

милитаризма и войны. На решение этих первостепенных задач оказывали влияние идеи ленинизма и позиция партии большевиков, что прослеживается на примере сербской социал-демократии в работах Г. М. Славина и М. М. Сумароковой⁶². Авторы отмечают, что, хотя В. И. Ленин не поддерживал непосредственных контактов с руководителями ССДП, он уделял немалое внимание положению на Балканах.

Проводниками большевистской идеологии в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии были студенты-югославяне, обучавшиеся в России и являвшиеся членами первых марксистских кружков и групп. Ю. А. Писарев⁶³ рассмотрел деятельность бывших студентов, которые по возвращении на родину приступили к созданию в Сараево конспиративных революционных организаций среди учащейся молодежи. Автор отметил также сильное воздействие марксистской и революционной русской литературы на мировоззрение и творчество многих боснийских писателей и публицистов.

В работах Ю. А. Писарева⁶⁴ показана роль ленинских идей в распространении антиимпериалистических настроений накануне первой мировой войны среди рабочего класса югославянских земель Австро-Венгрии.

Деятельность одного из лидеров ССДП — Д. Поповича в 1914—1918 гг. и ее значение для выработки марксистских позиций сербскими социал-демократами прослеживается и М. М. Сумароковой⁶⁵.

Интересный вопрос о влиянии ленинских идей на балканские социал-демократические партии в 1914—1918 гг. поставлен в статье М. А. Бирмана⁶⁶. Он показал, что укрепление интернационалистических позиций среди социал-демократии региона во многом было связано с деятельностью В. И. Ленина и большевиков, наметивших пути решения назревших на Балканах исторических задач и стремившихся к идеиному сплочению и организационному объединению революционной демократии Балканских стран.

Общественные связи России с Сербией и Черногорией в годы первой мировой войны прослеживаются Ю. А. Писаревым на примере деятельности Российского Красного Креста, славянских комитетов в Петрограде, Москве, Киеве и других городах⁶⁷.

В начале XX в., кроме революционных, довольно интенсивно развивались и другие общественные связи между Россией и южнославянскими народами. В частности, подъем рабочего движения в России оказал большое влияние на мировоззрение и деятельность многих ведущих представителей югославянской творческой интеллигенции.

Культурные связи передовых деятелей хорватской интеллигенции с Россией рассматривает Л. И. Ровнякова⁶⁸. Она на конкретных примерах показывает рост интереса в Хорватии к произведениям Тургенева, Достоевского, Толстого и других русских писателей, а также раскрывает влияние русского реализма на из-

вестных хорватских писателей, критиков и переводчиков (А. Шеноа, И. Гойтан, А. Радич и др.).

Вопрос о влиянии революционных событий в России на формирование мировоззрения прогрессивной интеллигенции Боснии, в частности популярного боснийского писателя, видного деятеля крестьянского и национально-освободительного движения Петара Коичча, нашел отражение в статье В. К. Зайцева ⁶⁹.

Февральская революция в России нашла большой отклик в Балканских странах. В работах Ю. А. Писарева отмечается, что свержение царизма в России способствовало усилению демократического движения в югославянских землях, левого течения в социалистическом движении, а также наступлению нового этапа в национально-освободительном движении балканских народов.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху в истории человечества и явилась главным историческим событием XX в. Победа Октября ознаменовала коренной поворот в судьбах народа не только нашей страны, но и всего мира. В полной мере это относится и к югославянским народам.

Важные проблемы влияния Великой Октябрьской социалистической революции освещаются в работах Ю. А. Писарева ⁷⁰. Подчеркнув, что под непосредственным воздействием событий в России развернулись невиданные по своему размаху классовые бои, автор проанализировал также качественные сдвиги, происшедшие в социалистическом движении Балканских стран. Он отмечает, что Октябрьская революция означала победу марксизма-ленинизма над идеологией оппортунизма, реформизма и социал-шовинизма, дала мощный толчок образованию левых революционных групп среди социал-демократов. Автор подчеркивает также огромное влияние Октябрьской революции на усиление антивоенного движения, на дальнейший подъем национально-освободительной борьбы югославян. Отметив то общее, что было характерно для воздействия Октябрьской революции на Балканы в целом, Ю. А. Писарев остановился на влиянии Октября на отдельные югославянские народы.

Обзор исследований по истории русско-югославянских связей (конец XVIII в.— 1918 г.) позволяет утверждать, что в советской историографии достигнуты значительные успехи в изучении как отдельных вопросов этой проблематики, так и целых периодов. Советские ученые внесли большой вклад в поиск и публикацию новых документов по истории связей народов СССР и Югославии в прошлом столетии. Результаты их исследований нашли отражение в соответствующих разделах «Истории Югославии» и учебников ⁷¹.

Следует признать, что русско-сербские, русско-черногорские и русско-словенские связи в XIX в. исследованы достаточно широко, в то время как многие аспекты изучения контактов России с общественными кругами Хорватии, Боснии и Герцеговины еще ждут своих исследователей. В последнее время усилилось стрем-

ление советских и югославских историков к сотрудничеству по вопросам русско-югославянских связей XIX в.

Неравномерно изучены и отдельные периоды в истории русско-югославянских связей — наибольшее количество исследований посвящено 50—70-м годам XIX в., значительно меньшее — 30—40-м и 80—1900-м годам. Наличие обширного документального материала, успехи советских историков в изучении ряда вопросов этой общей проблематики позволяют говорить о реальных перспективах в данной области.

- ¹ Боброва С. П. К вопросу об изучении русско-сербских революционных связей 60—70-х годов XIX в. в советской историографии // Вопросы истории славян. Воронеж, 1977. Вып. 5; Нарочницкий А. Л., Писарев Ю. А. Итоги и перспективы изучения истории Югославии в СССР // Вопросы истории (далее: ВИ). 1975. № 7; Нюркаева А. З. Проблемы сербского рабочего и социалистического движения начала XX века в советской историографии // Рабочий класс и идеологическая борьба в эпоху империализма. Пермь, 1978; Бочкарева С. И., Вяземская Е. К. Россия и Балканы в XVIII — начале XX в. // Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1979. (Балканские исследования; Вып. 5); Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. Гл. V.
- ² Карасев В. Г. Исторические связи народов СССР и Югославии. М., 1956.
- ³ Гудков В. П. К выяснению обстоятельств издания «Истории разных славянских народов» Йована Раича // Сов. славяноведение (далее: ССЛ). 1977. № 1.
- ⁴ Фрейденберг М. М. Степан Малый из Черногории // ВИ. 1975. № 10.
- ⁵ Достјан И. С. Русская общественная мысль и балканские народы: От Радицева до декабристов. М., 1980; Она же. Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804—1813 гг. // Југословенске земле и Русија за време првог српског устанка 1804—1813. Београд, 1983. (Научни скупови Српске академије наука и уметности; Књ. XVII. Одељење историјских наука; Кн. 4); Она же. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. // ССЛ. 1970. № 5; Она же. Национально-освободительное движение южных славян и русская общественная мысль первой четверти XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Междунар. съезд славистов. Загреб; Любляна, сентябрь 1978: Докл. сов. делегации. М., 1978.
- ⁶ Достјан И. Српска тематика у руској публицистици прве трећине XIX века // Зборник за историју. Нови Сад, 1982. № 26.
- ⁷ Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. М., 1980—1983. Кн. 1—2.
- ⁸ Бажова А. П. Карагеоргий в России; Достјан И. С. Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804—1813 гг.; Хитрова Н. И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Југословенске земле и Русија...
- ⁹ Виноградов С. А. К вопросу о создании типографии в Сербском княжестве в 30-х годах XIX века // ССЛ. 1969. № 5.
- ¹⁰ Наумов Е. П. Записки о русской помощи сербским повстанцам в 1804—1813 гг. // Балканские народы и европейские правительства в XVIII—начале XX в. М., 1982. (Балканские исследования; Вып. 8); Она же. Из истории русско-сербских культурных связей 40—60-х годов XIX в. // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
- ¹¹ Лещиловская И. И. Иллиризм: К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.
- ¹² Никитин С. А. Вук Караджич и Россия // Новая и новейшая история (далее: ННИ). 1964. № 3.

- ¹³ Дмитриев П. А., Сафонов Г. И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей: Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
- ¹⁴ Балакин А. М. Сербско-русские литературные взаимосвязи в первой половине XIX в. // Взаимосвязи славянских литературу. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966; Дмитриев П. А. И. Срезневский и Вук Караджич // Там же; Зыкин В. Н. Вук Караджич и русская наука: Страница из истории русско-славянских отношений: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1950; М. Я. Гольберг. Труды Караджича в оценке деятелей русской культуры первой половины XIX в. // Прилози за книжевност језик, историју и фолклор. Београд, 1964. Кн. XXX. Св. 3—4.
- ¹⁵ Громов П. Т. Переписка В. С. Караджича с И. И. Срезневским // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970; Наумов Е. П. Несколько писем Вука Караджича к русским историкам В. И. Григоровичу и М. П. Погодину // Славянская историография и археография. М., 1969; Карасев В. Г. Вук Караджич и Россия // Славянское источниковедение. М., 1965.
- ¹⁶ Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960.
- ¹⁷ Карасев В. Г. Революционно-демократическая программа Светозара Марковича // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1952. Т. 6.; Он же. Сербский революционер-демократ Светозар Маркович // Там же. М., 1953. Т. 7.; Он же. Светозар Маркович // Светозар Маркович: Избр. соч. М., 1956; Он же. Д. И. Писарев и Светозар Маркович: (Из истории русско-сербских общественных связей) // Крат. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР (далее: КСИС). М., 1952. Вып. 9.
- ¹⁸ Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич: Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974.
- ¹⁹ Ровнякова Л. И. Славянские корреспонденты газеты «Голос» (1860-е годы) // Духовная культура славянских народов. Л., 1983.
- ²⁰ Карасев В. Г., Фрейдзон В. И. Сотрудничество хорватского публициста Имбро Ткалаца в «С.-Петербургских ведомостях» (1863—1865) // Славяне и Россия. М., 1972.
- ²¹ Фрейдзон В. И. Из истории русско-хорватских революционных связей // КСИС. М., 1960. № 29.
- ²² Фрейдзон В. И. Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии: (Деятельность Евгения Кватерника в 1858—1867 гг.) // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965; Он же. Общественно-политическая позиция Е. Кватерника (конец 50-х — начало 70-х годов XIX в.) // Национально-освободительное движение южных славян. М., 1966. (Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР; Т. 30); Он же. О жизни и деятельности Евгения Кватерника // Славянское возрождение. М., 1966.
- ²³ Гольберг М. Я. К истории полемики вокруг славянофильского послания «К сербам» // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.
- ²⁴ Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978; Она же. Русские и словенцы: (Научные связи, конец XVIII в.—1914 г.). М., 1986; Она же. Югославийские стипендиаты Славянского учительского института в Петербурге (1866—1882 гг.) // Славянское возрождение; Она же. Два поколения словенских либералов и их отношение к России (50—70-е годы XIX в.) // Вопросы первоначального накопления...; Она же; Матица словенская и русские славянофилы // Славяне и Россия; Чуркина И. В., В. Матула. Архив М. Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40—70-е годы XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций: (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII — 70-х годах XIX в.). М., 1974; Чуркина И. В. Общественные, научные и культурные связи словян Австрийской монархии и России в 60-е годы XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973; Она же. Е. Копитар и первые русские слависты // Štuce z dejín svetovej slavistiky do polovice. Br., 1978; Cerkina I. Rusko-slovenske družbene zvezne na koncu šestdesetih in v začetku sedemdesetih let 19 stoletja // Zgog

- dovinski časopis. Ljubljana, 1978. Let. 32, N 4; Чуркина И. В. Русско-словенские научные связи в первой половине XIX в. // Исследования по историографии славяноведения и балканстики. М., 1981; Она же. М. Ф. Раевский и югославие // Историјски часопис. Београд, 1983; и др.
- ²⁵ Кондратьева В. Н. Русская помощь Боснии и Герцеговине в деле народного образования в 50—70-е годы XIX в. // Культура народов Балкан в новое время. М., 1980. (Балканские исследования; Вып. 6).
- ²⁶ Хитрова Н. И. Культурные связи России с Черногорией (XVIII — начало XX вв.) // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; Она же. Развитие просвещения в Черногории: (Школьное и издательское дело, 1796—1878) // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 8.
- ²⁸ Кушева Е. Н. Из истории русско-сербских революционных связей 1870-х годов // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 1949. Т. I; Карапеев В. Г. К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. // Там же. 1966. Т. XXX; Карапеев В. Г., Конобеев В. Д. О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60—70-х годах XIX в. М.; София, 1966.
- ²⁹ Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973.
- ³⁰ Там же. С. 504.
- ³¹ Гросул В. Я. Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980.
- ³² Поглубко К. А. О связях издателей журнала «Вперед!» с сербскими социалистами // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1968. Вып. 1; Хитрова Н. И. О попытке организации газеты «Вперед!» в Хорватии или Сербии // Славянский архив. М., 1961; Гросул В. Я. Революционная Россия...
- ³³ Ерихонов Л. Русские революционные демоќраты и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX в. М., 1950; Хевролина В. М. Славянский вопрос и идеология русского революционного движения в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. // Международные отношения на Балканах. М., 1974 (Балканские исследования; Вып. 1); Поплыко Д. Ф. Распространение идей Н. Г. Чернышевского в Югославии // Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов зарубежных стран. М., 1981.
- ³⁴ Никитин С. А. Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 1948. Т. 1; Он же. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века // Там же. 1952. Т. 6; Он же. Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX в. в освещении современной русской периодической печати // Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970; Он же. Балканские события в русской периодической печати кануна Восточного кризиса // Там же.
- ³⁵ Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы. М., 1961—1967. Т. 1—3.
- ³⁶ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах, 1875—1878. М., 1978.
- ³⁷ Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского, 40—80-е годы XIX века. М., 1975.
- ³⁸ Никитин С. А. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии; Ханутин З. М. Отношение общественных кругов России к балканским событиям в период сербо-турецкой войны 1876 г. // Учен. зап. Белорус. ун-та им. В. И. Ленина. Сер. ист. 1953. Вып. 16.
- ³⁹ Яковлев Н. Н. Участие русского народа в освободительной борьбе балканских славян в 1876—78 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1964; Он же. К вопросу участия русских добровольцев в боснийско-герцеговинском восстании 1875—1878 гг. // ССЛ. 1975. № 6; Киперман А. Я. К во-

- просу об общественном подъеме в России в связи с балканскими событиями 1875—1878 гг. // Учен. зап. Шуйского пед. ин-та. 1960. Вып. 9; Сынто Т. Г. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость, 1875—1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии; Хевролина В. М. Об отношении русского общества к войне и освобождению Болгарии от турецкого ига // КСИС. 1964. Вып. 40; *Она же*. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и общественное движение в России // ВИ. 1978. № 9; Хитрова Н. И. О русской помощи Черногории в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах; Гольберг М. Я. Балканские события 70-х годов XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических и культурных связей // Там же; Фомин Ю. Е. Общественность Украины и национально-освободительное движение южных славян в 1875—1878 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1971.
- ⁴⁰ Гросул В. Я. Восточный кризис 70-х годов XIX в. и российское общество // 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979; Нарочницкая Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875—1878 гг. М., 1979; Хевролина В. М. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и общественное движение в России; Орлик О. В. Представители прогрессивной интеллигенции России — участники русско-турецкой войны 1877—78 гг. // ВИ. 1978. № 4; Удунян А. А. Апрельское восстание в Болгарии. М., 1978; Хитрова Н. И. Черногория в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981; Кузьмичева Л. В. Русские добровольцы в сербско-турецкой войне 1876 г. // Там же; Рыбаченок И. С. Восточный кризис 1875—1878 гг. и русско-турецкая война на страницах газеты «Московские ведомости» // Там же; Фомин Ю. Е. Общественность Украины и русско-турецкая война 1877—1878 гг. // Там же. Цымбаев Н. И. Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества // Там же; Чуркина И. В. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и словенская общественность // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. М., 1977; Дрейзис Л. Г. Русская пресса 70-х годов XIX в. об откликах европеской общественности на боснийско-герцеговинское восстание // Вопросы истории славян. Воронеж, 1982; Григорьев И. М. Помощь населения Самарской губернии повстанцам Боснии и Герцеговины в 1875—1876 гг. // Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та. 1975. Т. 165, вып. 2; Наумов Е. П. Новые документы по истории национально-освободительного восстания в Боснии и Герцеговине (1875—1878) // Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978. (Балканские исследования; Вып. 4).
- ⁴¹ Хевролина В. М. Революционное народничество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1878 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; *Она же*. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и революционное народничество // Славянская историография и археография; *Она же*. Революционное народничество и сербско-турецкая война в 1876 г. // Вопросы первоначального накопления капитала...; *Она же*. Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание // Освободительные движения на Балканах. М., 1978. (Балканские исследования; Вып. 3); Гросул В. Я. Революционная Россия и освободительные движения на Балканах в 70-х годах XIX в. // ННИ. 1978. № 2; *Она же*. Российские революционеры в сербо-черногорско-турецкой войне 1876 г. // Балканские исследования. Вып. 4; *Она же*. Революционная Россия и Балканы (1874—1883).
- ⁴² Адо В. И. Русские революционеры и демократическая пресса о войне 1877—78 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. 1957. Т. 117, вып. 1958; *Она же*. Либеральная пресса в России об итогах Берлинского конгресса // Там же. Кн. 9; *Она же*. Берлинский конгресс и поменичье-буржуазное общественное мнение в России // Исторические записки (далее: ИЗ). М., 1961. Т. 69.
- ⁴³ Фрейдзон В. И. Отклики в России на борьбу в Боснии и Герцеговине против оккупантов в 1878 году // Akademija nauka i umetnosti Bosne i

Hercegovine: Posebna izdanja, Knj. XLIII. Odeljenje društvenih nauka. Knj. 8. Sarajevo, 1977; *Она же*; Корреспонденции Павла Ровинского о сопротивлении в Боснии австрийской оккупации в 1878 году: (Обзор) // Там же.

⁴⁴ **Бочкарева С. И.** Русско-сербские общественные связи (1878—1885 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; *Она же*. П. А. Кулаковский в белградской Великой школе // Зборник за славистику. Нови Сад, 1979. Књ. 16; *Она же*. Деятельность П. А. Кулаковского в Сербии: (Из истории русско-сербских научных связей последней четверти XIX в.) // Балканские исследования. Вып. 6; *Она же*. Руски научници у Србији од 1878 до 1885 године // Историјски часопис. Београд, 1981. Књ. XXVIII; **Павлюченко О. В.** Русские клубы в Сербии на рубеже XIX—XX веков // ССЛ. 1983. № 4; *Она же*. Из истории научных связей славистов России с учеными Сербии // Історичні дослідження: Історія зарубіжних країн. Київ, 1983. Вип. 9; *Она же*. Российско-сербские общественно-политические связи в конце XIX — начале XX века (1888—1903): Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984; **Владыко Н. Н.** В. В. Макушев и его исследования по истории Дубровника // Проблемы истории, античности и средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1981; *Она же*. В. В. Макушев как историк южного славянства: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; **Ахунд-Заде З. С.** Нил Александрович Попов (1833—1891): Страницы жизни // Из истории университетского славяноведения в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1983; **Наумов Е. П.** Политическая борьба и общественное развитие Сербии в начале 70-х гг. XIX в.: (По материалам современной публицистики и историографии) // Вопросы истории славян. Воронеж, 1982; **Петухов В. К.** Петр Негош в русской дарвиновской и советской славистике // Славянские страны и русская литература. Л., 1973; **Хитрова Н. И.** П. А. Ровинский (1831—1916) и югославянские народы // Balcanica. Beograd, 1970. № 2; **Киямова К. И.** О взглядах П. А. Ровинского на историю славян // Науч. тр. Курск. с.-х. ин-та. 1968. Т. 4; **Арбузова И. В.** Ватрослав Ягич и русская славистическая наука: (Из истории создания «Энциклопедии славянской филологии»): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971; *Она же*. В. Ягич в Одессе: (В. Ягич и В. И. Григорович) // Славянская филология: Сб. ст. Л., 1964; *Она же*. Из первых лет научной деятельности В. Ягича: (И. И. Срезневский и В. Ягич) // Славянское языкознание. Л., 1962. (Учен. зап. ЛГУ; № 316; *Она же*. Письма И. В. Ягича к русским ученым, 1865—1886. Л., 1963; **Кузьмин А. П.** И. В. Ягич о русско-славянских научных связях второй половины XIX в.: (По материалам переписки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1968. Т. 27, вып. 4.

⁴⁵ **Лаптева Л. П.** Славянская комиссия Московского университета (1892—1915) // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1979. № 6; *Она же*. Основные линии развития славяноведения в России в XIX — начале XX в. // Там же. 1977. № 2; *Она же*. Преподавание славистических дисциплин в Московском университете в XIX — начале XX в. // Из истории университетского славяноведения в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1983; *Она же*. А. Л. Дювернуа и его работы по истории славян // ССЛ. 1978. № 3.

⁴⁶ **Беляева Ю. Д.** Литературы народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX — начало XX в. М., 1979.

⁴⁷ **Поплыко Д. Ф.** Васа Пелаги и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М., 1983; **Бочкарева С. И.** (**Данченко**). Сербская социалистическая газета «Радник» о русском революционном движении // ССЛ. 1975. № 4; **Писарев Ю. А.** Рабочее и социалистическое движение на Балканах в конце XIX — начале XX в. // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. (Балканские исследования; Вып. 7); **Павлюченко О. В.** Русско-сербские революционные связи в конце XIX — начале XX в. // Український історичний журнал. 1982. № 8; **Жигунов Е. К.** К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х годов XIX в.: (П. Л. Лавров и сербские революционеры) // Советское славяноведение: Материалы IV межвузовской научной конференции историков-славистов. Минск, 1969; и др.

⁴⁸ **Поплыко Д. Ф.** Связи В. Пелагича с Россией // Советское славяноведение.

- ние ...; *Она же*. Васо Пелагич в России // Развитие капитализма и национальные движения ...; *Она же*. О становлении социалистических взглядов В. Пелагича: (Васо Пелагич в Цюрихе) // Славяне и Россия; *Она же*. Васа Пелагич и Россия.
- ⁴⁹ Писарев Ю. А. Рабочее и социалистическое движение на Балканах в конце XIX — начале XX в.
- ⁵⁰ Писарев Ю. А., Бочкарева С. И. Распространение ленинской «Искры» на Балканах // Roščici socijalističke štampe na Balkanu. Beograd, 1974.
- ⁵¹ Нюркаева А. З. Из истории сербско-болгарских и сербско-руссих революционных связей в начале ХХ века // Учен. зап. Перм. ун-та. 1971. Вып. 9; *Она же*. Влияние ленинских идей на размежевание сил в сербской социал-демократии // Там же.
- ⁵² Сумарокова М. М. Новые данные о начале революционной деятельности Филиппа Филиповича // ССЛ. 1967. № 1; *Она же*. Ф. Филипович о Балканских войнах на страницах большевистской «Правды» (1912—1913 гг.) // Prilozi za istoriju socijalizma. Beograd, 1971. Кн. 8; *Она же*. Ф. Филипович о революционном движении в России (1905—1917 гг.) // ССЛ. 1978. № 4; Нюркаева А. З. Корреспондент «Правды» // ВИ. 1976. № 3.
- ⁵³ Сумарокова М. М. Педагогическая и научная деятельность Ф. Филипповича в России (1904—1912 гг.) // ССЛ. 1982. № 3.
- ⁵⁴ Мовчан С. П. Филипп Филипович о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения трудящихся югославянских земель 1918—1920 гг. На укр. яз. // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету ім І. Франка. Історія, економіка, право. 1968; *Она же*. Филипп Филипович — исследователь новейшей истории Югославии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1971; *Она же*. Проблемы Великой Октябрьской социалистической революции в трудах Филиппа Филиповича. На укр. яз. // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1977. Вип. 16.
- ⁵⁵ Повалеев В. Л. Революционная деятельность Р. Драговича в период создания Сербской социал-демократической партии // Вопросы истории славян. Воронеж, 1963. Вып. 1.
- ⁵⁶ Нюркаева А. З. Проблемы сербского рабочего и социалистического движения начала ХХ века в советской историографии // Рабочий класс и идеологическая борьба в эпоху империализма.
- ⁵⁷ Сумарокова М. М. К вопросу о влиянии ленинских идей на представителей революционного крыла сербской социал-демократии // ННИ. 1961. № 2; Sumarokova M. M. O kontaktima V. I. Lenjina s funkcionerima jugoslovenskog radničkog pokreta i o širenju lenjinskikh ideja u Jugoslaviji (1904—1924) // Prilozi za istoriju socijalizma. Beograd, 1971. Кн. 8; Славин Г. М., Сумарокова М. М. В. И. Ленин и рабочее движение в Югославии (1904—1924 гг.) // В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973; Нюркаева А. З. Некоторые данные о связях и влиянии большевистской партии на сербскую социал-демократию // Учен. зап. Перм. ун-та. 1969. Вып. 7; Бейлис О. С., Мовчан С. П., В. И. Ленин и революционная и национально-освободительная борьба народов Югославии. На укр. яз. // Інтернаціональна сила ленінських ідей. Київ, 1970.
- ⁵⁸ Виноградов В. Н., Писарев Ю. А. 1905—1907 гг. в России и революционные процессы на Балканах // ВИ. 1976. № 6; Писарев Ю. А. Народы Югославии и первая русская революция 1905—1907 гг. // Первая русская революция и международное революционное движение. М., 1965.
- ⁵⁹ Нюркаева А. З. Рабочее движение 1905—1907 гг. в Сербии // Вопросы истории международного рабочего движения. 1963. Вып. 2.
- ⁶⁰ Писарев Ю. А. Революционное движение в югославянских областях Австро-Венгрии в 1905 г. // ВИ. 1956. № 3; *Она же*. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии, 1904—1914. М., 1962.
- ⁶¹ Писарев Ю. А. Положение рабочего класса и рабочее движение в Боснии и Герцеговине в 1905—1914 гг. // Рабочее движение в новое время. М., 1964.
- ⁶² Славин Г. М., Сумарокова М. М. В. И. Ленин и сербская социал-демо-

- кратия в период Балканских войн и первой мировой войны // ССЛ. 1970. № 2.
- ⁶³ Писарев Ю. А. Распространение русской революционной и переводной марксистской литературы в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии накануне первой мировой войны // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- ⁶⁴ Писарев Ю. А. Военная угроза и антиимпериалистическое движение в южнославянских землях Австро-Венгрии накануне первой мировой войны // Московский историко-архивный институт. Труды. Т. 18. М., 1963.
- ⁶⁵ Сумарокова М. М. Сербская социал-демократическая партия в период первой мировой войны // ННИ. 1962. № 5.
- ⁶⁶ Бирман М. А. В. И. Ленин и борьба революционных социал-демократов балканских стран против империалистической войны в 1914—1915 гг. // ССЛ. 1965. № 2.
- ⁶⁷ Писарев Ю. А. Югославянский вопрос в балканской политике России в 1913—1915 гг. // Исследования по истории стран Юго-Восточной Европы: Новое и новейшее время. Кипшиев, 1983; *Он же*. Военное сотрудничество России с Сербией и Черногорией в 1915 г. // ИЗ. М., 1981. Т. 106; *Он же*. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- ⁶⁸ Ровнякова Л. И. Журнал «Vienac» (1869—1903 гг.) и распространение русской литературы в Хорватии // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975.
- ⁶⁹ Зайцев В. К. Творчество Петра Кочича и революционный подъем на Балканах в начале XX века // Славянские литературы: Сб. ст. Л., 1958.
- ⁷⁰ Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968; *Он же*. Образование Югославского государства. М., 1975; *Он же*. Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба народов Югославии 1917—1920 гг. // Великая Октябрьская социалистическая революция и зарубежные славянские народы. М., 1957; *Он же*. Великая Октябрьская социалистическая революция в России и югославянские народы Австро-Венгрии // Etudes balkaniques. С. 1973; *Он же*. Революционная Россия и югославянские народы в 1917—1918 гг. // ИЗ. М., 1974. Т. 93.
- ⁷¹ История Югославии. М., 1963. Т. 1; История южных и западных славян: (Курс лекций). М., 1969; История южных и западных славян. М., 1979.

Некоторые аспекты распространения русской и советской литературы в Румынии (60—70-е годы XX в.)

Т. Г. БИТКОВА

60-е годы отличаются от предшествующего десятилетия в СРР качественно новыми сдвигами в восприятии русской и советской литературы, обусловленными в первую очередь новыми тенденциями в румынской художественной культуре. Существенные изменения в культурной жизни Румынии намечаются на рубеже 50—60-х годов, но новые тенденции получают бурное развитие с середины 60-х.

О том, каков характер этих сдвигов, и пойдет речь в нашей статье. Вместе с тем следует помнить, что освоение русской и

советской литературы в Румынии имеет определенные традиции, влияние которых также нельзя игнорировать при анализе художественных запросов интересующего нас периода. Поэтому остановимся прежде всего на них.

Начало интенсивного освоения русской литературы в Румынии относится к концу XIX столетия и связано в первую очередь с именами Толстого и Достоевского, за творчеством которых следует в это время вся Европа.

По мнению известной румынской исследовательницы Т. Николеску, в Румынии наблюдается «несколько моментов максимальной интенсивности» освоения русской литературы. Автор справедливо выделяет два периода: 1) 1880—1917 гг.; 2) после 1944 года¹.

Пытаясь паметить характерные черты восприятия русской и советской литературы сегодня, мы, однако, невольно обращаемся к опыту ее распространения в Румынии в 20—30-х годах нашего столетия. Возникают некоторые параллели, ибо отдельные тенденции в румынской художественной культуре 60—70-х годов (в том числе и в освоении зарубежной культуры) во многом «перекликаются» с направлениями, сложившимися в межвоенные годы.

В художественной жизни тех лет выделяется несколько характерных течений. Течениям авангардистского толка противостоит в это время реалистическая традиция как в литературе прямой коммунистической направленности, так и в «деревенской» (попоранистской), а также «городской» прозе, рисующей тяжелую жизнь простого труженика.

Идеям сугубо национального звучания отдает свой пафос сэмэнторизм (течение «сеятелей») со специфической для него тоской по патриархальной старине. Так же как и попоранизм, сэмэнторизм обращается к крестьянской проблематике, но идеализация патриархальности все более отделяет его от реальности. Критика подобных проявлений национальной замкнутости звучит в работах тех, кто призывал обратиться к общественному и художественному опыту западноевропейской культуры (прежде всего модернизма), с тем чтобы добиться «синхронизации» румынской культуры с развитием культуры всемирной (кружок «Сбурэторул»). Требование «синхронизации» явилось как бы теоретическим обоснованием авангардистских течений в искусстве.

Наряду с течением авангардистского толка, левое крыло которого тяготело к марксизму, проявления художественного модернизма отмечаются в творчестве писателей, вольно или невольно оказавшихся проводниками реакционных, националистических идей.

Этим националистически-почвенническим и космополитически-западническим тенденциям активно противостояло, несмотря на все цензурные ограничения, реалистическое искусство интернационалистского звучания, поддержанное нелегальной марксистской критикой, а также прессой, связанной с коммунистиче-

ской партией. Многие из деятелей этой передовой, демократической культуры выросли из левоавангардистской среды и пришли к реализму, четко определив свои прогрессивные политические позиции.

Именно эта прогрессивная часть представителей румынской культуры и проявляла особый интерес к опыту передовой советской литературы. Благодаря ей многим румынам стало близко и понятно творчество Максима Горького. В 1918—1919 гг. переводятся его рассказы, в 20-х годах публикуется его роман «Мать», в различных театрах в 20—30-х годах ставится пьеса «На дне». Особый отклик, как отмечала Т. Николеску, в душе румынских читателей находили также послереволюционные произведения А. Блока («Двенадцать», «Скифы»).

Большой популярностью в Румынии тех лет пользовался С. Есенин. Это объясняется тем, что основные черты его творчества (крестьянская тема, поэтизация села, сельской природы, показ трагедии отрыва от «деревенской почвы», ассоциируемой с национальной самобытностью) были очень близки весьма распространенным настроениям в духовной жизни Румынии, все более становившейся в те годы на путь капиталистического развития и порывавшей с традиционным жизненным укладом. Ш. Чокулеску писал: «Влияние Есенина у нас в стране имело особое значение потому, что оно тесно было связано с рядом основных вопросов нашей культуры того времени. Сэмэнэторизм и попоранизм превратили моральную и социальную тему отрыва от родной почвы пересаженного в город мужика в рычаг своей проблематики»².

Писателем, продолжающим привлекать к себе внимание самых различных в политическом и художественном отношении сил, остается в межвоенные годы Достоевский. Сложность, многообразие его творчества вызывает совершенно противоположные оценки и мнения.

Если в журнале «Гындиря», ставшем в 30-х годах оплотом крайне правой идеологии, подчеркивались мистические и реакционные элементы творчества великого писателя, то в выступлениях прогрессивно настроенной литературной критики внимание акцентировалось на социально-обличительной направленности его произведений, глубине психологического анализа, реалистической основе художественного метода³.

Необычайно большое распространение получило творчество Леонида Андреева. Свойственное его произведениям (особенно драматургии) символико-философское изображение, в основе которого лежит мрачный, пессимистический взгляд на человеческое бытие, оказалось близко румынскому театру 20—30-х годов. И это не случайно. Написанные ярко и самобытно такие символистические пьесы, как «Анатэма», «Жизнь человека» и др., по своим художественным приемам были близки символико-авангардистским веяниям в румынской культуре этих лет. Философская концепция декаданса также находила отклик в период

капиталистической перестройки общественных отношений, когда ощущение «потери корней» заставляло задаваться вопросом «куда идем?», а ответ для многих был неясным.

После освобождения Румынии от фашизма общество испытывало особую потребность в культуре ярко выраженной гуманистической и демократической направленности, культуре близкой и доступной массам. Художественной литературе предстояло убедительно показать силу социалистических идей, активно обличать мракобесие, угнетение, человеконенавистничество, шовинизм, упаднические настроения. Социалистическая перестройка общественных отношений, в том числе и перестройка культуры, неотъемлемо связывалась с пропагандой интернационализма, утверждением оптимистического мировоззрения, активной позиции в общественной жизни.

Для первых произведений румынской социалистической культуры особенно близким оказался опыт русской и советской литературы реалистической направленности⁴. Особую роль в распространении этой литературы сыграло в ту пору издательство «Картия русэ» («Русская книга»).

Вскоре после освобождения страны вышли переводы на румынский язык романа «Как закалялась сталь» Н. Островского, пьесы «Дети солнца» и повести «Детство» Горького, повести «Железный поток» Серафимовича, романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова, поэмы Маяковского «Хорошо», романа «Хождение по мукам» А. Толстого и др.

Интерес к русской советской культуре обусловил усиление внимания к русской культуре вообще, ее классическому наследию, проникнутому демократическими и гуманистическими устремлениями.

Как отмечала Т. Николеску, восприятие русской и советской литературы в эти годы носит «широкий и глобальный характер»⁵.

К началу 60-х годов Румыния достигает ощутимых результатов в своем социально-экономическом развитии. В пользу социализма заканчивается острая идеологическая борьба. Дальнейшая общественно-политическая консолидация, расширение демократии в политической жизни и укрепление экономического потенциала страны — все это дает основание историкам считать, что к середине 60-х годов в Румынии завершается построение основ социализма⁶. Как оказались эти перемены на художественной культуре? Уже с конца 50-х годов отмечается более глубокое эстетическое осмысление действительности, происходит отказ от сугубо социологических оценок в освоении как собственного, так и зарубежного культурного наследия.

IX съезд РКП (1965 г.) подверг критике недостаточно гибкие методы идеологической работы в период построения основ социализма, имевшие место проявления схематизма, администрирования в художественной культуре, обосновал необходимость введения новых принципов культурной политики, предусматривав-

ших бережное отношение к творческой интеллигенции, учет относительной автономности процессов духовного развития⁷.

Дальнейшая демократизация культурной жизни была невозможна без углубления форм эстетического освоения действительности, обогащения средств художественного воплощения жизни. Гиперболизация социального, характерная для культуры второй половины 40—50-х годов и обусловленная в значительной мере напряженной идеологической борьбой с буржуазной культурой, сменяется большим разнообразием форм и стилей, углублением психологического анализа, усилением лирического восприятия действительности. Итогом этого процесса явилось формирование к началу 70-х годов целой плеяды поэтов-лириков яркой творческой окраски, складывание самобытной режиссерской школы в театре, оригинальное развитие скульптуры и различных видов прикладного искусства.

Развитие художественных аспектов литературы и искусства, отказ от вульгарно-социологических оценок в подходе к сложным идейно-художественным явлениям — все это отразилось на картине освоения как национального, так и зарубежного наследия, в том числе русской и советской литературы.

Прежде всего надо отметить, что расширяется диапазон ее восприятия. Происходит более близкое знакомство с реалистическим творчеством таких сложных в идейном отношении писателей, как Бунин, Куприн. С середины 60-х годов углубляется изучение русской литературы предреволюционного периода, в частности поэзии символизма. Подготавливаются новые издания А. Блока, впервые переводятся К. Бальмонт и А. Белый. В 1969 г. выходит роман А. Белого «Петербург».

В таком культурном контексте закономерным стало возвращение интереса к произведениям Л. Андреева. Его творчеству в 60—70-х годах посвящается несколько научных работ, в которых присутствует желание не только объяснить популярность символистической драматургии Л. Андреева в румынском театре 20—30-х годов, но и определить место его творчества сегодня⁸. В 1970 г. после тридцатилетнего перерыва выходит в свет четырехтомник прозы и драматургии Л. Андреева. В этот же период начинают переводиться повести М. Булгакова, позже его роман «Мастер и Маргарита», ранняя проза Б. Пастернака («Детство Люверса») и И. Эренбурга («Хулио Хуренито»).

Уже с конца 50-х и особенно к середине 60-х годов появляется все больше переводов современных советских лириков и прозаиков, недавно вошедших в литературу. В их творчестве, особенно в поэзии, отразились как раз те черты «омолаживания», углубления лирического восприятия жизни, которые стали характерной чертой румынской поэзии «поколения 60-х». На страницах журналов и отдельными изданиями публикуются произведения А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Ч. Айтматова, В. Соловухина, Г. Семенова и др.

И здесь любопытно отметить, что само восприятие современной

советской прозы несет «приметы времени». В творчестве Ч. Айтматова Т. Николеску выделяет лиричность повествования, обращение к внутреннему миру человека, которые стали характерны и для румынской прозы второй половины 60-х годов. Проза Ч. Айтматова, прежде всего воплощающая яркую национальную самобытность духовной жизни (что также отмечает Т. Николеску в тот период), все же представлена преимущественно как творчество «ярко выраженной субъективной окраски», в котором главное действующее лицо — рассказчик с его глубоко личным восприятием⁹.

Со временем расширение переводческой деятельности позволило более широко ввести в круг чтения произведения писателей, принадлежащих культурам других советских республик. Наряду с Ч. Айтматовым печатается В. Быков и Олесь Гончар, публикуются стихи Э. Межелайтиса, в 70-х годах все большее внимание румынских переводчиков привлекает грузинская поэзия.

Думается, что большая синхронизация с современной советской литературой, а также переводы А. Блока, А. Белого, Л. Андреева, К. Бальмонта, М. Цветаевой, А. Ахматовой и др.— все это явилось проявлением закономерного процесса расширения художественного диапазона социалистической культуры. В основе его был решительный отказ от вульгарно-социологического подхода к сложным и противоречивым явлениям в собственной и зарубежной культуре. Однако, развиваясь порой бесконтрольно, эта тенденция выливалась в гипертрофию эстетического, смыкаясь с апологией «чистого» искусства. В художественной практике распространяется увлечение формотворчеством в ущерб остросоциальному искусству¹⁰.

Такой настрой во второй половине 60-х годов приводил порою к огульному отрицанию достижений румынской культуры начального этапа социалистического строительства, к обличению «чужеземных образцов» того периода, иначе говоря, признанных произведений советской литературы социалистического реализма. Внимание исследователей, издателей, кинопрокатчиков, театральной режиссуры все больше приковывалось к явлениям модернистского толка в западной культуре. «Видные деятели культуры СРР не раз с тревогой отмечали, что в эти годы все менее оптимистичным становилось воздействие наследия писателей-реалистов, народного творчества, все более настойчиво звучали голоса, утверждавшие родство литературы социалистической Румынии с румынским авангардизмом межвоенного периода, воспринимаемым как вершина художественного развития Румынии в XX веке»¹¹.

Все эти явления получили должную критическую оценку как в румынской печати, так и в партийных документах, в особенностях на Пленуме ЦК РКП по идеологическим вопросам в 1971 г.¹²

Отмеченные выше особенности культурных процессов во второй половине 60-х годов отразились и на подходе к русской классической литературе.

Предпочтение в исследованиях этого периода, несомненно, отдано Достоевскому. В румынском литературоведении 60—70-х годов проделана большая работа по изучению различных аспектов творчества писателя, произведения которого рассматривались в 50-х годах в основном с точки зрения выявления элементов критического реализма. В 60-х годах М. Новиков развивает концепцию полифонической структуры романа Достоевского, выдвинутую Д. Бахтиным¹³. В 1970 г. на румынском языке издается в переводе М. Новикова труд Д. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Появляются серьезные исследования И. Яноши, Л. Петреску, В. Кристи.

Оригинальную трактовку творческого наследия Достоевского от «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» дает И. Яноши в обширном монографическом труде «Достоевский — трагедия Мертвого дома»¹⁴. Творчество Достоевского представлено автором как своеобразное драматическое произведение, состоящее из пяти действий (соответственно из пяти романов) с прологом («Записки из Мертвого дома») и эпилогом («Сон смешного человека»). Через все эти произведения, доказывает И. Яноши, проходит тема Мертвого дома. Каждая из глав построена по принципу философского и эстетического сопоставления соответствующего романа с порожденными им произведениями, теориями, образами. Эти сопоставления, пишет Т. Николеску, «наиболее интересная, самостоятельная, глубокая и ценная часть работы»¹⁵.

Творчество Достоевского является с середины 60-х годов не только предметом углубленного анализа специалистов, оно становится ближе и доступнее широкому читателю благодаря массовым изданиям его отдельных произведений. С 1966 г. начинает выходить 11-томное собрание сочинений писателя, завершенное к середине 70-х годов.

Как известно, некоторые стороны творчества великого писателя были абсолютизированы в западной философии и литературоведении в духе, чуждом демократизму и реалистической традиции. В Румынии в 60-х годах появляются точки зрения, свидетельствовавшие об увлечении западными концепциями. Так, критик В. Немояну выступает с трактовкой Достоевского как писателя — проповедника «анархии смирения» и «зла как объекта поклонения»¹⁶.

Сужение реальной значимости творчества Достоевского в подобной трактовке явилось следствием отхода от классовых критериев в освоении как собственной, так и зарубежной культуры. Изменение этой ситуации намечается в начале 70-х годов, когда не только в печати, но и в партийных документах, особенно на упомянутом Пленуме ЦК РКП по идеологическим вопросам 1971 г., были осуждены позиции, защищающие «чистое искусство», преклонение перед Западом, стремление вывести задачи художественной культуры за пределы идеологических требований социалистического общества.

В условиях «поворота лицом к Западу» русская и советская реалистическая литература оказывала, без сомнения, оздоровляющее воздействие, она поддерживала традиции реализма, которые продолжали жить и в 60-х годах как в литературе, так и других видах румынского искусства: в прозе З. Станку, живописи К. Бабы, в драматургии А. Баранги и др. Вместе с тем избирательность в освоении и характер восприятия нашей литературы отражали тот дух «новаторства», который характерен для румынской культуры второй половины 60-х годов.

Нельзя не заметить, что в 70-х годах, безусловно, возрастает интерес к реалистическим и демократическим традициям русской и советской литературы. В этот период получает распространение точка зрения, согласно которой нельзя расценивать модернистские течения в качестве единственно плодотворной традиции современной художественной культуры. Самые вдумчивые и талантливые художники начинают видеть, что дальнейшее гармоничное развитие национальной культуры связано с реалистической традицией, с искусством, доступным массам. Возникает желание творчески подойти к развитию реалистического метода, используя и некоторые символистские приемы воплощения действительности. Такой поворот обусловил расширение возможностей реализма, отказ от слепого подражания течениям модернистского толка.

В 70-х годах в румынской культуре наблюдается усиливающееся внимание и к проблемам национальной специфики, которая ассоциируется с народной, а иначе говоря, крестьянской культурой. Это отразилось в развитии «деревенских» тем в прозе, в очень широком использовании сюжетов из далекой истории, получивших особенно интенсивное воплощение в романе, театре, кино. Одной из самых популярных тем стала борьба за национальную независимость. Сторонники так называемого «традиционизма» посвящают произведения этих лет «поиску национально-самобытного героя, „истинно румынского архетипа“». Именно этот опыт, по их мнению, мог обогатить современный реализм, позволить ему в новом свете показать исконные духовные ценности народа»; — отмечалось М. Фридманом¹⁷. В научной литературе возникает особый интерес к древнейшим периодам национальной истории и культуры.

Обращение к собственным национальным истокам повышает интерес к аналогичной проблематике в русской и советской культуре.

Интересно отметить, что в 1975 г. впервые был переведен на румынский язык труд, посвященный древнерусской культуре,— работа Д. С. Лихачева «Русское Предвоздрождение. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого». Здесь, может быть, уместно вспомнить, что именно в этот период выходят и труды румынских культурологов Э. Папу и Д. Замфиреску, посвященные румынскому Предвоздрождению, разгораются споры вокруг выдвинутой Э. Папу теории «протохронизма», доказыва-

ющей опережающее развитие румынской культуры в европейской истории.

Творчество Шолохова, глубоко вошедшее в румынское литературное сознание в период послевоенных социалистических преобразований, в 70-х годах все более становится предметом детального исследования¹⁸. Его произведения, отмечает Г. Барбэ, близки румынскому читателю, органично вплетаются в систему культурных ценностей этой страны благодаря глубокому анализу вопросов, стоявших перед румынским крестьянином в эпоху острой классовой борьбы, а затем в период социалистических преобразований¹⁹.

«Крестьянский» колорит румынской художественной культуры 70-х годов как бы дополняет «деревенскую» проза советских писателей. В эти годы переводится Ф. Абрамов («Пути перепутья», «Две зимы и три лета», «Деревянные кони»), В. Белов («Привычное дело»), В. Астафьев («Пастух и пастушка»), В. Лихонов («Голоса в типине»), В. Распутин («Последний срок», «Живи и помни») и др. Т. Николеску, оценивая распространение этих произведений в Румынии, пишет: «Может быть, имена этих писателей вошли с некоторым запозданием в литературный обиход нашей страны, но интерес, с которым были восприняты критикой и читателями первые переведенные произведения, обещает им прочный успех»²⁰.

Не только избирательность в процессе освоения русской культуры отражает облик самой румынской культуры этих лет. Он проявляется в самом характере восприятия нашей культуры, многие явления которой рассматриваются прежде всего с точки зрения выражения национальной самобытности. Именно в ней видится в первую очередь причина популярности, широкого распространения и сила воздействия художественных произведений. Так, Г. Барбэ пишет: «Своими книгами Шолохов убедительно доказал, что только искусство глубокого национального звучания, проникнутое высокими идеалами современности, входит в фонд мировой культуры»²¹. Таким образом, интернациональное звучание шолоховского наследия выводится из национальной специфики его творчества.

Обращение к национальной специфике как всепроникающая тенденция этих лет породило и один своеобразный, несколько неожиданный для советского читателя поворот в изучении шолоховского наследия. Г. Барбэ рассматривает тему «румынских мотивов» в романах Шолохова. Первую попытку изучения этой темы он предпринял еще в середине 60-х годов. Внимательно исследуя художественную фактуру шолоховских романов в 70-х годах, Г. Барбэ выявляет моменты драматического действия в военных эпизодах, проходивших на румынских территориях, обращает внимание на описание карпатских пейзажей, столь характерных для его страны. Кроме этого, исследователь останавливается на рассказе Ванюши Найденова, отражающем эпизод борьбы румынских коммунистов. По мнению автора, этот

рассказ является художественной переработкой реального факта, ставшего известным писателю. В 1929 г. было опубликовано свидетельство одного румынского комсомольца о зверских пытках, которым его подвергли каратели правительства Маниу. Это свидетельство, предполагает Г. Барбэ, и явилось документальной основой рассказа одного из героев «Поднятой целины»²².

В общий фольклорно-национальный настрой румынской культуры вписывается и творческое наследие Есенина, столь популярного в 20—30-х годах. В 70-х годах увеличивается количество изданий его произведений, усиливается интерес научной литературы к его творчеству. Что же характерно для восприятия поэзии Есенина в этот период? В 1977 г. выходит новое издание Есенина с предисловием Л. Райку, где автор предисловия, выделяя патриархальные мотивы в творчестве Есенина, утверждает, что именно эта сторона творчества позволила ему стать поэтом первой величины в русской литературе.

Отмеченные особенности в отборе и восприятии русской и советской литературы в неменьшей мере сказывались и на других видах искусства.

В 70-х годах на румынских экранах демонстрировался «Александр Невский» Эйзенштейна. В рецензиях, как правило, самое большое внимание уделяется теме произведения, разъясняются сложные задачи, стоявшие перед русским князем в борьбе с иностранными захватчиками. Этот фильм как бы вписывается критиками в тот поток исторической кинодраматургии, который захватил национальный экран в эти годы²³.

В современном изобразительном искусстве Румынии интерес к фольклорным основам выражен в особом пристрастии к переработке декоративных основ народного зодчества, художественного орнамента. В 70-х годах декоративное искусство как самостоятельный вид творчества переживает период небывалого расцвета. Именно этим можно объяснить такое эмоциональное восприятие рецензентом журнала «Стяуя» («Steaua») выставки «Советское декоративное искусство», проходившей в 1974 г. Особый интерес у него вызвало ковроткачество. Этот вид декоративного искусства имеет наиболее древние традиции в румынской народной культуре, а сегодня он получил очень широкое распространение в профессиональном творчестве. Неслучайным в контексте общего для сегодняшней румынской культуры увлечения национальной спецификой выглядит и желание выявить национальную окраску представленных на выставке ковров, исходя из собственных представлений об особенностях славянской культуры. «Колористическая сочность ряда произведений,— по мнению рецензента,— отвечает открытому, живому, оптимистическому духу славян, показывая, что народное искусство является духовным и стилистическим источником современного творчества»²⁴.

При этом примечательно, что, обращаясь к своеобразию зарубежной культуры, ее фольклорным особенностям, к творчеству

писателей, талантливо отразивших те или иные стороны собственного национального бытия, румынские критики проводят аналогии с процессами собственной национальной культуры. Так, например, Г. Димисиану пишет: «Молниеносная слава Валентина Распутина заставляет нас вновь обратиться к решению актуального и для румынской культуры вопроса: что мы делаем для пропаганды национальных художественных достижений, для установления плодотворных связей с другими литературами?»²⁵

Отмечая особое пристрастие к сельской проблематике и проблеме фольклорного наследия в освоении русской и советской культуры, мы, однако, не должны забывать, что при этом читатель получил возможность знакомства с литературой реалистической традиции, проникнутой гуманистическими идеями. При этом в 70-х годах, когда в самой румынской культуре набирает силу реалистическая струя, русская и советская культура представлена в Румынии не только «деревенщиками». Румынский зритель 70-х годов получает возможность близкого знакомства с живописью русских передвижников, а также работами советских художников-реалистов²⁶. На сценах румынских театров 70-х годов чаще ставятся пьесы А. Н. Островского и М. Горького. В репертуаре 70-х — начала 80-х годов не только русская классика, но и произведения В. Розова («Гнездо глухаря»), Л. Зорина («Измена»), А. Гельмана («Наедине со всеми») и др. О. Дзюбинская дает подробное описание постановки пьесы «Наедине со всеми», показывая, насколько интересной и своеобразной была трактовка этой драмы на малой сцене Национального театра в Бухаресте режиссером К. Бузояну²⁷. Большую популярность приобретает драматургическое наследие Вампилова.

В 70-х годах усиливается интерес к дальнейшей разработке проблем литературного наследия Л. Толстого. В 1978 г. Ассоциация славистов, Академия социальных и политических наук, Союз писателей и Общество филологических наук организуют симпозиум, посвященный творчеству Л. Толстого в связи со 150-летием со дня его рождения. Обзор докладов этого симпозиума, содержащийся в статье Н. Осиповой «90 лет румынской славистики», позволяет судить о большом развитии этой области литературоведения в Румынии, о проблематике, интересующей румынских ученых: русский реализм, его разновидности и влияние за рубежом²⁸.

Продолжается издание русской классической литературы критического реализма и публикация произведений реалистической направленности советского периода. Наряду с этим продолжается начатая в 60-х годах литературоведческая работа по освоению наследия русских символистов. Издается поэзия А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернака. Ведутся дальнейшие исследования противоречивых аспектов в творчестве Достоевского.

Оценивая в целом работу, проделанную за два десятилетия, хотелось бы подчеркнуть, что в эти годы продолжали развиваться

традиции переводческой деятельности, заложенные в предшествующие годы, росло число ученых, занимающихся изучением русской классической и современной советской литературы. Об интересе к нашей культуре свидетельствует не только интенсивная научная работа по исследованию творчества отдельных писателей. Целое направление составляют статьи и книги, посвященные восприятию русской литературы в Румынии. Мы сегодня располагаем ценной информацией о распространении творчества Достоевского, Толстого, Есенина, Маяковского, Горького, Шолохова и некоторых других писателей²⁹.

Свой вклад в распространение русской и советской художественной культуры вносят учебные пособия и антологии русской литературы, в большом количестве издающиеся на ротапринте университетскими кафедрами русского языка и литературы, а также сборники научных студенческих работ, в которых в известной мере отражены те тенденции в освоении русского и советского художественного наследия, о которых мы говорили³⁰.

Хотя наша литература представлена в Румынии очень разнообразно (в данной статье, конечно, не было возможности охватить все переводы и все труды, посвященные русской литературе), специфическая линия отбора, преобладавшая в эти годы, накладывала отпечаток на характер освоения русского и советского литературного наследия, в известной мере «подтягивая» его под собственные запросы: «новаторские» в 60-х годах и «традиционистские» в 70-х.

Конечно, при подобном отборе освещались новые, неведомые ранее румынскому читателю аспекты русской и советской литературы, однако нельзя не видеть, что в целом картина ее получилась неполной. Вместе с тем создается впечатление, что к началу 80-х годов вырисовывается тенденция более гармоничного и объективного восприятия. Об этом, в частности, свидетельствуют работы, опубликованные в университетских изданиях, например в сборнике «Доклады по русскому языку и литературе»³¹.

¹ Nicoleșcu T. Prezența literaturii ruse și sovietice // Viața românească. Buc., 1973. A. 26. N 10. P. 53.

² Цит. по: Николеску Т. Слово Страны Советов // Лит. обозрение. 1974. № 8. С. 89.

³ Николеску Т. Достоевский в оценке румынской критики // Рус. лит. 1972. № 1. С. 215—216.

⁴ Садовяну M. О всемирном значении классической русской и советской литературы // Новый мир. 1980. № 11. С. 220—223; Николеску Т. Творчество русских и советских писателей в румынском литературном сознании/ — Рум. лит. Бухарест, 1975. № 4. С. 89.

⁵ Nicoleșcu T. Prezența... С. 53.

⁶ Социалистическая Республика Румыния. М.: Наука, 1984.

⁷ Congresul al IX al Partidului Comunist Român. Buc.: Ed. politică, 1965. P. 106.

⁸ Berlogea I. Dramaturgia lui Leonid Andreev și teatrul românesc // Romanoslavica. 15. Lit., Istorie. Buc., 1967. P. 89—108; Brezuleanu A. M. Traduceri românești din Leonid Andreev // Rev. de istorie și teorie lit. Buc., 1975. Т. 24. N 3. P. 409—418.

- ⁹ Цит. по кн.: Литература и жизнь народа: Литературно-художественная критика в ССР. М.: Прогресс, 1981. С. 447—448.
- ¹⁰ *Фридман М. В.* Реализм, а не мифы // Новые явления в литературе европейских социалистических стран. М.: Наука, 1976. С. 129—151.
- ¹¹ *Фридман М. В.* О роли наследия в развитии литературы социалистической Румынии // Литературная критика европейских социалистических стран. М.: Худ. лит., 1978. С. 188.
- ¹² Plenara Comitetului Central al Partidului Comunist Român. 3—5 noiembrie 1971. Buc.: Ed. politică, 1971.
- ¹³ *Novicov M.* Scriitorii ruși. Buc., 1972.
- ¹⁴ *Ianoși I.* Dostoevski — tragedia subterană. Buc., 1968.
- ¹⁵ *Николеску Т.* Достоевский... С. 221.
- ¹⁶ *Nemoianu V.* Trei note împotriva lui Dostoievski. Secolul 20. Buc., 1969. N 4. P. 213—214.
- ¹⁷ Взгляднуть в лицо времени: (Панорама: 70-е годы в литературах социалистических стран Европы) // Иностр. лит. 1981. № 3. С. 173.
- ¹⁸ *Barbă Gh.* Mihail Şolohov în universul literar românesc. Buc.: Univ. Buc., 1976; *Novicov M. M.* Şolohov. Buc.: Univ. Buc., 1977.
- ¹⁹ *Barbă Gh.* Mihail Şolohov...
- ²⁰ *Николеску Т.* Слово... С. 86.
- ²¹ *Barbă Gh.* Mihail Şolohov... P. 329.
- ²² Ibid. См. также: *Barbă Gh.* Motive românești în creația lui Mihail Şolohov // Analele Univ. Buc. Lit. universală și comparată, 1972. N 2. P. 27—37.
- ²³ *Suchianu D. I.* Reluări — excelență idee // Rom. lit. 1974. N 12. P. 21.
- ²⁴ Acta decorativă sovietică // Steaua. Cluj. 1974. N 12. P. 79.
- ²⁵ Цит. по кн.: Литература и жизнь народа... С. 493.
- ²⁶ Din pictura contemporană a URSS // Rom. lit. Buc., 1975. N 23. 5 iun. P. 18; *Florea V.* Realismul rus în a doua jumătate a secolului al XIX // Artă. 1973. N 10. P. 30—31.
- ²⁷ *Дзюбинская О.* Театр начинается с улицы: Из румынского дневника // Театр. М., 1983. № 9. С. 133—138.
- ²⁸ *Осипова Н.* 90 лет румынской славистики // Сов. славяноведение. М., 1983. № 4. С. 53—62.
- ²⁹ Кроме упомянутых работ см. также: *Николеску Т.* Творчество Горького и румынская общественность XX века // Горький и современность. М., 1970. С. 339—348; *Bilan G.* Maiakovskij în România. Buc.: Univ. Buc., 1975; *Berlogea I.* Opera lui L. N. Tolstoi pe scena românească // Romanoslavica. Buc., 1981. T. 20. P. 435—443; *Ianoși I.* Poveste cu doi necunoscuti: Dostoevski și Tolstoi. Buc., 1977; *Nicolescu T.* Destinul operei L. N. Tolstoi în România // Romanoslavica. Buc., 1981. T. 20. P. 393—397; *Novicov M.* Întîlniri cu Pușkin // Rev. de istorie și teorie lit. Buc., 1974. N 23. P. 433—436; *Pillat D.* Dostoievski în conștiința literară românească. Buc., 1976.
- ³⁰ *Novicov M.* Русская советская литература: (Курс лекций). Buc.: Univ. București, 1975; *Soptereanu V.* Istoria literaturii ruse de la sfîrșitul secolului al XIX-lea — începutul secolului XX: Poezia. Buc.: Univ. București, 1982; *Teodorescu L.* Prelegeri de literatură rusă modernă: (A. P. Cehov, L. Andreev). Buc.: Univ. București, 1981; Buletin al cercurilor științifice studențești. Buc. 1976. N 1; 1977. N 2; 1978. N 3.
- ³¹ Prelegeri de limbă și literatură rusă. Buc.: Univ. București, 1983. V. 1.

Литература по истории и культуре балканских народов, вышедшая в СССР в 1981—1983 гг.*

В библиографии представлены основные работы по балканистике в области истории, культуры и науки. В нее включены книги, журнальные статьи, статьи из сборников, авторефераты, рукописи, депонированные в ИНИОН АН СССР. Аннотации даны в том случае, когда содержание работы неясно из заглавия.

В библиографию не включены работы по балканскому языкознанию, византиноведению, работы страноведческого характера, так как они отражены в соответствующих серийных изданиях, а также внутристатейные и внутристатейные материалы, не выделенные в самостоятельные разделы, аннотации и рецензии на книги и статьи, сообщения о симпозиумах и конференциях, статьи из газет.

ИСТОРИЯ

- Аникеев А. С. Политика США и их союзников по НАТО по отношению к Югославии в период создания Балканского союза и урегулирования триестской проблемы: (первая половина 50-х гг.)* М., 1983. 34 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. З. 05. 83. ФН 12852.
- Аникеев А. С. Югославия в политике США и их союзников по НАТО в 50-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* М., 1983. 21 с.
- Аншаков Ю. П. Освободительная борьба Черногории и русско-черногорские отношения на рубеже XVIII—XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Л., 1981. 19 с.
- Бажова А. П. Русско-югославские отношения во второй половине XVIII в.* М.: Наука, 1982. 288 с.
- Исторические и историко-культурные процессы на Балканах.* М.: Наука, 1982. 296 с. (Балканские исследования; Вып. 7).
- Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в.: Документы и исследования.* М.: Наука, 1982. 288 с. (Балканские исследования; Вып. 8).
- Боброва С. П. К вопросу об освещении Г. Бакаловым русско-болгарских революционных связей 60—70-х годов XIX в. // Вопросы истории славян.* Воронеж, 1982. С. 3—19.
- Боброва С. П., Козберг Т. В. Отношение русской периодической печати к болгарскому национально-освободительному движению 60—70-х годов XIX в. в оценке советской историографии // Там же.* С. 55—67.
- Брайчевский М. Ю. Славяне в Подунавье и на Балканах в VI—VIII вв.: (по данным письменных источников) // Славяне на Днестре и Дунае.* Киев, 1983. С. 220—247.
- Быстрицкий В., Деак Л. Государства Центральной и Юго-Восточной Европы и проблема безопасности в 30-х годах // Сов. славяноведение.* 1983. № 2. С. 31—48.
- Валев Л. Б. Вооруженная борьба болгарского народа против фашизма в 1941—1944 гг. // Освободительная борьба против фашизма 1939—1945 гг.* М., 1983. С. 232—252.
- Валева Е. Л. Сентябрьское народное восстание 1923 г. и международное движение солидарности с антифашистской борьбой болгарского народа// Сов. славяноведение.* 1983. № 5. С. 29—39.

* Сост., Н. В. Озерецковская.

- Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1982. 535 с.
- Виноградов В. Н.* Восточный вопрос и англо-русские отношения в 30-е годы XIX века // Сов. славяноведение. 1982. № 1. С. 3—16; № 3. С. 3—22.
- Виноградов В. Н.* «Две Румынии» и Советская Россия: (Ноябрь 1917—1918 гг.) // История СССР. 1983. № 5. С. 30—49.
- Виноградов В. Н.* Об участии Румынии в первой мировой войне // Вопр. истории. 1982. № 8. С. 56—69.
- Витол А. В.* Османская империя в первой трети XVIII века: (Зарождение идей обновления государства): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 23 с.
- Владыко Н. Н.* Макушев как историк южного славянства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 23 с.
- Воденичарова А. И.* Семейная обрядность болгар и украинцев: (Опыт сравнительно-этнографического изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 20 с.
- Гарифджанян Г. Б.* Георгий Димитров и армянский народ. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. 182 с. На арм. яз. Рез. на рус. яз.
- Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983. 294 с.
- Гибашанский Л. Я.* Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции // Сов. славяноведение. 1982. № 2. С. 9—22.
- Гиренко Ю. С.* Советско-югославские отношения: Страницы истории. М.: Междунар. отношения, 1983. 192 с.
- Гришина Р. П.* Георгий Димитров и борьба коммунистов за мир, против войны и военной опасности // Вопр. истории. 1982. № 7. С. 43—54.
- Гросул В. Я.* Истоки интернациональных связей группы «Освобождения труда» // История СССР. 1983. № 6. С. 50—63.
- Груздева В. П.* Становление и развитие Коммунистической партии Югославии и Коммунистический Интернационал: (апрель 1919 — январь 1924 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 24 с.
- Гудаков В. В.* Экономическая экспансия фашистской Германии в Югославию во второй половине 30-х — начале 40-х годов XX века // Сов. славяноведение. 1982. № 6. С. 29—35.
- Даниленко В. М.* Экономическое и научно-техническое сотрудничество СССР и Югославии и участие в нем Украинской ССР // Украина во взаимосвязях славянских народов. Киев, 1983. С. 176—189.
- Даниленко В. М.* Экономическое и научно-техническое сотрудничество СФРЮ с СССР и другими странами-членами СЭВ: (1964—1980 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983. 24 с.
- Десятков С. Г.* Балканы в планах английской политики экономического «умиротворения» гитлеровской Германии // Сов. славяноведение. 1982. № 4. С. 33—38.
- Дихан М. Д., Сохань П. С.* Димитров і болгарська політична еміграція в Одесі: (1923—1929 рр.) // Укр. іст. журн. 1983. № 6. С. 51—57.
- Дическул В. М.* Англо-турецкие отношения в 1923—1929 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 16 с.
- Дрейзис Л. Г.* Русская пресса 70-х годов XIX в. об откликах европейской общественности на Боснийско-герцеговинское восстание // Вопросы истории славян. Воронеж, 1982. С. 90—97.
- Думнич Ю. В.* Численность и размещение волохов в Австро-Венгрии. (Южная и Юго-Восточная Венгрия, Трансильвания и Буковина в XIX — начале XX в.) // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, 1983. С. 151—172.
- Дъяков В. А., Миллер И. С., Фрейдзон В. И.* Общие закономерности и специфика социального развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы // Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1982. С. 346—366.
- Желтяков А. Д.* Исследование проблем истории Болгарии периода турец-

- кого владычества советскими османистами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7. С. 81—90.
- Зеленин В. В.** Боеное содружество советского и югославского народов в годы второй мировой войны // Освободительная борьба против фашизма 1939—1945 гг. М., 1983. С. 218—231.
- Зеленин В. В., Романов В. Е.** Действия СССР на международной арене в поддержку югославского народно-освободительного движения // Сов. славяноведение. 1983. № 4. С. 28—42.
- Зеленин В. В.** Юрий Крижанич в контексте своего времени // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983. С. 76—86.
- Зимина Н. Г.** Балканские конференции 1930—1933 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1983. 14 с.
- Золотарев В. А.** Россия и Турция: Война 1877—1878 гг. Основные проблемы войны в русском источниковедении и историографии. М.: Наука, 1983. 232 с.
- Золотухин М. Ю.** Болгарский кризис 1885—1886 гг. на страницах русской периодической печати. М., 1982. 69 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. 5. 07. 82. ФН 10598.
- Золотухин М. Ю.** Россия и болгарский кризис 1885—1886 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 22 с.
- Золотухин М. Ю.** Русско-болгарские отношения в 80-х годах XIX века: (Обзор лит.) // История СССР. 1982. № 5. С. 109—115.
- Іванцев І. Д.** Радянська історіографія революційного руху в Болгарії (1923—1939 рр.) // Укр. ист. журн. 1983. № 11. С. 145—150.
- Іванцев І. Д.** Советская историография социально-экономического и политического развития Болгарии между мировыми войнами: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983. 23 с.
- Івонич Ю. Е.** Западная Европа и Османская империя во второй половине XV—XVI вв. // Вопр. истории. 1982. № 4. С. 68—84.
- Исследования по истории стран Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время: (Сборник). Кишинев: Штиинца, 1983. 183 с.
- Историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: (Вопросы историографии и библиографической информации): Сборник. М., 1983. 89 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. 31. 10. 83. ФН 14267.
- Калениченко П. М., Кулинич И. М.** Участие зарубежных интернационалистов в борьбе за власть Советов на Украине на заключительном этапе гражданской войны // Годы борьбы и побед. Киев, 1983. С. 125—131.
- Карасев В. Г.** Первая буржуазно-национальная революция на Балканах: (к вопросу о характере сербского восстания 1804—1813 гг.) // Сов. славяноведение. 1983. № 3. С. 45—52.
- Касабян Э. М.** Страницы из истории армяно-болгарских связей // Ист.-филол. журн. Ереван, 1982. № 4. (99). С. 84—93. На арм. яз. Рез. на рус. яз.
- Клеванский А. Х.** Некоторые теоретические вопросы истории кризиса буржуазных политических систем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Сов. славяноведение. 1983. № 3. С. 36—44.
- Копанский Я. М., Попа Н. С.** Против фальсификации истории советско-румынских отношений начала 20-х годов // Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук. 1982. № 1. С. 35—41.
- Коротких М. Г.** Россия и конституционное строительство в Болгарии: 1878—1879. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. 126 с.
- Косик В. И.** Отношение Болгарского княжества с Османской империей, Сербией, Румынией, 1879—1885 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 24 с.
- Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Межвоенный период. М.: Наука, 1982. 232 с.
- Лаптева Л. П.** Развитие русской исторической мысли в XIX в. в области славяноведения // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1983. № 1. С. 32—43.
- Лебедев Н. И.** Крах фашизма в Румынии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1983. 551 с.

- Левит И. Э.** Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: Истоки, планы, реализация (I. IX. 1939—19. XI. 1942): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. 39 с.
- Лосиевский И.** Александр Потебня и Марин Дринов: (Эпизоды из истории отечественного славяноведения) // Сов. славяноведение. 1982. № 6. С. 98—103.
- Лунгу В. Н.** Установление в Бессарабии оккупационного режима королевской Румынии // Вопр. истории. 1982. № 10. С. 18—30.
- Лъевнин Ю. А.** Георгий Димитров в СССР: (20-е годы) // Вопр. истории, 1982. № 6. С. 180—184.
- Марков Д. Ф., Виноградов В. Н.** Институт славяноведения и балканистики: Некоторые итоги и перспективы научной деятельности // Новая и новейшая история. 1983. № 4. С. 19—31.
- Мартынова Е. Н.** Советско-болгарские отношения, 1934—1939 гг. // СССР и страны Европы: Внеполитические проблемы. М., 1982. С. 65—87.
- Маркина В. В.** Проблема союза рабочего класса и крестьянства в революциях 40-х годов: (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. 49 с.
- Матвеека Н. П.** Советско-югославское экономическое и научно-техническое сотрудничество и участие в нем Украинской ССР (1955—1970 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ужгород, 1983. 25 с.
- Матвеека М. П.** З історії радянсько-югославських відносин (друга половина 50-х років) // Іст. дослідження: Історія зарубіж. країн. Київ, 1982. Вип. 8. С. 87—94.
- Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг. М.: Наука. 1983. 296 с.
- Майер М. С.** Средневековая история Турции в советской историографии // Великий Октябрь и Турция. Тбилиси, 1982. С. 168—183.
- Мельцер Д. Б.** К вопросу о заключении болгаро-советского торгового договора // Вопр. истории. Минск, 1983. Вып. 10. С. 153—161.
- Михутина И. В.** О месте крестьянских партий в политической эволюции стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами // Сов. славяноведение. 1982. № 2. С. 23—42.
- Михутина И. В.** Рабочее движение стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе против угрозы фашистской агрессии, за национальный суверенитет // Сов. славяноведение. 1983. № 6. С. 32—45.
- Михутина И. В.** Рабочее движение стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами // Сов. славяноведение. 1983. № 2. С. 17—30.
- Мунтян М. А.** Мирное урегулирование с Румынией после второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1982. № 5. С. 53—72.
- Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.** К вопросу о переходном периоде от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Сов. славяноведение. 1982. № 6. С. 3—18.
- Мурзаева Е. Ш.** Политика Англии на Балканах на рубеже 70—80-х годов XIX в.: (Историогр. обзор) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1981. Вып. 6. С. 60—65.
- Муртузалиев С. И.** Из истории болгарского народа под османским господством: (Константинопольская патриархия в системе османского управления XV—XVII вв.) // Сов. славяноведение. 1982. № 3. С. 35—42.
- Муртузалиев С. И.** Ислам и экспансия турок-османов в Болгарию // Актуальные проблемы критики религии и формирования атеистического мировоззрения. Махачкала. 1983. С. 46—55.
- Мусаев А. М.** Гайдуцкое движение в Османской империи конца XVII — первой половины XVIII в.: (К историографии вопроса) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1982. Вып. 6. С. 75—85.
- Наумов Е. П.** Вопросы социально-экономического развития балканских стран в межвузовских сборниках советских медиевистов // Сов. славяноведение. 1983. № 2. С. 105—106.

- Наумов Е. П.* Юрий Крижанич в трудах академика В. И. Пичеты // Соб. славяноведение. 1983. № 5. С. 107—115.
- Николаев В. Д.* К истории болгаро-русских отношений в начале 40-х годов X века // Соб. славяноведение. 1982. № 6. С. 49—55.
- Носкова А. Ф., Поп И. И.* Из истории складывания нового внешне-политического курса стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны // Соб. славяноведение. 1982. № 5. С. 21—34.
- Носкова А. Ф., Поп И. И.* Становление системы договорных отношений СССР и стран народной демократии (1945—1949) // Соб. славяноведение. 1983. № 4. С. 3—18.
- Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин: Калинин. ун-т, 1982. 187 с.
- Павлюченко О. В.* Російсько-сербські революційні зв'язки в кінці XIX—на початку ХХ ст. // Укр. іст. журн. 1982. № 8. С. 102—109.
- Павлюченко О. В.* Украина в революционных связях Сербии и России на рубеже XIX—XX веков // Украина во взаимосвязях славянских народов. Киев, 1983. С. 56—70.
- Панов Б.* Георгий Димитров и советско-болгарские отношения // Междунар. жизнь. 1982. № 5. С. 97—104.
- Панова И. А.* Сотрудничество Югославии с неприсоединившимися странами: (1976—1979) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1982. С. 169—183.
- Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. 2: 1808—1813. М.: Наука, 1983. 398 с.
- Писарев Ю. А.* Военное сотрудничество России с Сербией и Черногорией в 1915 г. // Исторические записки. М., 1981. Т. 106. С. 52—73.
- Писарев Ю. А.* Германский империализм и Балканы: Роковые решения Вильгельма II Гогенцоллерна // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 60—73.
- Подградская Е. М.* Участие армян в развитии экономических связей стран Подунавья и Балкан с Россией в XVII в. // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983. С. 28—34.
- Подградская Е. М.* Экономические связи Молдавии и балканских земель с русским государством в XVII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кишинев, 1981. 31 с.
- Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: Сб. статей. Свердловск, 1981. 144 с.
- Попа Н. С.* Несостоятельность фальсификации советско-румынского соглашения от 5—9 марта 1918 г. // Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук. 1983. № 3. С. 30—33.
- Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М.: Наука, 1983. 256 с.
- Постников А. С.* Политика Франции в дунайском бассейне и на Балканах от заключения франко-советского договора о взаимопомощи до мюнхенскогоговора (май 1935 г.—сентябрь 1938 г.): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Пермь, 1983. 22 с.
- Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма // Кишинев: Штиинца, 1983. 220 с. Из содерж.: *Флоря Б. Н.* Молдавская, валахская и греческая феодальная эмиграция в Русском государстве второй половины XVI — начале XVII в. С. 73—86; *Подградская Е. М.* Дела Посольского приказа России XVII — начала XVIII в.— важный источник по изучению экономических связей Молдавии и Балканских земель с Русским государством. С 104—130; *Гросул Г. С.* Донесения консулов России о некоторых сторонах экономического гнета Турции и освободительной борьбы молдавского народа в конце XVIII — начале XIX в. С. 158—175.
- Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе Свердловск: Урал. ун-т. 1983. 151 с.
- Райнсберг Э. У.* К вопросу о типологии аграрных преобразований в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Соб. славяноведение. 1983. № 3. С. 9—23.

- Ровнякова Л. И.** Славянские корреспонденты газеты «Голос» (1860-е годы) // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 263—284.
- Россия и освобождение Болгарии.** М.: Изд-во МГУ, 1982. 190 с.
- Рудая Е. Н.** Советско-болгарские отношения, 1934—1939: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 28 с.
- Румыния в современных международных отношениях:** Сб. ст. М., 1983. 105 с.
- Сапорнова Н. Т.** Великая Октябрьская социалистическая революция и учительское движение в Болгарии (1917—1923): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук Харьков, 1983. 43 с.
- Сахаров А. Н.** Балканские походы Святослава и дипломатия древней Руси // Вопр. истории. 1982. № 2. С. 81—107.
- Сатниковский Е. В.** Югославийский вопрос в общественном мнении Великобритании периода первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ужгород, 1982. 23 с.
- Семиряга М. И.** Крах немецко-фашистского оккупационного режима в Югославии // Ежегодник германской истории. 1981. М., 1983. С. 42—55.
- Славяноведение и балканстика в зарубежных странах.** М.: Наука, 1983. 335 с.
- Советская болгаристика: Итоги и перспективы.** М.: Наука, 1983. 340 с.
- Сохань П. С., Чернявський Г. Й.** Вересневе повстання 1923 р. у Болгарії та відгуки на нього громадськості Радянської України // Укр. іст. журн. 1983. № 9. С. 115—125.
- Сохань П. С.** Георгій Димитров і Україна. Київ: Політвидав України, 1982. 105 с.
- Социальная структура общества в XIX в.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы.** М.: Наука, 1982. 368 с.
- СССР — НРБ: сотрудничество и сближение.** М.: Междунар. отношения; С.: Партизатдат, 1982. 182 с.
- Станиславская А. М.** Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции, 1798—1800 гг. М.: Наука, 1983. 302 с.
- Стоилова Т. П.** Русско-турецкие отношения в последней трети XVIII в. и болгарские земли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 24 с.
- Тарасов Б. Н.** Политика Англии в отношении Югославии (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.) // Сов. славяноведение. 1983. № 1. С. 17—28.
- Тодорова М. Н.** Англия, Россия и танзимат: Вторая четверть XIX в. / Пер. с болг. М.: Наука, 1983. 184 с.
- Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторические и историко-культурные аспекты.** М.: Наука, 1981. 360 с.
- Фрейдзон В. И.** К проблеме перехода от феодальной народности к нации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 1983. № 4. С. 49—67.
- Хорошилова Л. Б.** Русско-французские отношения на Ближнем Востоке и Балканах в первые годы существования русско-французского союза (1894—1897 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 24 с.
- Худяков С. С.** Внешняя политика и революционный процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в освещении американских и английских авторов // XXVI съезд КПСС о борьбе партии за углубление разрядки и обуздание гонки вооружений. М., 1983. С. 47—66.
- Чепурко Н. А.** Питання солідарності трудящих Югославії з Країною Рад у 1917—1920 рр. в радянській історіографії // Укр. іст. журн. 1983. № 8. С. 83—92.
- Черенков Н. Н.** Болгарская эмиграция в Румынии и национально-освободительное движение в Болгарии (вторая половина 50-х — 60-е годы XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 19 с.
- Чернова Л. Н.** Роль общества дружбы в становлении советско-болгарского сотрудничества в 1944—1948 годах // Сов. славяноведение. 1982. № 6. С. 19—28.
- Чернявский Г. И.** Новые материалы и исследования о жизни и деятельности Георгия Димитрова // Вопр. истории. 1983. № 12. С. 155—162.
- Чернявский Г. И.** Отражение в советской печати классовой борьбы трудящихся Болгарии в период революционного подъема 1918—1923 гг. (до

- фашистского переворота) // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1983. № 29. С. 26—34.
- Чертан Е. Е.* Великие державы и формирование Румынского независимого государства: Автограф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981. 44 с.
- Чочия В. Г.* Германская политика разрушения Антанты после Боснийского кризиса 1908—1909 гг. // Пробл. истории стран Европы. Тбилиси, 1983. № 3. С. 66—75. На груз. яз. Рез. на рус. яз.
- Шевяков А. А.* Советский Союз и суверенитет Румынии // Вопр. истории. 1983. № 6. С. 48—65.
- Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и Николае Титулеску // Вопр. истории. 1982. № 5. С. 46—59.
- Шнеерсон Л. М.* Чешский проект славянского конгресса в переговорах с правительством России в 1871 г. // Вестн. Беларус. ун-та. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Навук. камунізм. Эканоміка. Права. Мінск, 1982. № 1. С. 16—19.
- Щербаков Ю. Н.* Искры Великого Октября: Вклад интернационалистов в революционное рабочее движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917—1921). М., 1982. 288 с.
- Юрченкова Л. В.* Кочубинский как историк зарубежного славянства: Автограф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 23 с.
- Языкова А. А.* Об издании в США сборника дипломатических документов, посвященных румыно-советским переговорам 1931—1932 гг. // Новая и новейшая история. 1983. № 1. С. 40—47.
- Языкова А. А.* Проблемы обеспечения мира и безопасности в Юго-Восточной Европе и в Средиземноморье // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 16—31.
- Яну И. Г.* Боевое содружество болгарских и греческих патриотов в годы второй мировой войны // Вопросы истории славян. Воронеж, 1982. С. 37—54.

КУЛЬТУРА И НАУКА

- Андреев В. Д.* Изучение советско-болгарских литературных взаимосвязей (1944—1980): Итоги и перспективы // Вестн. ЛГУ. История. Язык. Литература. 1982. Вып. 1. С. 58—62.
- Баскаков В. Н.* Салтыков-Щедрин в Болгарии // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 297—307.
- Бичваров М., Пейчев Б.* Иоан Екзарх Болгарський і слов'янська філософська культура // Філос. думка. Київ, 1981. № 5. С. 73—83.
- Гудков В. П.* Русский язык в истории литературного языка у сербов // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 1983. № 4. С. 62—68.
- Гудрике Б.* Контакты с южно- и западнославянскими народами в начальном периоде латышской национальной литературы // Latviešu-slāvu literatūras un mākslas sakari. Riga, 1982. Ipp. 7—52. На латыш. яз.
- Гургулова М. Д.* Лермонтовская художественная традиция и поэзия Христо Ботева // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 1983. № 2. С. 38—44.
- Дмитриев П. А.* Изучение болгарского языка в СССР // Вестн. ЛГУ. Язык. Литература. 1982. Вып. 1. С. 82—87.
- Дубова Л. Л.* Радянські художники на підтримку болгарського народу (1923—1925) // Проблеми слов'янознавства. Львів: Вища школа, 1982. Вип. 25. С. 70—77.
- Земцовский И. И.* Из болгаро-литовских этно-музыкальных параллелей: (Balcano-Balto-Slavica как предмет музыкоznания) // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 205—223.
- Злыднев В. И.* Типологическая близость культур западно- и южнославянских народов в эпоху формирования нации // Сов. славяноведение, 1983. № 4. С. 43—52.
- Кабулова Ю. П.* Советско-болгарские культурные связи в 70-е годы: (На примере сотрудничества музеев) // Интернациональные и культурные связи трудящихся СССР. М., 1981. С. 50—75.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычая. М.: Наука, 1983. 222 с.

- Крэканэ М. Г.* З гісторыі славяна-румынскіх культурных сувязей (ХV—першая палавіна XIX ст.) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. Мінск, 1982. № 5. С. 89—91.
- Круминг А. А.* Распространение в России румыно-славянского издания Фомы Кемпийского «О подражании Христу» // Федоровские чтения. 1979. М., 1982. С. 153—187.
- Лившиц С. Ю.* Советско-болгарское сотрудничество в области народного образования и художественной культуры (1976—1980 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1982. 21 с.
- Липатов А. В.* Славянское Просвещение в общеевропейском контексте // Обществ. науки, 1983. № 2. С. 106—119.
- Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное возрождение.* М.: Наука, 1982. 311 с.
- Луханина Т. П.* Советско-болгарское сотрудничество в области науки и высшего образования: (1958—1976 гг.) // Вопр. новой и новейшей истории. Киев, 1981. Вып. 27. С. 3—10.
- Матвеева Н. П.* Советско-югославское научно-техническое сотрудничество (1970—1975 гг.) // Вопр. новой и новейшей истории. Киев, 1982. Вып. 28. С. 11—17.
- Мудрова О. В.* Первый отклик в России на творчество Бранислава Нушича // Вестн. МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1982. № 3. С. 89—90.
- Мудрова О. В.* Сербская культура в русской периодической печати начала XX в. (1900—1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 22 с.
- Мухина Н. В.* Культурное сотрудничество Советского Союза и Народной Республики Болгария на современном этапе // Вопр. новой и новейшей истории. Киев, 1981. Вып. 27. С. 11—18.
- Овакимян А. А.* Сербские книги, напечатанные в типографии армянских мхитаристов в Вене // Ист.-филол. журн. Ереван, 1983. № 2—3. С. 307—308.
- Павлюченко О. В.* «Русские клубы» в Сербии на рубеже XIX—XX вв. // Сов. славяноведение. 1983. № 4. С. 81—85.
- Писарева Г. П.* Участь Народної Республіки Болгарії в розвитку міжнародних культурних зв'язків в 70-х—на початку 80-х років // Укр. іст. журн. 1983. № 10. С. 93—99.
- Путолов Б. Н.* Эпический мир и эпический язык // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983. С. 170—184.
- Порочкина И. М.* Л. Н. Толстой и славянские народы. Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX—начала XX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 168 с.
- Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Романтизм. М.: Наука, 1983. 256 с.
- Развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1933—1939. М.: Наука, 1983. 381 с.
- Райков Д. К.* К вопросу о болгаро-русских и болгаро-советских книжных связях // Книга: Исследования и материалы. М., 1982. Сб. 45. С. 100—108.
- Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы: Пути и специфика литературного развития в XIX в. М.: Наука, 1983. 319 с.
- Рогов А. И.* Русско-болгарские культурные связи в конце XII—XIII в. // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 20—26.
- Русская и болгарская литература XX века: Типология и связи. М.: Изд-во МГУ, 1982. 223 с.
- Рыжова М. И.* Миле Клоцич — переводчик и популяризатор русской литературы // Рус. лит. 1983. № 3. С. 172—184.
- Самоковлиева М.* Типы обрядовых песен Северной Болгарии и их параллели в украинском и белорусском фольклоре // Памяти В. Квитки. 1880—1953. М., 1983. С. 102—111.
- Свирида И. И.* Художественная культура эпохи формирования наций как историко-культурная проблема: (на материале стран Центральной и

- Юго-Восточной Европы) // Сов. славяноведение. 1983. № 1. С. 67—77.
- Соколова В. К.* Особенности календарных обрядовых песен восточных и южных славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983. С. 224—241.
- Станишич Й.* Иван Дучич и русская культура // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 338—381.
- Станишич Й.* Лермонтов в Югославии (воздействие лермонтовской поэзии на Й. Дучича) // Рус. лит. 1983. № 3. С. 184—204.
- Степанова Л. И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е годы XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 16 с.
- Степовик Д. В., Федорук О. К.* Становлення реалізму в образотворчому мистецтві слов'янських народів як проблема історії славістики // Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. Київ, 1983. С. 193—223.
- Сумарокова М. М.* Педагогическая и научная деятельность Ф. Филипповича в России: (1904—1912) // Сов. славяноведение. 1982. № 3. С. 23—34.
- Царюк Н. А.* Вклад белорусского отделения Общества советско-болгарской дружбы в развитие братских связей между БССР и НРБ в 70-е годы // Вопр. истории. Минск, 1983. Вып. 10. С. 169—175.
- Шевченко Ф. П.* Роль Київської академії в культурних зв'язках України з балканськими країнами у XVIII ст. // Іст. дослідження. Київ, 1982. Вип. 8. С. 107—113.
- Шептунов И. М.* Хайдуцкое движение в фольклоре южных славян и болгарской литературе. М.: Наука, 1982. 269 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Димчева-Вирчева Д. Н., Балабушевич Т. А., Кирсенко М. В.* Балканистика в Украинской ССР: Библиогр. указ. 1917—1980. Киев: Наук. думка, 1983. 240 с.
- Октябрь и подъем революционного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: (1917—1923 гг.): Указ. лит. 1966—1981. М.: ИНИОН АН СССР, 1982.

Из содержания 1—9-го выпусков Балканских исследований

Вып. [1] Международные отношения на Балканах. М., 1974

И. С. Достян. Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г.

В. Я. Гросул. Деятели польского освободительного движения в Юго-Восточной Европе (первая половина 60-х годов XIX в.)

Л. Я. Гибианский. Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции

Вып. [2] Проблемы истории и культуры. М., 1976

П. В. Советов. Феодализм в Юго-Восточной Европе и османское завоевание (типологические сдвиги в Дунайских княжествах)

А. Д. Новичев. Танзимат и балканские народы (1839—1853)

Д. Ф. Поплыко. О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму

Е. И. Сливаковский. Из истории распространения ленинизма коммунистическими партиями балканских стран в период между двумя мировыми войнами

В. В. Зеленин. Начало Великой Отечественной войны и развитие движения Сопротивления в оккупированных странах Юго-Восточной Европы

В. Н. Нерознак. Палеобалканские языки. Ареальные и генетические отношения

Е. И. Демина. Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских языков

Е. П. Львова. О некоторых общих чертах болгарского, румынского и сербского изобразительного искусства конца XVIII — середины XIX в. (к постановке проблемы)

Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978

Б. Н. Флоря. Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI — начало XVII в.)

Д. Ф. Поплыко. Боснийско-герцеговинское восстание 1875—1876 гг. и национально-освободительные движения на Балканах

Л. Б. Валев. Советская историография об Апрельском восстании 1876 г. в Болгарии

В. К. Волков. Балканская антанта и ее место в международных отношениях в начале 1939 г.

Вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978

И. И. Ростунов. Боевые действия русской армии на Балканах в 1877—1878 гг.

С. Л. Чернов. Основные этапы развития русской официальной программы решения Восточного вопроса в 1877—1878 гг.

К. Л. Струкова, Н. И. Хитрова. Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876—1878 гг.)

Е. П. Львова. Отражение событий 1877—1878 гг. в русском, болгарском и румынском изобразительном искусстве (конец XIX — начало XX в.)

И. М. Шептунов. Отражение русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в фольклоре

Вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1979

Е. П. Наумов. Балканские средневековые

С. И. Бочкирева, Е. К. Вяземская. Россия и Балканы в XVIII — начале XX в.

С. В. Васильев, И. С. Пимоненко, Т. А. Покивайлова, О. Н. Решетникова. Некоторые проблемы социально-политического развития Болгарии, Румынии, Югославии и Албании в послевоенный период

Ю. В. Иванова. Балканская этнография в СССР

Т. Г. Биткова, Р. Ф. Доронина, В. И. Злыднев, С. Б. Ильинская, Г. Л. Маньковская, М. В. Фридман. Исследование литератур балканских стран в Советском Союзе

Т. В. Цивьян. Лингвистическая балканистика в СССР (Современные балканские языки)

Вып. 6. Культура народов Балкан в новое время. М., 1980

В. М. Полевой. О некоторых вопросах развития национального искусства нового времени в странах балканского региона

Илия Конев (Болгария). Историческая мысль балканских народов в XVIII в. и формирование их национальных литератур

А. Д. Желязков. К вопросу об истоках просветительства в Османской империи: Формирование и развитие светских тенденций в турецкой культуре XVIII — середины XIX в.

Е. П. Львова. Искусство болгарского Возрождения в системе балканской художественной культуры (К постановке проблемы)

Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982

В. В. Иванов, В. И. Топоров. Древние Балканы как ареал межъязыковых взаимодействий

Г. Г. Литаврин. О соответствии между византийскими и османскими формами организации экономики города в XV—XVI вв.

Е. П. Наумов, Г. Л. Арш, И. С. Достян, В. Н. Виноградов. Балканы в международной жизни Европы (XV—XIX вв.)

Г. Л. Арш. Национально-освободительные восстания на Балканах первой трети XIX в. (Опыт сравнительной характеристики)

В. Я. Гросусл. Общее и особенное в социалистическом движении на Балканах (60—70-е годы XIX в.)

Ю. А. Писарев. Рабочее и социалистическое движение на Балканах в конце XIX — начале XX в.

В. В. Зеленин. Внутренние и внешние предпосылки революций в странах Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны

Ю. В. Иванова. Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы

С. Б. Бернштейн. Турецкий языковый мир и балканистика

Вып. 8. Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. (Документы и исследования). М., 1982

В. Н. Виноградов, Л. Е. Семенова. Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII — начале XIX в. в свете материалов советских архивов

Е. П. Наумов. Записки о русской помощи сербским повстанцам в 1804—1813 гг.

Г. Л. Арш. Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX в.

В. Н. Виноградов. Герцог Веллингтон в Петербурге

Н. В. Зуева, Е. М. Шатохина. Из истории балканской политики России 1856—1867 гг. (Отношение русской дипломатии к болгарскому национально-освободительному движению)

Н. Д. Смирнова. Документы АВПР о Призренской лиге (1878—1881)

Ю. А. Писарев. Проекты образования югославского государства в годы первой мировой войны (1914—1915) и Россия

Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984

Вяч. Вс. Иванов. Древнебалканская культура и письменность.

Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов. Особенности становления раннефеодальных славянских государств на Балканах

- И. С. Достян.* Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII — первая четверть XIX в.)
- В. Н. Виноградов.* Процессы образования государств в Юго-Восточной Европе в XIX — начале XX в. (Некоторые проблемы типологии. Соотношение внутренних и внешних факторов)
- В. Я. Гросул.* Реформы и революции на Балканах в XIX в.
- Т. Ф. Маковецкая, Т. А. Покивайлова.* Крестьянские партии в политической структуре Болгарии и Румынии в первой четверти XX в.
- М. Д. Ерешенко.* Роль иностранного капитала в Румынии, Болгарии и Югославии накануне второй мировой войны
- В. Д. Зеленин, Н. Д. Смирнова.* К 40-летию освобождения Балкан от фашизма
- Н. В. Злыднева.* Судьбы народного искусства в XX в. и балканская художественная традиция
- В. С. Зеленчук.* Некоторые проблемы этнической истории народов Юго-Восточной Европы (Балканский субстрат в традиционной одежде восточно-романских народов)
- Б. Н. Путилов.* Поздний героический эпос на Балканах: проблемы типологии и истории

Содержание

Предисловие (Г. Л. Арш)	3.
РУССКО-БАЛКАНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ	
<i>Е. П. Наумов.</i> Из истории русско-сербских культурных связей конца XVIII — первой трети XIX в.	5.
<i>И. И. Лещиловская.</i> Русские связи Досифея Обрадовича в годы Первого сербского восстания	23
<i>Г. Л. Арш.</i> Греческое коммерческое училище Одессы в 1817—1830 гг. (Из истории новогреческого Просвещения)	31
<i>И. В. Чуркина.</i> К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам	62
<i>А. А. Улунян.</i> Жизнь и деятельность Любена Каравелова в освещении русской периодической печати 1877—1879 гг.	75
<i>В. И. Косик.</i> Восстановление русско-болгарских официальных отношений в освещении русской печати 1894—1896 гг.	85
<i>Е. П. Львова.</i> Русско-болгарские культурные связи на рубеже XIX—XX вв. (Новые документы)	99
<i>Н. В. Злыднева.</i> Проблема историзма в искусстве Балкан и России во второй половине XIX — начале XX в.	108
<i>О. В. Соколовская.</i> Русские газеты 1917 г. о вступлении Греции в первую мировую войну	127
СССР И БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ	
<i>М. А. Бирман.</i> Балканские интернационалисты в Одессе весной и летом 1919 г.	146
<i>Г. Л. Маньковская.</i> Советско-албанские культурные связи (1945—1961 гг.)	167
<i>И. Ф. Черников.</i> Из истории развития советско-турецких отношений в области науки и культуры (70-е — начало 80-х годов)	181
<i>М. В. Фридман.</i> Научное сотрудничество советских и румынских литератороведов. Советско-румынский симпозиум по проблемам социалистического гуманизма	192
<i>Е. К. Вяземская, С. И. Данченко, Е. Ю. Чепыжева.</i> Русско-югославянские общественные связи в конце XVIII — начале XX в. в освещении советской историографии	211
<i>Т. Г. Биткова.</i> Некоторые аспекты распространения русской и советской литературы в Румынии (60—70-е годы XX в.)	235
Литература по истории и культуре балканских народов, вышедшая в СССР в 1981—1983 гг. (Н. В. Озерецковская)	248

Contents

Preface (<i>G. L. Arsh</i>)	3
RUSSO-BALKAN PUBLIC AND CULTURAL TIES	
<i>E. P. Naumov.</i> On the history of Russo-Serbian cultural relations of the late 18th to first three decades of the 19th centuries	5
<i>I. I. Leshchilovskaya.</i> Dosifei Obradovic's Russian ties in the years of the First Serbian Uprising	23
<i>G. L. Arsh.</i> Greek Commercial School of Odessa in 1817—1830 (On the history of Neohellenic Enlightenment)	31
<i>I. V. Churkina.</i> On the first Russian society for assistance to the Yugoslav peoples	62
<i>A. A. Ulunyan.</i> L. Karavelov's life and work as reported in the Russian periodical press (1877—1879)	75
<i>V. I. Kosik.</i> The Re-Establishment of Russo-Bulgarian official relations as reported in the Russian press of 1894—1896	85
<i>E. P. Lvova.</i> Russo-Bulgarian cultural ties on the border of the 19th and 20th centuries (some new documents)	99
<i>N. V. Zlydneva.</i> The problem of historicism in the Balkan and Russian art in the second half of the 19th and early 20th centuries	108
<i>O. V. Sokolovskaya.</i> Russian newspapers in 1917 on Greece's entry into the First World War	127
THE USSR AND THE BALKAN COUNTRIES	
<i>M. A. Birman.</i> Balkan internationalists in Odessa in the spring and summer of 1919	146
<i>G. L. Mankovskaya.</i> Soviet-Albanian cultural ties (1945—1961)	167
<i>I. F. Chernikov.</i> On the history of Soviet-Turkish relations in science and culture (1970s-early 1980s)	181
<i>M. V. Fridman.</i> Scientific cooperation of Soviet and Rumanian historians of literature (Soviet-Rumanian symposium on problems of socialist gumanism)	192
<i>E. K. Vyazemskaya, S. I. Danchenko, E. Y. Chepyzheva.</i> Russo-Yugoslav social ties from the late 18th century to the early 20th century in Soviet historiography	211
<i>T. G. Bitkova.</i> Some aspects of the propagation of Russian and Soviet literature in Rumania (1960s—1970s)	235
Literature on the history and culture of Balkan peoples published in the USSR in 1981—1983 (<i>N. V. Ozeretskaya</i>)	248

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 10

Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII—XX вв.

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Е. И. Михайлова
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. П. Перееверза
Корректоры Л. И. Левашова, Е. Л. Сысоева
ИБ № 32016

Сдано в набор 21.08.86. Подписано к печати 17.02.87.
A-04653. Формат 60×90^{1/16}. Бумага книжно-журн. импортн.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр. отт. 16,5. Уч.-изд. л. 19,8
Тираж 1400 экз. Тип. зак. 2980. Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В 1987 г.
в издательстве «НАУКА»
выйдут в свет

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

20 л., 2 р. 30 к.

Книга посвящена всемирно-историческому значению опыта Великого Октября; в ней подробно исследуются влияние этого опыта на исторические судьбы народов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, подтверждающего всеобщность ленинского учения об основных закономерностях перехода от капитализма к социализму. В центре внимания ученых — проблемы развития революционного и демократического движения в странах региона.

Для историков, международников, экономистов.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУМЫНИИ

35 л., 3 р. 50 к.

Книга — первое в СССР систематическое изложение истории Румынии с древнейших времен до наших дней. В ней проанализирован этногенез восточных романцев, основные черты экономического, социального и политического развития Дунайских княжеств в средние века и в новое время. Видное место уделено связям народов нашей страны и Румынии, роли России в их освобождении от османского ига. Особое внимание уделено достижениям румынского народа в строительстве социализма, сотрудничеству СССР и СРР в различных отраслях экономической и политической жизни.

Для широкого круга читателей.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Участие трудящихся стран Центральной
и Юго-Восточной Европы
в борьбе за власть Советов в России.

35 л., 3 р. 50 к.

Книга написана на основе марксистско-ленинского учения о пролетарском интернационализме с привлечением документального и архивного материалов, продолжает научные исследования, связанные с участием трудящихся зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. Показана работа большевистских организаций по приобщению оказавшихся на территории России иностранных рабочих и крестьян к идеям Октябрьской революции, деятельность иностранных коммунистических групп РКП(б), участие их в защите завоеваний Октября от интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны.

Для историков и международников.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97;
- 370005 Баку, 5, Коммунистическая ул., 51;
- 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140;
- 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24;
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
- 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148;
- 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
- 220012 Минск, Ленинский проспект, 72;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
- 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;
- 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10;
- 720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

31.30к

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Вып. 10

